

Крейг Макдоналд

УБИТЬ ХЕМИНГУЭЯ

Серия Национальный бестселлер

Редактор:

Корректор

Верстальщик: Мосолова Т. М.

Знаки 622 000

Объем 448 полос (28 печатных)

Формат 148 x 210

*Посвящается Бетти
и Джеймсу Макдональдам*

Не бывает удачных самоубийств.

— *Эрнест Хемингуэй*

2 июля, 1961

Он встал вместе с солнцем, как делал каждое утро с детства.

Было воскресенье, и старик остался дома один со своей женой Мэри.

Джордж, его приятель, бывший боксер, находился рядом, в гостевом домике из шлакобетона. Во всяком случае, так подсказывала ему поврежденная память.

Старик набросил свой „императорский халат“, который повис на его отощавшей фигуре подобно красному цирковому шатру. Он с трудом узнал свое лицо в зеркале в ванной комнате — редкие, легкие седые волосы торчали в разные стороны, а улыбку, которой он сам себе улыбнулся, трудно было вынести. Когда-то страстные карие глаза, которые все его четыре жены считали у него самой привлекательной чертой, сейчас были пустыми и мертвыми, как у тех голов убитых им животных, что сейчас собирали пыль в брошенном им доме в Финке, на Кубе.

Он было потянулся трясущейся рукой за зубной щеткой, но передумал: возможно, гадкий утренний вкус во рту замаскирует запах смазанного маслом дула.

Мэри заперла все его ружья в кладовке. А ключ от нее оставила на полочке над раковиной в кухне. Он видел его там вчера вечером... по-видимому, на это она и рассчитывала... оставила там ключ на виду сразу после его возвращения из больницы Майо. Старик собрал свои разбегающиеся мысли, стараясь понять, зачем Мэри спрятала ключ на видном месте.

Дразнила — или подталкивала?

Ее обычная треклятая доброта?

Он фыркнул, раздумывая над мотивом, побудившим его последнюю жену облегчить ему то, что он собирался сделать, скривился и на цыпочках начал спускаться по ступенькам в кладовку.

Старик выбрал инкрустированную двустволку 12-го калибра, которую купил много лет назад у „Аберкромби и Фитча“. Осторожно переломил свое бережно хранимое ружье и пристроил его на сгибе локтя. Открыл ящик, выбрал коробку патронов. Руки у старика тряслись так сильно, что он не мог достать патроны из коробки. Он в раздражении высypал все патроны в ящик, схватил большую горсть и попытался сунуть их в карман халата. Большая часть посыпалась на пол и раскатилась по углам, но два все-таки оказались в кармане — вполне достаточно для того, что он задумал.

“Бывший писатель“, как он сам себя называл, в этот ранний час должен был заняться утренним сочинительством, но то было в другой стране, с горечью подумал старик, а теперь его муза мертва.

Он с трудом поднялся вверх по ступенькам, волоча за собой сделанное в Англии ружье. Он подумал об отце, который так же поднимался в последний раз по ступенькам, решив положить кровавый конец своей невыносимой полужизни. Теперь он знал ответ на вопрос, который поставил много лет назад в рассказе, навеянном воспоминаниями об отце:

— *Умирать тяжело, папа?*

Теперь он знал, как легко это может быть, если тебя лишили желаний и того, к чему ты худо-бедно стремился.

Он прошел через гостиную в холл, который располагался прямо под спальней Мэри, помедлив у окна, чтобы посмотреть на безоблачное небо и встающее июльское солнце, отражающееся на ряби реки Вуд там, где больше всего лежало камней на дне. Сейчас из реки пили два оленя.

Мошкара крутилась в водяных брызгах, становясь легкой добычей форели, устроившей на нее охоту.

По покрытой утренней росой траве скользили бурундуки, не замечая затаившихся котов старика.

Лысые сарычи летали низко над землей.

Хорошим будет утро для других — тех, кто пойдет на охоту, погулять или порыбачить.

Повернувшись, он вздрогнул, заметив отражение в висящем на стене зеркале, — ему показалось, что он увидел знакомое ненавистное лицо, заглядывающее в окно. Он даже прошептал:

— Криди? Криди, это ты? — Повернулся, но за окном уже никого не было. Он покачал головой. Какая разница, там они или нет? Он так устал оглядываться через плечо. *Так устал...*

Сеппуку с помощью ружья. Если бы он мог подождать девятнадцать дней, он бы отпраздновал свой шестьдесят второй день рождения.

Дрожащая рука старика опустилась в карман красного халата за первым патроном. Лишенный своих собственных слов, он обратился к другому писателю, с которым его однажды несправедливо сравнили. Он все бормотал и бормотал любимую цитату себе под нос:

— Умереть человек может только раз... тот, кто умрет в этом году, уже не сможет это сделать в следующем.

Август, 1961

Фидель Кастро стоял за Финка Вихия, „Дозорной фермой“ Хемингуэя, наблюдая, как вдова писателя хлопочет вокруг коробок, набитых бумагами и рукописями ее мужа, за которые она отдала дом и практически все вещи освободителям.

Молодая ирландка, сопровождавшая вдову, развела костер за теннисным кортом и жгла некоторые бумаги — отдельные письма и старые журналы, отобранные миссис Хемингуэй.

Какой же странной маленькой женщиной была эта вдова.

Кастро пытался примерить Мэри Хемингуэй к тому человеку, каким он представлял себе ее мужа, прочитав „По ком звонит колокол“ (эта книга всерьез поддержала его в партизанской войне, которую он так успешно вел против Батисты), а затем к тому веселому мужику, с которым он встретился во время рыболовного соревнования, устроенного Хемингуэем.

Мэри показалась Кастро суматошной бабенкой, которая совсем не подходила великому Папе.

Почувствовав за спиной движение, Кастро обернулся. Улыбнувшись иностранцу, закурил новую сигару и махнул ею в сторону маленькой блондинки, суетившейся вокруг драгоценных коробок, присматривая за их погрузкой и сожжением бумаг своего мужа.

— Полагаю, у вас тоже есть планы на эти ящики, не так ли, товарищу?

Человек, этот „Криди“, улыбнулся и сказал:

— Со временем, обязательно, *Jefe*¹. Папа очень любил твою страну. Поэтому будет справедливо, если его читатели увидят некоторые из произведений, сейчас спрятанных в этих коробках, и поймут, как сильно Папа любил Кубу. И как он высоко ценил тебя, *Jefe*. — Мысленно Криди проклинал себя. Если бы он добрался до этого дома *раньше*, он бы первым получил доступ ко всем этим рукописям, рассованным по разным кубинским сейфам.

Кастро ухмыльнулся и приподнял инкрустированную винтовку, которую подарила ему Мэри Хемингуэй. Сказал:

— Милая штучка, *st*²?

Криди вообще-то в винтовках не разбирался, предпочитал другое оружие. Он подмигнул и взял предложенную сигару. Наклонился, чтобы прикурить от зажигалки, поднесенной одним из вшивых припешников Кастро. Противно было подлизываться к этому сыну богатого плантатора, теперь играющему роль революционера, но Криди заставил себя сказать:

— Великолепная, *Jefe*.

Стоя на бетонированной площадке в аэропорту Майами, Криди вытер выступивший на лбу пот. Как и на Кубе, в южной Флориде было жарко. Криди чертыхнулся и отослал своих людей.

Аэропорты постоянно присутствовали в его жизни. Многие интриги и планы были успешно завершены, благодаря быстрому перелету из одного места в другое, или повержены в прах на бетоне аэропортов, взлетно-посадочных дорожках и переходах с одного уровня на другой. Всего и не перечислишь. Казалось, ему навеки суждено проверять зеркала и оглядываться через плечо всякий раз, как он пересекает границу, с замиранием ожидая, что контроллер скажет: „Прощу прощения, мистер Криди, но тут, похоже, возникла проблема..“

¹ Начальник, вождь, господин (*исп.*).

² Да (*исп.*).

И сколько убегающих от него людей Криди удалось перехватить у стойки паспортного контроля или возле билетного контролера? По меньшей мере несколько десятков. И будут еще десятки, он в этом не сомневался.

На этот раз система работала против Криди, грозила отнести это дело к числу его аэропортовых неудач.

Криди надеялся остаться наедине с коробками с рукописями Хемингуэя по прибытии в Майами, но эта упорная маленькая вдова охраняла их, подобно часовому, командуя служащими аэропорта и постоянно находясь вблизи драгоценных ящиков, когда их грузили в самолет.

Мэри, сама того не зная, обошла его на Кубе, потом обставила в Майами, но даже этот червяк Гувер¹ попался на хитрости Криди, и можно не сомневаться, что он ее еще переиграет. Ведь, если подумать, какие шансы могут быть у этой нахальной вдовы, если ей придется столкнуться с человеком его возможностей?

Дозорный дом был засыпан первым в этом сезоне горным снегом.

Стоя в кладовке их дома в Айдахо, где Папа нашел винтовку, из которой застрелился, Мэри смотрела на коробки и пакеты, полные бесценных рукописей, собранные вокруг нее.

Она потрогала ключ от кладовки, который теперь носила на цепочке вокруг шеи, где он всегда был в сохранности. Мэри оглядела маленькую комнату, замки которой были заменены на более прочные, еще когда она пыталась не допустить своего мужа, склонного к самоубийству, до его ружей.

Это было хорошее, надежное место.

Мэри снова посмотрела на рукописи, думая о том, какая большая работа ее ожидает и какая ответственность ложится на ее плечи. Надо будет заняться этим всерьез, подумала она и улыбнулась: она готовилась к этому долгие *годы*.

¹ Здесь и далее имеется в виду Джон Эдгар Гувер, с 1924 по 1972 год директор ФБР.

КНИГА ПЕРВАЯ
Иметь и не иметь
(*Айдахо*, 1965)

Видит Бог, люди, которым платят за их мнение о чем-то, профессиональные критики, выводят меня из себя: это примазавшиеся к литературе евнухи. Они даже не занимаются проституцией. Они все из себя порядочные и стерильные. Крайне доброжелательные и одержимые высокими мыслями. Но они все равно примазавшиеся к армии бездари.

— Эрнест Хемингуэй

1. Ханна

— Дом, в котором он умер. Назовем его местом преступления.

Ученый и его беременная молодая жена-шотландка шли по тропинке, распугивая ворон, клевавших распухший труп черной собаки, убитой при попытке перейти шоссе 75.

Падальщики разлетелись, подняв сумятицу крыльев, теней и пронзительных визгливых криков. Из их клювов свисали остатки гниющей плоти с шерстью, покрытой засохшей кровью. Большие черно-синие вороны расселись на проволоке, хлопая крыльями и покрикивая на ученого и его новоиспеченную жену, которые разглядывали дом.

Ричард Полсон показал на коричневый дом с тремя зелеными гаражными дверями. Дом, который когда-то звался Дозорным, был окружен соснами и фасадом выходил на голый холм и еще один, густо заросший соснами.

— Симпатично, — сказала Ханна Полсон низким, хриловатым голосом. Подняла солнцезащитные очки высоко на лоб. — Вполне ему подходит. Грубоватый и красивый, построен из того, что попалось под руку.

Ричард покачал головой, услышав мнение жены:

— Отсюда он хорошо выглядит, это так. Но все меняется, если подойти поближе.

Дом Хема, который выглядел деревянным альпийским строением, на самом деле был построен из бетона, покрашенного в коричневый цвет, и отлитого так, чтобы походило на дерево. Подобным образом строили и Сан-Вэлли-Лодж, где Полсоны обедали. Один из сыновей Хема, Грегори, с горечью описал бетонный дом как крепость для заточения его отца-параноика, каким он якобы стал в конце жизни.

Последняя жена Хема, Мэри, вскоре после того как они туда переехали в октябре 1959 года, жаловалась, что дом вызывает у нее депрессию.

— Говорят, Мэри скоро переедет, — заметил Ричард. — После того как он умер, она тут живет наездами. Аарон говорит, она собирается переехать в Нью-Йорк. Поговаривают, что она сейчас частенько выпивает. Думает передать это поместье Природному заповеднику. Если Мэри так поступит, тогда дом и четырнадцать акров земли объявят заповедником, которому будет присвоено имя Папы.

Ханна заправила белокурые волосы за уши и наморщила нос:

— Как может Мэри жить здесь, после того как... Перешагивать через место, где он выстрелил себе в голову, каждый раз, как она пользуется этим выходом? Об этом даже подумать страшно.

— Тебе, разумеется. Ты судишь о Мэри по себе. Но у вас нет ничего общего.

Ричард сжал руку жены, и два маленьких бриллиантика на обручальном кольце Ханны — четвертое кольцо, которое он покупал в своей жизни, — непривычно впились в его ладонь.

— Просто поверить невозможно, что никто до меня не догадался, что же на самом деле произошло, — сказал Ричард. — Что на это понадобилось так много времени.

— И что же на самом деле произошло, Ричард? Ты все время что-то скрываешь. Что ты задумал? Готов поделиться?

Ричард потрогал пальцем лежащий в кармане пузырек — таинственное лекарство, которое дал ему *тот человек*. Как же ему не хотелось делиться своими находками. Против этого восставали его дух и интеллект. Но ради правого дела...

На этот раз наконец Ричард выступал за правое дело. Сейчас он не колебался. Цель, утешил он себя, вполне оправдывает эти сомнительные средства.

— Знаменитое самоубийство — всего лишь миф, Ханна, — сказал он. Я в этом уверен. Думаю, старая сука убила своего мужа. Думаю, Мэри убила старого больного Папу. Выстрелила в больного старика из его же собственного ружья.

*Отрывок из программы IV ежегодной конференции
в Сан-Вэлли, посвященной Хемингуэю*

Главный оратор: Гектор Мейсон Ласситер (1900)

Биография. Выдающийся сценарист и автор детективных романов Гектор Ласситер широко известен как „человек, который проживает то, что пишет, и пишет то, что проживает“ и во многих отношениях сегодня признается „последним, кто остался из Потерянного поколения“¹.

Как писатель, Гектор Ласситер — представитель исчезающего племени воинствующих литераторов, автор того типа, наиболее ярким образчиком которого был Эрнест Хемингуэй. Именно длительная и легендарная связь с Хемингуэем делает его центральной фигурой нашей Четвертой ежегодной конференции, которая проводится здесь, в горах Сотус.

¹ Потерянное поколение (термин приписывают Гертруде Стайн) — молодые люди, призванные на фронт (Первую мировую войну) и не сумевшие затем адаптироваться к мирной жизни. Как литературное течение „Потерянное поколение“ объединяет целый ряд писателей: Э. Хемингуэя, Э. М. Ремарка, А. Барбюса, Ф. С. Фицджеральда, Э. Паунда, Д. Дос Пассоса, Т. Вулфа и др.

Гектор Ласситер и Хемингуэй познакомились, когда служили водителями санитарных машин на итальянском фронте. Хемингуэй вскоре последовал за Ласситером в Париж, где эмигранты-писатели шлифовали свой особенный, сперва подвергнувшийся нападкам, а затем ставший культовым, лаконичный стиль прозы.

Позднее Папа подался за Ласситером в Ки-Уэст, где они пережили Великую депрессию, писали, ловили рыбу и, по слухам, спасали кубинских беженцев в перерывах между романами, публицистикой и сценариями.

Они вместе принимали участие в начале гражданской войны в Испании и конфликтовали с властями во время Второй мировой войны из-за того, что якобы превышали свои полномочия военных корреспондентов и организовывали собственные партизанские отряды...

Спрашивать у пишущего писателя, что он думает о критиках, все равно что спрашивать у фонарного столба, что он думает о собаках.

— *Кристофер Хэмптон*¹

2. *Гектор*

— Всего пять минут, мистер Ласситер. Больше я ничего у вас не прошу.

— Вам всем нужно пять минут, — сказал Гектор.

Она нахмурилась:

— Нам всем?

— Вы далеко не первая, солнышко. — Гектор отпил глоток апельсинового сока и затушил окурок сигареты. — Скажите, сколько тут вас, „ученых“, собралось в Сан-Вэлли на эту конференцию Хемингуэя?

Она пожала плечами.

— Сотни две?

— И я думаю, что каждый из них обязательно обратится ко мне, — сказал Гектор. — Как вас зовут, солнышко?

— Ребекка. Ребекка Стюарт.

Ребекке на вид было двадцать три или двадцать четыре года. Светлые волосы высоко подняты и закручены в осиное гнездо, в котором наверняка застряла бы пуля. Голубые глаза постоянно бегают.

— Сначала я решила, что вы, скорее всего, актер. Знаете — Уильям Холден? Затем посмотрела внимательнее и сверилась с фото в

¹ Кристофер Хэмптон (р. 1946), британский сценарист, режиссер и продюсер.

буклете, которые раздают на конференции. Вот тогда я вас узнала. — Она улыбнулась слегка кокетливо. — Гектор Ласситер — последний из писателей „Черной маски“. „Последний, кто остался из Потерянного поколения“. Привлекательный мужчина, автор романов, сценарист и путешественник. „Человек, который проживает то, что пишет, и пишет то, что проживает“. Вы почти так же знамениты, как и Папа, мистер Ласситер.

Гектор выдавил улыбку: ее последнее высказывание сильно его задело.

— Видимо, мне повезло. Вы самая хорошенькая поклонница Хемингуэя, которая заинтересовалась и моим творчеством, Бекки. Однако я интервью не даю. Даже таким симпатичным молоденьким девушкам, как вы.

Она надула губки:

— Но вы же единственный, кто знал Папу еще в те далекие дни, в Париже и Италии. Говорят, что вы единственный, кого принимает миссис Хемингуэй. — Ее слегка косенькие глазки расширились. — Вы же главный оратор!

В былые времена Гектора в самом деле многие считали „человеком, который проживает то, что пишет, и пишет то, что проживает“. Это был ошейник, который повесил на Гектора Энтони Бучер¹ в начале тридцатых годов, он прижился, потому что оказался слишком близок к правде.

Гектор не мог отрицать, что события его жизни всегда ложились в основу его художественных произведений. Эта тенденция с годами углублялась и становилась более сложной. Это делало воспоминания не только утомительным занятием для Гектора, но даже опасным для его работы, поскольку слишком обнажало сам костяк, на котором был основан его художественный вклад.

¹ Энтони Бучер (1911–1968) — американский писатель-фантаст, рецензент, критик, редактор.

А Гектор любил оставаться в курсе дела: какими бы вялыми и недалекоими ни были их беседы, ему все равно было интересно слышать этих так называемых ученых и молодых интеллектуалов. Ему куда занимательнее было раскрывать их и использовать в своих произведениях, чем копаться в памяти для поддержки их эфемерной учености.

Гектор вытряхнул из пачки „Пэлл Мэлл“ еще одну сигарету. Он поколебался, глядя на голубой огонек своей зажигалки „Зиппо“.

— Вы правы, милая, — сказал он. — Я согласен выступить перед *всеми* вами сразу, а не беседовать с каждым по очереди. Хотя вы бы наверняка стали одной из избранных, если бы у меня было такое желание. Но у меня его нет. Простите, солнышко.

— Но, мистер Ласситер, вы ведь там были!

— Вот что я вам скажу, Бекки: приходите послушать мой доклад. Я сделаю все возможное, чтобы заставить вас почувствовать, что вы тоже там были. Все вы.

Гектор собрал бумаги, разложенные перед ним, и сунул их назад, в папку. Он не мог отвести от нее глаз. Эта стопка бумаг занимала его мысли уже несколько дней, подминая под себя все на пути, подобно катящемуся камню.

Рукопись в папке была настоящей причиной его появления в Айдахо.

Несколько недель назад с Гектором связался задыхающийся от волнения торговец книгами. Он заявил, что наткнулся на старую рукопись Гектора, относящуюся к началу двадцатых годов. Торговец книгами жаждал получить дополнительную информацию относительно своей удивительной находки и действительного автора этого рукописного творения, дабы содрать побольше драгоценных долларов с какого-нибудь клятого коллекционера.

Когда торговец передал ему содержание рассказа, Гектор похолодел. Слишком хорошо он помнил это произведение.

И уже давно смирился с его потерей.

Гектор отдал написанный от руки набросок вместе с другими драгоценными работами Хемингуэю в Париже много лет назад. Папка затерялась среди бумаг самого Хемингуэя, когда их упаковывала его первая жена Хэдли, и затем была безвозвратно утеряна, когда Хэдли оставила чемодан со всеми бумагами без присмотра на Лионском вокзале в 1922 году.

Потеря рукописей Хемингуэя поссорила его с женой и привела к их разрыву. Много лет спустя Хэдли все еще извинялась перед Гектором за утрату его работ вместе с рукописями мужа.

Когда рассказ, который канул в неизвестность, вдруг появился несколько недель назад, причем передавался из одних загребуших рук в другие, Гектор не знал, что и подумать.

Сначала он прикинул — не соврал ли Хемингуэй относительно кражи чемодана много лет назад? У Хема всегда имелась склонность приукрасить, расцветить... рассказывать невероятные истории о себе и о других. В те давние годы Гектор прощал Хемингуэю эти недостатки, хотя никому другому он бы их не простил. Ведь в конечном итоге Хем был собратом по перу, поэтому грань реального и того, что появлялось на страницах, стиралась. Гектору также довелось читать многое из того, что у Хемингуэя якобы украли. И то были вовсе не первосортные произведения Хема. Но миф о том, что всю его прозу сперли? Что же, это был милый трагический эпизод в биографии молодого писателя. Кое-что возбуждающее для публицистов и даже биографов. Задумка с дальним прицелом.

Но все же Гектор не смог поверить, что Хем мог пойти так далеко.

Тогда он начал думать, а не была ли вруньей Хэдли Хемингуэй?

Он выследил Хэдли, нашел ее в доме в Чокоруа, лесистой и гористой местности в Нью-Гемпшире, где она теперь жила со своим вторым мужем, ушедшим на пенсию журналистом, превратившимся в поэта. Гектор полчаса проговорил по телефону с Хэш, как он ее ласково называл в старые времена в Париже. Бывшая первая жена

Хемингуэя сумела убедить Гектора, что чемодан был действительно украден, что все было точно так, как она рассказывала несколько десятилетий назад. Она даже снова заплакала — обида оставалась такой же горькой, как и раньше.

Хэдди снова бесконечно извинялась перед Гектором за то, что потеряла его рукописи сорок три года назад. Гектор повесил трубку после того, как несколько раз уверил Хэдди, что давно ее простил. И возненавидел себя за то, что разбередил старую рану.

Если Хем и Хэдди не лгали, значит, тут замешан кто-то третий, и есть надежда, что другие утерянные работы Гектора — и Хема — могут быть найдены.

Попытки Гектора проследить, откуда появилась рукопись, через продавца редких книг не принесли успеха: все проделывалось через посредников. И это тоже вызывало недоумение.

И все же должен же быть какой-то путь...

Гектор покачал головой и взглянул на Бекки. Перед ним сидела так называемая специалистка по Хемингуэю, и тем не менее она ничем не могла ему помочь.

Он мысленно улыбнулся: если посвятит ее хотя бы в малую толику своих мыслей, бедняжка наверняка впадет в столбняк в профессорской вариации. Допил виски. Закрыв блокнот и надел колпачок на ручку. Похлопал молодую женщину по руке:

— Вам не стоит заниматься изучением умерших писателей, Бекки. Я знаю, Хем фигура значительная — самая значительная из всех нас, наверное, — но перестаньте гоняться за призраками. Прекратите суетиться по поводу произведений других людей. Идите и напишите свой собственный роман.

Бекки изумилась:

— Нет, я не смогу это сделать.

Гектор улыбнулся, сдвинул брови:

— Почему же, черт возьми?

— Разве вы не слышали, мистер Ласситер? Роман умер.

Литературное движение состоит из пяти или шести человек, которые живут в одном и том же городе и сердечно ненавидят друг друга.

— Джордж Мур¹

Криди Париж, Франция, 1922

Донован Криди сидел на стуле, засунув руки глубоко в карманы пальто и спрятав лицо в тени полей фетровой шляпы. Он скрипел зубами от злости, наблюдая за шумными американскими писателями, сидевшими за столиком рядом с поблескивающей жаровней. Предполагалось, что все они заявили в Париж, чтобы писать и поднабраться опыта, какого в строгой Америке им было не видать. И все же для них эта поездка была лишь долгой пьяной вечеринкой... временем, потерянным на смех и избыточную выпивку. Распущенные дилетанты — вот кто они такие.

Сидевшая напротив девушка сказала что-то Криди. Он рано понял, что амбициозному человеку никогда не помешает внимание привлекательной женщины. Реквизит на все случаи жизни. Поэтому он повернулся и одарил ее взглядом, который должен был означать, что он внимательно слушает то, что она тщиалась изложить на своем неуверенном английском с грубым акцентом.

— Роман девятнадцатого века умер.

Она мешала Криди уделить все внимание мужчинам за столом, он разозлился и повернулся к женщине...

¹ Джордж Эдвард Мур (1873–1958) — английский философ, родоначальник аналитической традиции в философии.

— Очередное дерьмо Хемингуэя. — Он глухо повторил: — Хемингуэя. — Криди краем глаза следил за мужчинами за столом, хотел, чтобы они услышали его замечания. Но и боялся, что это может произойти, поэтому сказал женщине: — Мне обрыдло слушать, что он заново изобретает наш язык. Мне надоело слышать эту муть, что Хемингуэй непризнанный гений и самая охраняемая тайна Парижа. — Криди приподнял шляпу и рукой пригладил зачесанные назад жгуче-черные волосы и снова низко опустил поля.

Симона, начинающая поэтесса с милым, добрым личиком, молодая женщина в нищем после Первой мировой войны Париже, которая, как потерявшийся щенок, таскалась за Криди после Дня благодарения, привлеченная его приличной одеждой, стройным, высоким телом, аристократическими орлиными чертами и пронзительными темными глазами, пожала плечами и сказала:

— Так ведь все это говорят, Дон, что Хем гений. Что это только дело времени. Я читала несколько рассказов и стихотворений Эрнеста в маленьких журналах. В них что-то есть, я так думаю. Он модернист. Его идеи насчет писательства и, в частности, насчет краткости очень... интересны. Может быть, даже существенны.

Криди покачал головой. Он выбрал эту девушку как раз за ее интересы и склонность к такого рода сантиментам. Но сейчас он уже начал думать, что тут явный перебор — цена слишком высока. Стоит ли ему прекратить всякие с ней отношения, избавиться от нее без риска снова столкнуться и услышать, как она его поносит в этом извращенном светском кругу? Он сказал:

— Только взгляни на Паунда, вон он там, в этом дешевом костюме и с безумной прической. Так называемый великий поэт. И в самом деле, тратит свое время на этих придурков. Когда только они находят время между пьянством и посиделками в кафе, чтобы писать? И ради бога... эти потрепанные пиджаки Хема, которые он носит на старые фуфайки... Хемингуэй похож на какого-то анархи-

ста. Ему давно пора подстричься. — Криди пожевал губу и добавил: — По крайней мере, у Паунда правильное отношение к этой проклятой жидовской угрозе.

Симона тут же подумала, что Криди, вероятно, забыл ее фамилию. Или решил, что она немецкая. Она отпила глоток бренди и положила голову на руки:

— Ты когда-нибудь разговаривал с Хемом?

Криди разговаривал. Один раз.

Хемингуэй тогда, прошлым летом, был с компанией выскочек с Левого берега. Среди них был и довольно хорошо одетый, симпатичный и высокий мужчина, который сейчас сидел между Хемингуэем и Эзрой Паундом. Они в тот вечер в волю над ним произдевались — Хемингуэй отпускал шуточки насчет Криди, хотя он стоял, облитый презрением, в их компании не больше трех минут.

Разумеется, все они тогда были пьяны. Симпатичный мужчина был с какой-то хорошенькой телкой. Все эти модернистские американские писатели просто пьяные дегенераты и больше ничего.

Криди отпил глоток вина и покачал головой.

— Нет. Я никогда не пытался поговорить с Хемингуэем. Я и так знаю, что он позер и хвастун.

Он задержал вино во рту, от чего онемели язык и передние зубы. Наконец сказал:

— Тот мужчина с Хемингуэем, темноволосый, с голубыми глазами... в кожаном пиджаке и коричневой фетровой шляпе. Кто он такой?

— Гектор Ласситер, — сказала Симона. — Еще одна будущая звезда, если верить Гертруде. Он из Техаса. Часто бывает в ее салоне, один из ее любимчиков. — Она огляделась, затем добавила вполголоса: — Несмотря на то что они утверждают, будто пишут только во славу американской литературы, поговаривают, что Гектор втихаря пишет

детективные рассказы для дешевых журналов в Штатах. Отсюда у него деньги на приличную одежду и рестораны. Он вроде пишет для чего-то под названием „Черная маска“. Разве это не дичь? — Наверное, чтобы возбудить ревность Донована, Симона добавила: — Вообще-то Гектор довольно очарователен и хороший писатель. Женщины в Квартале все от него без ума.

Криди скрипнул зубами, глядя на Хемингуэя и другого человека, которого звали Ласситер.

Через несколько дней Криди сидел в глубине кафе, одетый в отутюженный черный костюм и галстук, и энергично писал в своем блокноте, в то время как другие писатели и поэты-эмигранты, омерзительно пьяные, танцевали и шутили, тратя попусту драгоценное время и уничтожая свою печень.

Пьянь подзаборная — так думал о них Криди. И сколько же евреев из дома теперь пасутся на левом берегу, печатаются в маленьких журналах, которые отказывают ему, Криди. В последнее время создается впечатление, что во всей литературной жизни Парижа заправляют евреи. Криди вспомнил Гертруду Стайн и тот единственный случай, когда она позволила ему находиться в присутствии себя. Раскорячившись на своем троне, наклонившись вперед и упершись толстыми руками в жирные бедра, она уставилась на него своими темными жидовскими глазами и спросила:

— Мы прочитали рассказ, который вы нам оставили, мистер Криди.

Он был счастлив, глаза сияли. Но момент, казалось, тянулся вечность.

Он на мгновение смешался, не мог выдержать пронизывающий, немигающий взгляд Стайн. Отведя свой взгляд, он подумал, а не видит ли она что-то внутри него, что-то такое, о чем бы ему не хотелось, чтобы эта публика знала. Криди на самом деле не нравились их произведения. Книги Стайн казались ему бессмысленной детской

мурой, но он слышал, что, если они его примут — если *она* его примет, — это наверняка поможет ему напечататься. Готовясь к встрече со Стайн, он прочитал эссе о модерне Эдмунда Уилсона¹ и теперь старался вспомнить хоть что-то, чтобы как попугай повторить это Стайн и произвести на нее впечатление.

Криди решил, что уж, коль скоро его допустили в дом, он вполне может поддержать их верования... говорить с ними, употребляя те же заковыристые слова, которые они считают своим литературным языком. Но статья ему наскучила, он просто пробежал ее по верхам. Теперь же, когда ему все это понадобилось, память ему изменила, он ничего не мог вспомнить. Он чувствовал свой собственный пот под мышками и на шее. Под пристальным взглядом Стайн, длинное предложение, которым он хотел ее поразить, сократилось до одного хриплого слова:

— И?... — спросил он.

Стайн подняла руку, рассердившись, что он перебил ее на середине предложения. Она сказала:

— Люди просят критики, тогда как на самом деле желают услышать только похвалу. Поэтому я не скажу ничего, мистер Криди, и вы можете воспринимать это, как вам будет угодно. — Пока он так стоял, пытаясь придумать, что бы такое сказать, что поразит ее и толпу подпевал, она обратила свое внимание на другого человека — *Ласситера*.

С той встречи прошло много недель. Он успел заполнить несколько блокнотов своей прозой, но слова Стайн продолжали преследовать его.

Теперь на его блокнот упала тень, освободив его от воспоминаний о Гертруде. Криди поднял голову. Перед ним стоял высокий человек лет пятидесяти, весь в черном. Если судить по покрою костюма — американец.

¹ Эдмунд Уилсон (1895–1972) — один из самых известных литературоведов США XX века.

Не дожидаясь приглашения сесть, незнакомец выдвинул стул и бросил на его спинку свое черное пальто. Сел сам и закурил сигарету с помощью спички, которой он щелкнул по гладкому ногтю большого пальца. Он сказал:

— Донован Криди. У меня есть для вас предложение. Большая удача.

На писателя этот человек не походил. Он также не напоминал многочисленных редакторов мелких журналов, которых развелась прорва на Левом берегу. Другой писатель недавно поведал Криди о некоем „издатель“, который берет с авторов гонорар, чтобы напечатать их произведения небольшим тиражом в „тщеславиздате“. Возможно, этот человек один из них. Криди повернул голову и спросил:

— Кто вы такой, черт побери?

— Давайте скажем так: я был в том кафе несколько дней назад, сидел за вами, когда вы беседовали с вашей хорошенькой подружкой-француженкой. Я слышал, что вы сказали о Хемингуэе. И о Паунде. Полагаю, мы с вами можем помочь друг другу.

— Кто вы такой?

— Меня зовут Уильям Куртц. Дома я работаю на особую организацию. Один человек в этой организации, его зовут Гувер, беспокоится насчет того, какое влияние большая часть поэзии, живописи и прозы, производимая здесь американскими эмигрантами и во все больших объемах попадающая домой, может иметь на моральное состояние нашей страны, особенно на нашу молодежь.

Криди хотелось согласиться, но он осторожно спросил:

— Этот Гувер, он что, некто вроде проповедника? Ваша организация принадлежит Церкви? — Если так, то Криди не о чем беседовать с этим человеком, и он от него немедленно отделается. Криди отделался от Бога, когда еще был ребенком, до того как его семья переехала в Америку, — такая тьма неслышанных молитв и миллионы невыполненных пожеланий, столько просьб о мести презируемыми конкурентами проигнорированы. Ты сам ловишь свою удачу,

сам разделяешься со своими врагами. Мир принадлежит самоуверенным, самодостаточным людям.

Куртц выпустил дым в лицо Криди и с улыбкой сказал:

— Это вряд ли. Мистер Гувер ранее возглавлял Сектор регистрации враждебно настроенных инопланетян. Он недавно стал заместителем директора ФБР. Мистер Гувер — блестящий, предусмотрительный человек. Он всегда смотрит вперед. И он рьяно взялся за то, чтобы помешать всем этим богемным дегенератам проникнуть назад домой через посредство „искусства“, произведенного в этой грязной Гоморре.

Криди еще раз внимательно присмотрелся к мужчине, чтобы убедиться, что он говорит всерьез. Вдруг Хемингуэй и Ласситер решили над ним подшутить, и это еще один их пьяный розыгрыш.

— Не уверен, что понимаю, — сказал Криди.

— Поймете. Мы не ленивые мечтатели, которые заполняют эти кафе, мы не болтаем зря языком. Мы действуем. У нас есть для вас первое задание — нечто вроде теста. Кстати, я думаю, что вам оно придется по душе. Этот Хемингуэй, мы некоторое время следим за ним. Он журналист и печатает романтические статьи насчет всего этого дерьма. — Куртц махнул рукой, как бы охватывая весь Левый берег. — Это делает его еще опаснее.

Куртц протянул Криди сигарету, судя по виду, сделанную по особому заказу — три четких золотых колечка на одном конце, — и дал ему прикурить, еще раз щелкнув спичкой о ноготь большого пальца. Криди даже кровь в голову бросилась от дорогого экзотического табака.

— Я тут узнал некоторые секретные вещи, — сказал Куртц. — Эти данные требуют выполнения определенной задачи. Причем для особого человека.

Незнакомец наклонился поближе.

— Через несколько часов миссис Хэдди Хемингуэй сядет в ночной поезд на Лионском вокзале. С ней будет чемодан со всеми имеющи-

мися на сегодняшний день рукописями ее мужа. Если бы вы выбрали время, сели в этот поезд и выполнили бы поручение, то, прямо скажем, мистер Гувер был бы очень вам признателен.

Куртц откинулся на стуле и принялся пускать вверх колечки дыма.

— Должен сказать, это совсем недурно, когда мистер Гувер тебе признателен.

Можно узнать несколько больше о человеке по работе его литературной памяти, чем по работе его пищеварительного тракта.

— Фрэнк Мур Колби¹

3. Ученый

Ханна подняла глаза от блокнота на довольно убогий ресторан в горах, в котором они обедали. В своем рассказе она писала о Шотландии, деревне Гленко. Хемингуэй всегда говорил, что необходимо находиться подальше от того места, о котором собираешься писать.

Тогда куда придется Ханне податься, чтобы написать об Айдахо? Может быть, в какое-нибудь кафе в Париже? Ее, безусловно, привлекала та романтическая обстановка для творчества... культурное окружение... хорошие вина. Вино...

Ханна наблюдала, как Ричард с удовольствием пробует вино.

Она была одной из лучших студенток Ричарда Полсона, он сам ей об этом говорил, и Ханна не думала, что это всего лишь пустые слова.

Неважно, по какой причине, но Ричард начал оказывать Ханне знаки внимания. Возможно, сначала его забавлял ее шотландский акцент: все говорили, что эти сочные „р“ просто очаровательны. Так или иначе, с этого времени Ханна не только присутствовала на лекциях Ричарда, она стала принимать участие в исследованиях, на которых эти лекции были основаны.

В качестве лектора Ричард пользовался аудио- и видеосредствами. Сидя в темноте вместе со всеми, будучи всего лишь одним из сорока или пятидесяти невидимых лиц, внимательно смотрящих на

¹ Фрэнк Мур Колби (1865—1925) — американский издатель и критик.

экран, Ханна изучала лицо Ричарда, которое освещалось небольшой лампочкой над проектором, когда он читал лекцию, ранее проведенную на Ханне, делал выводы, а изображения Хемингуэя, его жен и различных домов мелькали на экране за его спиной.

И теперь вот она здесь, в том самом Айдахо Хемингуэя, в его любимом ресторане, возможно, сидит на стуле, на котором много раз сидел Папа. Оживший слайд, так сказать.

Ребенком Ханна очень много читала и верила, что книги просто существуют... появляются в мире целиком. Когда она узнала, что их пишут мужчины и женщины, они стали представляться маленькой Ханне какими-то экзотическими людьми, принадлежавшими к особой расе рассказчиков.

Общение с Ричардом и вообще с миром ученых покончило с большей частью мистики; теперь она уже не так удивлялась, даже иногда испытывала легкую горечь.

Она хорошо помнила ту ночь, когда все началось: это приглашение Ричарда на кофе, которое растянулось до бутылки вина, затем роман и женитьба. И где-то на этом пути она пересекла еще одну линию и потеряла остатки удивления перед писательской жизнью. Во всяком случае, в воплощении Ричарда. Он умудрялся каким-то образом сделать литературный мир менее романтическим.

Ханна посмотрела на своего мужа, сидящего напротив нее за столом. Он хмурил брови, читая программу конференции по Хемингуэю. Авторучкой он время от времени делал пометки поверх физиономий других ученых, чьи фото были помещены в программе. Писал что-то вроде „говнюк“ или „мудак“.

Может быть, в конечном итоге все профессора были только составителями рекламных проспектов. Барышниками. Ты мог у них иногда нахвататься чего-то полезного, но ведь они буквально требовали гонорар за свои уроки, тем временем уродуя слова и произведения писателей своим узким видением, низводя их до каталогов

курсов или названий монографий. Многие писатели ненавидели критиков и ученых, и теперь Ханна понимала их значительно лучше. Теперь ей представлялось, что критики рассматривают все, кроме страсти, заключенной в хорошей прозе; такие критики лишают произведение жизни.

Но, несмотря на все эти ученые премудрости, Ханна теперь многое знала о Хемингуэе и его книгах. Папа оставался великим, и, хотя она понимала, что никакое нахождение в той комнате, где он когда-то сидел, не усилит ее талант, не подскажет блестящую первую фразу для рассказа, мысль, что Папа мог черпать вдохновение именно из этого окружения, возбуждала Ханну и внушала надежду, что и на нее оно может подействовать таким же образом.

Тут она сообразила, что уже некоторое время назад перестала писать. Она закрыла голубой блокнот со своим рассказом, над которым трудилась все утро, и отпила глоток воды со льдом. Она сидела за угловым столиком, откуда хорошо был виден высокий, как в соборе, потолок ресторана. Как и большинство потолков в городе, потолок имел крутой уклон, чтобы на крышах не задерживался снег, который сделал Сан-Вэлли и окружающие горы привлекательными для лыжников еще с середины тридцатых годов, когда Папа принимал участие в открытии Сан-Вэлли-Лодж.

Ричард долил свой бокал с вином, хотя тот был еще на две трети полным.

— Больше похоже на церковь, чем на клуб, — заметила Ханна, наблюдая за Ричардом, освежающим свой напиток. — Так именно здесь человек, приговоривший самого себя, в последний раз ел?

Ханна взглянула на тощего высокого мужчину в синем блейзере, который последний час тайком за ними подглядывал.

Ричард жевал свой бифштекс, не замечая беспокойства Хан-ны по поводу незнакомца, сидевшего в другом конце зала, человека, который, как она все более настойчиво утверждала, следит за ними.

Ричард покачал головой.

— Приговоривший самого себя? — Он вздохнул. — Я же говорил тебе, что думаю по этому поводу. — Он налил себе еще красного каберне из графина, стоявшего у локтя. — Но верно, он ел здесь вместе с Мэри за тем маленьким столиком в юго-западном углу, его любимом, первого июля. За ночь до выстрела.

— Что Папа ел?

Его вилка повисла в воздухе. Ричард нахмурился и откинулся на спинку стула, сдвинув брови.

— Милостивый боже! А знаешь, я понятия не имею. Насколько мне известно, до сих пор еще никто об этом не упоминал.

Ну *наконец!* Она нашла что-то в биографии Хема, ускользнувшее от ученых, несмотря на их копание и самодеятельный психоанализ. Ханна никогда бы не посмела сравнивать себя с Хемингуэем, но почему потребовалась писательница, чтобы это выяснить?

Ричард оставил в покое графин и почесал затылок:

— Полагаю, один из нас обязательно должен был этим заинтересоваться. Ведь то, что я чего-то не знаю, вовсе не означает, что этого не знает никто.

Это было поразительное заявление для Ричарда Полсона — ученого, занимающегося Хемингуэем и имеющего за это две награды.

Ханна потрогала еду вилкой. Она опасалась, что редкий случай самокритики со стороны Ричарда вызван злоупотреблением вином.

— Ну конечно, воруй у меня мое открытие.

Она покачала головой:

— Нет, я первая об этом подумала, Ричард. Это ведь слишком очевидный вопрос, чтобы прийти в голову ученым.

Ричард пожал плечами и улыбнулся.

Ханна улыбнулась в ответ и сжала его руку:

— Из этого можно сделать хорошую докторскую диссертацию: „От аперитива до виски после ужина — последний ужин Папы в

качестве парадигмы для *Une Generation Perdue*¹. Как ты думаешь, сойдет для предварительного названия? — Она понизила голос. — Приговоренный человек плотно поужинал...

Ричард слегка улыбнулся, поднял бокал и попытался вернуть разговор в интересующее его русло:

— Может быть, тут что-то есть. Трансформируй Папин заказ на последний ужин в некую хитрую марксистскую диатрибу, подмешай туда зрительных образов, и мы сможем запродать это Барбаре или другой сучке климактерического возраста.

Он подмигнул и кивнул кому-то, кто прошел за спиной Ханны. Она обернулась, но смогла увидеть только спину: коротенькая толстая фигура в слишком тесном черном костюме. Липкие волосы почти касаются сутулых, обсыпанных перхотью плеч. Ричард уже успел повернуться к незнакомцу спиной.

— Кто она такая? — спросила Ханна.

— Он, — поправил Ричард, — еще один ученый. — И пожал плечами. — Но учение многих. На самом деле, жалкая личность — никогда не сделал ничего, стоящего стипендии Хемингуэя. — Он поднял почти пустой графин, слегка наклонив его над бокалом Ханны. — Ты уверена, что не выпьешь хоть несколько глотков, милая? Давай допивай.

— Я уверена, Ричард. — Ханна закусила губу. Господи, как он может задавать ей этот вопрос, когда уже так бросается в глаза, что она беременна? Затем она вспомнила, и ее передернуло: это далеко не первый раз, когда он пытается уговорить ее выпить, не обращая внимания на ее состояние.

Ричард, под предлогом, что ему „скучно“, даже „опасно“ пить одному, пытался заставить Ханну выпить с ним, чтобы отпраздновать тот день, когда она сообщила ему, что беременна. Он даже сказал что-то насчет того, что алкоголь помогает сдержаться

¹ Потерянного поколения (фр.)

рост ребенка на случай, если „у нее там, внизу, все не слишком большое“.

Она тогда пошутила насчет этого предположения, напомнившего ей о его герое. У Папы была странная манера — записывать месячные циклы своих жен в журнал; он даже прибегал к переписке, чтобы вынудить своего издателя улаживать его, Хема, неурядицы с третьей женой, вызванные ее тайными гинекологическими проблемами, — и, в результате, ее бесплодием, в чем она сначала призналась издателю, а потом уже мужу.

Когда Ричард не убрал вино, шутка превратилась в намек, что он обезьянничает у Хемингуэя — даже в таком обыденном деле, и она очень скоро поняла, что Ричард не нашел ничего смешного в ее мягком замечании.

Ханна уставилась в тарелку, копаясь в еде. Есть ей не хотелось.

Интересно, подумала она, возможно, он на этот раз шутит, но графин все еще был там, он держал его в руке над ее пустым бокалом.

— Я серьезно, — сказала она. — Я не хочу вина. Может быть, и тебе стоит попридержать лошадей.

В ранний период их романа Ричард был вежлив, очарователен... вполне подтянут. За последние же несколько месяцев он набрал почти столько же фунтов, сколько и Ханна. Его фигура уже напоминала комплекцию Хемингуэя в середине пятидесятых — внушительное брюшко пьяницы, на котором с трудом застегивались пуговицы рубашки.

И где только Ричард отыскал эту пеструю, в стиле Хемингуэя, рубашку, которая сейчас была на нем? Не говоря уже о том, что она совершенно не годилась для этого района и ресторана, она уже давно была не по сезону. Раньше Ричард предпочитал твидовую академическую моду — английские пиджаки в елочку с кожаными заплатками на локтях и галстук. Теперь он носил бесформенные одеяния в подражание Хемингуэю — те самые, за которые он когда-то дразнил других ученых, занимавшихся Хемингуэем.

Отведя взгляд от графина в руке Ричарда, Ханна принялась возить еду по тарелке вилкой. Ко всему прочему Ричард стал непривычно мрачным. Если на него надавить, он мог кивать на Хемингуэя, но было здесь что-то еще, вызванное глубокими собственными проблемами Ричарда. И становилось все хуже, не так ли? Ханна вспомнила, что началось это практически в тот вечер, когда он узнал, что снова станет отцом. Но ситуация ухудшалась, чем ближе они находились к Айдахо и к давно запланированному свиданию с Мэри Хемингуэй.

Ричард улыбнулся и вылил остатки вина в свой бокал:

— Каждый человек должен есть, пить и получать удовольствие от результатов своего труда.

Ханна спросила:

— Это тоже Папа сказал?

— Библия. Во всяком случае, я так думаю. — Ричард посмотрел на потолок. — Любопытно, что Хем заказал в тот последний вечер? — Говоря это, Ричард поймал себя на том, что пытается выпить из пустого бокала.

Ханна слегка улыбнулась и без особой охоты поддержала тему:

— Не мешало бы разузнать, да? Пригодилось бы для осеннего семестра, чтобы произвести впечатление на следующую аспирантку, которую ты совратишь, обрюхатишь, женишься на ней и перестанешь обращать на нее внимание?

На другом конце зала компания, сидевшая за столиком Хемингуэя, поднялась, собираясь уходить. Ханна заметила, что Ричард перестал обращать на нее внимание, вместо этого он не отводит взора от освободившихся мест. И машет обеими руками, подзывая официантку. Когда женщина подошла, он показал на любимый столик Папы и сказал:

— Здесь дует. Не могли бы мы пересесть вон туда?

Ричард прижал ладони к столу, и вид у него был такой, будто он считал, что может вызвать задержавшийся здесь дух Папы через

фанеру. В тусклом свете поблескивало его обручальное кольцо. Ханна помнила ту ночь, когда Ричард в первый раз попытался углубить их отношения — сменить отношения преподавателя и студентки на любовные. Ханна показала на кольцо на его пальце и просто спросила:

— Но ведь ты же женат.

Ричард поднял руку, разглядывая кольцо на пальце:

— У меня оно третье. У Хема было четыре жены. Возможно, мне тоже не стоит останавливаться на достигнутом.

Теперь Ханне оставалось только покачать головой: она угодила на роль последней жены. Она снова огляделась и заметила, что незнакомец с большой лысиной тайком поглядывает на них.

— Вон тот мужчина в спортивной куртке... нет, не смотри, — сказала Ханна. — Он последний час постоянно наблюдает за нами. И не просто от нечего делать.

Ричард сначала прищурился, потом закрыл глаза.

— Я видел, как этот парень вошел, — сказал он, небрежно махнув рукой. — Наверное, еще один ученый, достаточно взглянуть на его дешевую куртку и засаленные брюки. Какой-нибудь профессор из занюханного колледжа где-нибудь на Среднем Западе. Наверное, решил, что если будет таскаться за мной, то может случайно что-то подслушать, подобрать какие-то крохи, которые помогут ему слегка оживить свою так называемую эрудицию. Наверняка прислушивается к каждому слову, бедолага. Надеется, что мои крохи позволят ему сохранить свою должность... — Ричард покрутил в пальцах пустой бокал. — Ты попробуй поставить себя на его место, Ханна. Вот он сидит настолько близко, что может слышать каждое слово, с человеком, который, по общему мнению, написал лучшую работу о парижском ученичестве Хема, к тому же он здесь вместе со мной, в том месте, где оборвалась жизнь величайшего писателя. Вполне может быть, что он не один здесь такой, кто ходит за мной по пятам и надеется поживиться.

Ханна потеряла виски: человек был плохо одет, несколько неряшлив, но это был не тот эксцентричный вариант, который обычно характерен для ученых. Он просто выглядел, как бы это сказать, *скользким*. Опасным.

Она взглянула на Ричарда и заметила, как внимательно он за ней наблюдает. Она напряглась.

Ричард сказал:

— С другой стороны, тебе вполне могло просто показаться. Может быть, нам стоит у кого-нибудь еще проконсультироваться. Возможно, тебе полезно было бы принимать что-то до рождения ребенка.

Ханна закусил губу. Она хорошо знала — Ричард считает, что ей многое кажется. Но тот человек наблюдал за ними, причем у него была цель. То, что она страдала от постоянного ожидания предательства или недоверия, не означает, что она не в состоянии почувствовать реальную угрозу.

— Он не из этих.

Она тайком взглянула на мужчину в темной куртке. Избитое ветром лицо, высокий лоб. Редящие гладкие волосы зачесаны от лысины назад. На нем были бифокальные очки. Он вполне *мог* быть ученым. Но что-то мешало так думать. Возможно, дело в том, что он ничего не писал в блокноте, одновременно жуя, как другие ученые в фойе гостиницы. Возможно, дело в том, что он не углубился в роман Хемингуэя или ученый трактат, посвященный Папе, с жадностью поглощая еду.

С точки зрения Ханны, этот тип также никак не годился в типичные местные жители. Во всяком случае, не в этих дешевых, поношенных штанах и старых немодных туфлях.

Опять же он не спортсмен.

Не торговец.

Все совсем не так, подумала Ханна, но ничего не сказала. Ей вовсе не хотелось услышать цитату от профессора философии. Даже у параноиков имеются свои враги.

Я думаю, что писательство нельзя отделить от жизни. Писательство — своего рода двойная жизнь. Писатель все испытывает дважды. Один раз в реальности и другой раз в зеркале, которое всегда ждет либо перед ним, либо за спиной.

— *Кэтрин Дринкер Боуэн*¹

4. Затяжная игра

Гектор повесил трубку и вышел из телефонной будки. Мэри Хемингуэй пригласила его в дом на коктейль вместе с одним-единственным ученым, с которым согласилась встретиться, — он якобы заинтересован в том, чтобы написать биографию Мэри.

Усаживаясь на свой стул у стойки, Гектор покачал головой. Не прошло еще и пяти лет после смерти Хема, а они уже пишут книги о его неудачно выбранных женах.

Дома Хема на Кубе и в Ки-Уэсте уже превращены в музеи.

Гектор посмотрел в зеркало за стойкой, отпил глоток виски и снова покачал головой.

Как бы Хем все это ненавидел. Он всегда заботился о своей карьере, о своем наследии. Всегда говорил, что пишет для „затяжной игры“ — пути, который продолжится дольше его земной жизни. Но все это внимание должно было быть посвящено его творчеству, рассказам и романам.

А мысль о том, что потные туристы станут пялиться на кровать, где он изредка и кое-как занимался любовью со своей второй женой,

¹ Кэтрин Дринкер Боуэн (1897–1973) — американская писательница-биограф.

или на бассейн, где он редко или вообще не плавал, или на письменный стол, за которым он в обычное жаркое лето Ки-Уэста сидел и писал? Все это вывело бы Хемингуэя из себя, если бы он когда-нибудь мог себе такое представить.

Гектор понимал, что пройдет какое-то время — и Дозорный дом будет, как и его предшественники, открыт для публики, гиды начнут водить людей туда, где умер Хем. Зеваки будут останавливаться на том месте, где он упал, превратив свою голову в месиво.

Возможно, что такого не произойдет.

Может быть, Мэри удивит Гектора, как один-два раза раньше.

Как сказала Ребекка, изучавшая Хемингуэя, отношения между Хемом и автором детективов завязались очень давно, когда еще оба водили санитарные машины в Италии. Гектор знал (по крайней мере, встречал) всех четырех жен Хема. В Париже и Испании он поддерживал Хэдди Хемингуэй, когда Паулина пыталась увести у нее мужа.

Позднее, когда Хем обосновался в Ки-Уэсте, что произошло частично по настоянию Гектора, он познакомился и с Паулиной, второй миссис Хемингуэй, хотя ей так и не удалось ему понравиться.

Затем, в разгар Гражданской войны в Испании, Хемингуэй встретил свою будущую третью жену, Марту Геллхорн, единственную из его женщин, которую Гектор люто ненавидел.

В 1959 году, после двадцати двух лет разрыва, Гектор отправился на Кубу, надеясь помириться с Хемом. Там он познакомился с последней женой Папы, Мэри Уэлш, журналисткой, которая превратилась в домашнюю хозяйку и профессиональную миссис Хемингуэй.

В то время физическое и психическое здоровье Хема уже стремительно ухудшалось.

За несколько дней в Финке Гектор прочитал несколько произведений Хема, над которыми тот работал тогда: два романа и парижские воспоминания писателя, недавно опубликованные под назва-

нием „Праздник, который всегда с тобой“. Гектор также попытался поближе познакомиться с Мэри. Уже в 1959 году Мэри готовилась к вдовству и разрабатывала стратегию своего поведения после смерти Папы. Это вызывало у Гектора неприязнь.

В то утро, когда умер Хем, Мэри позвонила Гектору. Она решила, что его самый старый друг заслуживает того, чтобы о гибели Хема сообщила ему вдова.

Это был очень странный телефонный звонок.

Разумеется, Мэри была в шоке, но корни его были глубже, чем Гектор мог определить или описать. Звонок заставил его сомневаться в действительных обстоятельствах гибели Хема. Иногда, когда память о Хеме неожиданно наваливалась на Гектора, он задумывался: действительно ли Хем покончил с собой или здесь таилось что-то зловещее? Особенно если учесть, что уже в 1959 году на Кубе Мэри мечтала о том, чтобы стать душеприказчицей Хема.

Гектор, терзаемый этими подозрениями, предпочел четыре года после смерти Хема не терять Мэри из вида. Затем неожиданно, несколько недель назад, примерно в то же время, когда торговец редкими книгами поведал Гектору о внезапном появлении его собственной, давно утерянной рукописи, Мэри пригласила его в Айдахо и попросила помочь или, по крайней мере, внести какую-то лепту в редактирование еще одного неизданного произведения Хема — длинного романа, который Мэри собиралась назвать „Острова в океане“. Она намекнула также на свои собственные мемуары.

Гектор обрадовался этой возможности. Он не особенно заинтересовался „Островами“, он читал рукопись на Кубе и нашел роман раздутым, несобранным и слишком напоминающим „Иметь и не иметь“. К тому же он не любил возиться с чужими произведениями, а тем более с работами Хема.

Но вокруг всего, касающегося Хемингуэя, сейчас, похоже, стущалась какая-то зловещая атмосфера.

Помимо неожиданно возникшего рассказа, до него дошли слухи, что поговаривают о появлении *других* посмертных произведений Хема, связанных с Гектором, включая „утерянную“ или сокращенную главу из „Праздника, который всегда с тобой“ — романа, который в действительности был о Гекторе.

С точки зрения „затяжной игры“ самого Гектора — его собственной приближающейся посмертной карьеры — еще более пугающей была возможность, о которой говорилось в сноске к машинописной копии утраченной главы „Праздника“. Якобы может существовать рукопись романа, основанного на жизни Гектора.

Если верить дружественно настроенным ученым, которые об этом слышали и затем поделились с Гектором, роман был написан в последние безумные месяцы, приведшие к его трагическому лечению в больнице Мэйо.

Хем отлично знал, где закопаны „многочисленные трупы“ Гектора, если можно так выразиться. Хем слишком близко был знаком со „скелетами“ в шкафу Гектора — еще одно клише, смысл тот же.

И в последние годы своей жизни Хем часто вводил читателей в заблуждение, поскольку мембрана между вымыслом и реальностью у него почти исчезла.

Гектору даже думать было страшно, что могло содержаться в такой рукописи и как это могло сказаться на его собственной „затяжной игре“ — его собственном наследии, каким бы скромным оно ни было. То есть если вообще ему есть что оставлять.

Поэтому Гектор принял приглашение Мэри.

Пообещал сделать все возможное, чтобы почистить „Острова“.

Он попытается побольше узнать о последних днях Хема. Может быть, попробует понять, что же на самом деле произошло в то ужасное утро в июле 1961 года... успокоится, убедившись, что смерть Хема все же была самоубийством.

Гектор попытается догадаться, каким образом всплыл тот его давно потерянный рассказ и имеет ли к этому какое-то отношение Мэри.

И он поищет ту утерянную главу из „Праздника, который всегда с тобой“, а также посмертную рукопись, в которой он — центральная фигура.

И если он их найдет, он все уничтожит.

Гектор считал, что это будет справедливо, потому что его жизнь (какой бы убогой она ни была) принадлежит только ему, и больше никому.

Он посмотрел на свой бокал, затем поднял глаза на зеркало. На другом конце зала сидел молодой темноволосый человек с блокнотом и ручкой. На нем обычный костюм и галстук. Гектор скорчил кислую мину. Он подписал чек, приписал внизу номер своей комнаты и поднялся.

Он немного поколебался, затем направился к молодому человеку:

— Пора закружаться, Энди. Тебе тоже пора спать. Я, возможно, завтра поднимусь пораньше... сейчас трудно сказать. Что скажешь, сынок? Не желаешь ли немного порыбачить?

Молодой человек не поднял головы. Он продолжал сидеть, вроде бы полностью погруженный в свои записи в блокноте. Его щеки и уши начали медленно краснеть.

Примерно семь месяцев Гектор и его постоянная моложавая тень, Энди Лэнгли, вели подобные односторонние разговоры. Гектор тихо фыркнул и покачал головой. *Черт бы побрал это ФБР... Вместе с проклятым Эдгаром.* Он сказал:

— Спокойной ночи, сынок. Не забудь написать Директору, что я сотворил нечто интересное, чтобы он считал, что ты отработываешь свои деньги.

Гектор уже повернулся, чтобы уйти, когда ему в глаза бросилось имя, написанное крупными буквами в блокноте Энди, и сердце его забилося чаще.

Донован Криди.

Человек становится беспомощным, встречаясь с заговором настолько чудовищным, что он даже не верит в его существование.

— Дж. Эдгар Губер

Криди
Тринвич-Виллидж, 1934

Донован Криди ненавидел Виллидж с его богемой, красными и гомосексуалистами — нелепыми, жеманными мужчинами, которые не стеснялись держаться за руки в переулках.

Куда ни глянь, везде лохматые художники и левые писатели нагружали свои полотна и книги догмами и пропагандой... писали в кафе и выглядели такими же запущенными и неряшливыми, как те эмигранты в Париже за десятилетие до них.

Криди считал писательство ремеслом и призванием. Он писал в пиджаке и при галстуке, сидел на стуле с жесткой спинкой и считал, что обязан написать никак не меньше трех тысяч слов за один присест.

Писательство было профессией для тех, у кого есть страсть, преданность и прежде всего дисциплина. Так оно и должно быть. Меритократия.

Он снова сверился с адресом, записанным в блокнот, и посмотрел на номера над коричневыми дверями домов. Нашел нужный номер и, прищурившись, посмотрел на почтовый ящик, мокнувший под легким летним дождем. „Блэк Рук Пресс“. Гмм...

Он нажал на кнопку звонка. Дверь открыла унылая женщина с волосами мышиного цвета и бледным лицом. Одета она была в бес-

форменный свитер, поношенное платье и туфли, которые вышли из моды в незапамятные времена. Она сказала, что ее зовут Эстер.

Он уселся в приемной, разглядывая публикации „Блэк Рук Пресс“. Криди вдруг осознал, что никогда не слышал ни об одном из этих романов. Он перевернул книгу и посмотрел на корешок. Логотип этого издательства был ему незнаком. Самодеятельность. Он был практически уверен, что не видел книг этого независимого издателя ни в одном магазине, даже в общественной библиотеке.

Криди вздохнул и подумал, что лучше уйти. Но в этот момент женщина отложила книгу, которую читала — „Победитель не получает ничего“, — взглянула на часы и сказала:

— Мистер Сапперштейн сейчас вас примет.

Она провела его чередой запущенных офисов и коридоров. Криди даже показалось, что он ощущает запах тлена; затем он увидел распухшую, гниющую мышь в мышеловке, с раздробленным железной перекладиной черепом.

Эстер провела его в конец коридора, открыла дверь и сказала:

— Мистер Донован Криди, мистер Сапперштейн.

Толстый лысый коротышка, раскинув руки, обошел истерзанный письменный стол. Он был без пиджака, рукава рубашки закатаны. Окно в офисе было открыто, и проникающий в него ветер гонял бумаги на столе взад-вперед, поэтому некоторые были прижаты степлерами, грязными кофейными чашками и другой ерундой, чтобы не улетели.

Криди, нахмурившись при виде темных пятен под мышками издателя, быстро протянул руку и пожал потную длань хозяина офиса. Вытер влажную руку об обивку кресла, в которое ему предложили сесть, и устроился напротив своего возможного будущего издателя. Хотя ему уже хотелось повернуться и уйти подальше от этого „шанса“ на публикацию.

Он уже понял, что „Блэк Рук Пресс“ не приведет его к известности в качестве автора романов, что это не та лошадь, которая при-

несет ему финансовый успех и позволит наконец освободиться от разведывательной работы.

— Позвольте мне сказать прямо, Донни... Я могу называть вас Донни, верно? — Не дожидаясь ответа, мистер Морис Сапперштейн продолжил: — Я в диком восторге от „Холодного черного дождя“. Все, что там связано с разведкой, показалось мне очень убедительным. Роман практически идеален. Только мелкие замечания то тут, то там. Например, вся эта антисемитская направленность. Это придется убрать. Еще нам потребуется немного романтики для баб, которые сейчас как раз и покупают книги. Вот у меня и возникла идея: этот партнер вашего героя... ну, Билл Фостер, напарник Артемия Страйкера... лучше, если он у нас окажется дамой. Я просто рассуждаю вслух. Я даже ей имя придумал. Мы назовем ее Констанс Фейт, прекрасная еврейка, которая...

Криди сидел в своей квартире перед пишущей машинкой. Ноги болели от ходьбы по Виллидж, ему хотелось сбросить туфли, скинуть пиджак и ослабить галстук. Вместо этого он вздохнул, положил рядом с машинкой написанные от руки замечания, которые дал ему Сапперштейн, затем вставил в машинку лист бумаги. Глядя на замечания — каракули, которые являли собой комментарий издателя, — Криди вспомнил о связнике, что был у него когда-то в Берлине, — подбострастном коротышке, о котором потом поговаривали, будто он „крот“, и который так внезапно „исчез“. Криди покачал головой и принялся разбирать плохой почерк.

Ему была омерзительна сама мысль учитывать замечания Сапперштейна и уродовать свой роман согласно сомнительным предложениям издателя. Но таков был литературный мир: отношения между автором и издателем — святое дело. И в жизни Криди случались такие отношения. Сейчас же, с контрактом в руках, Криди стал официально весомой частью этой священной литературной

традиции. Он будет публикуемым автором, а профессиональные авторы допускали редактирование.

Криди умел *приспосабливаться*. Его родители рассказывали ему о людях там, дома, которые были слишком слабыми или слишком гордыми, чтобы сопротивляться судьбе. Они погибли в огне, от пули... или хуже того. Его родители напоминали ему о людях, которые умирали с голоду при Романовых, которые не опустились до каннибализма, когда их деревня голодала в последнюю суровую зиму перед тем, как они сбежали в Америку.

Криди сразу же возмутило, что его посчитали слишком юным, чтобы спрашивать его мнение по этому поводу. За него решили родители, и только позднее он узнал, что таким образом они спасли жизнь его и свою собственную.

Он смутно помнил, как они рыдали над телом кузена, который принял *другое* решение. Но он не видел, что они сделали с полузамерзшим трупом.

Криди поколебался, поднял глаза на полки над его письменным столом, на которых лежали стопки неопубликованных романов. Снова глубоко вздохнув, Криди склонился над машинкой и принялся барабанить по клавишам.

Много позже он поднялся и прижал ладони к пояснице, поморщившись от боли. Достал из стеного шкафа старый чемодан и снова принялся переключивать рукописи. И, как обычно, Криди вернулся к тому старому короткому скетчу, который написал давным-давно о двух друзьях, выпивающих на Рождество.

Скетч был написан на пожелтевших листках, вырванных из блокнота.

Сколько раз он хотел уничтожить эти листки. Но каждый раз спасал их от огня или мусорной корзины, ненавидя себя за слабость... за зависть, которую испытывал.

Господи, если бы хоть раз ему удалось поймать этот голос...

Холодный, белый простор чистой бумаги привел его в чувство.

Криди еще подумал о Париже и о своей прекрасной, обреченной Виктории, затем закусил губу, охваченный идеей.

Вдруг он сможет сделать написанные там слова более или менее своими собственными? И черт побери, неужели он не сможет что-то улучшить? Он уже придумал, с какой фразы начнет.

Он выдернул лист бумаги из машинки, вложил новый и начал перепечатывать написанные каракулями слова со старых листков бумаги.

Существуют четыре варианта убийства: злонамеренное, извинительное, оправданное и похвальное.

— Амброз Бирс¹

5. Улики

Вскоре после ленча, к которому Ханна почти не притронулась, она вдруг почувствовала сильный голод. С ней теперь часто так бывало — то умирает от голода, то не в состоянии прикоснуться к еде. Вместо того чтобы сбегать и что-нибудь ей купить, Ричард настоял на том, чтобы они вместе пошли на рынок Аткинсона — единственное продуктовое заведение в городе и, соответственно, место, которое часто посещали Хемингуэи. Местный колорит для книги, так он объяснил свое желание Ханне.

— Еще далеко до этого места? — спросила Ханна. — Надо было взять такси.

Не обращая внимания на ее протесты, Ричард наблюдал за Ханной, смотрел, во что он ее превратил. Женщины могут быть такими настырными. Но обрюхать одну — и она в полной от тебя зависимости. Ричард удовлетворенно и со злорадством смотрел на то, что сделал с ней его член...

И все же...

И все же...

Ричард дивился, что она все еще может идти так резво, до сих пор держится. Но Ханна *всегда* это умела. Все дело в ее крестьянских кельтских генах, во всяком случае, он так думал. Но все эти месяцы

¹ Амброз Гвиннет Бирс (1842–1913) — американский писатель, журналист, автор юмористических и „ужасных“ рассказов.

без таблеток... Что же, Ричард был удивлен, какой характер она проявила. Она обратилась к психиатру по его настоянию. В тот ранний период, когда она еще могла пить таблетки, она вечно жаловалась, ныла, и ее значительно легче было подчинить своей воле. Тут она забеременела, все лекарства пришлось отменить. Ее личность начала меняться, но Ричард предпочитал покорную Ханну.

Поэтому он настоял на том, чтобы она обратилась к *другому* доктору, который согласился прописать Ханне лекарства во время беременности. Ханна отказалась эти лекарства принимать и осталась со своим первым доктором, который наложил запрет на все лекарства.

Теперь, когда она ничего не принимала, она стала более упрямой и своенравной.

Он изначально видел в Ханне свою собственную Кэтрин Баркли — аппетитную шотландку с подмоченной репутацией, годящуюся для койки, возможно, обреченную романтическую фигуру. Любовницу прямоком из „Прощай, оружие“. Но в последнее время Ханна все больше напоминала Ричарду Гарри Моргана в женском обличье: всегда задран подбородок и кулаки наготове.

Было в Ханне что-то неукротимое, динамичный драйв, который все больше беспокоил Ричарда и понуждал заходить все дальше и дальше в попытках ее спровоцировать — найти такой момент, когда она будет полностью соответствовать его представлению о ней как квинтэссенции героинь Хемингуэя: артистичной, хрупкой, хорошенькой и покорной в постели.

Именно так он задумывал, когда женился на ней, но ее беременность все изменила.

Была еще одна мысль — желание вырастить писательницу.

Он видел в Ханне если не бесспорный талант, то, по крайней мере, *энтузиазм* художника, который верил, что находится на пороге большой работы. Почти как Папа в двадцатые годы в Городе Света.

Для Ричарда руководить Ханной, формировать из нее писательницу стало интересным экспериментом. Он некоторым образом стал ее надзирателем.

Чтобы стать писателем, недостаточно найти голос и рассказать историю. Также крайне важно соответствовать некоторым шаблонам и конструкциям, которые облегчат категоризацию и, соответственно, анализ для сообщества критиков

Именно таким путем писателю следует найти свое место в Каноне — через молчаливое сотрудничество с эрудитами.

— Еще далеко, Ричард?

— Не очень, я думаю.

Пока она не снижала темпа.

— Ты вообще знаешь, где этот магазин?

— Имею представление, — ответил он.

— Эта история с Мэри, — сказала она, — весьма занимательна.

Но похоже на правду.

— Ты согласна с моей теорией?

— Я отношусь скептически, но поддерживаю. Учитывая славу Папы и его трагический уход, обязательно должно было быть расследование.

Ричард кивнул. Он ожидал этого замечания, он в голове уже подготовил почву... знал, насколько сильно можно давить, учитывая скептицизм Ханны.

— Ты только оглянись вокруг, — сказал он. — Это все еще захолустье. Некоторые улицы даже не заасфальтированы. И во многих местах нет тротуаров. В Айдахо по закону проводится расследование, если есть подозрение в убийстве. Вскрытие производил патологоанатом округа Блейн, но он не поставил конкретного диагноза — самоубийство. Мэри уверяла, что Папа выстрелил себе в голову случайно, когда чистил винтовку, но патологоанатом сообщил прессе, что рядом с телом не было найдено никаких предметов, необходи-

мых для чистки ружья. Разве вранье Мэри не должно было вызвать подозрения?

— Не обязательно, — сказала Ханна. — Мэри была расстроена. Папа убил себя, когда она должна была за ним присматривать. Патологоанатом мог дать Мэри возможность попытаться спасти лицо. Думаю, в качестве одолжения знаменитой местной вдове.

Ханна обязательно попытается выбрать этот наиболее легкий путь. Его же ровесники, эти придурки, из которых будет состоять аудитория и которые попытаются разгромить его утверждения, наверняка окажутся умнее и будут копать глубже. Они будут ставить трудные вопросы, возникшие в результате многолетнего изучения. Размышляя, что он может ответить на нападки своих соратников-ученых, он сказал:

— Патологоанатом тогда встречался с местным прокурором, шерифом округа, старшим сыном Папы, Джеком... и Мэри. — Помедлив, он добавил: — Немного странный состав людей, чтобы решить, было ли преступление, верно? Особенно если вспомнить, что Мэри в то утро, когда прозвучал выстрел, была одна в доме с Хемом. Ее вовсе не должно было интересовать, будет расследование или нет. Есть ли доказательства чего-то иного, кроме самострела.

— Почему ты вдруг начал этим интересоваться, Ричард? Что навело тебя на мысль, что Мэри убила Эрнеста? И сколько еще идти до этого клятого рынка?

— Уже близко. Что касается других вопросов... Это ведь у тебя степень по журналистике, Ханна. Вспомни основное правило репортера.

Она подавила вздох. Все сначала. *Снова...* Очередной урок в стиле Ричарда. Допрос а-ля Сократ, который все чаще заменяет им обычные разговоры. В последнее время Ханна заметила, что даже их разговоры в постели приобрели такой оттенок. Когда-то это было в порядке вещей: Ричард должен был многому ее научить. Но она все запомнила, причем очень быстро...

Ей хотелось сказать: „Какое главное правило хорошего писателя, Ричард? Покажи, не рассказывай“. Если же он настаивает на журналистских правилах, она знает одно, которое подходит хорошему репортеру: „Не говори, *слушай*“.

Вообще-то ей совсем не хотелось с ним спорить, но, если не обращать внимания, потворствовать ему, Ричард, похоже, делается более смелым и настырным. Кроме того, самоубийство казалось Ханне вполне возможным, если вспомнить книги Хема и его одержимость саморазрушением. Оно завершило трагический путь. Точке зрения, что смерть Папы всего лишь последний кровавый залп в длительном семейном конфликте, не доставало романтики.

Ханна, голодная и сердитая, пожала плечами и сказала:

— Ищи деньги.

— Вот именно, — согласился Ричард. — Будучи основной наследницей Хемингуэя по его завещанию, Мэри будет получать, получать и снова получать. Старая злая ведьма со смертью Хема приобрела печатный станок. Но что еще важнее: она, чтобы ей было пусто, весьма эффективно подмяла под себя его индивидуальность.

Ханна подняла брови:

— *Что?*

— После смерти Хэма Мэри стала разрабатывать планы издать кучу романов, антологий, сборников и даже писем, против чего Хем решительно возражал. И она собирается всем этим руководить!

Из-за угла вывернул черный седан, его водитель-священник опустил стекло и выглянул наружу. Улыбнулся и сказал:

— Вы наверняка падаете с ног от усталости, мэм. Давайте я вас подвезу, куда бы вы ни направлялись. Я готов ради этого даже ехать в противоположную сторону.

— Вы так добры, — обрадовалась Ханна. — Мы...

Ричард отрицательно покачал головой и отмахнулся:

— Большое спасибо, святой отец. Мы уже почти пришли. — Он обнял Ханну за плечи. — К тому же она постоянно настаива-

ет на том, чтобы я больше двигался. — Ричард похлопал себя по животу.

Священник неуверенно кивнул, поднял стекло и поехал дальше.

Ханна посмотрела, как машина священника остановилась у светофора на перекрестке. Именно тогда она заметила, что за ними идет мужчина, тот самый, из ресторана, в дешевом костюме и с лысиной. Он опустил глаза, заметив изумление Ханны. Но продолжил идти вверх по холму за ними, опустив голову и сунув руки в карманы.

Она взяла Ричарда за руку, намереваясь сообщить ему о слежке, но заколебалась. „Разумеется, он идет за нами, Ханна, — наверняка скажет Ричард. — Я уже узнал, что он тоже занимается Хемингуэем. Вполне естественно, что он постоянно где-то поблизости“.

Ханна знала, что именно так он скажет. Она еще раз оглянулась через плечо, и человек снова опустил голову. Из его ноздрей и костлявого кулака струился сигаретный дым.

Тут Ханна снова воспрянула духом: у тротуара остановилась бирюзовая с белым машина. Ханне плохо было видно лицо водителя, но он показался ей прилично одетым пожилым человеком.

Он даже не успел опустить стекло, как Ричард отмахнулся от него. Ханна смотрела, как он уезжает, качая головой.

Смирившись, что ей придется пройти весь путь в сопровождении незнакомого мужчины, Ханна, чтобы отвлечься, мысленно представила себя в роли „адвоката дьявола“. Что особенного, если Мэри публикует все, что еще осталось от Папы? Книги будут пользоваться сумасшедшим спросом.

Часть этого материала наверняка будет отменным, а нет сомнения, что люди страстно желают получить еще что-то от этого великого человека. Выиграют все, почему бы и нет? Что в этом плохого? То же самое насчет писем, над которыми все ученые начнут пускать слюни, когда они будут опубликованы.

Если бы Хем и в самом деле хотел, чтобы никто не мог прочитать его переписку, он бы в течение всех этих лет уничтожил бы

все письма, а не стал бы аккуратно все хранить, даже копии под копирку.

Ханне показалось неестественным требование Папы скрыть или сжечь всю его корреспонденцию. Ведь он прекрасно понимал, что публикация этих писем всколыхнет интерес к нему, когда его уже не будет.

К тому же письма, равно как и посмертные издания, давали работу таким людям, как Ричард. И Ричард наверняка это прекрасно понимал.

Ричард же тем временем продолжал изображать из себя лектора.

— Мэри лжет. Выстрел из ружья, и Мэри получает возможность украсть работы Хемы и его личность. Два бесценных сокровища, и это еще слабо сказано. — Профессор криво улыбнулся. — В конечном итоге можно сказать, что он принял смерть от нее.

Ханна закатила глаза. Эта фраза наверняка была центральной в рукописи Ричарда. Возможно даже, что так называлась одна из основных глав. Он замолчал. Ханна понимала, что он ждет реакции, причем положительной. Но она не без дерзости остановилась на золотой середине, чтобы осторожно проверить свою теорию.

— Полагаю, это цитата из твоей рукописи.

Ханна покрутила обручальное кольцо на пальце, удивляясь, насколько тугим оно стало.

— Но, *дорогой*, если Мэри в состоянии так убедительно подражать стилю Папы, почему она не пишет свои собственные рассказы и романы?

— Отнеси это на счет ценности оригинального материала, — сказал Ричард. — К тому же нет необходимости проводить анализ незаконнорожденных работ Хема строчка за строчкой — ведь мне известен стиль поведения. Подумай вот о чем. Доктор Хосе Луис Геррера Сотолонго однажды видел в Финке, как Хем и Мэри целятся друг в друга из охотничьих ружей.

Ханна кивнула:

— Ну и что?

— Господи, Ханна, ты что, не слышишь, что я говорю? Хем и Мэри целились друг в друга из ружей. По крайней мере, со стороны Хема это самооборона. — Ричард поднял одну бровь. — Скажи мне, что я неправ, Ханна.

Ханна снова взглянула на человека, который шел за ними. Ричард упорно продолжал его не замечать. Ханна ускорила шаг и сказала:

— Господи, у меня такое впечатление, что я снова в твоём классе, Ричард.

— Тогда ответь на поставленный вопрос. — Ричард уже запыхался и, скорее всего, жалел, что отмахнулся от предложений этих двух добрых самаритян.

Ханна решила, что самое время начать сомневаться.

Он так обожал метод Сократа, но у нее тоже есть что возразить. Она родом из воинственного народа, быстро реагирующего на провокацию, памятливого и скорого на расправу. Кельты не были излишне щепетильны насчет смерти. Ее родственники считали, что можно вылечить эпилепсию, если выпьешь воды из черепа самоубийцы.

Она сказала:

— Там, откуда я родом, считают, что тело убитого кровоточит, если его касается убийца.

Ричард фыркнул:

— Что? Значит, нам надо выкопать Хема и потерять то, что от него осталось о Мэри, чтобы проверить, так ли это?

Ханна закусил губу, снова посмотрела через плечо. Ричард уже сильно потел, тяжело дышал ртом. Возможно, она об этом пожалеет, ведь знает же, что снова вызовет язвительную диатрибу или нападки на ее рассудок, но, черт побери, попытаться стоило.

Замедлив шаг, чтобы дать Ричарду отдышаться, она повернулась к нему и сказала:

— Человек, который, как ты считаешь, не следит за нами, уже совсем близко, Ричард.

ФБР у Хемингуэя особой привязанностью не пользуется, так что можно не сомневаться, что он затеет кампанию поношения Бюро... Его способность выносить суждения далека от идеальной, и, если уровень его трезвости остался таким же, как несколько лет назад, в их справедливости необходимо усомниться.

— Дж. Эдгар Гуввер

Криди Испания, 1937

„Чикотес“ был набит до отказа вонючими, вшивыми и пьяными солдатами с фронта, журналистами, пишущими и нашим и вашим, трудящимися девушками, шпионами, провокаторами, безработными матадорами и левыми кинозвездами, прибывшими сюда для того, чтобы их потом красочно расписали в прессе дома.

Криди считал Испанию выгребной ямой — лучше всего, полагал он, постоять в сторонке и позволить этим ублюдкам уничтожить друг друга. И черт побери, любой успех в обуздании фашизма в Испании угрожает ускорить многообещающие события в Германии. Хемингуэй и Ласситер сидели рядом у стойки, наблюдая за всем, происходящим за их спиной, в пыльном зеркале. Криди осмелился усесться на стул у правого локтя Гектора Ласситера, так как это была единственная возможность в общем гвалте расслышать, о чем беседуют два писателя.

Хемингуэй сказал:

— Если Вебстер когда-нибудь вставит фразу „групповой трах“ в свой словарь, гравюра этого заведения будет служить достойной ил-

люстрацией. — Хемингуэй взял зажигалку „Зиппо“, лежащую у локтя Ласситера, прочитал гравировку и сказал: — Лассо, одно стоящее предложение...

Это была старая игра, которая брала свое начало в Париже, придуманная Хемингуэем и Ласситером: один произносил невероятное предложение, которое невозможно продолжить, а второй пытался совершить это невозможное.

Поддатый Хемингуэй повторил:

— Одно стоящее предложение, Лассо. — Затем: — Только потому, что ты багги...

— ...это вовсе не означает, что тараканы тебя не достанут, — закончил за него Ласситер.

Криди скрипнул зубами от огорчения, что ему в голову не пришел быстрый ответ.

— Мать твою за ногу, — сказал Хемингуэй. Он дважды стукнул по стойке и показал на их пустые стаканы. — Повторить, Рамон, причем наливай так, будто это не твое пойло.

Официант, на удивление элегантный и чисто одетый для такого сборища, кивнул и сказал:

— Si, Папа.

— Кстати о хвостах, — внезапно сказал Хемингуэй. Он показал на Криди и обидно усмехнулся: — Как поживаешь, Донован?

Ласситер бегло взглянул на Криди. Криди никогда не приходилось находиться так близко от Ласситера, никогда не попадал он под взгляд на редкость бледных голубых глаз автора детективов. Ласситер неуверенно улыбнулся и протянул руку:

— Привет, Донован. Мы не знакомы? — Ласситер поколебался, затем добавил: — Я фамилию не расслышал...

— Это дерьмо зовут Донован Криди. Один из мальчиков Эдгара Гувера. И возможно, что-то еще и сверх этого. Я заметил этого Донни в клубе „Аист“ перед отъездом из Нью-Йорка. Этот гребаный Гувер, уж лучше бы он выдавал вам пиджаки с эмблемой Бюро, чем

вот так одевать вас, стричь и употреблять. Ничего удивительного, что итальянские бандиты презирают ФБР. Вас ведь за километр видно. Напиши это все в своем следующем отчете обо мне, ладно, Донсо? — Хемингуэй отпил глоток из своего стакана и покачал головой: — Лассо, ты не поверишь, Криди мечтает стать писателем. Нет, это же, мать твою, уму непостижимо, верно?

Ласситер только улыбнулся и предпочел не отвечать на многозначительный вопрос Хемингуэя.

— Итальянцы? Ты о мафии, Хем? Разве ты не слышал? Организованная преступность — миф. Мистер Гувер сам в этом поклялся.

Хемингуэй только фыркнул и допил остатки из стакана. Жестом велел бармену снова налить.

Присмотревшись к Криди, Ласситер заметил:

— Вы мне кого-то напоминаете, Дон.

Криди сжал зубы. Он ненавидел, когда его называли как-то иначе, не Донован.

— Да ты уже знаешь этого мудака, Лассо, — сказал Хемингуэй, размахивая рукой с толстыми пальцами. — Во всяком случае, насколько мне известно, вы двое уже пару раз встречались. Криди был вместе с нами в Париже в те далекие дни. Ну, не то чтобы с нами, верно, Донни? Ты постоянно болтался где-то рядом, по во-ни можно было определить. Однажды вечером Гертруда хорошо его повозила мордой по столу. Думается, ты тоже там тогда был, Лассо.

— Начинаю припоминать, — сказал Ласситер. Он неловко улыбнулся и хлопнул Криди по плечу. Криди весь кипел... и завидовал ямочкам на щеках Ласситера. Ласситер сказал: — Ну, приятель, каждому из нас, кто рисковал забрести в это логово льва, каким был салон Гертруды, хоть раз отгрызали задницу. Даже не стану перечислять, сколько раз Герт в первое время поносила меня. Давайте я угощу вас выпивкой...

Тут воинственно вмешался Хемингуэй:

— Пошла она, эта Стайн. И пошел на хер Криди. — Затем наклонился к нему и таинственно произнес: — Эй, Дон! Между нами, поведай нам, что там говорят о Директоре и Клайде Толсоне.

Ласситер поморщился и сказал:

— Лучше отвяжись от него, Хем. Какой смысл швырять камнями в Бюро? Прекрати.

Хемингуэй только отмахнулся. Ему явно все еще хотелось проявить себя.

— Эй, Криди, — заявил он, — у меня есть свои собственные шпионы. Что это за треп, что в деле Дж. Эдгара нет свидетельства о рождении? Что скрывает этот мудака? Он вообще-то американец? Что скрывает Гувер?

Теперь уже начали прислушиваться и другие выпивохи. Ничего хорошего. В тревожной обстановке Мадрида Криди не мог позволить скомпрометировать свое прикрытие.

Криди встал, неохотно пожал еще раз протянутую руку Ласситера и тихо сказал ему:

— Вам стоит утихомирить вашего пьяного приятеля, Ласситер. Пусть научится сдерживаться. У мистера Гувера хорошая память и длинные руки. Этот засранец уже в его списке неблагонадежных. Трудно представить, как еще больше навредить своему положению, но от Хемингуэя всего можно ожидать.

Смелость — это вежливость под давлением обстоятельств.

— Эрнест Хемингуэй

6. Кольцо

Ханна лежала в постели, слушая стрекот цикад и дыхание Ричарда. Он спал уже по меньшей мере час. Она же все пыталась найти удобное положение, которое позволило бы ей заснуть. За последние две недели ей крайне редко удавалось как следует выспаться.

Когда родится ребенок, проблема сна станет еще острее. Она сомневалась, что после родов найдет время и силы, чтобы писать. Сомневалась, что Ричард будет помогать ей с ребенком, чтобы она смогла хоть немного продвинуть свою писательскую карьеру.

В эти утренние часы нельзя было догадаться, как сложится жизнь.

И еще у нее болела рука. Пальцы распухли, обручальное кольцо и кольцо, подаренное в честь помолвки, болезненно врезались в палец, настолько болезненно, что она начала беспокоиться.

Пока она сопротивлялась желанию разбудить Ричарда и попросить о помощи.

Разумеется, он рассердится, если она его разбудит, и вполне вероятно, что дело простым раздражением не ограничится.

Проблема довольно необычная, так что он, скорее всего, ухватится за нее, попытается изобразить все в стиле Хемингуэя и насладится этим. Это позволит Ричарду проявить собственную „вежливость под давлением обстоятельств“ и громко заявить о себе. Для этого у него были довольно грубые боевые средства: потребовать в свое рас-

поряжение фургон, имеющийся при гостинице, раздавать приказы коридорным, регистраторам и санитарам так, как будто он возродившийся Папа собственной персоной.

Ханна думала об этом с ужасом, Ричард же наверняка получит огромное удовольствие.

К тому моменту, когда пора будет закруглиться, Ричард раздует ситуацию до масштаба умирающего писателя с гангреной на ноге в „Снегах Килиманджаро“ — будет о чем поговорить в гостиной факультета английского языка, и все за счет Ханны.

И все же с пальцем явная беда. Она поднесла палец ближе к лицу и нахмурилась. В неясном свете палец казался черным, кольца врезались как жгуты.

Теперь Ханне представился сценарий похуже: ее отвезут в больницу, где придется резать кольца, чтобы снять их с пальца. Их распилят на две части и только тогда смогут стащить их с внезапно растолстевшего пальца. Ричард наверняка впадет в ярость, может быть, отвлечет внимание врача, и тогда палец Ханны порежут на ленты вместе с кольцами.

Она взглянула на кольца при лунном свете, струившемся из окна: вовсе не материнское кольцо Кладда, которое бы ей так хотелось носить, а другие кольца, довольно простые, ничего привлекательного, которые Ричард нашел в скупке, после того как выяснил, что такие же кольца Папа подарил Марте Геллхорн.

Она выругала себя: во время последнего визита к гинекологу врач обратил внимание на ее кольца, нахмурился и сказал:

— Вообще-то пора их снять и не носить до родов, в последние месяцы довольно часто наблюдаются сильные отеки. Вы ведь не хотели бы потерять палец, не так ли?

Возможно, врач шутил, но сейчас шутка уже не казалась ей смешной. Потому что потеря пальца стала представляться вполне вероятной.

Когда Ханна повторила Ричарду слова доктора, он помрачнел:

— Только подумай, какие тебя могут ожидать напасти, если ты его послушаешь, Ханна. Это же символ нашего союза, твоей преданности мне. Разве можно из-за небольшого неудобства этим пренебрегать? Как ты можешь так халатно относиться к чему-то столь для нас важному?

Вспоминая слова врача насчет потери пальца, Ханна почувствовала, что вся покрылась холодным потом. Она попробовала покрутить кольца, но они не двигались. Палец пульсировал, кончик болел, в нем отзывался учащенный пульс.

Она осторожно села, не желая будить Ричарда.

Ей нужно найти ведро и набрать внизу, в холодильнике, льда. Но дверь запиралась автоматически, а пьяный Ричард свалился на постель в одежде вместе с ключом от комнаты в заднем кармане брюк. Матрас слегка продавился, и он лежал на спине, так что добраться до проклятого ключа было совсем не просто.

Ханна с трудом, одной рукой умудрилась достать ключ и, держа распухший палец прямо вверх, в надежде, что сила тяжести оттянет часть крови от пальца и ослабит давление колец, схватила ведро и экземпляр „Хемингуэй Ревю“, чтобы помешать двери снова закрыться.

Она босиком по холодному бетону прошла к генератору льда, который находился в общей комнате, выходящей на парковку. Наполнила ведро льдом и сунула туда руку, вздрогнув от боли, которая разлилась по всему организму. Чертыхаясь по-гэльски, она направилась назад, в свою комнату. Палец онемел, но даже во льду она чувствовала, как он горит.

Ханна споткнулась.

Напротив двери в их комнату стояла машина. Торопясь добраться до льда, она в первый раз, когда проходила мимо, не обратила на нее внимания. Подумаешь, какая-то машина.

Но человек, сидящий в этой машине в этот ранний утренний час, испугал ее.

В темном салоне потрепанной зеленой „импалы“ она увидела горящий оранжевый огонек сигареты, который поднялся от пепельницы к губам.

Вот что разглядела Ханна в смутном оранжевом свете: очки в темной оправе, обветренные щеки, высокий лоб и большая лысина в черных волосах.

Она быстро скользнула в свою комнату, стараясь сделать вид, что она его не заметила, что она вовсе не бежит, хотя именно это ей больше всего хотелось сделать.

Ханна пинком отшвырнула „Хемингуэй Ревю“ и быстро закрыла дверь, локтем задвинув щеколду.

Ричард все еще спал, легонько похрапывая. Этот человек там, у дверей? Какого черта ему нужно?

Все еще думая о нем, Ханна прокралась в ванную комнату и закрыла дверь.

Она зажгла свет, глубоко вздохнула, затем вытащила палец из ведра со льдом. Он показался ей немного меньше, но все равно черным.

Она намылила палец и начала тянуть и поворачивать кольцо. Оно немного подалось, но никак не хотело пролезать через сустав. Она открыла баночку с вазелином и щедро смазала палец.

Медленно и болезненно она стащила первое кольцо.

На второе кольцо понадобилась еще минута усилий и боли, но наконец слезло и оно.

Слава богу!

Она взглянула на палец, который из черного становился красным. Кожа у основания была оливковой, уже образовывался кровоподтек. Но боль была уже не такой сильной. Она посидела несколько минут на краю ванны, сунув палец в ведро со льдом, чтобы опухоль спала побыстрее.

Вспомнила о мужчине около их двери. Что он мог надеяться увидеть в такой час? Ну, никакой он не ученый, это уж наверняка. Тут она не ошибалась.

Ханна встала и поставила ведро в раковину.

Ей очень хотелось разбудить Ричарда и заставить выйти наружу, чтобы он сам убедился, что его „коллега-ученый“ сидит в два часа ночи у их дверей.

Вместо этого она взяла свои кольца, стерла с них вазелин и положила в свою косметичку. Возможно, утром, когда Ричард заметит, что на ее руке нет колец, ей здорово достанется.

Но, с другой стороны, он может и не заметить. Она уже давно уловила, что порой Ричард смотрит сквозь нее, а не на нее.

Ханна выключила свет в ванной комнате и проскользнула назад в комнату. Она подкралась к окну и слегка отодвинула штору. Мужчина все еще сидел там же, в машине, и смотрел на двери, как будто ждал, что что-то случится.

Страшно...

Вдруг за ее спиной зажегся свет, и ее силуэт четко вырисовался в окне.

Человек в машине выпрямился и загасил сигарету. Ханна быстро опустила штору.

— Ханна? В чем дело? Господи, перестань бродить по комнате, мне надо выспаться.

— Все в порядке, — сказала она, убедившись, что штора плотно закрывает окно. — Выключи свет. Ничего не случилось. Просто я не могла заснуть. Вот и все.

У художника нет времени слушать критиков. Те, кто хочет стать писателем, читают обзоры, у тех же, кто хочет писать, читать обзоры нет времени.

— Уильям Фолкнер

7. Муза, лучшая татдой

Гектор поднял воротник спортивной куртки, чтобы хоть немного защититься от острого, как иголки, дождя, и, опустив голову, двинулся к своей „белэр“ 57-го года выпуска. Включил печку и дворники.

Он ездил по центру Кетчума, колесил по боковым улочкам и не уставал дивиться, что Хем сподобился поселиться в этом Богом забытом горном городишке после всех бурных событий в Чикаго, после Парижа, после всех испанских городов, после Венеции, Ки-Уэста и Кубы. Папа всегда стремился жить поближе к воде, но здесь поблизости не было даже приличного озера. И домов выше трех этажей. Никакого культурного центра, ни одного приличного книжного магазина.

Но тут Гектор вспомнил о своем собственном доме в Нью-Мексико. Его большая оштукатуренная гасиенда располагалась на иногда грязных, иногда пыльных берегах Рио-Гранде, рядом с мексиканской границей.

Ла Мессилу вряд ли можно было назвать Парижем американского юго-запада.

Гектор взглянул в зеркало заднего вида. Черный седан все еще следовал за ним. Наверное, Энди, но силуэт не похож. Слишком высокий, слишком худой. В профиль нос с горбинкой — вероятнее

всего, это Криди. Уже много лет он не видел эту сволочь. Если Криди и в самом деле болтается где-то рядом, то, вполне возможно, так сильно изменился, что Гектор может его не узнать. Еще одна необнадеживающая перспектива...

Его слегка пробрала дрожь, но, справившись с ней, он начал подниматься по крутой дороге к дому. Посмотрел на светящиеся стрелки „Таймекса“: *поздно*. Гектор уже давно не юноша, ему следовало бы в это время лежать в постели. Ему следовало бы хорошо отдохнуть перед визитом в Дозорный дом и встречей с Мэри.

Он запер машину и снова поднял воротник, съезжился под дождем и направился через парковочную стоянку к манящему теплу закрытого вестибюля гостиницы.

По пути он открыл дверь такси выходящей из него паре. Женщина была хорошенькой и на сносях.

За ней из машины выскользнул мужчина. Он был значительно старше... живот выпивохи, редеющие и седеющие волосы. Мужчина взял женщину за руку, другую положил по-хозяйски ей на спину. Гектор удивленно поднял брови: выходит, это пара. И в мужчине было что-то божественное, немного беспечное. Гектор сразу унюхал: „ученый“. Он подержал для них дверь и улыбнулся будущей мамаше, которая ответила ему немного неуверенной, немного рассеянной улыбкой. Но очень милой.

Тут Гектор ее узнал: накануне вечером он останавливался около них, предлагал подвезти, но ее спутник от него отмахнулся. Глупо заставлять жену так много ходить на таком позднем сроке беременности. Мерзкий сукин сын.

Гектор вошел за женщиной и мужчиной в гостиницу и увидел, что они садятся в лифт. Он услышал, как мужчина сказал женщине, вероятно, в ответ на ее вопрос:

— Это был Гектор Ласситер, главный оратор. Он пишет детективы. Некоторые из них, как ни удивительно, очень хороши. В смысле для детективов.

Детективы? Гектор покачал головой, пригладил седеющие темные волосы и направился в бар.

В гостиной было уютно, мягкий свет, дрова потрескивают в большом камине. Тихая музыка — „Где или когда“. И самое лучшее — никаких тупоголовых ученых и иже с ними. Бармен узнал Гектора, сказал:

— Привет, мистер Ласситер. Что будете пить?

Гектор работал над книгой, действие которой происходит частично в Ки-Уэсте, частично на Кубе.

— У меня сегодня ностальгия, Дейв, — сказал Гектор. — Ты умеешь делать мохито?

— Это же край лыжников, — улыбнулся Дейв. — А мохито — напиток тропиков. Но я стараюсь не терять навыков. Да, могу сделать один. Только, имейте в виду, мы скоро закрываемся.

— Тогда сделай три, ладно? Надо сегодня еще пописать. Не добрал сегодня слов из-за всех этих долбанных *ученых* и их бесконечных вопросов. А не вырабатывать дневную норму слов — плохая примета. К тому же я запаздываю к сроку сдачи.

Дейв подмигнул. Он был поклонником Гектора — они обнаружили это почти сразу после начала их отношений из разряда „бармен — клиент“.

Бармен предложил:

— Вы садитесь вон в тот уголок, мистер Ласситер, там вас не будет видно из вестибюля. Дверь здесь закрывается автоматически. Просто выйдите, когда закончите. Если вам потребуется больше, чем три мохито, оставьте мне записку рядом с кассой, и я пришлю вам счет в номер.

Гектор подмигнул:

— Дейв, заявляю официально, ты мой самый любимый читатель.

Ни одно страстное желание в мире не может сравниться со страстным желанием изменить чье-либо творение.

— Герберт Уэллс

8. Угроза

Готовясь к утренней встрече с Мэри, Ричард закончил утреннюю часть сочинения и прочитал несколько статей в трех экземплярах „Ревю“ касательно лет, прожитых Хемом в Айдахо. Он специально отложил эти статьи, чтобы их прочитать, приехав в Кетчум.

Он закруглился, прослушав запись передачи Би-би-си, посвященной биографии Хема, под названием „Жизнь“. Один из белых охотников, который выжил во время последнего, неудачного африканского сафари, сказал о самоубийстве Хемингуэя: „Он катился вниз по пути, по которому ни один человек не может пройти, пока не придет конец его жизни. Он умирал внутри — я не думаю, что в этом кто-нибудь сомневается. Он внезапно стал печальным человеком. Очень, очень печальным“.

Ричард выключил магнитофон. Увидел голубой блокнот жены. Открыл его и прочел небольшой рассказ, который она сочинила накануне, одновременно прислушиваясь, течет ли еще вода в ванной комнате.

Как обычно, он не знал наверняка, что об этом думать. Написан рассказ был превосходно. Он мог отличить хорошую прозу, когда она ему попадалась. Написано было поразительно гладко. Повидимому, Ханна написала его за один присест, страницу за страницей, без поправок, дополнений и выбросов. Ни одного вопросительного знака около якобы неудачного или корявого предложения.

Он был вполне в состоянии оценить работы Хемингуэя с той поры, как ему на их достоинства указали, когда он еще был аспирантом, но, если бы его допросили всерьез, Ричарду пришлось бы признаться, что за все эти годы он практически ничего не читал, кроме Хемингуэя.

И его удивляли простые, а иногда и цветистые абзацы Ханны, когда он сравнивал их с мужской, эгоцентричной и лаконичной прозой Папы.

Он закончил читать и положил блокнот на место. Ханна как раз вышла из душа.

Ричард снова полез в карман и вытащил оттуда склянку, посмотрел на нее при свете от окна. Во время короткой встречи — всего несколько слов шепотом на парковке за аптекой — человек сказал, что ему только нужно положить снадобье в напиток вдовы Хемингуэя. И, выпив это зелье, Мэри станет легко отвечать на все заданные ей вопросы, сказал этот человек.

Ричард взял протянутую склянку из руки человека так, будто она радиоактивна. Неуверенно. И спросил:

— А что это такое?

— Мы это пока не назвали, — улыбаясь, ответил человек. — Можете называть это „сыворотка правды“, но на самом деле это не вполне соответствует действительности. Однако вы ведь ждете конкретного ответа? Вы его получите. Вы хотите знать, не застрелила ли Мэри Папу? Подсыпьте этой суке зелья и задавайте вопрос.

Затем человек протянул Ричарду пачку сто долларовых купюр.

Ханна приоткрыла дверь ванной комнаты, чтобы выпустить пар. Ричард поспешно спрятал склянку.

Стоя спиной к двери, Ханна осторожно надела кольца. Палец уже принял нормальный вид, и она решила, что впредь будет следить за ним, примет меры при намеке на отек и таким образом предотвратит катастрофу, которая едва не произошла накануне. Она хотела поговорить о человеке, который прячется недалеко от их комнаты,

заставить Ричарда понять, что вокруг них происходит что-то странное. Но сегодня у него большой день — его первая встреча с Мэри, к которой он готовился много лет.

Ханна потрогала его подбородок:

— Ты опять колючий. Не хочешь еще раз побриться?

Ричард покачал головой:

— Это специально. Решил немного отрастить. Побреюсь, когда закончу свой первый вариант. На удачу, понимаешь?

Ханна явно сомневалась. Еще раз провела тыльной стороной ладони по щетине своего мужа:

— Тут порядком седых волос, милый. Будешь выглядеть старше своих лет.

Ричард пожал плечами.

— Ну... — пробормотал он.

Он опять надел кубинскую рубашку навывпуск. Брюки хаки и коричневые туфли. Волосы зачесал назад. Они почти касались воротничка. Как у Папы.

Она увидела стакан и бутылку на ночном столике. Он проследил за ее взглядом и заметил:

— Я готовлюсь к сражению со старой сукой и вовсе не хочу, чтобы ты открывала рот по этому поводу, поняла? Хем редко общался с Мэри до первого утреннего стакана и работы над рукописью, так почему я должен поступать иначе? Только тогда можно было иметь дело со старой ведьмой. Если слухи о ее запоях соответствуют действительности, мне еще до нее далеко.

Черт, он собирается прибыть в Дозорный дом под градусом и сразу же задать тон встрече. Показать этой мерзкой и, возможно, преступной старой суке, кто хозяин. К тому же сунуть старой женщине зелье, которое ему дал тот человек, Ричард сможет только в подпитии.

Ханна сжала зубы. Она закусала губу, придумывая аргументы, которые следует выдвинуть, чтобы доказать Ричарду, что нельзя появляться на этой первой встрече забуддыгой.

Ричард поднялся, налил себе еще виски, выпил и облизал губы.

— Хорошая вещь, — заявил он. — Хотя не уверен, что в мире достаточно „Джаинт Киллер“, чтобы подготовить меня к встрече с этой чертовой женщиной. — Он наблюдал за реакцией Ханны, явно ожидая гневного возражения.

Ханна только посмотрела на него, но тут у нее едва не отвисла челюсть — он начал боксировать со своей тенью на стене. Затем упал на пол и принялся отжиматься. После четырех раз и неудавшейся пятой попытки он с трудом поднялся и приложил руку к закружившейся голове. Налил себе еще виски и снова уставился на Ханну: теперь их было двое.

— Будешь читать мне лекцию?

Ханна отрицательно покачала головой, вернулась в ванную комнату и закончила расчесывать волосы. В зеркало ей была виден блокнот Ричарда, лежащий на кровати за ее спиной. Может быть, секрет того, что привело к разладу между ними, скрыт между строк в его записях о Хемингуэе. Может быть, там остался след их разрушающихся отношений.

Она присмотрелась к своему лицу в зеркале. Она не очень себя узнавала: лицо стало полнее из-за беременности... щеки постоянно горят. Она снова посмотрела на блокнот на кровати.

Ричард сказал:

— Пойду немного погуляю. Постараюсь побольше проникнуться этим местом. Посмотрю, может быть, отыщу еще пару водоемов Папы, которые туристам пока не удалось обнаружить.

Ханна глубоко вздохнула и кивнула. Даже если он завалится в какой-нибудь бар, все равно хорошо, что он сейчас уйдет. Ханна поняла, что начинает все больше его анализировать, систематически рассматривать, разбирать на части, как они сами делали с героями ее рассказов в годы ее занятий в аспирантуре. Все садились в кружок и умышленно разбирали по косточкам человека, описываемого на странице.

Но этот человек был ее мужем, не героем одного из ее рассказов.

И самое печальное, Ханна совсем не была уверена, что Ричард выдержит такое глубокое разбирательство характера.

Ханна сидела в кресле, покусывала губу и листала блокнот Ричарда. Глубоко в душе она понимала, что ей следует уносить ноги, пока она может это сделать без особых травм. Прежде чем она станет жертвой плохого обращения и свидетелем неизбежного саморазрушения Ричарда.

Но куда бежать? К чему? Ее нынешняя ситуация была далеко не идеальной, даже порой удушающей, но, по крайней мере, она была частью литературной жизни. Ричард все же полагал, что слова на странице и человек, который их написал, могут быть самым важным в мире. Разумеется, Ричард никогда так не скажет, он даже так не думает, но это заложено в его профессии.

И ей так без него одиноко.

Далеко от дома. Далеко от семьи. Она мечтала уехать из шотландской деревни, стать другой, попробовала начать писать. Она нашла себе мужчину, который с помощью слов зарабатывал себе на жизнь, человека, который изучал одного из самых великих мастеров пера, но оказалось, что глубоко внутри человек, за которого она вышла замуж, был еще одним образчиком ее отца — властным алкоголиком, возможно, даже способным на насилие.

Она открыла блокнот Ричарда и перечитала отдельные абзацы то здесь, то там. Задумалась над утверждением Ричарда, что степень необходима для творчества; настоящие художники в долгу у своих лучших критиков. Более того, он утверждал, что писатели и критики на самом деле существуют в симбиозе, что они переписываются, реагируя на точку зрения друг друга. В некотором смысле, разные стороны одной и той же монеты.

Она задержалась на длинном замечании, которое Ричард оставил сам для себя на полях. Оно ее встревожило.

Он, похоже, боролся с мыслью отказаться от биографической формы и написать исторический роман о Папе. Ричард в молодости

пытался писать художественные произведения, но эти напряженные, странные романы не нашли читателя. Может быть, он переживал кризис среднего возраста? Это было удивительно, ведь Ричард завоевывал премии за свои работы по Хемингуэю. Попытка написать роман о жизни Хема только навредит его репутации ученого.

Кроме того, Ричард глубоко ушел в исследования, какие вряд ли понадобились бы для написания романа. Даже сейчас Ричард ездил на кладбище в Кетчуме, пытаясь узнать имя человека или нескольких человек, которые копали могилу Хемингуэю.

— Мы ведь знаем имя человека, который выкопал яму для Фолкнера, — как-то сказал Ричард, — но кто выкопал могилу Хемингуэю?

— Но наверняка Папа сделал это сам? — прочирикала Ханна, улыбаясь и пожимая плечами.

Но Ричард не улыбнулся. Профессор Полсон ушел, не попрощавшись.

Зазвонил телефон, испугав ее.

— Алло?

Голос был хриплым, скорее женским.

— Скажи своему мужу, чтобы отступился. Слышишь? Скажи Ричарду, чтобы все бросил и отправлялся к чертовой матери домой.

Она нахмурилась, прислушиваясь к тяжелому дыханию в трубке. Сердце бешено колотилось.

Что это может означать, милостивый боже?

Ханна вспомнила незнакомца, который наблюдал за ними в ресторане, ехал за ними до гостиницы, ждал на парковке напротив их двери. Но ей не удавалось соединить голос и лицо.

На другом конце была женщина, Ханна почти была в этом уверена, и эта женщина была выпивохой и курила по три пачки в день. Пока Ханна решала, повесить трубку или пригрозить пожаловаться оператору, голос сказал:

— Отправляйтесь домой, или вас отправят туда в ящике.

Этот роман легко в сторону не отодвинешь.
Его надо отбросить с силой.

— Дороти Паркер¹

9. Утерянная глава

— Это страшная дыра, я знаю, но спасибо, что встретились со мной здесь, — сказал Гектор. — Гостиница кишмя кишит вашими будущими коллегами.

— Вам, наверное, кажется, что вы в аду, Гектор. — Декстер Иванс был специалист по Хемингуэю из Северо-Западного университета. Он отпил глоток пива и оглядел мрачный интерьер занюханного кетчумского кабака. — Никто из моих коллег здесь не бывал, — заметил профессор.

— Вот именно, — сказал Гектор. — Никаких *ученых*, жующих лепешки и рассуждающих о смерти романа или смерти писателя.. или еще о какой-то ерунде вроде „случайного повествования“, что бы это ни означало. Они так много говорят, что удивительно, как у них остается время что-нибудь писать. Я не большой поклонник старины Фроста², но Боб кое-что сказал, показавшееся мне занимательным для поэта. Он сказал: „Разговоры — это шланг во дворе, а писательство — вентиль наверху в доме. Откроешь первый — снимешь напряжение со второго“. Он был прав, старина Боб. Но этот притон — место, где я могу писать, и никто из ваших приятелей не будет спрашивать меня про Ки-Уэст или о Геллахорн и Мадриде.

¹ Дороти Паркер (1893–1967) — американская писательница и поэтесса.

² Роберт Фрост (1874–1963) — один из крупнейших поэтов США, четырежды лауреат Пулицеровской премии.

— Так тяжело?

— Этому конца-края нет, — уныло признался Гектор. — Ужасно. Но как я вам обещал, Декс, вы услышите мои воспоминания о Хемингуэе, и только вы получите разрешение на их публикацию. Я имею в виду, помимо того, что я наговорю в своей так называемой основной речи.

— Вы уже написали эту речь, Гек?

— У меня еще есть пара дней, могу потянуть. Работаю.

— Не терпится услышать, что вы собираетесь сказать.

— Мне тоже не терпится.

— Вы хорошо выглядите, Гек. Лучше, чем в последние годы.

Гектор улыбнулся:

— Говорят, звезды светят ярче, перед тем как потухнуть. И когда это мы с вами в последний раз пересекались?

— В ноябре тысяча девятьсот пятьдесят девятого года.

— Ну, пятьдесят девятый был для меня очень плохим годом. Пятьдесят восьмой тоже. Черт, а пятьдесят седьмой был просто ужасным.

Декстер сжал руку Гектора:

— Ладно, забудьте то, что я вам сказал несколько секунд назад. Вон тот молодежавый парень в костюме. Он здесь как белая ворона. Вполне может быть из ученых.

— Только не с такой стрижкой и покромом костюма, — возразил Гектор. — Я его знаю. Он мой собственный хвост от ФБР. Называется Эндрю Лэнгли. Мы иногда болтаем. Вернее, я с ним разговариваю. Он делает вид, что не слышит меня. У него, у этого Энди, совсем нет чувства юмора.

Декстер с трудом слотнул:

— ФБР? В самом деле?

— Угу.

— Вы же никогда не лезли в политику, Гек. Более того, вы скорее считались консерватором. Зачем ФБР за вами следить?

— Черт, а почему они за всеми нами следят? Но именно так они и поступают... следят за Стейнбеком, Томасом Манном и десятками других. Затем была эта история в пятьдесят восьмом, которая привлекла ко мне официальное и пристальное внимание. Кое-что произошло в Нашвилле, затем широко распространилось. Но об этом в другой раз. — Гектор отпил глоток из своего стакана и сказал: — Слушайте, Декс, я хотел с вами встретиться из-за...

— Якобы существующих рукописей, — перебил Декстер. — *Si?*

— *Si*. В чем дело? В чем суть, как говорил Хем?

— Не ясно. Карлоса называют официальным биографом.

— Я слышал, — сказал Гектор. — Все будет компетентно, но невыразительно. Полагаю, именно поэтому Мэри его и выбрала — никаких сюрпризов.

— Точно. Карлос как раз получает доступ к тому, что осталось после смерти. Цитировать оттуда он не может, но имеет право высказать общее впечатление, слегка суммировать.

— Хем действительно написал книгу обо мне?

— Он действительно собирался написать книгу о вас. Насколько я могу судить по тому, чем он со мной поделился, рукопись, если таковая существует, пока не всплыла. Рабочее название „Все вещи в труде“.

Гектор нахмурился:

— Не соблазнительно. И что-то напоминает. Откуда это?

— Библия, — ответил Декстер. — Екклесиаст. Тот же абзац, откуда Хем взял свое „И восходит солнце“.

— Звучит хреново.

Декстер поднял свой стакан с пивом:

— Менкен¹ сказал: „Разлагающийся герой — почва для огромной массы гениальной художественной литературы“.

Гектор фыркнул:

¹ Генри Луис Менкен (1880–1956) — американский критик и публицист.

— Интересно, как бы этот мудила Менк прореагировал, если бы кто-нибудь написал роман о Менкене в стадии разложения. Господи!

— Да не волнуйтесь, Гектор. Рукопись ведь не всплыла. Мы знаем о намерении Хема только по заметкам на рукописи главы о вас, которую он написал для книги „Праздник, который всегда с тобой“.

Гектор едва не подавился глотком виски:

— Что? Когда мы с вами в прошлый раз разговаривали, эта глава была лишь пустым слухом. Она действительно существует?

— Я ее видел. И читал.

— Бог мой, Декс, мне необходимо ее видеть. Прочитать. Что в ней?

— Ничего ругательного... скорее зловещая. Затравка для романа, так можно сказать. Ничего порочащего вашу репутацию. Ничего такого, из-за чего вы могли бы подать в суд. Как вы знаете, всем героям „Праздника, который всегда с тобой“ досталось, но этот скетч скорее доброжелательный. Если он попадет в печать, вы будете выглядеть вполне положительно.

Гектор покачал головой:

— „Вполне положительно“. Он „вполне положительно“ пырнул ножом Скотта... Доса... беднягу Форда. Мне необходимо видеть эту главу обо мне. Черт, я имею на это право.

— Не уверен, что миссис Хемингуэй согласится. Мэри твердит, что у нее еще на антологию всего ненапечатанного. Неоконченного, не вошедшего в сборники. Отрывки и все такое. Как раз подойдет.

— Как мне связаться с Карлосом?

Декстер покачал головой:

— Он никогда вам ее не покажет, Гектор. Он связан столькими ограничениями и запрещениями, а также юридическими запретами касательно официальной биографии, он не станет рисковать и показывать вам экземпляр. И он не сделает этого ни при каких обстоятельствах. Слишком мнит о себе.

— Блеск.

— Но, к счастью, у меня имеется фотокопия. Я дам ее вам при условии, что вы никогда не признаетесь, что она у вас побывала, и немедленно уничтожите после прочтения.

Гектор зло усмехнулся:

— Последнее я могу гарантировать.

Декстер подмигнул и подвинул к нему сложенный вдвое конверт, который достал из кармана своего пиджака:

— Получайте.

Гектор схватил конверт.

— Вы настоящий принц среди ученых, — сказал Гектор.

— Кто же теперь так скуп на похвалу? — Декстер снова приложился к пиву. — Прочитаете потом, хорошо? Где-нибудь, где потом сможете ее сжечь. А то еще перепьете и забудете здесь.

— Не дождетесь.

— Материал довольно лаконичный, как большинство скетчей к книге „Праздник, который всегда с тобой“, но не лишен интереса, — сказал Декстер, облизывая с губ пивную пену. — Самое интересное на полях. Там как раз заметки для романа о вас, который Хем собирался написать. Безумные вещи. Наверное, у Хемингуэя в конце действительно было с головкой плохо.

— Да? И в чем суть?

Декстер криво улыбнулся и с сомнением покачал головой:

— Кое-что о вас, Хеме и тех убийствах, связанных с сюрреалистской живописью и фотографией.

Гектор почувствовал, как похолодела спина. Гектор писал именно эту книгу, только он называл ее „Торос и Торсос“. И писал Гектор этот „роман“, чтобы защитить себя и отомстить.

— Вы можете в это поверить? — сказал Декстер. — Я хочу сказать, что с точки зрения концепции это выглядит полным безумием.

Гектор пожевал губу и с трудом улыбнулся:

— Точно, черт побери.

* * *

Вернувшись в Сан-Вэлли-Лодж, Гектор пошел в гостиную, собираясь выпить и прочесть главу, которую Хем написал о нем.

Внезапно он затормозил. За угловым столиком сидели двое мужчин, погруженные в разговор. Один был ученый, которого Гектор видел накануне, тот самый, которому он придержал дверь, когда тот входил с хорошенькой беременной женой-блондинкой.

Вторым мужчиной был Донован Криди. Хотя прошло много лет, но Гектор его все равно сразу узнал.

Агент ФБР пока еще не заметил Гектора. Гектор прикрыл лицо сложенной вдвое рукописью и вернулся в вестибюль.

История будет ко мне милостивой, потому что я намереваюсь ее делать.

— Уинстон Черчилль

10. По команде

Ричард шел мимо регистрационной стойки, вернувшись с кладбища и после встречи с тем человеком, когда его окликнул дежурный:

— Мистер Полсон, у меня тут записка. Вы должны немедленно позвонить миссис Хемингуэй. Она сказала, что номер вы знаете.

Ричард чертыхаясь начал ощупывать карманы. Он очень надеялся, что бумажка с номером телефона при нем. Он не хотел звонить в присутствии Ханны, не хотел, чтобы кто-то услышал, что будет говорить Мэри.

Даже в телефонных разговорах эта старая сука была грубой и требовательной. Материлась и командовала. Она вела себя с Ричардом так, будто время, которое она собиралась уделить ему, чтобы поговорить о своей биографии, было одолжением, которое она неохотно делала... как будто он был у нее на посылках. Мэри всячески выражала недовольство, что приходится тратить это время, хотя, черт бы ее побрал, именно она была инициатором этой встречи.

Ну, более или менее.

Ричард начал прощупывать почву насчет интервью со вдовой для большой книги о Хемингуэе, но тут Мэри выступила со встречным предложением:

— Вы можете получить всю мою историю, Дик. Причем вы один. Но это будет *моя* история. *Моя* жизнь.

Они едва подписали бумаги на авторизованную биографию, когда эта проспиртованная старая стерва заявила, что одновременно работает над своими мемуарами. Двуличная старая шлюха.

Ричард развернул грязную бумажную салфетку, на которой записал номер ее телефона, и набрал его. Он ожидал, что трубку снимет какой-нибудь помощник, но ответила сама вдова, которая даже в это утреннее время уже плохо выговаривала слова. Уже приложилась к „Кровавой Мэри“, потаскуха.

Мысль о том, чтобы принять с утра, заставила Ричарда облизнуться. Он бы с удовольствием употребил „отвертку“ и снабдил организм витамином С.

Мэри сказала:

— Сегодня, когда придете, я хочу, чтобы вы привели с собой вашу подругу. В смысле, жену. Хорошенькую маленькую блондинку.

Ричард оскалился. Зачем Ханна понадобилась Мэри? Он попытался вспомнить, что говорил Мэри о Ханне. Разве он когда-нибудь ее описывал? Они разговаривали несколько раз, причем оба были здорово поддающимися, так что вполне вероятно, что он сболтнул что-то о внешности Ханны. Черт, наверняка.

Он покачал головой и сказал:

— Она беременна. На очень позднем сроке, так что я не уверен, что у нее хватит сил...

— Ерунда, — перебила его Мэри. — Она спокойно сможет посидеть в кресле. Более того, Ханна сама немного пишет, вот я и думаю, что будет неплохо, если женщина поможет вам с моей историей. Есть вещи, которые только женщина в состоянии понять. Я не верю, что мужчина, работающий один, сможет воздать мне должное. Так что я надеюсь на партнерство между вами и вашей женой, Ричард. Ханна представляется мне своего рода переводчиком, мостом между вами и мной. Гидом для вас, когда речь пойдет о моих наиболее сложных сторонах. Я знаю, как вы, ученые, себя ведете, у вас всегда и везде один только Папа, Папа, Папа. Я не хочу потеряться в своей собственной книге.

Ричард с трудом удержался, чтобы оскорбительно не расхохотаться. Сложные стороны? Старая стерва — открытая книга, во вся-

ком случае, с точки зрения Ричарда. Мэри была посредственной журналисткой и таскалась за войсками во время Второй мировой войны, добывая материалы при помощи своего тела. У нее была второсортная манера писать, второсортный интеллект и второсортное образование. Черт, да она сама появилась из какого-то второсортного местечка.

— Мне думается, что сейчас Ханне стоит полежать в постели, — сказал Ричард. — Для нее сейчас самое главное — ребенок. Для нас обоих в мире нет ничего важнее.

Стандартное клише. Ему показалось, что он произнес эти слова с неподдельной страстью.

— Ханна в порядке, Дик. Крепче, чем вы думаете. — Мэри помолчала, потом добавила: — Я смотрю на эту сделку только так, с вашим совместным участием. Сами знаете, в городе есть другие ученые с женами. Я могу обратиться к одной из этих пишущих пар, если вы считаете, что Ханна не согласится.

— Откуда вы узнали, что Ханна пишет? Как вы вообще *что-то* о ней узнали?

Он по голосу почувствовал, что Мэри улыбается.

— Это *мой* город, Дик. Я все *слышу*.

Ричард пнул ножку конторки, испугав дежурного. Сквозь сжатые зубы сказал:

— Да нет, все в порядке. Я возьму с собой Ханну. Я только хочу подчеркнуть главное: это будет *моя* книга. Я не работаю в сотрудничестве с кем-либо.

Мэри сказала:

— Я с удовольствием познакомлюсь сегодня с Ханной. Пожалуйста, передайте ей это от меня.

Сама попытка автора изобразить реальность часто приводит к искаженному взгляду на эту реальность.

— *Габриель Гарсиа Маркес*

11. Эхо

Гектор заказал бутылку „Риоха Алта“ и уселся в своем номере 206, вытянув ноги, положив их на диван и подбросив дров в камин. Радио он настроил на станцию, по которой передавали только классическую музыку. Он закурил сигарету, отпил глоток вина, затем осторожно развернул копию того, что предположительно являлось утренней главой романа Хема „Праздник, который всегда с тобой“, и принялся за чтение...

КНИГА ВТОРАЯ

Праздник, который всегда
с тобой
(Утерянная глава)

КАНУН РОЖДЕСТВА В КАФЕ „СЕЛЕКТ“, МОНПАРНАС

Была зима, первая после нашего возвращения из Торонто, и с деньгами было еще более туго, чем год назад; наступил канун Рождества, а я так и не нашел подарка для своей жены и ребенка. Все наши деньги уходили в основном на маленькие кусочки угля и иногда на какие-никакие дрова, а также на еду для нашего малыша. Я ел раз в день, чтобы жена могла поесть дважды. Мы были такими нищими, что я перестал писать в кафе, чтобы сберечь деньги, и иногда несколько дней, а то и пару недель не имел возможности понастоящему выпить.

Гектора я нашел в „Селекте“, как мы накануне договаривались. Шел одиннадцатый час, и мы оба закончили свое утреннее писательство. Был канун Рождества, а для нас, приезжих из Штатов, Рождество — важный праздник. Гектор был единственным ребенком в семье из прибрежного Техаса, так что, возможно, Рождество было для него немного менее важным, чем для меня. Но только немного.

Я вырос на Среднем Западе. Там у нас жизнь распределялась по сезонам, и Рождество означало снег, семью и елку в гостиной. Рождество означало обмен подарками, и церковную службу, и женщин, собравшихся вокруг пианино, и хороший огонь в камине, и праздничную еду, после которой каждый чувствовал себя таким переполненным, что даже немного подташнивало и даже, пожалуй, было немного стыдно, что так много съел.

Я вспоминал о прошлом Рождестве в то утро с Гектором — и думал, что мне вовсе не было бы стыдно, по крайней мере в то утро, за переедание или хотя бы за полный желудок.

“Лассо” был высоким и стройным, одним из тех, кому Гертруда, чей авторитет в таких делах не подвергался сомнению, настойчиво предсказывала карьеру в кино, благодаря его „приятной внешности и глубокому баритону“, а также „атлетическому сложению“. У него были приятная улыбка и ямочки на щеках, а также голубые глаза, которым самое место на лице женщины или актера. Но Гектор не был ни женщиной, ни звездой кино (некоторые даже скажут, что он не был настоящим, по крайней мере, честным писателем, хотя позднее многие могли отозваться о нем, как о приличном актере).

Но тогда он был хорошим и верным другом и праздновал подписание контракта на книгу, и я мог убедить себя, что он в то утро платил за выпивку в честь этого контракта, а не просто платил за меня. Дома Гектор писал для дешевых детективных журналов и хорошо зарабатывал. Все называли его автором детективов, но на самом деле он был писателем, который писал рассказы с сюжетами о преступлениях, и лучший его рассказ можно вполне было включить в сборник таких рассказов, как „Убийцы“, если бы я этот рассказ сподобился написать. Или напечатать вместе со многими рассказами Фолкнера, где есть преступления или скорее элементы преступлений.

Но Гектор тогда публиковал рассказы с завидной регулярностью и недавно продал первый из своих приличных детективов. У него завелись деньги, и он подумывал о переезде из Квартала и, возможно, даже из Парижа. Он поговаривал о возвращении домой и на Киз во Флориду, где, как он настаивал, жизнь значительно дешевле, чем в Париже, и где постоянно так тепло, что в домах даже нет каминов или радиаторов.

В те дни казалось, что Гектор умел попадать в хорошие и интересные места раньше меня или хотя бы убедительно врал по этому

поводу. Но Гектор был убежденным холостяком, и я уверял себя, что это дает ему определенные критические преимущества как исследователю. Я в первый раз встретил Гектора в Италии. Он водил санитарные машины, а после того, как был ранен и списан, обучал меня и показал, как надо водить старые развалюхи почти без тормозов по горным дорогам. Позднее он почти год торчал в Париже, даже, возможно, два года, до того как я там появился, — и еще в одном случае он меня опередил: появившись раньше меня в Ки-Уэсте, хотя, очень может быть, лучше было бы для нас обоих, если бы он там вообще не появлялся.

Но до этого оставалось еще много лет, а именно в то утро мы были лучшими друзьями, был канун Рождества, мы сидели у огня и пили греющий живот и развязывающий язык ром „Сен-Джеймс“. Мы сидели на террасе пивной, тут было теплее, но все равно утро выдалось очень холодным, несмотря на солнце, и мы видели пар нашего дыхания, когда разговаривали и даже когда просто дышали.

Мы немного поговорили о нашей утренней работе, и Гектор поведал мне, что собирается отдохнуть со шлюхой, с которой познакомился несколькими днями раньше и которую хочет наставить на путь истинный.

Имя у девушки было оригинальное — Виктория. Она приехала из Сент-Луиса в Париж, чтобы стать певицей или танцовщицей. Но она прошла через круги *bal musettes*¹, затем попала в *revues* поменьше, затем в „Фоли Бержер“, а потом скатилась в самый низ, и теперь ее трудовое имя было Соланж.

Я встречался с ней раз или два, она была вполне хорошенькой: блестящие черные волосы, не по моде длинные и прямые. А глаза синие, не голубые, как у Гектора, и у нее была милая улыбка, но не было ямочек Гектора. И все же она была вполне привлекательной, и, глядя на нее, становилось грустно, что вот приехала она в Париж

¹ Место для танцев, танцевальный зал (фр.).

юной, были у нее мечты, но эти мечты не осуществились, даже близко ничего похожего не произошло, и превратилась она в обычную девушку с панели.

Когда Гектор получил деньги, он снял ей квартиру, что вызвало небольшой скандал с его вздорной и вдруг впавшей в религию *femme de menage*¹ и вынудило его искать жилье.

— Мы с Вики сегодня утром сделали немного попкорна, — сказал мне Гектор. — Все утро мы нанизывали попкорн, а после ленча собираемся пойти в Люксембургский сад. Я там нашел прекрасную сосну, совсем как новогодняя елка дома, мы повесим на нее попкорн и будем следить, как его клюют птицы, потом выпьем немного кирша и споем пару рождественских песен. Ты с семьей должен встретить нас там, Хем.

Как будто что-то вспомнив, Гектор сунул руку под стол и порылся в кармане лежащего на стуле пальто. Потом протянул мне небольшой бумажный сверток и сказал:

— Счастливого Рождества, Хем.

Это была металлическая фляжка, и я чувствовал, что в ней что-то булькает. Я уже собрался отвинтить пробку и понюхать, как он сказал:

— Перно. — Он поднял свой стакан с ромом. — *Alla tue salute!*

— *Salute*, — сказал я. Мы чокнулись, и он протянул мне еще два небольших свертка.

— Тот, что в красной бумаге, для Бамби, — сказал он. — Эту вещьцу я на днях увидел.

Второй сверток, сказал он, предназначался моей жене. Гектор был чуть моложе меня, и моя жена относилась к нему по большей части как к младшему брату. Но иногда они начинали флиртовать друг с другом, и я понимал, что они относятся друг к другу очень хорошо, а Гектор, возможно, даже немного влюблен в мою жену. Разумеется,

¹ Зд. — экономка (*фр.*).

если такие люди, как Гектор, способны влюбляться. Но в то время все это было совсем невинно, так что, когда я, работая журналистом, вынужден был уезжать по заданию, я знал, что Гектор будет за ней присматривать, и за нашим сыном тоже, что они будут в безопасности и ничего непотребного не произойдет.

Но я ощущал через бумагу контуры подарка и чувствовал, что начинаю закипать. Рыжие волосы моей жены совсем отбились от рук после рождения ребенка, стали густыми и непослушными, а она умудрилась потерять одну из своих любимых щеток для волос, когда мы переезжали из Торонто. Только сегодня, когда я уходил, она чертыхалась, не в состоянии расчесать густые рыжие волосы.

Несколько дней назад мы с женой и Гектор со своей шляхой, вставшей на путь праведный, гуляли по городу, жена увидела в витрине антикварной лавки серебряную щетку и что-то сказала по этому поводу. Я понял, что подарок — та самая щетка, которая ей понравилась.

— Я не могу это принять, Лассо, — сказал я.

— Это же не тебе, Хем, — осторожно заметил Гектор. — Скажи ей, что это от тебя. Тебе бы все равно пришлось так сказать, потому что все остальное было бы... неприлично. — Он тогда мне улыбнулся своей лучшей улыбкой, во всяком случае, я знал, что он считает ее своей лучшей улыбкой: мальчишеская улыбка с ямочками на щеках, которая должна стереть мою обиду — по крайней мере, он так считал. И довольно часто не ошибался. Тем более что моя первая настоящая выпивка за несколько недель сделала меня расслабленным и покладистым.

Но все же справиться с моей обидой до конца ему не удалось, и Гектор это почувствовал. Он сказал:

— Вы двое — единственная семья, которая у меня есть, Хем, и сейчас Рождество, так что принято дарить. Тебе просто надо смириться с необходимостью принимать подарки, перестать быть таким праведным сукиным сыном. — Он показал на подарок для

моего сынишки. — У меня нет ни братьев, ни сестер, так что никогда не будет племянников или племянниц. Боюсь, что потребность в детях для меня исчерпывается Бамби. Черт, Хем, позволь мне устроить себе Рождество. Без этого мне останется только украшать деревья в парке вместе с падшими женщинами. Что это будут за Святки? Ты не можешь по-настоящему оценить семью, потому что она у тебя есть. Когда ее у тебя нет, ты только об этом и думаешь

Я все еще не мог успокоиться, но тогда я был ужасно привязан к Гектору. Я еще не знал, что стану делать с подарками, и, если понесу домой, как объясню их появление, но его улыбка и честный голубой взгляд сломали мое последнее сопротивление и ревность и сняли с меня вину за то, что у меня нет денег.

Мы снова подняли тост, и я принялся думать о чем-нибудь, имеющемся в нашей крошечной квартире, что я бы мог подарить Гектору.

Гектор заказал гренки с сыром, мы продолжали тянуть ром. Потом я спросил:

— А что ты подарил на Рождество Викки?

Гектор покачал головой, вытряс из пачки сигарету, зажег спичку, щелкнув ею по ногтю большого пальца, и прикурил.

Некоторое время он смотрел на огонь в жаровне.

Наконец, вздохнул и сказал:

— Аборт.

* * *

Гектор вздохнул, закусил губу и отпил глоток вина. Скetch Хема по поводу давнего кануна Рождества одновременно был точным и *не был*.

Большинство искажений — возможно, намеренных, скорее всего, намеренных — заключалось в опущениях. Заключалось между строчками. Вопреки тому, что написал Хем, Гектор *всегда* попадал в хорошие места первым. Ранение Гектора на войне помешало ему

участвовать в боевых действиях и вынудило поехать в Италию за полгода до Хемингуэя.

Гектор сманил Хема в Париж, а позднее в Ки-Уэст. И он познакомил Хема с Кубой.

Антикварная щетка была подарена Хэдди на Рождество. Из более поздних разговоров Гектор узнал, что Хем подарил эту щетку от себя.

Это нормально.

Ничего страшного, Гектор сам это предложил.

Из себя вывел Гектора последний абзац.

Он прозвучал так, будто ребенок был от Гектора.

С художественной точки зрения Гектор был способен оценить этот ход: Гектор признал, что сравнение его жизни с тогда счастливой семейной жизнью Хема было удачным писательским приемом.

Но по самым разным причинам этот было абсолютно несчастным.

Виктория утверждала, что не знала, кто отец ребенка. Им мог быть один из дюжины ее „клиентов“. Но Вики никакого ребенка не хотела и умоляла Гектора помочь ей от него избавиться до того, как они вернутся в Штаты и до ее встречи с родителями. Он неохотно согласился.

Операция прошла очень неудачно, хотя изначально это не проявилось. Но в результате Вики оказалась бесплодной.

Много лет спустя Гектор узнал, что ее неспособность родить ребенка разрушила ее довольно удачный брак с мужчиной, который во всех других отношениях был вполне приятным человеком

Вики умерла вскоре после развода.

Гектор потерял виски, вспоминая те далекие дни с Вики в Париже. Кто же все-таки был отцом того ребенка? В ее жизни было много мужчин. Она иногда о них рассказывала: обреченные солдаты, богатые, но несчастные в браке супруги.

Но был *один* мужчина.

Виктория никогда о нем не рассказывала, никогда не называла по имени, а когда Гектор настаивал, пожимала плечами и говорила:

— Все глупости, Гек. Никого не было.

Но кто-то *был*. Гектор *знал* это — какой-то мужчина, который заполнил пустоты в биографии Вики... память о котором всегда возникала в ее нечастых разговорах по пьянке. Не обязательно любовник, во всяком случае, отношения прервались, даже не наверняка отец ребенка, которого она извела.

Но кто-то — какой-то мужчина — отбросил длинную и, возможно, зловещую тень на жизнь Вики.

Когда Гектор давил очень настойчиво, Вики пряталась за бутылкой или искала прибежище в одиночестве — выставляла его из дому.

Однажды вечером, сильнее перепив и разозлившись на бесконечные приставания Гектора, она попросила его уйти. Разозленный Гектор выскочил за дверь и встретил в кафе внизу Хема. Подстегнутые выпивкой, два пьяных писателя решили проследить за не менее пьяной Вики — вдруг она приведет их к тому таинственному мужчине, который быстро становился *bete noire* для Гектора?

Но ничего не вышло из этих ночных преследований. Во всяком случае, не помогло вывести из тени загадочного мужчину.

Но позднее, еще основательно подвыпив, Гектор и Хем пришли к одному выводу: пока они следили за Вики, она следила за *ними*.

Из попыток Гектора сделать из Вики честную женщину ничего путного не вышло, и много лет спустя он услышал по своим каналам, что ее нашли мертвой в собственной квартире.

Ее тело на кухне нашел смотритель, взломав замок в квартире после того, как соседи начали жаловаться на сильный запах газа в общем вестибюле. Виктория лежала, сунув голову в духовку.

Гектора не слишком удивило ее самоубийство. У Виктории часто бывало плохое настроение. Ей так и не удалось справиться с виной за то, что пришлось заниматься таким порочным делом.

Но некоторые газетные отчеты, которые прислал Гектору давнишний общий друг, беспокоили Гектора.

Какой-то любопытный сосед утверждал, что видел незнакомого мужчину, ошивающегося у квартиры Виктории. Он даже пару раз видел этого мужчину, когда тот выходил из квартиры Виктории за день или два до ее смерти.

Гектор прочитал утерянную главу еще раз, потом в третий раз.

Что-то непонятное его беспокоило, вот только он не мог определить, что именно.

Что-то...

Черт бы все побрал. Это было так давно. И тогда, и потом было слишком много выпивки. Сотни тысяч слов были написаны между тем временем и сегодняшним днем.

Гектор пригляделся к страничкам, к полям, интервалам — все это и в самом деле напоминало машинку Хема. И все эти записи на полях насчет сюрреалистических убийств были сделаны точно почерком Хема.

Это было для Гектора загадкой: кто, кроме Хема, мог участвовать в этом странном документе, который не должен был существовать?

Эта глава... Давно утерянная и вдруг всплывшая глава о Гекторе... И Криди здесь, в Айдахо, болтает с собравшимися учеными?

Что-то злоеющее происходило в этом отдаленном горном городке, можно было не сомневаться. Что-то, назначенное испортить репутацию Хема и, возможно, репутацию Гектора.

Что-то, от чего у Гектора стыла кровь в жилах.

Вдова. Слово истребляет себя.

— *Сильвия Плат*¹

12. Приглашение

— Одевайся, — велел Ричард, включил свет и раздвинул шторы, впус-
тив в комнату яркий свет. — Она хочет, чтобы ты тоже пришла.

Ханна села на кровати и провела ладонью по спутанным во-
лосам.

— А? — сонно спросила она. — Кто? Кто хочет, куда пришла?

— Мэри. Прежде чем мы с ней займемся конкретным делом, она
хочет, чтобы мы встретились в компании. Только сегодня. Я никак
не мог отвертеться. Кстати, при тебе она, возможно, будет помягче.
Ты Мэри понравишься. Черт, ты всегда всем нравишься.

— Я ужасно себя чувствую. Кроме того, сегодня день, когда
я должна писать. — Ханна потерла глаза кулаками. — Ты ведь
обещал.

Ричард действительно обещал. Но с другой стороны, она втайне
пришла в восторг от возможности увидеть дом Папы, познакомиться
с его вдовой и услышать ее вариант легендарного события.

— Ты будешь чувствовать себя лучше, а рассказ закончишь завтра.
Он же небольшой. Сколько времени это может занять?

Ханна нахмурилась:

— Будучи профессором литературы, ты должен был бы знать от-
вет на этот вопрос. Или хотя бы предположить.

Он подумал, потом ответил:

¹ Сильвия Плат (1932–1963) — американская поэтесса и писательница,
одна из основоположниц жанра исповедальной поэзии.

— Вообще-то, тебе стоит поднять этот вопрос при Мэри — сколько времени занимает у тебя писательская работа: сразу станет ясно, что это для тебя главное. Ну, разумеется, после родов. И уж раз ты об этом заговорила, тебе стоит все немного расширить. Как насчет чего-нибудь, что непосредственно не связано с тем, что произошло между тобой и твоим стариком?

Щеки и шея Ханны покраснели.

— Ты опять шпионишь.

— Я профессионал, не шпион.

— Ну да, только Папа не разрешал Эдмонду Уилсону критиковать свои работы в процессе написания, — сказала Ханна. — Писатели не нуждаются в услугах ученых, чтобы они подтирали им соплю до последнего черновика. Как бы сказать это помягче? Отваливай. — Она покачала головой и вздохнула: — Я говорю это вполне серьезно, Ричард. Никогда больше этого не делай. Это как... *осквернение*.

— Извини. — Ричард поколебался, затем махнул рукой. — Ладно, у тебя необработанный талант, но тебе давно пора отойти от своей приверженности одной теме. Ведь до сих пор все, что ты пишешь, так или иначе связано с твоим отцом. Черт, тебе надо забыть про это дерьмо, взять себя в руки и обрести свой настоящий голос. Забудь об этом, пусть это больше не служит кормом для твоих рассказов. Тут тебе не дожидаться отклика. Это только раздевание и исповедь, не литература. Читать это больно и неловко.

Ханна сдула светлые пряди со лба:

— Ага. Да, возможно. Кстати, чадо использует мой копчик вместо футбольного мяча, так что я чувствую себя не лучшим образом. — Ханна прижала ладони к животу. — Знаешь, когда я голая, а он там передвигается, можно видеть под кожей его ножки и ручки. Иногда видны даже контуры всей руки или ноги. Хочешь пощупать?

Ричард подумал о все более четко обозначавшихся контурах его печени, напоминающей раздутую подкожную пиявку, решившую уничтожить своего хозяина.

- Нет, у меня от этого мурашки.
- Тогда я первая иду в душ.
- У тебя двадцать минут.
- Это мало.
- Двадцать минут.

Они ехали в новой машине, взятой напрокат, из гостиницы в Дозорный дом. Ханна смотрела в окно на пробегающие мимо пейзажи, на далекое кладбище. И снова возвращалась к странному телефонному звонку. Она все еще не придумала, как сказать об этом Ричарду. Кстати, сейчас был самый неподходящий момент, чтобы об этом заговорить. Ричард наконец-то дождался исполнения своей мечты, он ехал на встречу с Мэри Хемингуэй. И, черт бы все побрал, Ханна тоже туда ехала. От такого интригующего поворота у Ханны даже немного кружилась голова.

Она на самом деле познакомится с последней женой Папы и будет с ней разговаривать. Ханна расчесала влажные волосы и принялась приставать к Ричарду с вопросами насчет вдовы:

— Какая она *сейчас*? Я смотрела альбом со сделанными здесь фотографиями, на них она выглядит как подросток. Слишком загорелая. Блондинка, но скорее крашеная. Очень резкие черты.

— Начиная с ее мелких хищных зубов, — сказал Ричард. — У нее зубы терьера, хотя мало кто это замечал. Она почти не улыбается на фотографиях или при встречах, как мне рассказывали.

Ханна пожала плечами. Ей не хотелось выслушать еще одну лекцию-экспромт, спорить ей тоже не хотелось. Она решила пошутить:

— Возможно, никто в присутствии Мэри не сказал ничего забавного.

Ричард закусил губу, раздумывая над ответом. Еще больше нахмурившись, он сказал:

— Хем был первым, кто посчитал ее обозной шлюхой и стервятником. Она дымит, как печная труба, и матерится, как моряк. Знающие люди говорят, что она быстро спивается.

Ханне хотелось сказать: „Здесь у вас много общего“, — но вместо этого она заметила:

— Папа ставил ее достаточно высоко, чтобы на ней жениться. Называл ее „карманным Рубенсом“, так ведь?

Ричард кивнул:

— Все так. Но в другом настроении он также говорил, что у нее лицо Торквемады — паука.

— Резко. — Ханна улыбнулась. — Это ведь паук „черная вдова“?

— В первый раз Бамби увидел свою новоиспеченную мачеху, когда она вышла голой из бассейна.

— Готова поспорить, что тогда вошло не только солнце.

— Это смешно, Ханна. В своей шутке ты затронула интересную тему. Распространяется все больше слухов о лесбиянстве. В последнее время поговаривали даже о романе между Мэри, четвертой женой, и Паулиной, женой номер два.

— Гм... Кажется, я читала, что между Паулиной и Хэдди было что-то до того, как Паулина украли Папу, что у них была любовь втроем.

— Сомнительно. — Ричард сжал руку жены. — Какой его женой ты бы хотела быть? Кто тебе больше по душе?

Ханна закусил губу. Наиболее симпатичной, наверное, была Хэдди, самая приземленная из всех жен Хема. Остальные были в разной степени сумасбродками. Марта, единственная писательница из четырех миссис Хемингуэй, как человек меньше всего импонировала Ханне.

— Ни одна, — сказала она. — Если бы мне пришлось выбирать, я бы хотела стать долгожданной, но так и не родившейся дочерью

Папы. Дочерью, которая бы впитала от гениального папочки все, что она знала о профессии писателя.

Когда они снизили скорость, чтобы свернуть на подъездную дорожку, ведущую к Дозорному дому, их обогнала зеленая „импала“ и продолжила путь вверх, на холм. Ханна мельком увидела водителя: худой мужчина в очках. Темные волосы зачесаны назад от лысины. Впалые щеки обветрены.

Ханна потянулась было к руке Ричарда, но заколебалась. Машина уже исчезла из вида.

Точно как в случае со звонком с угрозами, который она получила рано утром в полном одиночестве. Только ее слово, на которое можно опираться. Только она могла поклясться, что этот звонок был, и только она видела „импалу“, которая их преследовала.

Слово Ханны казалось малоубедительным в сравнении с навязчивым воспоминанием Ричарда о ее душевной болезни. Пытаясь выбросить из головы телефонный звонок и их преследователя, она вздохнула и пошла вверх по дорожке за мужем к дому, в котором умер Хемингуэй. Вверх по холму к последней жене Папы.

КНИГА ТРЕТЬЯ
Смерть после полудня

Вдова — это невероятное существо с привкусом зрелости, остротой опыта, пикантностью новизны, налетом отработанного кокетства и ореолом одобрения одним мужчиной.

— Хелен Роулэнд¹

13. Мэри

Вдова, прячась в коридоре за гостиной, следила за ученым и его женой в стратегически повешенное зеркало.

Мэри заставила их подождать: разглядывала профессора, который стоял там и красными глазами рассматривал место, куда упал мертвый Папа. Ричард напряженно, сжав зубы, смотрел на пол и на стены. Он стоял там одетый под Папу, со слегка отросшей щетиной, с непонятным выражением на лице.

Ханна Полсон не сводила глаз с Ричарда. Казалось, она не могла или ей не хотелось осматривать этот печально известный холл. Мэри даже прониклась к молодой женщине симпатией за это.

Он ничего из себя не представлял, этот гребаный ученый. Но Мэри никогда и не хотелось, чтобы мужчина что-то представлял из себя, она не могла позволить мужчине быть слишком значительным. Он завоевал какие-то награды, если вообще стоит обращать внимание на такую чушь. Написал вполне приличную книгу об ученичестве Эрнеста в Париже. И все.

Это было идеальным для целей Мэри.

Переговоры с большими издательствами в Нью-Йорке по поводу ее *автобиографии*, которая предположительно должна была бы

¹ Хелен Роулэнд (1875–1950) — известная американская журналистка.

вызвать ажиотаж среди синдикатов и привлечь кинематографистов, все тянулись, и конца не было видно.

Мэри решила, что книга поменьше, рассчитанная на спрос среди ученых, сможет подтолкнуть серьезных игроков вступить в игру, принять ее представление о ее собственной знаменательной биографии. Серьезные игроки хотели, чтобы она кого-нибудь использовала, как будто такой автор, как она сама — бывшая журналистка, опытный редактор, еще и „Праздник“ опубликовавшая, — может на эту сумасшедшую идею согласиться.

Ну что же, она покажет, на что способна, этому увенчанному премиями ученому — биографу Хемингуэя. Пусть его маленькая книга удовлетворит аппетиты больших игроков — ее жизнь предстанет со всеми трудностями и во всем блеске. Настоящую книгу сможет написать только она сама, своими собственными словами.

Ханна

Декорирована гостиная в Дозорном доме была в западном стиле середины шестидесятых годов.

Низкая, обитая зеленой тканью мебель. Дубовые панели на стенах.

Дом казался слегка забальзамированным, но еще не превратился в самодовольный, застрявший во времени храм, какими стали дома Хемингуэя в Ки-Уэсте или на Кубе.

Ханна заметила, что нигде не висело ни одного портрета Папы. Пока Ричард и Мэри разговаривали, Ханна следила за вдовой, стараясь понять, что привлекло Эрнеста в этой крошечной, довольно хрупкой женщине, которая сидела напротив нее.

Казалось фантастикой вот так сидеть напротив Мэри Хемингуэй после того, как столько прочитала о ней и вынуждена была в последние месяцы слушать всякую чушь насчет вдовы от Ричарда. Но, по крайней мере, пока она видела такую пропасть между легендой

и реальной Мэри, что поймала себя на мысли, что ищет в этой женщине то, что привязывало к ней Хемингуэя в течение стольких лет.

Что удерживало Папу около Мэри, несмотря на бесчисленные ссоры? Ханна не могла найти причину.

Они угостились небольшими пирожными, которые Мэри заказала в городе. Ханна пила жидкий чай со льдом из стакана, поглядывая в окно на окружавшие дом горы, сидя за тем же письменным столом, где когда-то сидел Папа и где до сих пор стояла его последняя пишущая машинка. Наверное, по мнению людей, за ним надзиравших, этот вид должен был отвлекать угасающего писателя.

Мэри Хемингуэй уселась поудобнее в своем кресле с очередным коктейлем, смешанным для нее горничной. Закурила сигарету. Кресло, в котором она сидела, было слишком для нее большим и обтянуто тканью с рисунками цветов, фруктов и виноградных листьев. Кресло было поставлено так, чтобы доветь над всем пространством гостиной, что напомнило Ханне о куда более крупной Гертруде Стайн, гордо восседавшей на своем троне в салоне в 1927 году на улице Флерюс.

Нет, пожалуй, ничего общего, сообразила Ханна, потому что Мэри, почти затерявшись в просторах своего огромного кресла, больше напоминала карлика.

И у Мэри не было кучи подхалимов.

Мэри была явно одинока в самом печальном смысле этого слова. Чем дольше вдова говорила, тем яснее становилось, что в представлении Мэри она и призрак Папы противостояли всему миру. Вдова посвятила первые двадцать минут их визита поношению первой жены Хема Хэдди, затем Паулины, а затем и Марты Геллхорн, обвиняя каждую из них в самых разных слабостях, плохом характере или личных странностях, что делало их всех — в глазах Мэри — хуже в сравнении с ней самой, а себя она считала идеальной женой Эрнеста Хемингуэя. (“Выпьем за меня”, — предложила Мэри, поднимая свой бокал.)

Ханна подумала, что маленькая, грудастая фигура Мэри, которая так поразила Джека, старшего сына Хемингуэя, когда она вышла в чем мать родила из кубинского бассейна его отца, претерпела ранние возрастные изменения в связи с бесконечными падениями и неудачно сросшимися костями. Жизнь также исчезла из ее когда-то темных волос, вынужденных пережить многочисленные окрашивания и многоцветное полоскание по требованию помешанного на волосах, капризного, лысеющего Папы. Кубинское солнце и бог знает сколько цистерн алкоголя покрыли лицо Мэри морщинами так, что она стала напоминать выдавший виды кожаный диван.

Когда Ханна просматривала фотоальбомы, сделанные во время совместной жизни Мэри и Эрнеста, она подивилась, насколько быстро Мэри и ее супруг вместе старели. Или старили друг друга.

Пятнадцать лет на слишком высокой скорости.

— У Папы были темные периоды к концу жизни, — сказала Мэри. — Другим женам не пришлось так тяжело, как пришлось *мне*. Наверное, самое тяжелое время было осенью пятьдесят восьмого, после того как я упала и сильно разбила локоть. Я не могла сдерживать жалобных стонов, а Эрнест всю дорогу до больницы учил меня, что „солдаты не должны плакать“.

Мэри покачала головой и уставилась в свой стакан.

— И все же я не могу пожаловаться, — сказала она. — Разве можно определить, кому приходилось хуже в его хорошие дни? Мне? Марте или Паулине? Может быть, Хэдди? Я иногда стараюсь поставить себя на ее место в то ужасное утро в двадцатые годы, когда ей пришлось признаться Папе, что она потеряла все его рукописи на том вокзале? Это был сразу конец их отношениям, хотя сами они это поняли много позже. Сказать своему мужу-писателю, что ты потеряла его работу? Господи, как, наверное, это было для нее ужасно. Если бы я ушла и оставила какую-нибудь Папину рукопись без присмотра, не говоря уже о том, что допустила, чтобы ее украли, я бы не удивилась, если бы этот громила вышиб мне мозги. И я бы

этого вполне заслуживала. — Слабая, невнятная усмешка. — Черт, да я сама бы зарядила для него ружье.

Ханна закусила губу. Если бы ей довелось быть одной из женщин Хема, что бы она сделала по-другому? Сумела бы она сохранить любовь Хема, чего ни Хэдди, ни Марте, ни Паулине, ни Мэри по разным причинам сделать не удалось? Может быть, как коллега-писатель, не претендующий на сравнение, как делала Марта, а только в качестве помощника она смогла бы разбудить художника и любовника в Хеме. Возможно, благодаря своей собственной страсти, таланту и увлечению спортом она бы помогла Папе оживить разные стороны его личности, которые порой так разрушающе противоречили друг другу. Было очень приятно об этом думать.

— Наверное, это было очень интересно, — смущенно заметила Ханна, — жить со знаменитым писателем такого масштаба. — При этих словах она едва не поморщилась: такими наигранными они прозвучали.

Мэри только покачала головой:

— Конечно. Я пришла к выводу, что существуют два типа людей. Есть люди, которые восхищаются Папой как личностью, тем как романтично и экзотично он прожил свою жизнь, сколько энергии в нее вложил. И есть еще другие, вроде Ричарда, которые сидят в помещении и пищут обо всей этой прозе, написанной Папой. Есть люди, которые наслаждаются словами, другие впадают в одержимость. — Она закурила сигарету и продолжила: — Я скажу вам, что означает жить с таким писателем: это во многом проясняет для тебя написанное. — Мэри улыбнулась Ричарду. Ханна наблюдала, пытаясь охарактеризовать выражение ее лица — скорее, расчетливое.

Ханна неуверенно улыбнулась. Она определенно понимала, что брак с Ричардом во многом изменил ее собственное отношение к писательству, причем не всегда в лучшую сторону. Хотела ли Мэри сказать, что жизнь с Хемом сделало ремесло писателя вроде как *меньше*? Подобное влияние на беллетриста постоянного общения

с ученым — одно дело; но что, если близость с Хемингуэем могла повлиять на отношение человека к художественной литературе? Ну, это просто ужасная мысль. Ханна сказала:

— Что вы имеете в виду?

— Папа любил как художник, — объяснила Мэри. — Все — малейшая деталь и поступок — были направлены на творчество. Если вы живете как художник, само искусство является отростком прожитой жизни. Оно рождается легко, как все, что делает человек, как простое ремесло. Если бы Папа был здесь сейчас, он потратил бы несколько минут на то, чтобы послушать вас и присмотреться к вам, и получил бы все, что нужно, чтобы написать скетч, уловив все ваши особенности. Я это знаю, видела не раз. Черт, я влияла на его работу в этом смысле, причем довольно часто. Скармливала Эрнесту материал, устраивая нашу совместную жизнь так, чтобы он потом смог использовать это в своих книгах. Сейчас я вам покажу, как это можно было сделать.

Подмигнув, Мэри взяла со стола блокнот и ручку и принялась писать.

Ханна внимательно следила за вдовой. Мэри писала в манере, напомнимшей Ханне ее собственный стиль сочинительства — быстро и решительно, без фальстартов или неуверенности. Мэри атаковала страницу. Интересно, подумала Ханна, что, черт побери, эта женщина может писать с такой скоростью и уверенностью.

Ханна взглянула на Ричарда. У него был неуверенный и обеспокоенный вид. То, что сейчас происходило, явно не совпадало с мнением о Мэри, которого придерживался Ричард. Это, вне сомнений, было чем-то новым и эзотерическим для Ричарда и не вписывалось в его представление о вдове. Мэри же продолжала быстро писать, иногда посмеиваясь над чем-то в ее собственном сочинении.

Раздался дверной звонок. Мэри, сияя, но не улыбнувшись, подмигнула и сказала:

— Это наверняка Гектор.

Она внезапно смяла свой экспромт и швырнула бумажный шар в корзину. В корзину он не попал и остался лежать на полу, подвергая Ханну танталовым мукам. Но как беременной женщине наклониться и незаметно поднять комок бумаги? Ханна смотрела на бумагу, лежащую у кресла Мэри, и покусывала губу.

Что, черт возьми, было накорябано на этих листках?

— Гектор? Ласситер? Детективщик? — изумился Ричард.

— Только, ради бога, не называйте так Лассо в лицо, — попросила Мэри. — Автор криминальных романов, так ему больше понравится. На самом деле он все больше и больше становится просто беллетристом, у которого в романах случаются преступления. У него болезнь Папы, но не вздумайте сказать ему, что это мои слова. — Она подмигнула профессору и добавила: — Итак, вечеринка начинается! Лучше начать смешивать напитки, Ричард.

— Что вы подразумевали под „болезнью“?

Она догадывалась, что Мэри хочет сказать, будто этот Ласситер постепенно выживает из ума, но Мэри сказала:

— Когда Гектор пишет, он не оставляет расстояния между собой и его произведением. Теперь между ним и его героями практически нет дистанции. Как у Папы в конце. Гектор пишет о писателях. Это постмодернистское дерьмо, как у Папы в „Райском саду“. Но Гектор в порядке. К тому же этот сукин сын большой и красивый.

Ханна попробовала вспомнить мужчину, которого она видела накануне в гостинице, но встреча была мимолетней, и Ричард объяснил, кто он такой, только когда он исчез из вида.

Когда Ричард поднялся, чтобы выполнить распоряжение Мэри насчет напитков, Мэри наклонилась ближе к Ханне и тихо сказала:

— Дикки известил вас о том, что я хочу, чтобы вы помогли ему с книгой обо мне?

Ханна удивилась. *Какого черта?*

— Гм... нет, не говорил.

— Тогда помалкивайте, — сказала Мэри. — Я с ним сама справлюсь. Я хочу, чтобы вы работали над этой книгой вместе. Эти мужики-ученые способны думать только о Папе. Но вы? Вы будете меня защищать, я уверена. Вы будете действовать в моих интересах и проследите, чтобы ваш муж-ученый обошелся со мной справедливо.

Ханна не знала, что и сказать. Даже если бы ей и хотелось попытаться, Ричард никогда этого не допустит. Ханна улыбнулась, пожалала плечами и сказала:

— Я занимаюсь только художественной литературой.

Мэри улыбнулась:

— Я так хочу. А сейчас, в моем положении, я могу получить все, что хочу.

Ричард

Тяжелые, решительные шаги по лестнице. Ричард заметил длинную тень на полу, и затем из-за угла появился по-голливудски красивый, стильно одетый пожилой мужчина.

Гектор Ласситер был чисто выбрит, седеющие волосы зачесаны назад. На нем были черные брюки и туфли, а также свободная спортивная куртка в мелкую косую клетку поверх кремовой рубашки, расстегнутой у ворота, — харизмы хоть отбавляй. Ричард смотрел, как на Ласситера смотрит Ханна. И подумал — *ублюдок...*

Профессор потряс головой, сейчас он действительно в этом нуждается. Черт... Ричард очень пожалел, что стоял. Ласситер был по меньшей мере на пару дюймов его выше, рядом с ним Ричард казался карликом.

Мэри с трудом поднялась и встретила чертового *детективщика*, обняв его за шею и затем нанеся ему шуточные удары в подбородок и живот. Казалось, Гектор этого ждал, и он никак не прореагировал на достаточно увесистый удар в живот.

— Вот мой красавец сукин сын, — сказала Мэри. — Господи, Лас-со, да ты еще симпатичней, чем был на Кубе. И выглядишь моложе. Как тебе это удается?

Гектор низко наклонился, чтобы поцеловать ее в лоб. Как Ричарду показалось, он всерьез злился. Что бы это могло означать? Гектор пожал плечами и сказал:

— Наверное, переживаю последнюю *belle époque*¹. Прежде чем Господь забьет гвоздь в мой гроб.

Господи всемогущий, пожалуйста, сделай это сейчас, с горечью подумал Ричард. Он тронул пальцем склянку в кармане. *Мне присутствие этого человека здесь совсем без надобности, особенно сейчас*, подумал он. *Твою мать*.

Вдова, не замечая явной враждебности Гектора, представила ему Ричарда и Ханну и затем еще раз ударила его кулаком в живот.

Гектор протянул руку, и Ричард ее пожал. Его ладонь полностью исчезла в руке Гектора. Ричард поморщился и тоже попытался сжать руку. Но Гектор не дал ему такой возможности.

— Ваша парижская книга мне очень даже понравилась, приятель, — сказал Гектор и отпустил руку Ричарда. Ему пришлось ее несколько раз согнуть-разогнуть, чтобы прошла боль.

Вместо того чтобы порадоваться комплименту, Ричард предпочел обратить внимание на тон автора детективных романов — Ласситер произнес эту фразу так, будто искренне удивлялся, что парижская книга получилась хорошей.

Ну и пошел он к черту, этот Ласситер.

Увидев Ханну, Гектор заколебался. Потом тепло улыбнулся и пожал ей руку. Ричард сжал свою руку в кулак.

— Вас я помню, — сказал Гектор, улыбаясь Ханне. — Вы вчера гуляли, и я предложил вас подвезти, но этот тип от меня отмахнулся. — Он показал большим пальцем в направлении Ричарда. Про-

¹ „Прекрасная эпоха“ — период с 1880-х до Первой мировой войны (*фр.*).

фессор решил, что должен что-то сделать, чтобы пометить территорию, дать Ласситеру ясно понять, что Ханна — его женщина, но ничего подходящего не приходило в голову.

— Рада познакомиться с вами официально, мистер Ласситер, — сказала Ханна. — Это большая честь для меня.

Гектор задержал ее руку, изучая Ханну, опустившуюся на диванчик и другой рукой ошупывающую подушку, на которую садилась.

— Пожалуйста, зовите меня Гектором, дорогая.

Ричард закатил глаза и снова вернулся к бару. Он взглянул на Мэри, вопросительно подняв брови, и Мэри улыбнулась.

— Мне повторить, — сказала она.

Ричард улыбнулся в ответ, игнорируя нахмурившуюся Ханну:

— А вы что пьете, Ласситер?

Гектор проверил стакан Ханны и сказал:

— Годится то же, что и для Ханны.

Ричард покачал головой:

— Не помню, Ласситер, чтобы в ваших книгах крутые мужики пили чай со льдом.

— Вы путаете книжного героя с личностью, — сказал Гектор. — И вы тоже можете звать меня Гектор, Дик, ладно?

Ричард почувствовал, как запылало лицо Дика. Как он это ненавидел. Его звали *Ричард*. И разве этот *детективщик* со скрипучим техасским акцентом не добавил немного скрипа, произнося *Дик*? Ричард был практически в этом уверен. Он посмотрел на Гектора и снова подумал: *ублюдок*.

Ричард попытался передвигаться по комнате, чтобы иметь возможность оказаться спиной к Ласситеру и Ханне и незаметно для них вылить содержимое склянки в стакан Мэри.

Он мысленно вспоминал, какие вопросы собирался задать Мэри, чтобы постепенно затянуть петлю на ее шее. Он представлял себе, как будет нагнетать напряжение, по мере того как таинственное зелье начнет действовать на старую вдову.

Но теперь здесь был Ласситер. Наверное, лучше сдать назад. Но ведь существовал человек, который дал ему зелье и, соответственно, висел над его душой. Ричарду подумалось, что есть смысл сейчас от всего отказаться. Но тот человек был таким решительным, и, надо признаться, Ричард его боялся.

И все же...

— Может быть, это ошибка, — сказал он, глядя на склянку, зажатую в его руке. Слова слетели с его губ, прежде чем он успел остановиться.

— Что, Дик? — спросил Ласситер.

— Ошибка... я забыл, что вы просили выпить, — сказал Ричард.

— То, что пьет Ханна, — повторил Гектор, присматриваясь к нему более внимательно.

— Да, конечно. — Ричард снова взглянул на склянку. Как быстро зелье начнет действовать? Заметит Ласситер или кто-то еще, что вдову опоили? Черт, Мэри и так уже достаточно пьяна...

Но он не хотел задавать Мэри главный вопрос в присутствии этих двух свидетелей. Разумеется, Ханна знала его мнение. Но знать о подозрениях Ричарда и услышать, как Мэри это подозрение подтверждает, — разные вещи...

И если он рискнет задать эти вопросы Мэри в присутствии Ласситера, получится ли у него что-нибудь? Что если Мэри будет все отрицать?

И даже если он услышит ее признание в убийстве Папы, Ласситер или даже Ханна могут заявить, что ничего подобного не слышали. Он мог себе представить, что Ласситеру захочется защитить вдову своего покойного друга: „Нет, Дик, все было совсем не так, а ты — лживый мудака“, — скажет он своим техасским баритоном каким-нибудь присяжным в занюханном городке, и они это проглотят.

Ричард опустил глаза и едва не подпрыгнул от неожиданности. Он увидел, что, пока он мысленно все прикидывал, руки его открыли склянку и опрокинули содержимое в стакан Мэри.

Итак, *пути назад нет*. Теперь Ричард вспомнил, что тот человек говорил: зелье действует не слишком быстро.

Он снова посмотрел на пустую склянку.

Сделано, как ни крути.

Слава богу. Теперь ему только следует быть осторожным. Выве-
дать все, что удастся, у Мэри, и попытаться улизнуть от Ласситера.
Вот, что ему требуется: изолировать ее от автора дешевого чтива. Он
может сказать Мэри: „Вы плохо выглядите“, — затем поспешно уве-
сти Ласситера и Ханну, одновременно переваривая то, что ему уже
удалось из нее вытащить. Затем вернуться одному и вцепиться в
заторможенную вдову, как будто она аспирантка, пытающаяся за-
щитить плохую диссертацию.

Ричард заметил, что за стойкой бара висит зеркало. Хотя он и
стоял спиной ко всем присутствующим, своим фасадом он отра-
жался в проклятом зеркале. Под таким углом он не мог сказать
определенно, но ему показалось, что Ласситер следит за ним в
зеркале.

Может быть, этот гребанный Ласситер заметил, как он сдобрил
напиток Мэри.

Хотя, может быть, и нет. Во всяком случае, детективщик еще не
поднял тревоги.

Нет, решил Ричард, Ласситер точно не заметил, как он подлил
зелье в стакан Мэри.

Пока все идет нормально...

Гектор

Гектор закусил губу, пытаясь решить, стоит ли обвинить этого про-
клятого ученого в том, что, как ему показалось, он налил отраву в
стакан вдовы Хемингуэя.

С другой стороны, Гектор никогда не был стукачом. И он все еще
пытался оценить сцену и состав исполнителей, пытался определить

динамику и подтекст поведения этого сборища персонажей. Теоретически, он мог подобраться поближе к Мэри и опрокинуть ее стакан, затем самостоятельно налить ей спиртное. Уже одно то, что этот ублюдочный ученый знал Криди, придавало всему происходящему зловещий оттенок.

Но Гектор был практически уверен: Ричард *видел*, что он видел, как он вылил что-то в стакан Мэри. Гектор пришел к заключению, что, если бы это что-то могло реально навредить последней миссис Хемингуэй, ему пришлось бы отказаться от задуманного, возможно, самому разлить это пойло.

И все же...

Трудный выбор, черт побери...

Гектор закусил губу и решил повременить, понаблюдать еще.

Он сел рядом с Ханной на коротенький диван с цветастой обивкой. Она явно не могла оторвать глаз от скомканного листка бумаги на полу. Хоть Ханна и не подходила под этот тип, но Гектор прекрасно знал, что для типичного фанатика Хемингуэя каждый предмет в доме, даже бросовый листок бумаги с несколькими Папиными каракулями или список необходимых алкогольных напитков является огромной ценностью. Ладно, если девчонка действительно такая сорока, Мэри заслуживает этой потери, как бы она ни тряслась надо всем, оставшимся от Хемингуэя. Как и все, он терпеть не мог воришек, черт, может, даже больше, чем все, но в этой ситуации лучше действовать прямо. Бери эту дрянь смело, а не извивайся и не выпрашивай, надеясь, что этот огрызок тебе подарят, как делает тупоголовый муженек этой женщины.

Опять же это выглядело смятым листком бумаги, который случайно не попал в мусорную корзину.

Ханна показала на бумажный комок:

— Вы не могли бы мне это достать, мистер Ласситер? Я уронила... И...

Она кивком показала на свой живот.

Какого черта? И ему понравилась робкая улыбка. Гектор тоже улыбнулся, подобрал выброшенную писанину Мэри и вложил ее в руку Ханны, позволив себе несколько задержать ее в своей руке. Симпатичная молодая женщина... самое приятное существо в этой комнате.

Ричард

Мэри спросила Ласситера:

— Ты в последнее время не женился, Лассо?

Ласситер отрицательно покачал головой. Его, похоже, корбило, что Мэри использует его кличку.

— В последнее время — нет, — сказал он. — В данный момент сосредоточен на карьере. *Затяжная игра*, ты же знаешь? Просматриваю неопубликованные рукописи. Уничтожаю то, что не годится, и заканчиваю то, что годится. Листаю старые записи. В основном *парижские*. Не хочу, чтобы после моего ухода появлялись какие-то обрывки или забракованные вещи. Не хочу, чтобы какой-нибудь идиот тряс бы ими и пытался навязать их читателю как мои лучшие произведения. — Ласситер теперь не сводил взгляда с Мэри.

Ричарда заинтересовали довольно злые и неожиданные слова писателя, ему захотелось узнать, чем они вызваны.

Мэри сказала:

— Ну, следующие несколько дней будут занозой в моей заднице. Придется прятаться от этих рыскающих кругом ученых, Исключая присутствующих, все ученые — недоумки. Ты согласен, Гектор?

Ласситер откинулся назад и положил руку на спинку дивана, задев мимоходом плечо Ханны. Ричард заметил. Он снова прикинул, не видел ли его Гектор в зеркале и не подталкивает ли он его к скандалу, так откровенно флиртуя с Ханной? Он не должен купиться на эту приманку. Черт, он потерпит ради достижения великой цели, даже если старый негодяй немного полапает его жену. Ричард по-

давил улыбку: у него есть связи. Может быть потом, когда книга будет закончена, он позвонит редактору „Нью-Йорк-Таймс Бук Ревю“. Он предложит написать обзор одного из детективов Ласситера и измордует этого сукина сына в печати. И тогда посмотрим, что Ласситер посмеет сказать об ученых.

Автор детективов вытянул ноги и скрестил их в лодыжках. Не спеша Ласситер ответил Мэри, но по-прежнему не сводил своих голубых глаз с Ричарда.

— Ученые могут быть особой проблемой. Ядом для писателя. Хуже того, они могут быть опасны для писателя и его наследства — могут быть неудачно выбранными литературными душеприказчиками. Или *душеприказщицей*. Я перечел „Праздник, который всегда с тобой“, пока добирался из Нью-Мексико. Должен признаться, читался роман иначе, чем когда-то на Кубе, в рукописи. Я хочу сказать, что там местами он мне показался гениальным. Теперь? Излишне сентиментальным. Главы в другом порядке по сравнению с пятьдесят девятым годом. И кое-что в последней главе, которой раньше вообще не было, читается так, будто, черт побери, это написал кто-то другой.

Ричард резко поднял голову. Господи, в этом может быть что-то и для него, статья, по крайней мере, для „Ревю“. Если бы он слушал внимательнее. Если бы он мог подробнее поговорить с Ласситером.

— Так вот почему ты так великолепно выглядишь, — сказала Мэри, игнорируя слова Ласситера. — Я хочу сказать, потому что ты снова холостой. Вот почему ты выглядишь лучше.

Ласситер только покачал головой.

Господи, именно это ему сейчас и нужно — чтобы Мэри сошла с рельсов и начала рассказывать пикантные подробности из жизни этого знаменитого бабника, Ласситера. Ричард крикнул из-за стойки:

— Мэри тут рассказывала нам про ее несчастье с беременностью в сорок шестом, *Гектор*.

Ричард хорошо знал эту историю, поэтому не было необходимости внимательно слушать, можно сосредоточиться на своем решительном и более опасном броске, пока Мэри продолжала бормотать:

— Молодожены Хемингуэй путешествовали по Сан-Вэлли в августе сорок шестого года. У Мэри оказалась внематочная беременность, и открылось внутреннее кровотечение.

Оплодотворенное яйцо не добралось до матки и пристроилось в одной из фаллопиевых труб Мэри. Труба лопнула, открылось сильное кровотечение. Врачи приговорили Мэри, когда ее вены сдали и они не смогли нащупать пульс или влить ей плазму. Она велели Папе попрощаться с Мэри. Папа заявил, что это бесполезно, поскольку она все равно без сознания. Это был прямо-таки момент из „Прощай, оружие“.

Но Папа оказался на высоте положения. Хемингуэй всегда проявлял себя лучшим образом, когда дела обстояли по-настоящему плохо.

Ричард невольно улыбнулся, взясь с формочками со льдом: вне всяких сомнений, во время кризиса никого лучше Папы не было. Хем, которому велели попрощаться с женой, вместо этого взял бразды правления в свои руки. Главный хирург отсутствовал: уехал на рыбалку. Оставшиеся не могли ничего сделать. Они списали Мэри как умирающую. Поэтому Эрнест надел зеленый халат и маску и велел интерну сделать надрез в поисках вены. Эрнест сам ввел иглу и через нее плазму. Он заблаговременно убрал все пузырьки воздуха, чтобы ввести плазму правильно. Папа в самом деле спас Мэри, тогда как интерн только смотрел на него с отвисшей челюстью. Ричард взглянул на Ханну. Увы, эта шотландская девица слишком здорова, чтобы дать ему возможность спасти ее во время неудачных родов...

Мэри сказала:

— Пять бутылок плазмы, два переливания крови и долгое время под кислородной маской, но мне удалось выкарабкаться. После это-

го все медсестры считали Папу настоящим героем! Как же он этим упивался! Хотя самое главное — Папа воспринял это как убедительное доказательство, что даже в самом безвыходном положении последнее дело сдаваться, а надо послать судьбу к такой-то матери, как он говорил. Еще он сказал, что никогда не видел никого, вообще никого, так близко к краю.

— Получается, что он был замечательным человеком, на которого можно было положиться в беде, — заметила Ханна. — Брал все на себя. Умел позаботиться о своей женщине.

Вмешался Ричард.

— После этого несчастья в Каспере вы уже не могли иметь детей, правильно? — Он остро ощущал, как внимательно за ним следил Ласситер, когда он наливал напитки в стаканы автора детективов и Ханны. Разумеется, он ничего туда не подливал, но от такого пристального внимания руки Ричарда слегка тряслись.

Мэри покачала головой, подвинула поближе к себе пепельницу, сделанную из африканской безделушки, и подобрала под себя ноги. Подмигнула Ханне.

— Верно. После „несчастья“ мне перевязали оставшуюся трубу.

— Папа был этим очень расстроен, — сказал Ричард от бара, — верно?

— Да, мы... поссорились, — сказала Мэри. — Знаете, мы даже выбрали имя для нашей малышки: Бриджит.

— Очень красивое имя, — сказала Ханна. — Очень подходит к фамилии.

— Да, но каким грузом эта фамилия была бы для нашей маленькой Бриджит, — сказала Мэри. — Разумеется, ей не суждено было родиться. Она умерла, так и не побыв живой, а затем и Эрнест умер, прежде чем он был по-настоящему мертв, а теперь оба они мертвы. У Папы было три сына, и он всегда хотел дочь.

— У Марты с Папой тоже не было детей, верно? — спросила Ханна.

Мэри повернулась к Ханне.

— Марта соврала Эрнесту, — сказала вдова. — Зная, что Папе ужасно хочется маленькую девочку, Марта все же вышла за него замуж, хотя знала, что бесплодна в результате неудачного аборта. Или нескольких абортгов.

Ричард закончил наливать напитки. Господи, он тут здорово на-свинячил. Он огляделся, нет ли полотенца, чтобы вытереть лужу. Весь на нервах, сам поддатый, да еще и этот клятый Ласситер с него глаз не сводит — удивительно, что он вообще справился. Он посмотрел вокруг, разыскивая поднос, на который можно было бы поставить стаканы.

Ханна обратилась к Ласситеру:

— У вас есть дети, мистер Ласситер?

— Была дочь, — ответил Ласситер севшим голосом. — Она умерла, когда ей было три года. Проблемы с сердцем.

Ласситер встал и направился к бару, черт бы его побрал!

Прежде чем Ричард смог отреагировать, он схватил стакан Мэри и свой собственный чай со льдом.

— Я помогу, амиго, — Ласситер с улыбкой понюхал напиток Мэри и свой собственный чай. — Из вас получился бы отличный бармен, приятель, — тихо добавил он.

Ричард молча смотрел на него и старался скрыть, что ноги трясутся. Он приказал себе не краснеть, но чувствовал, как колотится пульс в ушах.

Ласситер подмигнул, сделал несколько шагов и протянул стакан Мэри. Ричард передал Ласситеру второй стакан с чаем со льдом для Ханны и затем быстро двинулся к бывшему креслу Папы, пока автор детективов в него не уселся.

Мэри улыбнулась, когда Ласситер протянул ей стакан.

Ласситер снова сел рядом с Ханной и чокнулся с ней стаканами.

— За прекрасную малышку и быстрые роды, — сказал он.

Ричард Полсон поднял брови и собрался сесть рядом с Мэри. Она подняла палец, затем поднесла стакан к губам. Ричард смотрел, как она его осушила залпом и протянула стакан ему:

— Повторить?

Зелье гуляло по венам вдовы уже полчаса. Она казалась пьяной, но, черт, виновником вполне мог быть джин. Ричард пытался задать ей вопросы, заложить плацдарм для своей последующей атаки. Ханна постоянно мешала ему своими пустяковыми вопросами, относящимися к домашним делам, чем раздражала и утомляла Ричарда.

А Ласситер? Казалась, что у него собственная странная повестка дня. Он продолжал возвращаться к неоконченным рукописям Папы, и все его вопросы были многозначительными и напыщенными.

Но зелье уже начало действовать на Мэри, это было видно по ее глазам. Она стала быстрее говорить, отвечала ненормально резво. В ее ответах теперь сквозила несдерживаемая искренность, у нее появилась тенденция говорить монологами.

— Самое время, чтобы кто-нибудь до меня добрался, — внезапно сказала Мэри, гася окурок в пепельнице. — Если честно, я не уверена, что Дики способен рассказать мою историю, но, по крайней мере, он вроде искренне заинтересован в информации. И он доказал, что разбирается в работах Папы. Не так, как большинство других, которые стремятся использовать великого человека и художника в своих мелких целях, в своих поганых диссертациях. И теперь, черт возьми, пришел мой черед. Видит Бог, эта сука Марта смогла бы сама написать историю своей жизни с Папой, если бы ей удалось перешагнуть через свое слоновое это — а этого она никогда не сможет сделать. О Хэдди, ангеле во плоти, уже одну книгу написали, вторая, как я слышала, тоже скоро выйдет. Паулина тоже уже погрелась в лучах солнца.

Мэри оглянулась через плечо на черно-белую фотографию в рамке — она сама с президентом Кеннеди.

— Я единственная, кто остался, чтобы нести крест и вести Папины битвы. Бороться с юристами и издателями. Следить, чтобы Скрайбнер¹ нас не обманывал. Отправлять все, что еще осталось, в печать. Няничься с репутацией Папы, причем Репутацией с большой буквы. Мне пришлось торговаться с Кастро, чтобы вывезти все наши рукописи с Кубы. Это стоило нам Финки и „Пилар“. И еще эти так называемые ученые. Милостивый боже! Все эти стервятники, которые кружат над домом, стремятся увидеть письма и стихи. Мерзкие гиены, которые умоляют дать хотя бы взглянуть на неопубликованные рукописи: „Райский сад“, книгу про Африку и другие мелочи. Шакалы, ищущие в помойке огрызки, которые они могли бы как-то использовать в своей психологической акробатике, которую они называют литературной критикой. Отвратные, грязные паразиты.

Ричард сжал зубы и подумал: *чтобы ты сдохла, старая шлюха!* Так нападать на его профессию, особенно в присутствии этого гребаного макулатурщика Ласситера? В присутствии Ханны, его студентки? То есть жены? Неважно... Немыслимо. Непростительно. Что же, теперь он поближе познакомился с Мэри. Теперь он знает, с чем ему придется столкнуться. И Ласситер, похоже, здесь прочно обосновался.

Он вернется, застанет Мэри одну и скормит ей большую дозу этого зелья. Он взглянул на Ханну, которая сидела рядом с Ласситером, снова полуобнимавшим ее за плечи, — они напоминали пару. Наверное, этот флирт Ханне нравится. И ей, возможно, также по душе нападение Мэри на его профессию, поскольку часть этих обвинений и Ханна недавно высказывала, правда, в более мягкой форме. Может быть, если он достанет побольше зелья, он на каком-

¹ Издатель Хемингуэя.

нибудь этапе попробует его на Ханне. Выяснит, что она *в самом деле* о нем думает.

Неплохая, однако, мыслишка...

Гектор

Он пил холодный чай и наблюдал за профессором поверх края стакана, наслаждаясь эффектом, который сумасшедший выпад Мэри произвел на тупоголового.

Хотя Ричард старался это скрыть — улыбался теперь мертвой улыбкой, — не было сомнений, что каждое наглое и ядовитое замечание Мэри, как удар по почкам, находит свое место в душе ученого. Казалось, Ричард вот-вот разразится длинной тирадой. И не было сомнений, что злится он не только на Мэри, но и на свою хорошенькую молодую жену.

Гектор пришел к такому выводу не только на основании взглядов, которые Ричард бросал на Ханну. Нет, скорее это проявлялось в том, что он *не смотрел* на свою жену. Ричард вроде как позволял гневу расти внутри, копил его, чтобы вывалить на жену позже, наедине. Гектор даже немного боялся за Ханну.

Гектор также смотрел, как Ханна наблюдает за Мэри. Девушка явно не во всем поддерживала своего мужа-профессора. Она внимательно слушала наиболее злые выпады Мэри, с которыми, однако, было трудно спорить. Возможно, они только подтверждали вещи, от мысли о которых эта симпатичная блондинка не могла отделаться. У Гектора создалось впечатление, что она не то чтобы соглашалась с Мэри, но копила про запас ее аргументы, чтобы взять их на вооружение позднее, при личной конфронтации.

Он надеялся, что Ханна может постоять за себя. Ричард Полсон был неопытным эгоцентриком и, вне сомнений, алкоголиком. Полсон был наверняка продажным горемыкой, если каким-то

образом был связан с Донованом Криди. Но еще он был злобным пьяницей.

И все же Гектор думал, что в случае конфронтации нокаутирующий удар нанесет Ханна — завалит пьяного *ученого* так, что он весь день не поднимется. *Может быть.*

Затем Гектор мысленно улыбнулся и покачал головой. Господи, снова он туда же — подпадает под влияние симпатичной мордочки и забавного акцента. Длинные ноги и глаза, в которых мужчина может заблудиться. Он явился сюда, чтобы разобраться с Мэри, и, учитывая странные пируэты профессора, ему понадобится вся его концентрация, особенно когда Мэри в таком непонятном, одурманенном состоянии.

Ричард протянул Мэри очередной стакан, затем подвинул кресло ближе к вдове, уселся в него, извиваясь на манер вялого угля.

— Что вы такое говорили? — спросил он.

Мэри радостно посмотрела на него:

— Я говорила, что мне кажется, будто я нашла в вас своего собственного чертовски замечательного паразита.

Ричарду ее слова явно не понравились — ни в малейшей степени.

А Ханне? По душе ли ей, что ее мужа сравнивают с пиявкой или клещом? Опять не получается понять по выражению ее лица. Гектор тихо сказал:

— Когда вы не смотрите, как ваш профессор исполняет свои профессиональные обязанности, чем вы занимаетесь, дорогуша?

— Пишу, — ответила Ханна.

— Аспирантка? Или... тоже ученый?

Она улыбнулась:

— Нет, пишу художественные произведения. В основном рассказы.

Ну и ну! Теперь Ханна еще больше его заинтересовала. Как правило, Гектор старался держаться подальше от замужних женщин. Он практически никогда не добавлял этот грех к длинному списку

своих недостатков. И то, что Ханна так явственно беременна, служило двойным стоп-знаком. Гектор даже не был уверен, что его тянет к ней романтически... но он ощущал какую-то тягу к ней. Возможно, все дело в том, что она явно неудачно вышла замуж и ей действительно угрожает опасность от этого жалкого сукина сына, ее мужа, который встал на сторону Криди.

Гектор уже было поднял руку, чтобы коснуться ее белокурых волос, но вовремя спохватился и снова печально покачал головой.

Пока Ричард препирался с Мэри, Гектор заметил, как Ханна тайком взглянула не него, чтобы убедиться, что он следит за спорящей парочкой. Затем она потянулась за скомканным листком бумаги, который Гектор поднял для нее с пола, и расправила его.

Определенно пораженная прочитанным, Ханна не заметила, что Гектор тоже прочел текст через ее плечо.

Гектор удивленно поднял брови. Листок походил на рукопись Мэри, он сразу узнал почерк: часто видел его на поздравительных рождественских открытках и в коротких письмах, которые она посылала ему после смерти Хема.

А содержание заключалось в злом и безумном повествовании о браке Ханны и Ричарда Полсона. Милостивый боже, что это за листок?

Тут Гектор сообразил, что Ханна уставилась на него, что она наверняка догадалась: он тайком прочел текст. Она залилась румянцем. Затем сложила листок и сунула его в карман.

Гектор решил, что либо она злится на то, что он прочел этот странный документ, написанный Мэри и касающийся Ханны и ее мужа, либо ее рассердило само содержание этого фрагмента.

Черт, возможно, и то, и другое.

Гектор выдавил улыбку и сжал руку Ханны. Сказал тихо, так, чтобы только она слышала:

— Мы с вами, детка, здесь в клубе неприкаянных и одиноких.

Мэри отпила глоток и улыбнулась, показав зубы:
— Вкусно. — Затем старуха внезапно нахмурилась. — Дик? — сказала она заговорщическим тоном.

— Да? — отозвался Ричард.

— Я хочу задать тебе важный вопрос, Дикки.

— Валяйте, — сказал Ричард. Его язык явно заплетался.

— Почему все будущие биографы Папы мужчины?

Ричард понимал, к чему она клонит. Мэри намеревалась поднять вопрос о том, чтобы Ханна стала его соавтором в написании своей биографии, в присутствии Ханны. Черт, твою мать! Он не может обсуждать эту тему при Ласситере. Единственное, что он может сделать, это встать и уйти, причем *немедленно*. Чем скорее он и Ханна уйдут, чем скорее он уведет Ханну от похотливого взгляда Ласситера, тем скорее все здесь закончится. Затем Ричард вернется один и займется вдовой.

Криди

В скромном доме через улицу от Дозорного дома, в темной комнате, у окна сидел Криди в наушниках и осматривал дом Хемингуэя в бинокль. Его логово мигало огоньками разнообразных подслушивающих устройств, выстроившихся у одной стены. Около них сидели два техника, крутили ручки и проверяли пленки.

Кто-то покидал Дозорный дом.

Криди прищурился. Это были Ричард Полсон и его беременная жена. В чем дело, черт побери? Если верить тому, что удалось записать, Ричард еще не получил того, чего добивался.

Ричард вообще-то дал зелье вдове? Если судить по голосу Мэри — явный истерический тон, — Ричард это сделал. Но теперь профессор уходил, оставив Мэри в обдолбанном состоянии наедине с Гектором Ласситером. *Черт!*

Криди, сжав зубы, смотрел на Полсона. Презрительно фыркнул. Хотя он и сам часто прикрывался женщинами, но таких людей презирал — мужчин, которые берут с собой женщин на задание. *Гребаные любители...*

Гектор

Гектор облизал губы. Он внимательно следил за Мэри. Она начала говорить медленнее, голос стал тусклым. Ее руки тряслись, и в большом пальце левой руки возникла какая-то странная дрожь. Она вся покрылась потом. Он сказал:

— Итак, „Острова“ точно будут следующими? А как насчет „Райского сада“? Думаю, я мог бы этим заняться.

— Ты читал обе рукописи в том виде, в котором они были на Кубе, — сказала Мэри, еле ворочая языком. Казалось, ей трудно держать глаза открытыми. Веки у нее подергивались. — Какая тебе больше нравится, не как писателю, а как *читателю*?

— „Райский сад“, — сказал Гектор. — Книга *свежая*. В ней Хем менял стиль, переходил от модернизма к *постмодернизму*.

— Кто станет читать это дерьмо? — сморщила нос Мэри. — Писатель пишет о том, как пишет писатель. Что это такое, твою мать? Где тут потенциал для фильма? Разглядывание пупка — вот что это такое. Мастурбация, самомифологизация. Нет уж, большое спасибо. В „Островах“, по крайней мере, есть хоть какое-то действие.

— Как я говорил Хему в пятьдесят девятом, — сказал Гектор, — когда прочел рукопись, уж слишком это близко к „Иметь и не иметь“. Конец Гарри Моргана и Тома Хадсона почти одинаков, строчка за строчкой. Хем продолжал жевать свою жвачку.

— Вот почему я хочу, чтобы ты написал новый конец, — сказала Мэри подмигивая.

Гектор потер челюсть:

— Я полагал, что мы с тобой будем редактировать то, что Хем нам оставил, а не писать новый текст. Если мы вдруг решим написать новую книгу, она ведь совсем не будет похожа на Хема. Верно?

— Нам надо быть реалистами, Лассо, — сказала Мэри, вяло взмахнув рукой. — Ты читал „Праздник, который всегда с тобой“ в рукописи, и ты сказал, что читал и последний вариант. Мне там пришлось серьезно поработать. Это я умею делать. Но „Островам“ требуется мужчина, чтобы довести книгу до ума. Ты знаешь обстановку, Лассо. Ты в курсе спортивной рыбалки. Ты перевозил ром и беженцев, если верить Папе. У тебя получится великолепно... Она улыбнулась. — Но больше всего мне нужна твоя помощь с *моей* книгой. Моими мемуарами. От этих поганцев, рыскающих по дому Папы, меня тошнит. То, что они напишут, потребует радикального редактирования. Я хочу просить тебя помочь мне все отполировать и пригладить. И ты, с твоими связями в издательском мире, сумеешь добыть мне выгодный контракт где-нибудь в другом месте.

Милостивый боже...

— Я полагал, Полсон приехал сюда, чтобы помочь тебе написать книгу о твоей жизни, — сказал Гектор.

— Ричард работает над *моей биографией*. Я полагаю, что рынок выдержит только мою биографию и мемуары. Поэтому я содействую в написании авторизованной биографии, чтобы держать все под контролем, а затем я выпущу свою книгу с настоящей информацией. И разгоню всех ублюдков.

— Ага. Но ведь я беллетрист, мемуарами не занимаюсь.

Гектор знал нескольких критиков, кто бы с этим поспорил. Тем не менее ему не стоило слишком решительно отказываться от предложения Мэри — во всяком случае, пока он не узнает побольше насчет той клятой утерянной главы. И он скорее повесится, чем согласится переписывать другого писателя, тем более Хема.

— Как насчет других рукописей, оставшихся после Хема? — спросил он. — Ведь должно быть что-то насчет последнего сафари, правильно? Об авиакатастрофах?

Мэри покачала головой. Глаза ее закрылись, и она сказала:

— Книга „Зеленые холмы Африки“ при первом издании плохо продавалась. Думаешь, в подогретом варианте будет лучше?

— Какая у тебя цель: улучшить репутацию Эрнеста или продать побольше книг? — тихо спросил Гектор.

— И то, и другое. Но второе важнее.

— Вот как.

— *Господи...*

Гектору все стало ясно, и это привело его в ужас: вся длинная жизнь Хема теперь находилась в шатком равновесии. Мэри мухлевала с оставшимися бумагами Хемингуэя. Криди рыскал по периметру с неясными целями. Еще этот клятый профессор с его таинственным зельем. Люди, пытающиеся пристроить свои рукописи, прилипнув к тому, что осталось от Хема...

Теперь Гектор опасался за посмертную жизнь Хема.

Он отпил глоток вина. Решил попробовать что-нибудь разузнать, самую малость. Стараясь убрать злость из голоса, он сказал:

— Слышал, что есть вариант „Праздника“ длиннее, чем ты напечатала. И даже больше, чем я когда-то читал. Якобы есть еще глава, которую Хем написал обо мне.

— И просто замечательная, — улыбнулась Мэри. — Твой подлинный портрет. Я ее не включила, потому что она была такой теплой. Но у меня есть на нее виды. — Она прищурилась. — А ты откуда о ней знаешь?

Гектор был вовсе не обязан защищать Карлоса Бейкера, но считал, что должен прикрыть Декстера. Он сказал:

— Какие тайны между писателями! Ты же знаешь, сколько писем Хем написал. Он упомянул об этом в одном письме, и это упоминание затем снова упоминалось, и так далее. Мне сообщили по

моим каналам. — Он следил за Мэри, вроде бы она не забеспокоилась.

— Когда будет возможность, я дам тебе копию, — пообещала она небрежно. — Тебе понравится. — Ее голова качнулась, казалось, она вот-вот заснет. Какое бы зелье ни влил ей Полсон, оно явно начинало действовать. Замедленная отравка. Или ученый дал ей слишком маленькую дозу?

— Слышал, что Хем подумывал о романе обо мне, — сказал Гектор.

— Он делал заметки, — с трудом выговорила Мэри, снова вяло взмахнув рукой. — Но так и не взялся за это всерьез, а если и брался, я не нашла никаких свидетельств. Я ведь забрала все, что было. Разве что-то может быть в сейфе или на хранении на Кубе, о чем я не имею понятия. А так ничего нет, уж извини, Лассо.

Гектор ей поверил и вздохнул. По крайней мере, часть груза он с себя снял.

— Плохо, — заметил он, — могло получиться интересно.

— Ну, Папа был в плохом состоянии даже в начале пятьдесят девятого года, когда ты его видел. — Мэри протянула ему пустой стакан, и Гектор поднялся, чтобы его наполнить.

Он уже давно не пил всерьез и потерял навык, поэтому был уверен, что Мэри может легко перепить его, даже невзирая на зелье, которое „скормил“ ей Полсон. Гектор смешал ей коктейль значительно слабее, чем предыдущий, где практически не было воды. Мэри вроде ничего не заметила. Она попробовала, чмокнула губами:

— Вкуснятина.

Он дал ей еще раз прикурить, и Мэри сказала:

— После того как ты уехал с Кубы в пятьдесят девятом и после Испании и гулянки на его юбилее Папа начал быстро скатываться вниз. Стал совершенно безумным. И практически уже ничего не

писал всерьез. Делал много записей и строил грандиозные планы, но ничего не осуществилось.

Гектор решил рискнуть:

— Послушай, Мэри, я признаюсь, что через свои каналы получил главу обо мне и прочитал ее. Это настоящая фальшивка, черт побери. Я хочу, чтобы ты мне сказала: как вышло, что ее перепечатали и, скажем так, расширили?

— Фальшивка? Расширили? — Мэри покачала головой. — Ты явно перепил.

— Ничего подобного. Я знал Хема. В этой главе есть места, которые он никогда бы не написал. И которые он не писал. Я хочу знать больше о происхождении этой так называемой утерянной главы, Мэри.

— Я тебя не понимаю, Лассо. Если ты видел экземпляр, настоящий экземпляр, то должен был видеть замечания, которые Папа писал от руки на полях. Мы нашли это в Париже, когда возвращались из Африки... после этих авиакатастроф. Она была среди других бумаг в сундуках, которые Папа оставил в подвале „Ритца“. Она попала на глаза Эрнесту, он сделал эти заметки насчет сюрреализма за два года до смерти. Мне кажется, ты должен винить Папу. Желаю тебе получить от него ответы. — Внезапно Мэри сказала: — Сэкономь деньги, Лассо. Остайся сегодня здесь. — Мэри вытащила что-то из-под свитера — ожерелье или какой-то амулет — и потеряла его между большим и указательным пальцами.

— Большое спасибо, но конференция оплачивает мои расходы в гостинице, — твердо сказал Гектор. — И я собираюсь обобрать этих длинноволосых до последнего цента.

— Ну, это ведь ненадолго, — заметила Мэри. — Не более пары дней, так? А то, что тебе предлагаю я, займет много месяцев. Так что...

— Посмотрим, — сказал Гектор. Теперь он начал оглядывать комнату — нет ли где-нибудь рукописей, документов? Учитывая состояние Мэри, особо скрывать не было необходимости — она явно и быстро переставала соображать. *Мы еще не закончили*, подумал он. *Нам еще надо чертовски подробнее поговорить об утерянной главе и откуда она вдруг всплыла. Каким образом она превратилась из каракулей Хема на обрывке бумаги, потерянном лет тридцать назад, в свеженький документ, только что напечатанный на машинке.*

Мэри снова сонно забормотала:

— Я внимательно смотрела, как ты наблюдал за этой девчонкой. Изучал ее, особенно когда она призналась, что тоже пишет. Что ты думаешь о Ханне?

— Миссис Полсон? — Гектор пожал плечами. — Хорошенькая. Но я не слишком задумывался.

— Ну, плохо, что она связалась с Диком. Я бы не удивилась, если бы она удачнее выступила с моей биографией, чем ее муж-козел со всеми его регалиями, — сказала Мэри. Глаза ее закрылись.

Он огляделся, нет ли где-нибудь листов рукописей. Он вернулся к своей изначальной идее: надо найти и уничтожить оригинал „утерянной главы“.

Оставшиеся после смерти Хема материалы уже побывали в шаловливых ручках Мэри.

Черт возьми, Гектор не собирался внести в этот хаос свою лепту, позволив напечатать отрывок, изуродованный Мэри или, хуже того, каким-то неизвестным лицом и приписанный Хему. Похоже, уже выстроилась очередь из друзей, родственников и всяческих прилипал, готовых попировать на трупе Хема. Гектор не собирался в этом участвовать.

Он снова взглянул на Мэри. Ее глаза опять были открыты, но взгляд стеклянный, она даже не видела его. Она что-то тихо бор-

мотала, иногда на исковерканном испанском, которого он не понимал.

Он отошел от нее, она не проследила за ним глазами. Гектор закурил губу, поднялся наверх и принялся искать.

Криди

Донован Криди прислушивался к шагам Ласситера, который ходил из комнаты в комнату в Дозорном доме. Во всяком случае, он появлялся в комнатах, где им удалось поставить жучки.

Он слышал, как Ласситер отправил горничную в магазин по „указанию“ Мэри за новыми бутылками джина „Гордон“ и виски „Дьюарс“, используя этот простой, но эффективный способ остаться в доме одному на некоторое время.

Иногда Криди видел, как писатель проходил мимо окна. Он слышал, как Ласситер хлопает дверями и выдвигает и задвигает ящики. Автор детективов, похоже, проводил в доме Хемингуэя тщательный обыск.

Криди также слышал, как Мэри странно щелкает зубами... что-то тихо бормочет и иногда выкрикивает грубые, резкие ругательства.

Гектор

В спальне, которая, как решил Гектор, принадлежала Хему, он нашел самодельный секретер и деревянную полку, все отделения которой были заполнены рукописями. Гектор узнал некоторые из этих черновиков. Они все принадлежали Хему... несколько вариантов „Праздника“. Но никаких следов той главы.

В процессе поисков Гектор наткнулся на закрытую дверь, которая, похоже, вела в кладовку.

Когда Мэри перестала владеть своими руками, Гектор убрал упавшую ей на колени сигарету, прежде чем она прожгла юбку. Когда

он тушил окуроч, за пуговицу его спортивной куртки зацепилась цепь с ключом, висевшая на ее шее.

По наитию Гектор наклонился к Мэри. Она таращилась на свой пустой стакан и бормотала:

— Пить, черт побери, хочу пить!

Он налил ей еще джина, затем нашел ножницы. Зашел Мэри за спину, встал за креслом. Пальцами ласково провел по ее шее, нашел тонкую золотую цепочку и прихватил ее лезвиями ножниц. Затем через плечо протянул Мэри ее стакан.

— Вот твоя выпивка, лапочка, — сказал он.

Когда она брала стакан трясущейся рукой, он разрезал цепочку и затем, делая вид, что ласкает ее, поймал падающий ключ.

— Мне надо взять новую пачку сигарет из машины, лапочка. Вернись через секунду, — сказал он.

Теперь ему придется поторопиться с этим гребаным обыском.

Мэри вроде занялась своим стаканом, уставившись на обложку журнала, лежащего на столике.

Почти не дыша, Гектор попытался открыть этим ключом кладовку, услышал щелчок и сумел полностью повернуть ручку.

Он оглядел кладовку — все драгоценные винтовки и ружья Папы выстроились рядами... куча коробок с патронами и пулями.

И еще полки, заполненные рукописями.

Он оставил дверь приоткрытой, чтобы слышать, когда вернется горничная.

Гектор надел презираемые им очки и принялся копаться в неопубликованных работах Хема.

Он искренне изумился, что, несмотря на спешку, вызванную обстоятельствами, почувствовал волну симпатии при виде почерка Хема — бегущие вниз строчки, корявый почерк, который всегда напоминал детские каракули, даже когда Хем уже был на финишной прямой, больной и пытающийся закончить те романы, которые начал еще в конце пятидесятых.

Рукописи Хема удивили Гектора также тем, что его первые и последние черновики были в общем и целом очень близки. Каким-то образом, по непонятной причине, проза Хема всегда лучше всего получалась с первого раза.

Хем явно думал по-другому — отсюда многочисленные исправления, вставки целых параграфов, написанные вертикально на полях страницы и даже иногда на обороте страницы. Бесконечные исправления, выбросы и дополнения сплошь и рядом. Разница в композиционном стиле играла для Гектора большую роль в поиске фальшивок.

Гектор искал наименее потрепанные страницы, заключив, что, скорее всего, именно в них может найти то, что ищет.

Мэри

Мэри внезапно осознала, что она горит. С нее стекал пот, горло пересохло... сердце бешено колотилось. Она прищурилась. Это там пыль на кофейном столике?

Правильно, пыль.

Бесполезная прислуга. Разозлившись, Мэри позвала горничную. Никто не отозвался. Она была в доме одна. Ей смутно припомнилось, что были гости, но, наверное, она что-то перепутала. Черт, даже прислуги нет.

Пропади она пропадом, эта горничная. Черт бы ее побрал!

Мэри с трудом поднялась и рванулась на кухню за мокрой тряпкой. Она вытрет пыль сама. И подметет.

— Чтоб она сдохла, эта прислуга!

Тут она сообразила, что все время говорит вслух. Ну и что? Все равно она одна. Мэри улыбнулась и подмигнула своему отражению:

— Нет никого, кто бы обозвал меня психом.

Выжимая мокрую тряпку, Мэри вдруг заметила, что некоторые ящики неплотно задвинуты. Эти дверцы шкафа никогда не оставляли открытыми.

— Кто-то тут есть, — громко сказала она сама себе. Разумеется, они *снова* здесь появятся.

Еще шпионы.

Кругом глаза, постоянно наблюдают... Бродят вокруг, подсматривают, как снаружи, так и внутри дома.

Глаза Мэри искали тени или фигуры, которые бы промелькнули мимо дверей, пока она наливала себе новую порцию спиртного. Побольше джина, остального можно поменьше или вообще пропустить: при первом глотке она не смогла определить точно. Мэри начала вытирать пыль, торопливо, отдельными участками, одновременно постоянно прикладываясь к стакану и вслух ругая исчезнувшую горничную и всех этих шпионов, ошивающихся сейчас вокруг ее дома.

— Ах да, гребаные *шпики*. Мы же собирались принять какие-то меры против них, *разве нет?*

Папа думал, что они из ФБР, но ведь он был сумасшедшим.

Мэри знала лучше, она знала, что это не агенты ФБР ползают вокруг ее дома.

Нет... ученые — вот кто там, эти уроды.

Соперники-издатели, критики и страждущие биографы — все они сплотились, чтобы отнять у нее роль литературной душеприказчицы.

Охотники за Хемингуэем.

Козлы. Вот кто они такие.

Если бы Папа не умер, он взял бы ружье и расстрелял бы этих червяков. Отправил бы их в преисподнюю.

Что же, она сама вполне может это сделать и прямо сейчас. Папа об этом позаботился.

— Я умею стрелять, — громко сказала она и мрачно улыбнулась — редкая для нее улыбка, демонстрирующая зубы. — Я возьму ружье и прикончу всех этих засранцев!

Криди

Донован Криди наклонился к динамику, чтобы лучше расслышать угрозы вдовы. Сердце его колотилось. Жучки не были шедевром техники, да и ставили их еще до смерти Хемингуэя, но сейчас они вполне годились, чтобы слышать вопли Мэри.

Криди облизал губы. Не было сомнений в том, что зелье вызывало в человеке тягу к насилию... иногда приводило к крайне иррациональному поведению. До этого участники эксперимента — мужчины и женщины, чей интеллектуальный потенциал далеко превышал способности пьяной вдовы, — предпочитали выброситься с высокого этажа, чтобы не продолжать эксперимент. Они бились головой о стену, пока не погибали от кровоизлияния в мозг.

Стоя у окна с биноклем, Криди тихо матерился и жалел, что не удалось установить ни одной камеры внутри дома. И теперь он не мог видеть, что там происходит.

На подъездную дорожку к Дозорной башне свернула машина. Наверное, горничная, решил Криди.

Но нет, это оказался Ричард Полсон. Вел он машину быстро и зигзагами, резко затормозил, заставив взятую напрокат машину взвизгнуть и поднять веер гравия. Криди начал надевать пальто. Вдруг в профессоре разыгралась предприимчивость.

Ричард

Взбешенный Ричард сидел в машине на подъездной дорожке к бетонному дому, просматривая свои записки. Он возвращался в гостиницу на слишком большой скорости, молчал и еле сдержи-

вался. Ханна, похоже, одновременно наблюдала за Ричардом, вместо него следила за дорогой и без конца играла со скомканным листком бумаги, который то вынимала из кармана, то засовывала обратно.

Когда они добрались до гостиницы, Ричард поспешно отвел Ханну в их комнату, схватил блокнот со своими заметками и фляжку и выскочил вновь к машине. Он торопливо перебирал заметки, пытаясь в спешке найти правильный подход к большому вопросу.

Он ощущал, что чувствует себя странно, что кружится голова. Он выпил солидный глоток из фляжки, но лучше не стало. Ему казалось, что у него заплетается язык... и хотелось спать. Тут он почувствовал, что бедро у него мокрое. Милостивый боже, неужели он обмочился?

Он взглянул на брюки и заметил пятно вокруг правого кармана. Сунул руку в карман и нашел пробку, которая слетела со склянки. Его глаза расширились. С такого рода зельем следует быть осторожным. Похоже, оно имеет свойство впитываться через поры. Господи, да он, возможно, употребил полсклянки этой отравы!

Сердце его колотилось, язык не помещался во рту. Трудно было глотать. Но ведь он не мог все бросить на такой стадии!

Ричард глотнул еще виски, затем выбрался из машины, чтобы продолжить допрос вдовы и получить столь важный для него ответ.

Мэри

Мэри двинулась к оружейной комнате наверху, где запасы были восполнены и комната заперта, когда Папа был надежно мертв. О господи! Неужели она действительно произнесла последнюю фразу вслух? Она была практически в этом уверена.

— Ну... нечего стесняться, если говоришь правду, — сказала она.

Сердцебиение продолжалось, пот все еще заливал лицо. Она допила коктейль из стакана, затем смешала себе следующий. Осознала, что вслух перечисляет ингредиенты и их последовательность.

Что это за оральная дизентерия с ней случилась?

Мэри сделала глоток свежего коктейля и принялась распевать старые песни на французском и итальянском — все эти песни они пели с Папой в лучшие времена. Если она будет петь, то уже никак не выдаст своих планов шпионам. Тем временем она искала ключ от оружейной комнаты.

А... вот оно что, он должен висеть у нее на шее на цепочке!

Она похлопала себя по груди, пытаясь обнаружить контуры ключа и цепочки под свитером. Нет, подождите, это ключ от комнаты с документами она носила на шее для сохранности.

— Но, черт, и *этого клятого ключа не было тоже!*

Перепуганная Мэри вернулась к своему креслу... сунула руки в пазы между подушками, поискала. *Бесполезно.* Она потопала наверх, спьяну ударяясь о стены, и принялась обыскивать спальню в поисках жизненно важных ключей.

Черт бы все побрал! Куда они подевались? Где ключ от комнаты с документами? Может быть, она оставила его в замочной скважине?

Может быть...

Она шатаясь спустилась вниз, крепко держась за перила, чтобы не упасть — так и бедро сломать недолго, — затем вошла в кухню. Она увидела ключ от оружейной комнаты на полочке над раковиной, как раз там, где он лежал в то страшное июльское утро, когда Папа им воспользовался, чтобы взять ружье.

Мэри выбрала карабин „Манлихер“ и уверенно вложила в него два патрона.

Папа позаботился сделать из нее отличного стрелка.

В Африке она застрелила льва. Ха, она убила не только одного льва, не так ли?

Она едва не рассмеялась...

Она на цыпочках спустилась к кладовке, где теперь хранила наиболее ценные рукописи Папы, и увидела, что дверь в кладовку приоткрыта.

Чертовы шпионы. Проклятые ученые. Мэри улыбнулась. На этот раз она помнила, что следует держать рот закрытым, никаких больше слов.

Они были правонарушителями, а Мэри знала закон.

Только переступи порог моего дома без разрешения, и я тебя уложу! Она с трудом сдержалась, чтобы не хихикнуть.

Заглянула в приоткрытую дверь.

Шпион стоял спиной к Мэри, он не слышал, как она подошла. И не услышит, так ведь? Это был еще один подарок от Папы — бесшумная поступь хищника... хитрость профессионального охотника. Или профессионального *убийцы*.

Она сузила глаза. Это был Ласситер!

Лассо даже не ответил согласием на ее предложение помочь ей с мемуарами и „Островами“. Он не подписывал никаких контрактов или соглашений о конфиденциальности. И тем не менее он здесь и роется в БУМАГАХ. Значит, от Ласситера нельзя ждать ничего хорошего, такая же дрянь, как и все остальные. *Даже хуже!*

Вот оно, значит, как! *Гребаный Иуда!*

Она могла выпустить один заряд Ласситеру в голову, другой в спину, разорвать его пополам. Ведь, как ни крути, Лассо роется здесь без ее разрешения... грабит ее и ее дом. Любое жюри присяжных в Айдахо ее оправдает.

Палец Мэри коснулся двойного курка. Она навела ружье на его спину. А он продолжал копаться в рукописях.

Рукописи...

Ее рукописи!

Черт бы побрал этого Гектора Ласситера!

Будь он проклят за то, что касается ее рукописей. И какой же дурак этот Лассо, возится с этими рукописями, когда самую лучшую историю может рассказать только она — произнести одну правдивую фразу, которая превзойдет все эти груды неудачных попыток Папы. Эта фраза, которую услышит весь мир, уже крутилась в ее голове.

Держа Ласситера на прицеле, Мэри улыбалась. Обидно отправлять единственного из оставшихся верного друга Хема в могилу, не дав ему возможность услышать коронную фразу Мэри, самую лучшую на свете.

Она заколебалась.

Скрипнула тяжелая входная дверь. Кто бы это ни был, у него не достало вежливости постучать и дождаться приглашения, прежде чем врываться в дом. Или они уже не пытались даже скрыть, что тоже намереваются все у нее украсть.

Мэри закусила губу, почувствовав за спиной движение. Это оказался ученый, этот Полсон, который, стоя в дверях, наблюдал за Мэри, держащей на мушке Ласситера. Глаза Ричарда расширились, когда Мэри повернулась и направила дуло ружья ему в живот.

Криди

Он начал бегом спускаться по лестнице, как только увидел, что Полсон направляется к входной двери в Дозорный дом. Выскочил на лужайку, промчался через дорогу и побежал наверх по холму к Дозорному дому.

Все теперь пошло наперекосяк — или грозило пойти наперекосяк. Один несчастный случай можно как-то покрыть. Но списать на помешавшуюся вдову три трупа, и все с огнестрельными ранениями, будет трудно, а в этом может возникнуть необходимость, если Мэри в самом деле пристрелит Ласситера или Полсона.

Черт, профессор угрозы не представлял, но Ласситер? О нем поговаривали, что он ходит с винтажным кольцом и довольно свободно прибегает к его услугам. Если Мэри начнет с того, что уложит Ласситера, тогда, возможно, ситуация изменится.

Если это произойдет, Мэри, возможно, избавит Криди от необходимости организовывать для нее „самоубийство“. Вместо этого он сможет дать ей хорошую порцию зелья из бутылки из-под виски, что у него в кармане. Тогда Мэри будет петь песни, которые он вздумает вложить в ее голову, пока окончательно не лишится последних капель рассудка.

Криди стоял в коридоре Дозорного дома и взвешивал варианты. Он мог видеть спину Ричарда и заметил, что тот трясется. Криди принял решение. Он вышел, обошел дом и прижался к стеклу окна кладовой, чтобы наблюдать за Ласситером. Если тому суждено умереть, Криди хотел это видеть.

Мэри

Явный ужас ученого заставил вдову улыбнуться.

Да, ученый мудака, ты должен меня бояться! Я хочу, чтобы это выражение всегда было в твоих глазах — страх!

Мэри опустила ружье и приложила палец к губам, требуя от Ричарда молчания.

Не делай ничего неприятного, старушка, сказала Мэри себе. Выясни сначала, не сговорились ли Полсон с Ласситером. Ведь пристрелить эту парочку можно и позже. Времени будет сколько угодно...

Гектор

Процесс был медленным и трудным. Гектор бережно разворачивал каждый листок, исписанный почерком Хема, осторожно возвращал рукопись в отведенное для нее отделение. После длительных поис-

ков, с остановками то там, то здесь, чтобы насладиться кусками прозы Хема, в которой все еще чувствовалась его былая магия, вспоминая сорок лет дружбы, ссор и поздних ночных разговоров за выпивкой, Гектор нашел оригинал „утраченной главы“ о нем. Он также нашел несколько собственных отрывков, которые не рассчитывал когда-нибудь еще увидеть, — неподписанные рассказы, которые наверняка были в украденном чемодане Хема. Очевидно, Мэри решила, что это написал ее муж.

Что, черт возьми, происходит?

Как могли давно украденные рукописи Гектора оказаться одновременно на коллекционном рынке и в подвале Хемингуэя? *Какого черта?*

Гектор, тихо чертыхаясь, продолжал копаться. Он не нашел здесь всего, что потерял в Париже в 1922 году, но несколько рассказов нашел, причем с рукописными пометками на полях вроде бы пометком Мэри: „Сохранить для первого сборника Папиных рассказов, не вошедших в ранние сборники“ или — и это встревожило Гектора сильнее — „Изменить имя героя на Ник Адамс для возможной антологии Адамса“.

Милостивый боже, он не мог позволить, чтобы его произведения публиковались как юношеские работы Папы. Господи...

В конце концов, уверившись, что он выбрал все, что принадлежит ему, Гектор полез глубже и обнаружил довольно большую рукопись, касающуюся политических дел на Кубе, которая на первый взгляд показалась ему порочащей Эрнеста несколько странным образом. Из рукописи можно было сделать вывод, что Эрнест являлся своего рода *фиделистом*, апологетом Кастро.

Все еще стоя спиной к двери, Гектор засунул рукопись за ремень своих слаксов сзади, где бы ее не было видно под спортивной курткой.

Тут он повернулся, и сердце его упало.

Перед ним стояла Мэри — с ружьем, направленным ему в голову. Руки не дрожали, глаза дикие. За ней стоял Полсон, у этого глаза были расширенными и ненавидящими.

Голосом, охрипшим от алкоголя и таинственного зелья, Мэри сказала:

— Спрашивай меня! Спроси меня о том, что вы оба так хотите знать. Валяй, Лассо... профессор... задавай вопрос, который вы *все* хотите задать!

Гектор поднял руки и вспомнил, как он впервые увидел Мэри — на аэродроме в Гаване в 1959 году. Тогда ему показалось, что она немного не в себе. Теперь он подумал — не повлияла ли близость к Хему, особенно в его последние безумные дни, на без того хрупкий рассудок Мэри? Не подпитывали ли ее боль Хема и его переменчивый темперамент? Его злость и нерациональность? Гектор облизал губы и подумал. *И если так, то не тоскует ли она об этом настолько, что попытается все вернуть, пристрелив меня?*

Он взглянул поверх ее плеча на Ричарда. Неужели профессор снова подмешал Мэри зелье, привел ее в безумное состояние? Возможно. Или он сам употреблял это зелье, потому что выглядел таким же безумным, как и Мэри: сильно вспотел и странно раскраснелся. Зрочки Мэри и Ричарда были величиной с десятицентовик. Ричард таранился в затылок Мэри, как будто мог просверлить его своим злым и испуганным взглядом.

Мэри этого всего не видела, она смотрела поверх ружья на Гектора. Ее щеки дергались, как будто ею управляла какая-то сила, которая старалась взять свое и явно одерживала победу.

— Тебе даже не нужно ничего говорить, — сказала Мэри. — Я все вижу по твоим глазам. Убила ли я старого негодяя? Черт бы все побрал! Да! Да, я убила Эрнеста!

Они стояли в тесной комнатухе, Гектор все еще в самом низу, под прицелом ружья Мэри. Мэри — ступенькой выше, Ричард за

ней и еще чуть повыше. Слова Мэри эхом отлетели от стен. Гектор и Ричард пытались переварить это признание.

Мэри заявила это с неистойвой гордостью. Гектор почувствовал, как подгибаются колени, и ощутил страх за свою жизнь.

Этот безумный ученый теперь торопливо записывал ее признание в свой блокнот, даже когда палец Мэри начал подрагивать на первом курке.

Самое настоящее безумие.

Гектор подумал: *я действительно сейчас умру, и ничего с этим не поделаешь. Милостивый боже!*

Теперь все тело вдовы тряслось. Она шагнула вперед, как будто хотела прижать стволы к голове Гектора, прежде чем отправить его в небытие.

На секунду Гектор подумал, какие появятся заголовки в газетах. Наверное, что-нибудь вроде „Друг Хемингуэя убит в футе от того места, где умер Папа“... Возможно, даже выскажут предположение, что он умер, имитируя Хема. Мать твою!

Тут глаза Мэри закатились, и она потеряла сознание.

Гектор поймал ружье, прежде чем оно упало на пол и случайно выстрелило.

Теперь ружье было в его руках. Гектор поднял глаза и увидел, что ученый замер и смотрит на него. Гектор попытался обуздать свой собственный адреналин — это же надо, быть так близко к смерти от руки Мэри... Он снова взглянул на Ричарда. Гребаный ученый *все* слышал. Что теперь Гектору делать с этим клятым ученым?

Ричард трясся как осиновый лист. Он это получил, он получил признание, которое собирался вытрясти из Мэри. Но, бог мой, как она это сказала... это было мрачное, более драматическое признание, чем он когда-либо мечтал получить от вдовы. И Ласситер тоже слышал. Черт бы все побрал!

Увидев ружье в руках Ласситера и вообразив, что он может направить его на него, Ричард завизжал и побежал вверх по ступенькам.

Гектор чертыхнулся. Когда входная дверь захлопнулась за удирающим ученым, Гектор посмотрел, что такое с Мэри... она лежала с широко открытыми глазами и дергалась. Она напомнила ему обдолбанного наркомана, у нее даже пена на губах появилась. Что же, ситуация становится все мрачнее и мрачнее, не так ли?

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ
Война мужчин

Огромное преимущество писателей в том, что они могут подглядывать за людьми.

— Грэм Грин

14. Фаворит

Двое мужчин сидели друг напротив друга за столом. Немного превозмогая себя, Ричард смирился с мыслью: оба они — мужчины, привыкшие, чтобы их слушали. Люди прислушиваются к их словам, обоих можно назвать собирателями информации. Но, будучи профессором, Ричард полагался на метод Сократа: ставь вопрос и добивайся ответа. Человек, сидевший напротив него за столом, больше напоминал киноактера, а другой, ну, другой был больше похож на бандита.

Ричард понимал, что попал в чуждую среду.

Испуганный и затюканный, Ричард поморщился, когда Криди наклонился к нему через маленький столик в пабе и сказал угрожающе:

— Ты меня *разочаровываешь*, Ричард. Ты сказал, что, после того как ты получил, чего добивался — этого признания Мэри в убийстве Хемингуэя, — после того как ты получил материал для своей драгоценной биографии, Мэри потеряла сознание. Горничной не было. Весь дом и этот Ласситер были в твоём распоряжении. Дверь в комнату с рукописями была открыта. Ты должен был раньше Ласситера выхватить у Мэри ружье, отправить его в ад, выполнить свое задание в комнате с документами, затем оставить их обоих там. Пусть местная полиция разбирается. Они бы решили, что Мэри Хемингуэй убила Ласситера. Ты бы остался чистым.

Нет, подумал Ричард. Так не могло произойти, даже если бы он мог убить Ласситера, а он знал, что на такое не способен. И Ханна знала, что Ричард вернулся в Дозорный дом. Он бы не смог все убедительно объяснить жене. И с его счастьем его приезд или отъезд обязательно заметил бы какой-нибудь сосед.

И вообще, теперь, когда у него было признание Мэри, он не мог рисковать своим собственным арестом или смертью от рук помощников этого человека. Кроме того, теперь Ричард уже видел кучу бумаг — кипы рукописей Хемингуэя, его письма. Настоящий клад. Ему хотелось вернуться туда, решительно все просмотреть. Подкрепить удивительное признание Мэри массой новых откровений Папы. С этой целью Ричард уже побеспокоился об оперативном просторе для себя. Он соврал Ханне, что возвращается в Бойсе раньше, чем он на самом деле собирался. Он снимет еще номер в гостинице, запасется хорошим вином, блокнотами и ручками. Он так же поступит и с этим человеком. Скажет ему, что возвращается в Бойсе, а сам будет планировать, как ему снова попасть в ту комнату с рукописями в Дозорном доме.

— Не было времени, — сказал Ричард. — Мы боролись из-за ружья...

Криди приблизился вплотную к его лицу:

— Это все вранье, Ричард. У меня в доме кругом жучки. Более того, я стоял прямо за Ласситером. Смотрел в окно. Слышал, как ты завизжал по-бабьи. Слышал, как ты топал по лестнице, удирая в ужасе. Слышал, как хлопнула дверь. Затем, выглянув из-за угла, я увидел, как ты бежишь из дома. *Трус!*

Криди сурово посмотрел на Ричарда, губы его кривились. Теоретически ему самому было довольно просто проникнуть в Дозорный дом. Опоить вдову, украсть ключ и не полагаться на пьяного, трусливого профессора.

Но в подобных ситуациях всегда предпочтительнее избрать короткий путь. Годились старые, испытанные методы. Найди мужика,

который больше всех теряет, если влезет туда, надави на него сильнее, чтобы этот кретин именно так бы и поступил. С этого момента он навсегда принадлежит тебе с потрохами. Так что главное найти типа с такой отчаянной страстью, что он полезет туда без особого принуждения.

Типа вроде Ричарда Полсона.

Типа, который живет так близко к краю, так далеко от общепринятых норм и точек зрения, что, если он в один прекрасный день сорвется со скалы или вмажется в стену с печальными последствиями, никто не будет слишком удивляться и раздумывать, что именно столкнуло его со скалы.

Такие люди были определенно не в себе — одиночки, готовые в любой момент сорваться. От них этого ждут... потом качают головой, затем закрывают дело и забывают.

Да, именно таким образом нужно вести эту игру.

Ричард спросил:

— Вам от меня больше ничего не нужно? Мы ведь закончили, так?

К лицу профессора приклеилась такая полная надежды улыбка, что Криди захотелось его ударить.

Но вместо этого он улыбнулся:

— Нет. Видишь ли, Ричард, если работаешь на меня, нечего и думать о конце. Я не увольняю людей, подать в отставку тоже нельзя. Но в случае неудачи? За неудачу наказывают. Последствия могут быть непредсказуемыми. А теперь я знаю, что ты способен мне сорвать. Так что теперь тебе придется за многое отслужить.

Ричард слабо кивнул.

Криди спросил:

— Когда ты собираешься вернуться в дом Хемингуэя?

— Мне надо съездить в Бойсе. Но я вернусь через пару дней. Тогда и встречусь снова с Мэри. По крайней мере, собирался, если бы не сегодняшний день...

— Мэри ничего из этих событий не вспомнит... или почти ничего, — резко сказал Криди. — Она даже не вспомнит, что вы с Ласситером там были. У нее могут быть всплески памяти. Может вспомнить что-то по мелочи, но спишет это на сны или выпивку. Те, кто принимает это зелье, всегда так реагируют.

Ричард покачал головой:

— Зато Ласситер знает, что там случилось.

— Это так, — сказал Криди. — Но если у Ласситера есть свои цели и он заметит, так сказать, забывчивость Мэри, у него не будет оснований говорить ей о тебе или о том, что с вами со всеми произошло. Особенно из-за того, что он сам там повсюду шарил. Безвыходное положение — обе стороны могут пользоваться оперативным простором. Считаю, что это вранье по общему согласию. — Криди был в этом уверен, он все предусмотрел.

— Я не знаю... — начал Ричард.

— Мне плевать, что ты думаешь и на что надеешься, и что ты „знаешь“, как ты наивно полагаешь, Ричард, — сказал Криди. — Во всем этом у тебя нет никакого выбора. Ты принадлежишь *мне*. Я на тебя рассчитываю, Ричард. Ты ведь *не захочешь* снова меня разочаровать.

— Я понимаю, — сказал Ричард, чувствуя, как внутри него все скрутило. Ему захотелось найти бутылку и необитаемый остров.

— В самом деле важно, чтобы ты действительно понимал, Ричард. Потому что, если ты еще раз подведешь меня, ты потеряешь значительно больше, чем просто деньги.

Когда у меня случаются неудачи, критика меня жалит. Я решаю, что больше никогда не стану писать пьесы. Но я аллигатор. Только аллигаторы остаются. Другие покидают воду.

— Артур Миллер

15. Работа для лопаты

Гектор сидел в своем углу в гостиной со стаканом „Уайт Бул“ и думал о Мэри Хемингуэй. Он мысленным взором возвращался к маленькой сумасшедшей женщине, которая держала его на мушке и кричала: „Я убила Эрнеста!“

Он не знал, что думать по поводу этого заявления. Одна часть Гектора почти верила Мэри, другая списывала это как пьяный бред... как галлюцинацию безумной женщины.

Он ушел, уложив Мэри, которая все еще была без сознания, в постель. Горничная принялась названивать врачу.

Что, если Мэри будет продолжать этот бред? Говорить всем, кто станет ее слушать, что вышибла Хему мозги?

Гектор понимал, что ему, скорее всего, придется вернуться в Дозорный дом и проверить, как чувствует себя Мэри. Но она может снова взять его на мушку и на этот раз успеть нажать на спуск до того, как потеряет сознание.

Гектор отпил еще глоток из стакана и взвесил в руке книгу в бумажном переплете, которую захватил с собой, — единственный триллер Донована Криди в дешевом издании, который он нашел в проволочной корзине в местной аптеке.

Книга называлась „Убить Хрущева“. На обложке гримасничающий мужик, слегка напоминающий Шона О'Коннери. Псевдо-Шон

красиво ухмылялся, стреляя из автомата в лицо какого-то лысого, чересчур мускулистого типа. Шон стрелял, весь отдавшись сражению и не обращая внимания на полуголую блондинку, обвившуюся вокруг его торса. Черт, телка буквально висела на правой руке Джеймса Бонда. *Милосердный боже...*

Гектор посмотрел на корешок — „Силвер Медэллион Пресс“. Он знал этого издателя. Парень много лет гонялся за Гектором, просил написать предисловие или аннотацию к его изданиям в бумажных переплетах. Однажды даже предложил включить его в выходные данные, что дало бы ему возможность сформировать свое крыло детективной литературы. Гектор ответил коротко:

— Нет, твою мать ...

Он отпил еще глоток и прочел первый параграф романа Криди:

Эстер Прил напоминала высокий бокал с выпивкой. У нее были привлекательные длинные волосы, голубые, как кобальт, глаза, и, черт, у нее было тело. И она знала, как этим телом пользоваться.

Гектор покачал головой. Он потянулся за ручкой, но вовремя остановился. Вместо того чтобы писать на полях, Гектор начал редактировать текст мысленно. Имя Эстер Прил не катило *совсем*. Если женщина была хороша, ее следовало назвать... может быть... *Митци Бишоп*. Верно, в этом есть нечто сексапильное. Ее надо сделать рыжей, с красивой грудью и крутыми бедрами. „Привлекательные волосы“ не годится. Что касается остального, то подошло бы: „У нее были голубые глаза и привлекательная фигура“. Это вполне сгодилось бы для читателей подобной макулатуры. Читателей, которым хочется только, чтобы герой скорее стащил с Митци платье и чтобы дальше под его утробное рычание шли три или четыре параграфа мягкой, но откровенной порнографии.

Тихонько фыркнув, Гектор швырнул книжонку на соседний столик. Пусть кто-нибудь из яйцеголовых развлечется.

Он сжал шею сзади и покрутил головой. Гектор сжег свою копию утерянной главы, а украденный оригинал спрятал в тайном отделении, которое устроил несколько лет назад в своей машине. Он также прочитал странную длинную рукопись, которую он выкрал из Дозорного дома, — путаный неоконченный роман, который читался как любовное письмо к Фиделю и Че Геваре. Подразумевалось, что автором сочтут Хемингуэя, но рукопись даже на пародию прозы Хема не тянула. Гектор сжег ее в камине в той комнате гостиницы, где останавливался Эрнест.

Хотя рукописи уже не существовало, Гектору отчаянно хотелось узнать, откуда она вообще взялась... как попала в подвал и, самое главное, кто, черт возьми, ее написал. Прочитав первый абзац книги Донована Криди, Гектор начал испытывать определенные подозрения относительно происхождения этой рукописи о Кастро. Вряд ли два разных писателя могли проявить столь одинаковую беспомощность, описывая привлекательных женщин.

Гектор приложился к своему слишком сладкому напитку, снял очки и потер уставшие глаза. Когда он стал видеть яснее, то заметил темноволосую женщину-ученого, которую уже не раз видел в гостинице. Он прищурился — черт, она вполне могла бы отвлечь его от мыслей о проклятой, возможно, преступной Мэри Хемингуэй.

Женщине не мешало бы причесаться. Это не было небрежностью, просто она не заботилась о прическе. Волосы длинные и распущенные, не по моде. Гектор не мог сказать наверняка, но, возможно, у нее была неплохая фигура под этими неудачными и плохо сидящими тряпками.

Гектор прекрасно знал свой вкус. Его всегда трогали хорошенькие женщины в беде. „Птицы со сломанным крылом“ — как называл их

его коллега по литературной халтуре Ян Флеминг. Но женщина-ученый, как показалось Гектору, грустила по собственному желанию — и, следовательно, не совсем подходила под его тип. Однако она могла знать кое-что о других яйцеголовых, которые в последнее время досаждали Гектору.

Она пила что-то на вид женское из высокого стакана.

Он допил свой напиток и жестом позвал себе в кабинку приятеля-бармена.

— Привет, мистер Ласситер.

— Привет, Дейв. Та женщина у стойки... что она пьет?

Бармен поморщился:

— Абрикосовую шипучку.

Гектора передернуло.

— Значит так, когда она прикончит эту дрянь, подай ей двойную порцию и покажи на меня пальцем, ладно?

Бармен кивнул и нахмурился:

— Она по-моему хорошенькая, мистер Ласситер. Но она была тут уже несколько раз. Кто-то вроде учительницы, так я думаю. Вы знаете, они собрались сюда на конференцию. — Бармен покачал головой. — Господи, ну и рот у этой дамочки.

Гектор недоуменно моргнул...

— Что? Ты хочешь сказать, что она вульгарна? Матерится?

— Я имею в виду, не закрывается. Никогда.

— А... Но все равно сделай то, что я прошу, идет?

— А как же. Еще один „Уайт Бул“, мистер Ласситер?

— Господи, нет, — сказал Гектор. Дейв явно обрадовался. — Я пишу роман о сюрреалистическом искусстве, — объяснил Гектор. — А „Уайт Бул“ — любимый напиток этой публики. Говорят, один сюрреалист изобрел этот коктейль в свою честь. Так что я пробовал его... из любопытства.

— И что скажете?

Гектор скорчил гримасу:

— Похоже на молочный коктейль, в котором молоко скисло. Господь, изобретая текилу, никогда не думал, что ее можно так изгадить.

— Так что вам принести, мистер Ласситер?

— На три пальца „Талискера“¹. Идет?

Дейв поднял большой палец.

— Претцелей желаете?

— С превеликим удовольствием.

Гектор открыл старый блокнот и начал просматривать некоторые записи, которые делал для себя в 1947 году.

Кто-то откашлялся у него над головой, заставив его поднять глаза.

— Гектор Ласситер, не так ли? — спросила она.

Он улыбнулся ученой брюнетке:

— Совершенно верно, мисс...

— Патриция Стилберн.

— Я видел вас здесь однажды, Патриция, — сказал Гектор. — Вы профессор?

— Штат Луизиана.

Гектор улыбнулся и жестом предложил ее сесть:

— Это там вы полюбили абрикосовую шипучку?

Она пожала плечами:

— Там ее делают из слив.

— Ну, мы же в Айдахо, наконец. — Он положил свой блокнот и ручку в нагрудный карман своей спортивной куртки.

Патриция улыбнулась и тихо сказала:

— Не говорите никому из моих ищеек-коллег, но я ваша большая поклонница, мистер Ласситер.

— Гектор. — Ее признание удивило его. Он даже спросил: — В самом деле? Вы моя читательница?

¹ Сорт шотландского солодового виски.

— В самом деле, — подтвердила она. — „Земля ужаса и страха“ — одна из трех моих любимых книг за прошлый год.

Она не ошиблась в названии. Гектор подумал, что она действительно может оказаться его читателем.

— Как вы достали книгу? Насколько я могу судить, я ведь вне радара „Нортон антологий“.

— Вы удивитесь. — Она отпила из чересчур высокого стакана и сказала: — Пару лет назад моя способная студентка написала доклад, который назвала „Гектор Ласситер и агония постмодернистского детектива“. Она убедительно доказала, что вы — один из пионеров постмодернистской художественной литературы, хотя многие критики и относят вас к жанровым писателям.

— Умный ребенок, — сказал Ласситер. — К тому же девушка. А мне необходимо расширять круг своих фанатов.

— Разумеется, я уже имела представление о вас как о личности, — сказала Патриция. — Я многие годы специализировалась по Хемингуэю, поэтому знала о вашей связи с Эрнестом. Но именно доклад моей студентки сделал из меня вашу читательницу.

— Я должен признаться, — сказал он, — в тот вечер я подслушал, что вы здесь говорили. Я следил за вами, Патриция. (Она тогда сидела за столом с Ричардом Полсоном и другими учеными.)

Она улыбнулась уже несколько пьяной улыбкой:

— Почему?

— Потому что мне придется выступать перед парой сотен таких, как вы. Это пугающая перспектива для постмодернистского пионера и автора бульварного чтива со средним образованием.

Она помешала свой коктейль пальцем, выловила вишню, съела и сунула черенок в рот. Гектор прищурившись следил за ней. Она улыбнулась, вытащила черенок изо рта и уронила его на стол. Оказалось, что она языком завязала черенок узлом. Довольно тугим узлом, надо сказать.

Ну и ну, подумал Гектор.

— Прошел слух, что вы отделяетесь от всех ученых, кто пытается с вами заговорить, мистер Ласситер. Но вот мы разговариваем. — Она улыбнулась, заметив его реакцию на черенок.

Он закусил губу, оторвал взгляд от черенка и посмотрел ей в глаза.

— Ну, Патриция, бывает разговор, а случается и допрос. Последнее меня не интересует. И у этих „всех ученых“ нет ваших глаз и улыбки. (И, — подумал он, — *они не умеют проделывать такие фокусы с черенком вишни своими маленькими розовыми язычками.*)

— Значит, мне должно льстить, что вы со мной разговариваете, Гектор? У этого разговора есть какая-то цель?

Гектор пожал плечами:

— Расскажите мне про этого Ричарда Полсона. Я его немного знаю, но недостаточно. Видел его вчера за вашим столиком.

Патриция улыбнулась:

— Он написал одну хорошую книгу о парижских годах Хемингуэя.

— Да, я читал. Не такой уж кошмар.

— Как близко Ричарду удалось подобраться?

Гектор улыбнулся:

— Наверное, довольно близко. Во всяком случае, он уловил дух времени.

— Расскажите подробнее, — попросила она, расстегивая сумку и доставая оттуда инкрустированный мундштук.

Гектор выудил свою старую „Зиппо“ из кармана и дал ей прикурить. Она посмотрела на гравировку на зажигалке.

Гектору Ласситеру
“Одно настоящее предложение”
Э. Х.
Ки-Уэст, 1932

* * *

— Боже мой, — воскликнула Патриция, — я читала об этой зажигалке и о вашей игре, когда вы заканчивали предложение друг за друга. — Она улыбнулась. — Знаменитое „настоящее предложение“, когда вы с Папой выдавали друг другу идеально построенные предложения, открывающие бесспорную правду, изложенную экономно, просто и стилистически идеально.

Гектор, пожалуй, не так бы сказал, но суть она уловила.

— Попали, — сказал он.

— И надо же, тысяча девятьсот тридцать второй год. Они делали эти зажигалки надолго, верно?

— “Зиппо“ предлагает бесплатную ремонтную программу, — сказал Гектор. Он заметил, как ее рука соскользнула с зажигалки на его пальцы. Ее тонкие пальцы поглаживали его руку. Ногти Патриции были выкрашены красным лаком, но обгрызены. Гектор еще не знал, двинется ли он в этом направлении в жизни, но в голову ему уже пришла первая строчка нового рассказа или романа: *Когда ты начинаешь спать с женщиной моложе твоей зажигалки, ты знаешь, что сделал шаг в сторону печали.*

Он запомнил фразу, чтобы обдумать позднее.

— Какую политику поддерживает Ричард? Он не за правое крыло?

Патриция сморщила нос:

— Господи, да нет. Мы почти все марксисты, а Ричард еще левее меня.

— Я всегда слышал, что все левые носят длинные волосы.

— Тогда зачем вы спрашиваете?

Гектор улыбнулся:

— Допустим, мне не хочется с вами расставаться, тяну время.

Она одарила его заслуженной улыбкой и склонила голову набок. Теперь она показалась Гектору более симпатичной. Сексуальный

взгляд, полные губы, длинная шея. И Гектор вдруг почувствовал, что ее нога прижалась к его ноге и слегка двигается вверх-вниз.

Она неожиданно нахмурилась:

— Сколько сейчас времени?

Гектор взглянул на свой „Таймекс“.

— Без десяти двенадцать.

— Черт! — сказала Патриция. — Мне надо лететь... я провожу занятия в секции „Хемингуэй и другие“. Вроде как рассматриваем Папу через призму Юнга. Вы можете прийти, а потом...

Ее нога снова потерлась о его ногу.

Довольно приятно, но на секцию его терпения не хватит.

— У меня на ближайшие два часа есть дела. Так что боюсь, пойти я не смогу, дорогуша. Вы здесь на все время конференции?

— Да, — разочарованно сказала она. — Вы тоже?

— До грустного конца. Давайте продолжим позднее, идет?

Патриция улыбнулась:

— Договорились.

Если только эти мерзавцы (критики) не хвалят вас взахлеб, скажу так: не обращайтесь на них внимания.

— *Джон Стейнбек*

16. Шакалы

Бродя по темным, обшитым панелями холлам гостиницы, Ханна разглядывала черно-белые фотографии в рамках голливудской элиты 40-х и 50-х годов, которая сделала Сан-Вэлли своей лыжной Меккой: Ингрид Бергман и Кларк Гейбл, Говард Хоукс и разномастные олимпийские чемпионы. Ханна задержалась у портрета великого человека с тремя сыновьями и фотографиями его прилипал и двух жен, которые ездили вместе с ним в Айдахо, и особенно Мэри, которая была с ним во время последней поездки и осталась здесь, чтобы похоронить его.

Ханна, четвертая миссис Полсон, как она стала о себе думать в последнее время после краткого визита к Мэри, умудрилась ухватить угловую кабинку в слабо освещенной столовой. Она разместилась под портретом Папы, где ему уже было за сорок и он успел отрасить животик. Он изображал из себя „толстого женатика“ при усах и ухмылке, стоял рядом с Гарри Купером и еще каким-то человеком, о котором давно забыли, и двумя настороженными черными собаками. Все они явно гордились тем, сколько птиц им удалось настрелять.

„Четвертая миссис Полсон“.

Ханна все еще удивлялась, откуда Мэри узнала так много о личной жизни Ричарда. И пока она не могла заставить себя дочитать тот экспромт о ее браке с Ричардом. Несколько параграфов, которые

она успела прочесть в Дозорном доме, очень ее расстроили. Позднее она пыталась расспросить Ричарда. Но он клялся, что ничего не рассказывал Мэри о своей семейной жизни, когда с ней переписывался или во время телефонных переговоров перед поездкой в Айдахо.

А как понять эту приманку вдовы насчет участия Ханы в написании ее биографии? Ханна никак не могла выбросить эту мысль из головы, хотя и знала, что Ричард ни за что не согласится.

В конечном итоге она сломалась и поведала Ричарду о том, что видела мужчину из ресторана — того самого, который, как она была уверена, следил за ними и следовал за ними пешком в гостиницу от Дозорного дома, куда приехал вслед за их автобусом. Ричард отмахнулся от тревог Ханны, но не так оскорбительно, как она опасалась.

— Маленькая деревня с единственной большой достопримечательностью для туристов... Наверняка Папин двор сейчас главный перекресток в Айдахо.

Когда она пила апельсиновый сок, услышала хриплый, женоподобный голос:

— Какого черта здесь делает Ричард? Он не выступает с докладом, как ты знаешь. Черт, да его не публиковали в „Ревю“ два года, с той поры как напечатали его крошечную статью насчет дерьмового неподписанного стихотворения, которое он отыскал на стене на Кубе, когда мы все там были. Ну, еще была эта небольшая статья насчет двусмысленностей в осеннем номере „Сан“, но она была такой небрежной и бессодержательной — просто копание в старой грязи.

Другой голос сказал:

— Наверное, нам не следует говорить про Кубу и о том, что там произошло. Ты только расстроишься. Снова.

Ханна посмотрела в ту сторону поверх потрепанного дешевого издания первого романа Гектора Ласситера „Рапсодия в черном“ на пару за соседним столиком. Мужчина и женщина. Ханна немного

удивилась: по голосам ей показалось, что разговаривают две женщины. Мужчина, произнесший последнюю фразу, был лысоват, и контуры его черепа четко проступали под взбитыми, как сладкая пена, плохо прокрашенными волосами. Очки темные, в роговой оправе. Плечи тесного синего костюма обсыпаны перхотью. Голос грубый, но женский.

Женщина, сидевшая напротив этого тролля, закурила свежую сигарету и отпила глоток вина из стакана с пятнами бледно-сиреневой помады. Она напонила Ханне сразу всех ассистенток, с которыми ей довелось столкнуться во время ее не столь долгого обучения в аспирантуре на курсах рассказа и критики. Но эта дама была довольно симпатичной.

У женщины были длинные темные волосы, кожа цвета слоновой кости и пронзительные голубые глаза. В изгибе бровей было что-то кошачье и диковатое. Ханна готова была поспорить, что дома, в студии, у этой женщины живет странная, безволосая кошка с шестью пальцами, которую она раздобыла в доме Папы в Ки-Уэсте. Она осторожно бродит между стопками книг о Хемингуэе, лазает по его отношению к полам, женским прототипам и ненавистникам матерей. Незнакомка была из тех испорченных коварных эстеток, от кого Ричард бы отмахнулся как от скучной телки одноразового использования.

— Куба, — с горечью сказал мужчина. — Я всегда злюсь по этому поводу, Патриция. Никогда не забуду и никогда не прощу. Еще один случай, когда Полсон меня кинул. Мы должны были делать ту книгу о Париже вместе, ты понимаешь, для продвижения по карьерной лестнице. Эта книга сделала его профессором, он получил премию, а мне пришлось два года ждать своей должности. Я помогал Полсону довести до ума эту *его* книгу. По крайней мере, половина введения — моя. Но Ричард обманул меня и подписал контракт один. Такое вот получилось джентльменское соглашение, поняла? Черт, меня даже там не упомянули. Он украл у меня кучу материала и не

сделал ни единой сноски на мои работы. Мерзавец! Я говорил ему, что подам иск в суд, и тогда он пригрозил, что расскажет о мальчишке, которого я брал с собой в Памплону в шестьдесят третьем. Полсон до сих пор держит это клятое событие над моей головой, как меч. Говорит, что доложит на мою кафедру, если я пойду против него. Можно подумать, что сам Ричард не трахал всех своих студенток подряд. Затем Гавана два года назад и сделка по поводу документального фильма для Си-би-эс. Он снова меня обманул. А здесь речь шла уже о серьезных деньгах.

Ханна поморщилась. Неужели такое могло быть правдой? Способен ли Ричард в самом деле украсть работу другого писателя таким вот образом? А это замечание насчет студенток?

— Ты постоянно себя подставляешь, Берли, — сказала женщина. — Пора бы уже сделать выводы.

— Что мне надо было сделать, так это нанять какого-нибудь крутого парня, чтобы убрать Ричарда, — сказал Берли. — Ты же знаешь, это можно было сделать за полтинник, в смысле американских долларов. Все выглядело бы как уличное ограбление.

Женщина подняла темную бровь:

— Бог мой, Берли, ты так говоришь, будто действительно рыскал в поисках киллера.

Берли самодовольно улыбнулся:

— Может и так, Пат. Может и так, черт возьми. — Он взмахнул обеими пухлыми руками. — Интересно, а какая здесь такса у киллеров?

Ханна даже отпрянула при этих словах. Маленький урод говорил вполне серьезно.

— Говори-говори, — сказала женщина, качая головой, — если это помогает тебе выпустить пар.

— Да нет, не помогает... — Он сел ровнее и ткнул пальцем в сторону женщины: — Ты в курсе, что эта лживая сволочь Ричард в „Флори-

дите “громко назвал меня „magison“¹ и заявил, что я „люблю маленьких мальчиков“? Мне повезло, что удалось убраться оттуда живым...

Мужчина приложился к своему джину с тоником и сунул одну толстую ногу под другую.

— Не знаю уж как, но ему удалось втереться в доверие к Мэри, она его слушает. Он сейчас там, я столкнулся с ним, когда он уезжал. Злющая старая сука встречается только с Ричардом, никого больше не принимает. Не знаю, как ему удалось установить контакт, не говоря уж о том, чтобы получить аудиенцию. Эта стерва воздвигла вокруг себя стену высотой в милю, чтобы никто из нас не пробрался. Трудно представить себе, что, с учетом его последней приличной работы, Ричард из всех жен Папы будет всерьез думать о биографии Мэри. Вообще-то, ему очень нужна удача. Я слышал, что декан его факультета начинает в нем разочаровываться. Прошел уже год с появления небольшой статьи о переписке Байрона, которая была замечена только в Европе. А теперь Стю практически прикарманил эту тему. Возлагает на нее большие надежды, хочет воспользоваться ею в своем варианте биографии, над которым сейчас работает.

Ханна закрыла глаза и потерла виски. Ричард может потерять свою работу в университете? Это объясняло некоторые из его наиболее странных последних высказываний...

— Кто сейчас впереди, кстати? Стю или Эдди?

У этой женщины, Патриции, хриплый голос, подумала Ханна. Наверняка курит не меньше трех пачек в день.

— Стю во всем. Хотя если верить слухам, Эдвард вырвался вперед, он первый, кто собирается воспользоваться материалами „Райского сада“ для своей версии биографии.

— Не могу сказать, что мне понравилась его книга о Хауэллсе.

— Не могу сказать, что мне нравится Хауэллс. Он годится только для нищих коллекционеров антикварных книг и людей, кото-

¹ Педераст (*исп.*).

рые считают Арлена литературой. И вообще, Ричард — *миу jornalero*¹.

Ханна, которая почти не знала испанского, постаралась запомнить выражение, чтобы посмотреть его в одном из книжных магазинов в гостинице.

Внезапно толстячок с неухоженным скальпом выпрямился:

— Ты не думаешь, что эта старая шляха допустила Ричарда до оригиналов „Сада“? Этот материал по праву должен принадлежать мне. Имея его и то, что я уже сделал по „Крутому повороту“, да еще то, что мы знаем по „Островам“, я смогу раздолбать эту чушь собачьё, весь мачизм этого мудака навсегда. Ты действительно не думаешь, что Мэри допустила Ричарда до „Островов“?

— Я слышала, что Мэри не в деле, что касательно „Райского сада“, совсем не в деле, — сказала похожая на кошку женщина. — Тут Скрайбнер от начала и до конца. Если Мэри настоит на своем, то, как я слышала, „Сад“ никогда не будет издан.

Ханна закрыла глаза, слушая голос женщины. Он был похож на голос в телефонной трубке, но твердо Ханна сказать не могла. *И все же...*

— Бедняга Ричард, — сказал толстяк. Его голос немного напоминал голос его спутницы. — Хотел бы я знать, что он задумал? По крайней мере, он все еще пытается, тут надо отдать ему должное. Хочет добиться нового глубокого проникновения.

Ханна допила сок и оставила на столике мелочь в уплату счета и чаевые.

— Бедный, бедный Ричард — услышала она стенания толстяка за своей спиной. Тут он внезапно взбодрился и спросил: — Да, ты видела, что эта толстая шляха Барбара тоже здесь? Она все никак не может понять, насколько непроницаем наш парень для этой толпы, собравшейся поплясать на могиле писателя. Господи! И эта книжка

¹ Просто поденщик (*исп.*).

„ученой поэзии“, которую она выпустила — „Губки для прокаженных“. Какое жалкое подражание Жаку и Роланду. И она сперла название у долбаного Бада Фиске, черт побери.

Ханна вздохнула и огляделась. На другой стороне столовой она заметила Гектора Ласситера. Он сидел в своей собственной угловой кабинке с чашкой кофе и блокнотом; пиджак он снял, рукава закатал. Руки у него были покрыты волосами. Несмотря на его возраст, в нем определенно было что-то мальчишеское. Он носил очки в проволочной оправе — по всем статьям писатель. И полностью сосредоточен на работе. Он ничем не показал, что заметил присутствие Ханны. Ни малейшего признака того, что он подслушивал разговор профессоров. Ни малейшего намека на то, что он сознавал, где находится, — он был весь там, где находились герои рассказа или романа, который он в данный момент писал.

Ханна почувствовала себя виноватой, что подглядывает, как он пишет. Она еще немного понаблюдала за ним, затем вернулась в свою комнату к своему собственному блокноту.

Через двадцать минут кто-то громко постучал в ее дверь. Ханна лежала на боку на кровати, все никак не могла найти удобное положение, чтобы сосредоточиться на рассказе. Она с трудом поднялась, приложив руку к животу, и спросила:

— Кто там?

— Привет, — ответил знакомый голос. — Ричард здесь?

— Нет, — ответила Ханна и нахмурилась. — В чем дело? Что-нибудь случилось?

— Я друг Ричарда. Мне нужно с ним поговорить.

— Его нет.

— Я уверен, что вы могли бы мне помочь, — сказал голос. — Могу я войти?

— Нет, — сказала Ханна, подходя к двери. — Извините, я только что из душа и неважно себя чувствую.

— О, мне очень жаль. Вы миссис Полсон?

— Да, — сказала Ханна и нерешительно спросила: — А вы кто?

— Друг, коллега. Ричарда, я имею в виду.

— Да, я понимаю, — сказала Ханна, стараясь вспомнить, где она слышала этот грубоватый, хриплый голос. — Как вас зовут?

— Ричард собирался дать мне номер телефона миссис Хемингуэй, но мы оба об этом забыли, когда разговаривали раньше, — сказал голос, проигнорировав вопрос Ханна. — Если вы могли бы дать мне этот номер, вы бы очень меня выручили. Я запаздываю со сроками, а мне обязательно нужно с ней связаться.

Ханна прокралась ближе к двери и посмотрела в глазок. Это был Берли, толстый коротышка, ученый, занимающийся Хемингуэем. Его искаженная линзой улыбка напугала Ханну.

— Простите, пожалуйста, — сказала она, — но я не знаю номера.

— Может быть, вы бы меня впустили, и мы бы поискали. — Вероятно, он держал руку на ручке двери, потому что она начала медленно вращаться, пока ее движение не остановил замок.

Ханна начала паниковать.

— Уверен, что номер в каком-нибудь блокноте, — сказал Берли. — Это очень важно для меня и для Ричарда. Я могу дать вам время одеться.

— Простите, но нет, — сказал Ханна, чувствуя, как в голос вкрадывается дрожь, хотя она изо всех сил старалась говорить спокойно. — Кстати, в данный момент Ричард у миссис Хемингуэй, так что он никак не мог опоздать.

— О да. Тогда конечно.

Ханна снова взглянула в глазок. Берли хмурился, лицо его налилось кровью. Он сделал последнюю попытку:

— У меня есть кое-что важное для передачи Ричарду, как раз когда он с миссис Хемингуэй. Это важно для их переговоров. Если бы я мог...

На этот раз Ханна его перебила:

— Простите. У меня в самом деле нет номера, по которому ей или ему можно дозвониться. Если вы назоветесь, я передам Ричарду, что вы пытались с ним связаться.

Через глазок Ханна видела, как толстяк резко дернул головой и одними губами произнес слово „блядь“.

— Нет, — сказал он, — тогда будет уже поздно. Пожалуйста, не говорите, что я заходил. Все нормально. В самом деле. Спасибо.

Ханна закусила губу.

Она осталась стоять у двери и увидела, что ручка снова вращается. Тогда она ударила по двери ногой и посмотрела в глазок. Берли бежал по коридору. Теперь она впала в панику. Ведь она была одна.

Ханна оглядела номер в поисках чего-то для защиты себя и ребенка. Она тяжело дышала и боялась, как бы ей не стало дурно.

Она увидела потрепанную книгу на кровати. Вспомнила, что сказала Мэри Хемингуэй об авторе романа: „Человек, который проживает то, что пишет, и пишет то, что он проживает“.

Она позвонила регистраторше:

— Мистер Ласситер все еще в столовой?

Минутная пауза. Автор детективов, по-видимому, ушел из столовой.

Ханна попросила:

— Не могли бы вы соединить меня с его комнатой?

Когда сюжет тормозит, вводи человека со стволом.

— Рэймонд Чандлер¹

17. На посту

Он снял трубку на второй звонок. Девушка с трудом переводила дыхание, казалась насмерть перепуганной.

Гектор чувствовал, что между ним и Ханной образовалась какая-то связь в доме Хема, к тому же, разумеется, они были коллегами. Теперь, оказавшись в опасности, Ханна обратилась к нему первому. Ему это было приятно и польстило. В его возрасте от того, что молодая женщина видит в нем достойного защитника, может закружиться голова.

И Гектор знал, куда это может привести, ведь он сам неоднократно шагал по этой дороге.

За все эти годы ощущение опасности приводило к нему не одну женщину — напряжение подстегивало эмоции и обостряло стремление к близости.

Страх зачастую оказывался очень сильным афродизиакком.

Отчасти Гектор удивился, что ему захотелось проявить свой интерес к Ханне. Что, если он вступит в игру? Может быть, в этом случае все получится удачнее, чем в других обстоятельствах, когда он вмешивался, чтобы помочь молодой красотке. А может быть, на это раз все кончится бедой и разрушением.

И черт, в практическом, физическом смысле их единение казалось predetermined: комната Гектора находилась всего в четы-

¹ Рэймонд Чандлер (1888–1959) — автор детективных романов, американский писатель-реалист, критик.

рех дверях от новой комнаты Полсонов, которые переехали в самую гостиницу на время конференции.

Черт, зачем сопротивляться тому, что может быть судьбой?

Ну, в первую очередь имеется этот чертов муж.

К тому же она от него беременна.

И все же...

Ладно, неважно, как оно там выйдет, но он рискнет. Вообще-то, он не мог отказаться, поскольку Ханна попала в беду и обратилась к нему за защитой.

Хотя, черт бы все побрал, несмотря на вопли о помощи, каким опасностям может подвергаться молодая, домашняя, беременная женщина-шотландка на курорте, где полно интеллектуалов, многие из которых с большим приветом?

Держа трубку между плечом и ухом, Гектор причесался и заправил рубашку, только что полученную из прачечной, в брюки.

— Просто выйдите в коридор, лапочка, — сказал он. — Я доставлю вас сюда в целости и сохранности.

Ханна огляделась, запирая замок. Ее руки тряслись.

Автор криминальных романов уже стоял в коридоре, улыбался и протягивал руку.

— Все в порядке. — сказал он. — Я посмотрел: он исчез.

Ханна кивнула. Он стоял, такой спокойный и улыбающийся, как будто это еще одна случайная встреча. Но все на самом деле было не так. Он был успешным писателем, умеренно популярным, при этом харизматичным мужчиной, прославившимся своими эскападами спортивного рыболова, охотника, драматурга и военного корреспондента. Она мало читала его произведений, зато была знакома со сплетнями в журналах о кино, чтобы знать несколько старлетов, романтически связанных с Гектором Ласитером.

Он был человеком из другого мира, далекого от ученых и начинающих писателей, которые окружали ее в колледже. Гектор Ласситер занимался делом, а не болтовней. Она потрясла головой, хватит анализировать; все дело в том, что с их короткой встречи в Дозорном доме Ханну уже тянуло к Гектору, то есть, если честно признаться, он оправдывал свою репутацию дамского угодника.

Когда она подошла к его комнате, ее снова поразили его рост и ширина плеч. Гектора отлили совсем по другим шаблонам, чем Ричарда. И он обладал такой харизмой, что казалось, будто в комнате не хватает кислорода. Папа назвал бы это *machismo* — мужской шарм того свойства, который, как чувствовала Ханна, уже становится большой редкостью в нашем мире. Какая жалость, что она беременна, вот если бы она была такой, как раньше, спортивной... да что там, такой, как женщины в романах Гектора.

Он отступил в сторону, и Ханна вошла в гостиную — номер состоял из двух комнат, вторая, как она догадывалась, была спальней. Гостиная имела окна по кругу и была наполнена солнечным светом. Телевизор, два кресла, два длинных дивана, письменный стол и камин недалеко от двери.

Оказавшись с ним наедине, Ханне не захотела, чтобы он видел в ней перепуганную курицу, нуждающуюся в помощи, маленькую беременную жену, шарахающуюся от теней. Она не хотела, чтобы Гектор видел в ней перепуганного полуробенка-полуженщину. Ей противно было думать, что ее страх мог позабавить мужчину, подобного этому писателю, который, по всеобщему признанию, видел много бед в своей полной приключений жизни. И все же ее панический звонок привел ее в его номер. Теперь надо выбираться из ситуации, в которую она попала по своей же собственной вине.

— Простите, пожалуйста, что я вас побеспокоила, — сказала она, — но мой муж уехал, и я совершенно не представляла, кому еще можно позвонить. Возможно, я зря волнуюсь...

Гектор едва не расхохотался... Те же старые пляски. Ему вдруг показалось, что он играет сцену в одном из миллионов фильмов категории В, сценарии к которым он доводил до ума в конце сороковых годов.

Следуя по проторенному пути, он одной рукой обнял Ханну за плечо и повел ее к раздвижным стеклянным дверям, выходящим на его личное патио. Он придержал ее за руку, когда она осторожно садилась в кресло, прижав другую руку к животу. Похоже, им обоим не хотелось отпускать руки друг друга. Ханна смущенно улыбнулась и первой отняла руку.

Гектор убедился, что находится по ветру от Ханны, и достал пачку „Пэлл-Мэлл“ из кармана. Скорее всего, она права, волнуется она зря, просто какой-то пьяный ученый женоненавистник орал на женщину с безопасной позиции — из-за запертой двери.

Тем не менее в этом маленьком горном городишке интриг было навалом. Может быть, Ханна попала в какой-то переплет, связанный с делишками ее супруга.

Через облако голубого дыма он сказал:

— Значит, вам звонят с угрозами. Какие-то ученые поносили только что вашего мужа в столовой. Незнакомый мужчина пытался проникнуть в вашу комнату. Что-то еще, о чем вы умолчали?

Ханна удивилась, что он заметил ученых... заметил ее.

— Время от времени я замечала одного и того же человека, он за нами следил, так я думаю. Я видела его в ресторанах. Видела, как он едет за нами. Сопровождает нас в рестораны, магазины, в гостиницу. Он проводил нас до самого дома Мэри. Я показывала его Ричарду, но он отмахнулся.

Гектор кивнул. Черт, Ричард Полсон так рвется в своей погибели, что не заметит утра субботы после ночи в пятницу. Он сказал:

— Тот человек, которые таскался за вами, он был костлявый? Краснолицый? Лицо обожженное солнцем или обветренное?

Ханна открыла рот от изумления. Она явно поразилась, что он тоже видел этого типа. Расчетливый бабник в Гекторе шепнул ему, что крючок засел прочно, если он намеревается двигаться в этом направлении.

Господи, перестань, подумал он.

Молодая шотландка была милым, беременным ребенком, которого он встретил в странном городе. Была связана с пьяным и жалким мужем. С сукиным сыном и алкоголиком, который якшается с Донованом Криди. Гектор продолжил:

— Волосы у него темные, так я думаю. Он начинает лысеть спереди, теперь у него уже большие залысины. Носит очки. Угадал?

Глаза Ханны расширились, губы дрожали. Она кивнула, прижав руки к груди:

— Точно! Да. Но как...

Ну вот опять, он балансирует на лезвии ножа, раздираемый желанием покрасоваться, поразить ее своими знаниями, своим проникновением в темные дела, которые сейчас кружатся вокруг них, и простым обязательством успокоить беременную женщину, которая, вполне вероятно, действительно попала в трудное положение.

Гектор поколебался, затем сказал:

— Оттуда, где вы сидите за столом, вам не видно, но через дорогу есть каток. Он сейчас там с биноклем и следит за нами.

Ханна не могла остановить дрожь. Но одновременно почувствовала облегчение — ведь теперь она убедилась, что ничего не выдумывала! И возбуждение, которое, она боялась, Гектор сможет заметить на ее лице.

Здесь, на балконе с Гектором, она чувствовала себя в безопасности.

Еще она ощутила невольную симпатию к автору детективов за то, что поверил в ее страхи.

Впервые за долгое время Ханну охватило странное чувство радости... даже голова закружилась.

Ричард наверняка бы от всего отмахнулся, но Гектор был полностью на ее стороне, более того, он был настроже, готовый *действовать*.

Ханна постаралась выглядеть обеспокоенной, боящейся того, что случится дальше.

— Итак... — сказала она.

— Итак, вам стоит подождать здесь, — заявил Гектор. — Здесь вы в безопасности. Я же спущусь вниз и поговорю с этим типом... прямо сейчас. Сниму его с вашего хвоста, причем быстро.

Он оставил Ханну на балконе и пошел в спальню. Трудно сказать, что он собирался делать дальше и с какой реакцией он столкнется у преследователя Ханны.

Одно дело таскаться за Гектором, совсем другое — запугивать молодую беременную женщину.

Гектор надел спортивную куртку и проверил, на месте ли упакованная колбаска монет, склеенных скотчем, которую он всегда носил в кармане пальто.

Этот тип не был похож на ученых, с которыми ему до сих пор приходилось встречаться. Гектор вытащил из-под подушки кольт и сунул его за ремень брюк.

Он запер за собой дверь, спустился по лестнице, вышел во двор и направился туда, где засел их преследователь. Он поднял голову и взглянул на балкон, увидев наблюдающую за ним Ханну. Она улыбнулась, затем снова начала наблюдать за шпионом.

Миром правит насилие. Но, думается, об этом лучше помолчать.

— Боб Дилан

18. Человек, который проживает то, что пишет

Перебегая через лужайку, Гектор низко пригнул голову в надежде, что, скрыв лицо, ссутулив плечи и надев спортивную куртку, обманет следящего за ними человека.

Он глубоко вздохнул. Наступал второй этап его слишком знакомой роли — сколько раз за свои шестьдесят пять лет он проигрывал один и тот же сценарий (в жизни, никогда на печатных страницах)?

Господи, в шестьдесят пять лет все еще играть „хорошего парня“? Практически в каждой области есть обязательный возраст ухода на пенсию, но это не касалось писателей... а он еще изображает героя в субботнем дневном спектакле.

Когда Гектор оказался примерно в пятидесяти ярдах от человека с биноклем, тот его заметил и рванул в противоположную сторону. От того, как этот человек вел наблюдение, ФБР не пахло. Черт, да он даже не соблюдал принятый в ФБР дресс-код. Но и на ученого этот тип никак не смахивал тоже...

Гектор сделал несколько поспешных шагов, затем решил, что ему не догнать более молодого человека на таких просторах. Черт, да он его и во дворе бы не догнал. Гектор усомнился, что он сумел бы догнать незнакомца, даже если бы он был в своей лучшей форме. Затем Гектор выругался и *все равно* побежал за мерзавцем, даже перепрыгнул через низкий заборчик катка, заскользил по льду, уворачи-

ваясь от катающихся девушек в коротких юбочках, добрался до противоположного заборчика и перепрыгнул через него на другую сторону катка.

Когда его ноги коснулись утрамбованной земли, он едва не упал.

Незнакомец прорвался через пару дверей, едва не сбив с ног несколько туристов. Гектор последовал за ним, обегая молоденьких красоток в коротких юбочках и обтягивающих свитерах с коньками в руках.

Гектор пробежал через вестибюль гостиницы и вырвался через несколько дверей на другую сторону, снова на свежий воздух, откуда помчался к роще.

Незнакомец наполовину бежал, наполовину падал по склону, заросшему соснами. Гектор побегал за ним вниз, их все еще отделяли пятьдесят или шестьдесят ярдов, а он уже задыхался. Черт бы побрал „Пэлл-Мэлл“... черт бы побрал возраст. *Господи!*

Гектор замедлил бег, уже с трудом спускаясь по крутому, заросшему лесом склону и радуясь тому, что Ханна не может видеть его на таком расстоянии. Его состояние в данный момент, вероятнее всего, покончит со всякими намеками на преклонение перед героем, замеченное им раньше.

Затем он услышал клик.

Гектор замер.

Еще один резкий звук.

Возможно, сломалась сухая ветка от ветра...

Или кто-то перегнул ружье, затем вставил патрон.

Впереди что-то блеснуло в листве.

Остатки росы на листьях?

Может быть, это солнце отражается от обертки от жвачки, которая оказалась в птичьем гнезде, будь она неладна?

Или эта сволочь припрятал где-то здесь, в лесу, ружье? Хуже того, у этого урода может быть сообщник — отличный снайпер. Может

быть, солнечные зайчики — отражение от оптического прицела снайпера? Черт бы побрал его богатое воображение.

Гектор оставил очки в гостинице, так что теперь все казалось ему мутным пятном. Каждая ветка или лист так расплывались, что вполне могли оказаться источником потенциальной угрозы.

Гектор теперь мог понять, что чувствовала Ханна, когда, запертая в спальне, слушала угрозы через дверь.

Вот только Гектор не Ханна.

Он сражался — официально и неофициально — в войнах и революциях, был ранен в экзотических, мрачных, иностранных портах, но каждый раз ему удавалось вывернуться. Теперь здесь, на писательской конференции в Айдахо, в лесу около спортивного комплекса международного класса, ясным, солнечным днем он пугается, услышав клики и увидав блеск между деревьями.

Во что ты вляпался старик, а?

Тут Гектор вновь услышал этот звук.

Он не был полностью уверен, но похоже было, что кто-то вставил обойму в автомат.

Чтобы не испугать стрелка, Гектор медленно повернулся, показав свою спину любому, кто мог сейчас держать его на прицеле. Еще больше ощущая себя комиком на подмостках и ругая себя за все растущее ощущение бессилия, Гектор поднял руки, сдаваясь врагу, которого, вполне вероятно, и не было, и принялся выбираться из низины.

Он шел и прикидывал, кто же он такой: параноик, пьяница боксер, у которого не хватило ума вовремя повесить на гвоздь перчатки, или попросту трус. Тем не менее он старался держаться так, чтобы стволы деревьев прикрывали ему спину, пока он взбирается к гостинице и Ханне.

Гектор прошел через гостиничный двор, опустив голову и сунув руки в карманы. Он остро ощущал свой возраст и ненавидел себя за то, что не сумел догнать мерзавца. Черт, возможно, ситуацию надо

будет использовать в романе, но только с участием второстепенного персонажа. День, когда герои Гектора начнут сталкиваться с таким обломами, станет днем, когда действительно нужно будет повесить перчатки на гвоздь.

Господи, неужели больному Хему пришлось столкнуться со всем этим в конце? Тогда ничего удивительного...

Гектор немного скривился, почувствовав боль в коленях. От прыжков по треклятому холму побаливало ахиллово сухожилие.

Когда Гектор приблизился к двери своего номера, мысленно перечисляя, что и где болит, он увидел, что у дверей номера Ханны присел мужчина и что-то делает.

Оказалось, что он приложил ухо к двери, возле ручки, и слушает.

Сердце Гектора екнуло: господи, неужели это тип из леса? Обогнал его и явился сюда? Ладони Гектора взмокли. Худший вариант — он мог быть еще одной шестеркой Криди. Может быть, какой-нибудь молодой бычок со знанием кулачного боя, который легко надерет Гектору задницу.

Но нет...

Гектор даже улыбнулся, осознав, что не угадал в обоих случаях. Тогда он на знакомой территории, и его ждет простой поединок, хорошая драка. Драка? Да нет, скорее избиение

Даже сзади Гектор узнал мужчину по его ужасной перхоти и неухоженным волосам. Это был разобитый яйцеголовый, которого он видел в столовой внизу, — Берли.

Гектор улыбнулся и покачал головой. Что же, он не сумел догнать того типа внизу, но он наверняка справится с *этим* уродом, вернет себе немного самоуважения, решив эту небольшую проблему Ханны.

Он вытащил свой кольт и сунул его в жирные складки на шее Берли. Указательный палец другой руки он прижал к губам. Затем он схватил ученого за шиворот и поставил на ноги. Провел его по

коридору и вывел на общий балкон, выходящий во двор. Было прохладно и ветрено, так что, кроме них, там никого не оказалось. Гектор продолжал держать дуло своего пистолета под профессорским подбородком.

— Что за игрища, Берли?

Гектор взглянул на лицо перепуганного ученого. Еще один бедолага. Несмотря на все те гадости, которые Берли говорил о Ричарде Полсоне, Гектор не исключал, что они могут быть в сговоре. Может быть, сошлись как ученые в этом странном зловещем сюжете, который закрутили Ричард с Криди. Перепуганный Берли взглянул на пушку и пробормотал:

— Черт, а я решил, что вы Ричард Полсон!

— Вы с Полсоном вместе работаете?

Берли трясся и не отводил взгляда от большого колыта под своим подбородком. По цвету кожи Берли, которая краснела на глазах, и по красным ушам Гектор видел, что у него поднимается давление; колени ученого дрожали. Черт, только бы в обморок не грохнулся.

— Я ученый, — объяснил Берли, дрожа подбородком. — Полсон тоже ученый, но мы не работаем вместе. — Он облизал губы и попросил: — Не могли бы вы убрать пистолет? Он меня пугает.

— А для чего тогда пистолеты? Под „работаем“ я имел в виду, что вы участвуете в его затее с Мэри Хемингуэй?

— „Затее“? Нет, этот сукин сын уже выкинул меня из книжного проекта. Я никоим образом не участвую в той биографии или в чем-то там еще, что эта старая корова дает Ричарду. Как я уже сказал, я ненавижу этого сукина сына! — Берли двинул головой так, чтобы смотреть прямо на пистолет Гектора у своего горла. — Этот пистолет... Что здесь вообще происходит? Что происходит с Ричардом?

— Я надеялся, что вы меня просветите, — заметил Гектор.

— Ну, тут, наверное, что-то очень важное... В смысле, у Ричарда откуда-то появились деньги. — Берли начал держаться наглее. — Я хочу сказать, что он иногда платит по счетам. Обычно во время

таких конференций Ричард всегда медленнее всех достает бумажник, когда надо платить по счету в баре.

— Новые деньги, а? — заметил Гектор, закусывая губу.

— Вот именно. Это... и то, что Мэри выбрала Ричарда, только Ричарда, чтобы встретиться... — Берли покачал головой, затем, почувствовав, как давление дула кольта на его шею возросло, заторопился: — Я хочу сказать, что вряд ли Полсон лучший из нас... у него почти нет никаких заслуг. Эта долбаная награда, которой он удостоился за свою парижскую книгу... Поговаривают, что комитет, присуждавший премии, разделился. Ходили слухи, что решающий голос принадлежал судье, который внезапно получил грант от какого-то занюханного фонда федерального правительства. Лично я считаю, что Ричард каким-то образом этот голос купил. Сволочь!

Опять эти свары. Гектору захотелось взвыть. Хотя, с другой стороны, если в том, что говорил этот неумытый ученый, есть доля правды, то стоит вспомнить — когда федералы начали обращать внимание на лауреатов литературных премий? Какое подразделение федерального правительства подсластило кашу этого судьи по литературным премиям?

— Ладно, Берли. Тогда у меня есть еще один вопрос. Ты слышал о типе, которого зовут Донован Криди?

Берли отрицательно затряс головой. Он снова выглядел озадаченным.

— Никогда не слышал. Он из какого университета? — Гектор вздохнул и покачал головой. Берли сказал: — Если он друг или помощник Ричарда, мне не стоит тратить на него время. Я стараюсь держаться подальше от Полсона и от всех, с кем он общается.

Гектор убрал пистолет. Берли глубоко вздохнул.

— Так это все? — спросил он. Гектор сообразил, что этот яйцеголовый действительно способен резко переключиться и теперь думает лишь об одном: как бы вернуться в свой номер и начать строчить

какое-нибудь эссе, которое прочтут, в лучшем случае, с десяток таких же „ученых“.

— Нет, — сказал Гектор. — Ты пугал ту женщину. Угрожал Ханне Полсон. Это должно немедленно прекратиться. Только посмей ее еще раз побеспокоить по телефону или через закрытую дверь, рискни даже взглянуть на нее... Скажу тебе прямо, приятель. Я явлюсь на собрание твоей секции и словесно разберу тебя на части перед твоими идиотами-коллегами. Мало не покажется.

Гектор наклонился ближе к лицу ученого и впился бледно-голубыми глазами в грязно-карие гляделки Берни.

— Ты меня понял?

— Понял. — Подбородок Берли вновь задрожал. — Так я *теперь* могу уйти? — Этот идиот был настолько не от мира сего, что действительно думал, что сможет обойтись без физических последствий своего безобразного поведения. Что же, в данном случае он не ошибался. Гектор просто не мог себя заставить вмазать этому жалкому типу.

Он хлопнул Берли по спине так сильно, что тому невольно пришлось сделать два шага вперед.

— Конечно. А теперь покажи мне свою спину, Берли, и ради бога, разорись на хороший шампунь... мухи могут лепить снежных ангелов на твоих плечах.

Герой — это человек, который делает, что может.

— Ромен Роллан

19. *И пишет то, что проживает*

Дрожащая Ханна плотнее затянула на себе фуфайку. Человек на лужайке убежал, прежде чем Гектор сумел его догнать. Но, по крайней мере, он тоже видел этого человека и, следовательно, признает, что угроза существует, чего не сделал Ричард.

Гектор направился назад к гостинице, уже исчез под балконом, должен вот-вот появиться. При мысли, что что-нибудь могло случиться с Гектором, Ханна снова задрожала. *Господи, что же такое происходит в этом городе? Незнакомец преследует нас? Ученые пытаются проникнуть в наш номер?*

Это же всего-навсего литературная конференция, черт побери... Или нет?

Ханна сделала попытку встать, когда Гектор вышел на балкон. Он жестом остановил ее.

— Не беспокойтесь.

— Все в порядке?

Ему хотелось сказать: *один сбежал, зато я хорошо поговорил с тем яйцеголовым, который вам надоедал.*

Но девушка и так переволновалась, так что ей незачем знать, что ученый сделал еще одну попытку.

— Я не смог его догнать. И видел только со спины. В следующий раз он от меня не уйдет.

— Я рада, что вы его видели.

Гектор кивнул. Черт, этот шпион даже не слишком прятался. Если только Дик куда-то основательно не впутался, можно твердо сказать, что Ханна была права насчет их упорного преследователя. Он сказал:

— Вы говорили, что ваш муж не хотел верить, что кто-то вас преследует? Почему?

Ханна попыталась защитить Ричарда или, по крайней мере, объяснить его поведение.

— Ричард с головой ушел в этот своей проект с Мэри Хемингуэй, — сказала она. — И рассматривает все остальное как помеху. Наверное, так. — Автор детективов продолжал смотреть на нее, ждал более резонного объяснения. И Ханна не сдержалась: — Мы в последнее время иногда ссорились. Ричард полагал, что я должна... Ну, короче... Я была на учете у психиатра. — Она боялась встретиться с Гектором взглядом и увидеть его реакцию. — Из-за беременности я не пью никаких лекарств, вот Ричард и думает... — Она не могла подобрать слова.

Гектор задумался... он не впервые сталкивался с такой ситуацией. Решил не заострять вопрос, но все же спросил:

— Он думает, что вы, как бы это сказать, придумываете... немного страдаете паранойей?

— Может быть, — призналась Ханна, стараясь смягчить ситуацию.

— Знаете, дорогая, у вас определенно нет никакой паранойи, — резко сказал Гектор, причем его техасский акцент стал заметнее. — Теперь у вас есть еще одна тень, — сказал он. — Я. — Он подмигнул. — С данного момента я не спущу с вас глаз. Пока не буду уверен, что вы в безопасности. Пока мы не узнаем, кто этот незнакомец внизу и что ему нужно.

Гектор осторожно притянул ее к себе. Обнял ее, остерегаясь надавить на живот. Поцеловал в лоб сквозь белокурые локоны.

— Послушайте, я умираю с голоду, к тому же нам следует разработать план сражений, — сказал он. — Вы уже были в „Рэме“?

— Нет.

— Это одно из любимых старых местечек Папы здесь, — объяснил Гектор. — Я всегда отдавал Хему должное: он умел выбрать лучшие места, где можно поесть и выпить.

Он остановился у кровати, подумал и сунул старый кольт под матрас. Он не слишком доверял Берли, тот вполне мог доложить полиции насчет колта. Будет скверно, если его задержат для допроса, а при нем будет оружие.

Гектор криво улыбнулся на ее реакцию при виде пистолета.

— Не время с ним сейчас появляться, я так думаю. Кроме того, ваши враги все разбежались — по крайней мере, пока.

В литературе каждый новичок прежде всего старается обрести литературный язык, тогда как опытный писатель делает все, чтобы от него избавиться.

— Джордж Бернард Шоу

20. Разговор на профессиональные темы

Гектор шел относительно медленно, чтобы Ханна за ним легко поспевала. Она взяла его под руку, но он, улыбаясь, убрал ее. Ханна почувствовала, что залилась краской, застыдившись, что вела себя так вольно со старшим по возрасту писателем. Гектор покачал головой, улыбнулся и поцеловал ее в макушку:

— Это не то, что вы думаете, дорогуща. Просто я правша. — Он протянул ей левую руку, и она ее взяла.

— Если Берли или другой тип... — начала она.

— Именно поэтому вы идете слева, — перебил Гектор. — Мне надо иметь возможность размахнуться... Хотя я полагаю, что Берли уже исчез с горизонта. — Гектор неуверенно улыбнулся. Солнце окончательно спряталось за тучи, и ветер принес запах дождя. — Как раз успели, — сказал он, когда они подошли к ресторану, так как пошел дождь, холодный и сильный.

Гектор огляделся — один человек все же сопровождал их до ресторана, но он был не опасен. Гектор его знал — Энди Лэнгли, младший федеральный агент.

В данный момент Гектор совсем не возражал против присутствия Энди. У мальчишки наверняка был пистолет, и, если начнется заварушка, Гектор предпочитал думать, что Энди будет на его стороне.

Придерживая дверь ресторана для Ханны, Гектор еще раз оглядел ее. Если забыть про ее акцент, было что-то весомо европейское в том, как она двигалась, как она смотрела на мужчин.

Пока они ждали, когда их посадят, Гектор спросил:

— Ваш акцент...

— Шотландский.

— Северное нагорье, так я думаю.

— Совершенно верно. — Ее удивило, что он так хорошо слышит акценты.

— Гленко, угадал?

— Поразительно, — изумилась Ханна. — Кинлохлевен... почти то же самое, что и Гленко.

— После последней войны — последней большой войны — я домой не торопился, — сказал Гектор. — Я бродил по Северному нагорью и влюбился в него. В конце сороковых и начале пятидесятых я ездил туда каждый год или каждые два года. Возвращался и бродил по нагорью. Рыбачил на Лох-Левен и Глен-Орхи. Купил себе маленький домик в Ски. После моего последнего визита прошло очень много времени. Этот ваш акцент пробудил во мне желание съездить туда в последний раз.

“Последний раз“ не понравился Ханне, причем сильно не понравился. Гектор казался ей таким живым...

Обслуживали их медленно. В ресторане, кроме них, никого не было, за исключением молодого человека, который шел за ними. У официантов был перерыв, и их обслуживал бармен.

Она сказала:

— Тут есть еще один человек, сидит за угловым столиком. Похоже, он за нами наблюдает.

Гектор взглянул через плечо:

— Вы правы. Но, лапочка, не обращайтесь на него внимания. Это моя тень. ФБР. — Он обратил внимание на ее реакцию, улыбнулся и попросил: — Не смотрите на меня так, Ханна. Не надо беспокоиться, я не заразился паранойей Хема насчет Бюро. Они за мной

ходят с тысяча девятьсот пятьдесят восьмого. В основном Эндрю. Это тот, который сейчас сидит за тем столиком. Они ведь и в самом деле за Хемом следили. За Теннесси Уильямсом... даже за старым Карлосом Сэндбергом. Слышал, что Гувер приставил соглядатаев и к Стейнбеку и Норману Мейлеру. Мне следовало вас сразу предупредить. Теперь у Гувера, возможно, будет заведено на вас дело за то, что вы общались со мной. И если вы напишете роман, особенно о молодежи...

— Мне все это безразлично, — перебила она его и нахмурилась. — Что вы такое сотворили, чтобы оправдать это внимание со стороны ФБР?

Надо ли ему все ей объяснять? Рассказывать о продолжительной кампании ФБР не только против него, но практически против каждого видного американского романиста? Надо ли ей рассказывать про Нэшвилл и про то, что он сделал, чтобы рассердить Гувера? Да нет... зачем портить момент? Он подмигнул:

— Ваша ошибка: использовать слово „оправдать“ и „ФБР“ в одном предложении.

Гектор посмотрел в окно ресторана на непрекращающийся дождь. Во влажном стекле отражались мужчины с ружьями, приближающиеся к ресторану.

С ружьями?

Гектор прищурился — все стрельбища находились на другой стороне города.

Он снова посмотрел. Среди них был Донован Криди. Даже через мутное от влаги стекло он узнал мерзавца. Неожиданно во рту Гектора пересохло, подмышки вспотели.

Криди разговаривал с двумя мужчинами, которые держали ружья на оленей. Показал им на залитое водой окно. Мужчины кивнули, и Криди передал им пачку купюр.

Гектор с трудом слотнул. Вот оно и наступило — тотальная война.

Мужчины сели на лавку под навесом ресторана и принялись ждать.

Гектор автоматически сунул руку под куртку, чтобы нащупать надежную твердость деревянной рукоятки кольта. Затем вспомнил, что оставил своего „миротворца“ под матрасом.

Черт бы все побрал!

Со стола уже убрали грязную посуду. Гектор едва прикоснулся к еде и надеялся, что Ханна этого не заметила. Повар заметил, но Гектор поднял руку, прежде чем он успел произнести обязательное:

— Что-то не так?

Если ты сидишь за столиком Хема в „Рэме“, ожидается, что ты наешься до отвала и выпьешь океан спиртного.

Гектор отказался от алкоголя, поскольку Ханне нельзя было пить и, вообще, одного алкоголика в жизни ей достаточно. К тому же, учитывая мужиков, ожидавших снаружи, он не должен был затуманивать себе мозги. Их ведь было двое, к тому же *они* вооружены. Гектор еще раз мысленно выругал себя за то, что оставил кольт в номере.

Теперь Гектор тянул время над кофе, стараясь придумать способ выбраться из ресторана и вернуться в гостиницу живым и невредимым.

Ханна снова смотрела на него. Вопросительно. Он понял, что лучше всего будет ее отвлечь. После того страха, который нагнал на нее толстый ученый, он с ужасом представлял себе, как она прореагирует на сообщение, что два бандита ждут их у входа в ресторан с ружьями.

Он не сводил глаз с мужиков, сидевших на скамейке, но сказал:

— Значит, вы говорите, что пишете беллетристику. Уже печатались?

— Я только что закончила колледж, — сказала Ханна. — Изучала сочинительство.

— *Изучала* сочинительство, — повторил Гектор.

Ханне показалось, что он сказал это как о чуждом понятии, как будто он сомневался, что этому можно научиться в университете.

Гектор кивнул, сжимая и разжимая пальцы под столом. У него была его колбаска с монетами, так что, возможно, он не разобьет костяшки пальцев, если ему удастся подобраться достаточно близко, чтобы нанести удар. Он спросил:

— Что пишете, романы?

— Пока рассказы, — ответила Ханна. — Вернее, я пытаюсь. Не представляю, как можно написать что-то такое длинное, как роман.

— Это задача, к которой подбираются постепенно, — сказал Гектор, оглядывая ресторан. Если бы только эти клятые декораторы выбрали что-нибудь более подходящее для украшения стен, например винтовку или охотничье ружье, которым он мог бы воспользоваться, чтобы напугать этих бандюг, ожидающих у входа...

Гектор заметил табличку со стрелкой в туалет. Ему необходимо было убрать Ханну с линии огня, тут бы очень подошло путешествие в дамскую комнату.

Он сказал:

— Пишите пять страниц в день, каждый день, и через пару месяцев окажется, что вы написали роман. — Он щелкнул пальцами, не отрывая глаз от окна. Один из охотников постоянно дергал себя за ухо, чесал шею. У мужика к тому же был нервный тик, от чего его голова то и дело дергалась в одну сторону. Гектор начал думать, что этот парень, скорее всего, наркоман...

— Я ваши книги читала в местной библиотеке, — сказала Ханна. — Еще я читала о вас. Говорят, что вы пишете больше тридцати или сорока страниц в день.

— То были дни дешевых журналов, — сказал Гектор. — Я был работающим писателем. Приходилось зарабатывать себе на жизнь. Но этот темп убивает. Темп, при котором колодец пересыхает. — Он уже придумал, что будет делать. — Я бы очень хотел почитать то, что вы пишете, дорогая, — сказал он и потянулся погладить ее по руке. При этом он опрокинул ее стакан с молоком. — Черт, какой же я неуклюжий, — огорчился он, нахмурился и вернул стакан в верти-

кальное положение. Молоко потекло по столу и закапало на колени Ханны.

— Ой, нет! — воскликнула она.

Он встал и протянул руку, чтобы помочь ей подняться.

— Туалетные комнаты прямо по коридору, — подсказал он.

Он продолжал держать ее за руку, пока вел по коридору.

— Приведите себя в порядок, — сказал он, — и мы вернемся в гостиницу. Кстати, вы слышали такое имя — Донован Криди?

Ханна нахмурилась, пытаясь промокнуть молоко салфеткой:

— Нет. А должна была?

— Вовсе нет, — сказал Гектор. Он снова осмотрел зал. Эндрю Лэнгли наслаждался стопкой блинов, залитых взбитой сметаной с клубникой. В зале все еще никого не было, кроме Гектора, официанта и Энди.

Гектор жестом подозвал официанта. Кивком показал на Энди и сказал:

— Я хочу расплатиться, и за того парня тоже. Только сделайте это как можно незаметнее, приятель, договорились?

Эндрю Лэнгли сидел, наслаждаясь блинами и обстановкой.

Он следил за Гектором Ласситером уже два года. Надо сказать, он считал, что ему повезло, когда он получил автора детективов в качестве задания. Многим парням в Бюро приходилось днями и ночами бродить тенью за бандитами, коммунистами и извращенцами — разными политическими агитаторами. Наблюдение за такими типами неизбежно было связано с проживанием в гостиницах с клопами, грязными барами или тайными явками.

Энди вырос в Айове. До того как он стал агентом ФБР, самым большим городом, в котором ему довелось побывать, был Де-Мойн. Но слежка за Гектором Ласситером (мужиком крутым, иногда скандалистом, этого не отнимешь, но ничего такого не попадало в отчеты Энди, потому что ему старик некоторым образом *нравился*) значительно расширила горизонты Энди.

Гектор Ласситер жил масштабно: посещал экзотические места, останавливался в лучших гостиницах и заглядывал в лучшие бары. Общался он только со знаменитостями, спортсменами и красивыми старлетками. Энди даже иногда тайком посылал своей мамаше в Фонтанелле копии снимков, которые делал по долгу службы, с изображениями наиболее знаменитых друзей и девиц Ласситера.

Самое печальное, что Энди постоянно ждал, что какой-нибудь козел из бухгалтерии Бюро все ему испортит, повнимательнее ознакомившись с огромными расходами Энди. Он с ужасом думал, что его могут снять с этого задания.

Ощувив движение, он поднял голову.

К нему быстро шел Гектор. Старик наверняка снова примется его дразнить: „Эй, Энди, я собираюсь сесть за карты с Фрэнком и Дином. Те хочешь быть четвертым?“ Наверняка что-нибудь в этом роде.

Энди вернулся к своему блокноту. Надо будет ему достать словарь, чтобы проверить пару слов. Его начальники всегда были недовольны, если он допускал ошибки. Все еще улыбаясь, он поднял глаза как раз вовремя, чтобы уловить направленный ему в лицо кулак Гектора.

Гектору было ужасно неприятно так поступать. Конечно, он заплатил за завтрак мальчишки, но это вряд ли компенсирует то, что он для него подготовил.

От удара Энди слетел со стула. Хотя Гектор был уверен, что парнишка его не услышит, он тихо пробормотал:

— Мне ужасно жаль, Энди, но если я этого сейчас не сделаю, то, полагаю, те типы на улице могут меня убить.

Гектор поднял агента ФБР на ноги и пихнул на стул, отодвинув блины и уложив его голову на столешницу. Вид у Энди был такой, будто он вздремнул. Гектор выглянул в окно — оба мужика все еще были там, они веселились и проверяли свои ружья.

Гектор сунул руку под куртку Энди и достал пистолет.

Он вполне допускал, что официант мог подкрасться к нему со скалкой или поварешкой, но, повернувшись, обнаружил, что тот стоит с отвисшей челюстью и держит в руке два чека.

Гектор быстро отделил несколько банкнот от пачки и сказал:

— Когда моя девушка появится, принесите ей кусок пирога. Скажите, что я быстро вернусь. — И Гектор выскользнул под дождь через дверь черного хода.

Двое мужчин все еще сидели на скамье под навесом и следили за входной дверью. Явно ждали, когда Гектор и Ханна выйдут. Парочка курила и передавала друг другу фляжку. Один был наверняка пьяницей... второй же явный наркоман. Они. Вне сомнения, местные бандиты, строящие из себя киллеров или что-то в этом роде.

Чтоб он сдох, этот Криди.

Гектор направил пистолет между ними. Они резко подняли головы, ружья все еще лежали на коленях. Наиболее сообразительный из них, пьяница, сказал:

— Обоих сразу не пристрелишь, старик. Нас больше.

— Ну, я вполне мог бы пристрелить вас обоих, — возразил Гектор, — хотя бы потому, что я трезв и мой пистолет уже на вас направлен. — Явная бравада, особенно если учесть, что костяшки его пальцев уже начали распухать и терять подвижность, после соприкосновения с подбородком Энди. — Ружья на землю, ребята, — командовал он.

Мужики переглянулись и пожали плечами. На такое они явно не подписывались. Гектор внимательнее к ним присмотрелся и решил, что они *оба* наркоманы. Он утихомирил их на какое-то время, но от обдолбанных наркоманов никогда не знаешь, чего ждать. Все может измениться очень быстро.

Оба казались смущенными, чесали в затылках. Самое время сделать еще ход. Если судить по их поношенным пальто и штанам, с деньгами у них было туго. Возможно, еще немного почесавши в за-

тылке, они согласятся на все что угодно — включая убийство, — чтобы заработать.

Гектор левой рукой достал из кармана бумажник и сказал:

— Тот, кто первый врежет другому, получит двадцатку.

Он не успел договорить, как пьяный наркоман зарычал, размахнулся и вырубил своего напарника ударом наотмашь.

Гектор присвистнул и заметил:

— Некрасиво. Но ты победил. — Он взглянул на человека, лежащего на мокром асфальте у его ног. Нельзя оставлять этого придурка тут валяться, вдруг кто-нибудь из других жильцов гостиницы решит наплевать на дождь и зайвится сюда выпить или пообедать, пока Гектор дает инструкции наркоману, все еще стоящему на ногах. Поэтому он распорядился: — Быстренько посади своего приятеля назад на скамейку.

Когда мужик поменьше пристроил своего более крупного приятеля на скамейку, Гектор сунул ему пистолет Энди между бровей и спросил:

— Теперь признавайся: какой приказ получил? Напугать меня или убить?

Мужик с трудом сглотнул и признался:

— Идти за вами, пока вы не освободитель от девчонки, и тогда...

Убить вас.

Было ясно, чего не договорил пьяница охотник.

Глядя на Гектора, мужик скреб шею аж до воротника пальто и яростно терся щекой об отворот. Затем спросил:

— Как насчет моей двадцатки?

Гектор еще раз огляделся, убедившись, что свидетели так и не появились. Он поднял вверх купюру в двадцать долларов и сказал:

— Вот она, видишь? Но сначала я хочу, чтобы ты запомнил, что нужно передать тому типу, который тебя послал. — Гектор улыбнулся. Когда дошло до выкорчевывания врагов, счет оказался в его пользу, сегодня уже трое... совсем не плохо для уверенности в себе. — Скажи ему, что я принимаю такие вещи *очень* близко к сердцу.

Затем вмазал рукояткой кольта между глаз наркомана.

Он оставил его лежать поперек бесчувственного тела его напарника. Порылся у них в карманах и нашел остатки зелья, которое они употребляли, и шприцы. Отбросил все в сторону. Решил, что пока они будут искать свое достойное и лечиться, им будет не до него.

Он подумал и вложил двадцатку в руку второго мужика. Пусть они еще насчет этого поспорят, когда придут в себя.

Гектор осторожно обошел ресторан и вошел внутрь через дверь черного хода. Ханна уже сидела за их столиком и возила вилкой по тарелке кусок чизкейка. Возня у входных дверей не привлекла ее внимания.

Она улыбнулась:

— Я уже начала беспокоиться... — Затем тихо добавила: — Агент ФБР, похоже, решил вздремнуть.

Гектор предложил Ханне левую руку и помог подняться:

— Да, я в последние дни просто загонял беднягу Энди. Пусть проспится.

Дождь почти перестал и, когда они вышли, лишь слегка моросил. Ханна нахмурилась, увидев двух охотников, лежащих друг на друге в такой странной позе, что походили на любовников.

— Что эта парочка здесь делает? — прошептала она ему на ухо.

Гектор пожал плечами:

— Трудно сказать.

Ханна хихикнула:

— Может быть, греются? Или любовь одолела?

Он предложил Ханне свою левую руку, о которую она оперлась.

— Все может быть, дорогая, — сказал он.

Он отвел ее подальше от бесчувственных мужиков. Гектор не вынимал правой руки из кармана спортивной куртки, где лежал пистолет Эндрю Лэнгли, и внимательно смотрел, не появится ли Donovan Криди или кто-нибудь из его шестерок.

В войне самое главное — разбить вражескую стратегию.

— *Сунь-цзы*¹

21. Искусство воевать

Гектор проводил Ханну в свой номер, придержал за руку, пока она сбрасывала туфли и садилась на кровать.

— Отдохните немного, дорогая, — сказал он. — Мне надо кое-куда позвонить, заняться стратегией.

— Еще раз большое вам спасибо, Гектор, — сказала Ханна. — Если бы вы не оказались здесь...

Он улыбнулся и поцеловал ее в щеку:

— Будете меня благодарить, когда я в самом деле что-то сделаю, детка.

Он проверил замки на двери, затем перешел в гостиную. Он снял этот номер, где всегда жил Хемингуэй, еще на несколько дней, но теперь он ощущал реальную опасность, особенно сейчас, когда Криди начал посылать самодеятельных киллеров по его душу, поэтому решил, что есть смысл перекантоваться где-нибудь в другом месте, где проще защититься. Гектор не знал город достаточно хорошо, поэтому, кроме Дозорного дома, ему ничего не пришло в голову.

Если только он сможет наладить отношения с Мэри...

Было ясно, что за вдовой необходимо присматривать. С тактической точки зрения представлялось идеальным собрать беременную женщину в беде, вдову, которой угрожают, и бумаги Хема в одном месте — этом внушительном бетонном сооружении, которое Хем

¹ Сунь-цзы — древний китайский стратег и мыслитель, автор знаменитого трактата „Искусство войны“.

выбрал для своей собственной финальной сцены. И черт, все его многочисленные ружья все еще там, их хватит, чтобы вооружить внушительный отряд партизан. Затем еще следовало учесть Мэри и ее ужасное признание. Он должен принять меры, чтобы она не повторила это „признание“ никому, оказавшемуся поблизости.

Закусив губу, Гектор порывлся в бумажнике, нашел номер и позвонил Мэри. Он думал, что трубку снимет горничная, но Мэри сама отвечала на свои звонки:

— Гектор? Куда ты пропал? Когда же наконец ты появишься, чтобы мы могли начать работать над книгами?

Странно — никаких угроз. Никаких воплей по поводу его копания в рукописях Хема.

— Ну, после вчерашнего... — начал он. Гектор не закончил фразы, не зная, как себя вести.

— Давненько я *так* не напивалась, — сказала Мэри. Он по голосу понял, что Мэри улыбается. Она кокетливо сказала: — Я проснулась в своей постели и не могла вспомнить, как я там очутилась. Это ты меня туда отнес, красавчик?

— Гм... да.

Она все еще улыбалась:

— Ты еще молодцом.

— Это точно, — сказал Гектор. — Послушай, здесь в Сан-Вэлли происходят странные вещи. Я хочу воспользоваться твоим приглашением и остановиться у тебя, если ты еще не передумала.

— У меня полно места, — сказала Мэри, явно очень довольная.

— Это здорово, потому что я привезу с собой Ханну Полсон. Ее муж уехал в Бойсе, но, возможно, ты уже знаешь, раз он с тобой работает. Учитывая последние события, получается, что миссис Полсон тоже нуждается в безопасном месте.

— Конечно, привози ее. *Она* мне понравилась. Вы скоро приедете?

— Да, до конца дня. Если придется спать на диване, я не возражаю, но мне нужно захватить с собой еще одного человека. — Гектор

понимал: чтобы иметь возможность действовать, ему нужен помощник под рукой, кто-то надежный, кто бы смог прикрыть ему спину.

— У меня апартаменты для гостей за главным зданием. Комнаты небольшие, но там тепло и тихо, — сказала Мэри. Затем заколебалась: — Этот друг мужчина или женщина?

Черт. Это будут долгие несколько дней, подумал Гектор. И большая часть времени будет потрачена на то, чтобы отбиваться от проклятых приставаний Мэри, если он все понял правильно, а он наверняка не ошибался. *Пошло оно все к черту.*

— Нет, — ответил Гектор, — это не женщина. Скорее Бэтмен. Еще немного мускулов.

— Тогда он может жить в гостевом помещении, — сказала Мэри. — Дела действительно так плохи, что тебе требуется бандит, чтобы прикрывать спину?

— Похоже на то.

— Напоминает Кубу в пятьдесят девятом, все с начала.

— Давай надеяться, что дела все-таки не *так* плохи, — сказал он. — До скорой встречи, лапочка.

Гектор повесил трубку и уставился в свой пустой стакан. Ни слова о своем признании. Даже никакого намека на то, что это случилось...

Гектор налил себе виски и добавил воды из-под крана.

Он заглянул в спальню и увидел, что Ханна уже спит. Он накрыл ее одеялом и закрыл дверь между комнатами.

Затем уселся со своей черной записной книжкой и принялся звонить старым друзьям, стараясь найти такого, кто был бы на ты с пистолетом и находился бы не слишком далеко от его теперешнего местоположения.

Еще он подумал о Мэри. Вдруг Мэри еще в постели и недомогает из-за той гадости, которую ей подсунул этот козел Ричард Полсон и которая едва не довела ее до смертоубийства. Странно.

Никто не достоин правды.

— Эверетт Говард Хант¹

22. Искусство в крови

Гектор потратил час, чтобы разобраться, что происходит с Мэри. Не мог же он привести Ханну в Дозорный дом, если его хозяйка больна на всю голову.

Но теперь Мэри была такой, как всегда. Создавалось впечатление, что после первого глотка отравленного Полсоном коктейля она не помнила абсолютно ничего. Она решила, что все дело в том, что Ричард смешивал слишком крепкие напитки. Вот она и напилась и отключилась. Похоже, что она даже не помнила, что едва не пристрелила Гектора из ружья.

Мэри не роптала по поводу появления Ханны. Она привыкла, что Хем таскал в Финку целую череду своих юных поклонниц. То же самое происходило в Испании и Венеции. И теперь Мэри изображала из себя сестру и болтала с Ханной о требовательных и вечно недовольных мужьях. Гектору было плевать на Ричарда, но ему не нравилось, когда Мэри говорила пакости о Хеме. Черт, он все никак не мог забыть Мэри с двустолковой, нацеленной на него...

Так что теперь Мэри и Ханна сидели в гостиной на втором этаже и обменивались историями о брачных войнах. Гектор надеялся, что, приведя ее в этот дом, не поставил в еще более неприятную ситуацию, чем когда она была одна. Но дом надежный, и отсюда Гектор мог ставить свои условия.

¹ Эверетт Говард Хант (1918–2007) — офицер ЦРУ, писатель, одно из главных действующих лиц Уотергейта.

С этой целью он переташил старую печатную машинку Хемингуэя в комнату, где хранились документы и где он сейчас сидел, уставившись в пустую стену, — чтобы ничего не отвлекало Гектора Ласситера. Он думал о том, что писать.

Он заявил женщинам, что не выполнил своей дневной нормы по количеству слов и поэтому должен нагонять. Они поверили. Хотя он привез свою собственную портативную машинку в Айдахо, Мэри не стала возражать, когда он позаимствовал машинку Папы. Это было необходимым условием, центральным фактором его стратегии.

Но он обнаружил, что все эти крутящиеся вокруг него интриги отвлекают его. Слишком многое было против него: недовольные ученые, уязвимая беременная женщина, которая считает, что она психологически ущербна... И Мэри Хемингуэй, у которой и вправду с головой не все в порядке и которая, ко всему прочему, была горькой пьяницей.

И еще Донован Криди.

Гектор жалел, что мало знал о Доноване Криди. Этот гад был скверным писателем, он в этом убедился по „Убить Хрущева“: свинцовая, косноязычная проза и абсолютно предсказуемый сюжет. И огромное количество восклицательных знаков!

Ему нужно было узнать побольше об этом типе и о том, чем он занимается.

Думы о Криди и о Хеме вернули Гектора в старые парижские дни.

А думы о Ханне, молодой писательнице, к которой, он чувствовал, неудержимо его тянуло, невольно напомнили Гектору о другой потрясающей женщине, с которой он познакомился в Париже зимой 1924 года. Женщине, которая в основном сделала из него того писателя, каким он сейчас является, — его возлюбленной Бринке Девлин. Столько лет прошло, но она все еще владеет его снами.

В голову Гектора пришла сумасшедшая идея: он сделает то, о чем все эти злобные типы только мечтают. Если Криди и другие теньевые

фигуры пытались напасть на Хема, на него самого и даже на такую невинную постороннюю девушку, как Ханна, и делали это, уродуя работы Хемингуэя, вставляя туда подделки, Гектор будет отвечать им той же монетой. Он напишет свой собственный фальшивый рассказ Хемингуэя.

Только подделка под Хемингуэя, выполненная Гектором, будет такой, с какой никто из других писателей не сможет соревноваться в свои самые лучшие дни за письменным столом.

Поддельный рассказ Хемингуэя в исполнении Гектора будет абсолютно идеальным. *Бесподобно убедительным*. Гектор напишет рассказ, какие Хем писал в свои безмятежные дни. Шедевр. Не просто пустячок.

Особенно если учесть, что у него будет другая, темная цель: внутри убедительной прозы в стиле Хемингуэя будет спрятано нечто вроде тайного кода или водяного знака. Тайной целью Гектора было сделать из рассказа наживку — *ловушку*.

Потом, когда в другом контексте рассказ всплывет как работа Хема, Гектор сможет выступить вперед и заявить, вооружившись коротким тайным параграфом:

— Слушай, ты, лживый урод... — Это разрушит весь картонный домик, который Криди пытается соорудить. Если один поддельный рассказ оказался в бумагах Хемингуэя? Тут ученые все наострят уши в поисках других фальшивок, которыми смогут воспользоваться.

Это была тщеславная мысль — написать идеальный рассказ Хемингуэя и спрятать в нем тайное послание. Сможет ли он сделать и то и другое? Стоит попробовать.

Но теперь, совершенно трезвый, сидя в одиночестве в одной из комнат, по которой Хем проходил в последний раз, в окружении собственных слов Хема, и положив пальцы на клавиатуру последней его машинки, он понял, что задача вряд ли выполнима.

Гектор закурил сигарету, затем протянул руку через стол и взял лежащую там кожаную сумку. Этот импровизированный саквояж

был на самом деле старой седельной сумкой Гектора, оставшейся с его кавалеристских дней, — сувенир экспедиции Першинга. После неудачной погони за Панчо Вилья Гектор превратил сумку в хранилище документов. Гектор достал из сумки стопку бумаг с рассказами Ханны, надеясь, что энергия молодой писательницы подстегнет его собственную музу. Прошло чертовски много времени с той поры, как Гектор написал свой последний рассказ. С конца 50-х он писал только романы и сценарии.

Стиль Ханны соблазнил его, он был особенным и сильным, хотя порой не отточенным. Гектор дочитал первый рассказ Ханны. Он произвел на него сильное впечатление. Стиль прозы Ханны был прямой и чистый, она также удачно справлялась с диалогами. По сути, она развивала свои рассказы с помощью диалогов в манере, которая отчетливо напомнила ему тактику написания рассказов Папы.

Но рассказы Ханны, которые Гектор прочитал, не были эмоционально закончены. Они казались незавершенными, лишенными финала. Гектор подумал, что интересно было бы узнать, когда Ханна их написала: до того, как ей пришлось прекратить принимать лекарства, или после, — и какие отупляющие лекарства эти костоломы ей прописывали. Этот вопрос его мучил.

Хему бы тоже понравились рассказы Ханны, подумал Гектор. И Хем бы обязательно в нее влюбился. Он обязательно бы звал симпатичную шотландку „дочкой“ и наверняка бы уже успел придумать ей много прозвищ.

Хем бы окончательно вывел Мэри из себя, настаивая, чтобы Ханна поселилась с ними, чтобы стала их постоянной спутницей в путешествиях, как Хем поступал со многими молодыми женщинами ближе к своему концу.

Но, если бы Ханна стала музой Хема, ее собственная проза бы сильно пострадала или же ей вообще пришел конец, как случилось с Паулиной и ее журналистикой.

Это же Хем упорно пытался сделать с Мэри.

И Хему удалось сделать это с Мэри и ее собственной начинающейся, но, по всеобщему признанию, маловыдающейся журналистской карьерой.

Он вдруг осознал, что перестал думать о рассказах Ханна, а принялся размышлять о ней весьма своеобразным образом. Он думал о ее золотистом ореоле, ее красоте, ее испуганных голубых глазах, которые, казалось, ничего не скрывали, хотя это было обманчивое впечатление. Он чувствовал, что в молодой девушке скрывается много неразгаданного — нюансы и страсти, о которых она сама не догадывалась. Он вспомнил знаменитую метафору Хема, касающуюся его писательской техники, так называемый принцип айсберга, у которого только одна восьмая часть находится над водой. Ханна тоже показалась Гектору такой — широкая нетронутая равнина, которую изучит какой-нибудь отважный путешественник с голосом поэта и который будет в состоянии сообщить, что он обнаружил.

Итак, вывод ясен: Гектор *хотел* Ханну.

Он невольно вспомнил Бринке Девлин. Она была единственной у Гектора любовницей-писательницей. Единственной коллегой во всех смыслах в длинной череде женщин, деливших с Гектором постель.

Ханна? Что же, тут явно наблюдалась симметрия.

Бринке появилась в жизни Гектора в дикие годы начинающего писателя. Она сформировала его, поставила перед ним цель и толкнула его на путь автора детективов.

Теперь, когда позади куда больше лет, чем впереди, он ощущал себя устаревшим, как те детективы, которые он продолжал писать, но появилась Ханна, еще одна трепетная, привлекательная, молодая писательница, представительница нового поколения.

В 1958 году, после всей этой заварухи в Теннесси, которая обеспечила ему постоянное внимание со стороны ФБР, Гектор всерьез задумывался, а не сменить ли ему курс. Уже тогда „Гектор Ласси-

тер“ — расхожий публичный товар — начал казаться ему смиренной рубашкой. В последние годы Гектор все больше думал о том, чтобы все бросить. Может быть, вместо этого стать таким писателем, каким он хотел быть в Париже в двадцатые годы. Но его примирение с Хемом в начале 1959-го и вытекающие отсюда последствия расстроили его планы.

Но теперь? Черт, его собственная персона становится все более тяжелой ношей.

ФБР постоянно рядом. Он, твою мать, устает от этого и ощущает клаустрофобию.

Еще Гектор ясно чувствовал, что интерес читающей публики к его романом ослабевает. Ей уже не нравятся книги с именем автора-мачо на обложке.

В его голове прозвучали слова Бекки-студентки: *Роман умер*.

Если он позволит себе влюбиться в Ханну, если он уведет ее от этого бездарного пьяницы лузера, ее мужа, возможно, это даст ему материал для новой книги, по крайней мере... совсем *другой* книги, чем он обычно пишет. Ханна может стать калиткой в это давно необходимое самообновление, к которому он когда-то стремился.

И бог мой, что за кошмарная мысль? Использовать Ханну таким образом?

Гектор помнил, что Скотт Фицджеральд сказал о Хеме: ему, мол, постоянно нужна новая жена, чтобы накачать вдохновение для нового романа.

И все же бесполезно отрицать: Гектор чувствовал прилив вдохновения при мыслях о Ханне, о том, чтобы втянуть ее в свою жизнь. Она может стать его музой, а он — ее учителем, это будет, до известной степени, равноценный обмен. Муза/учитель — они же не обязательно исключают друг друга... так ведь?

Вдохновленный этой мыслью, Гектор принялся сочинять свой собственный рассказ „под Хемингуэя“.

* * *

Сумерки. Криди считал, что его рабочий день закончился.

Он снял пиджак, но все еще в галстуке и ботинках уселся перед своей пишущей машинкой, чтобы начать свое ночное творчество. Это были часы, ради которых он жил.

Как обычно, начинать было трудно. Так было с самого начала. Он понимал, что многие писатели, такие как Хемингуэй или, скажем, Ласситер, заставляли себя приобретать опыт, чтобы было потом о чем писать романы. Они нарывались на опасность и разнообразные приключения, чтобы иметь материал для своих книг. Криди пришел к выводу, что он в эту профессию попал с другого конца, более сложного, а это, по его мнению, делало его большим художником.

Криди заставлял себя писать и таким образом приобретал опыт. Черт, ведь не мог же он использовать свою жизнь и свой опыт для написания художественного произведения. Его жизнь была настолько забита интригами — по большей части гротескными и неестественными, — что он никогда не мог во всем этом толком разобраться или придумать, как все это можно использовать в книге, чтобы она продавалась.

И другие писатели, такие как Хемингуэй и Ласситер, были мужчинами, тут уж ничего не скажешь, и в случае с Хемингуэем все его мужики в романах и рассказах были одним и тем же мужчиной, неким вариантом самого Хемингуэя. А Ласситер? Этот тоже начал уподоблять героев себе в своих романах.

Но Криди сыграл столько ролей в своей бурной жизни, носил столько масок и настолько по-разному проявлял себя перед разными начальниками, что сам уже не знал, какой он на самом деле, в душе уже даже и сомневался, есть ли она вообще у него, эта душа. Иногда он представлял себя чем-то вроде русской матрешки — сними одну, с физиономией Сталина, и обнаружишь под ней Ленина. Криди приходилось лезть глубоко под свои шпионские маски, чтобы выбрать там нечто для основы каждого романа.

Однажды он позволил себе начать пить, чтобы подстегнуть свою музу, может быть, получить доступ в свое подсознание с помощью наркотиков или абсента, как получалось у Байрона и у некоторых других. Во всяком случае, они так утверждали.

Результат ужаснул и сбил с толку Криди. Написанные страницы представляли собой хаос визгливых голосов, противоречащих самим себе, какофонию характеров, которая сбивала Криди с толку. Ему даже пришлось перестать писать и на несколько месяцев лишить читателей голоса их любимого писателя.

Со временем он перешел на другую тактику. Он регулярно знакомился с самыми продаваемыми произведениями в своем жанре и синтезировал голос рассказчика, который впитывал в себя все, что, с его точки зрения, привлекало читателей в работах других авторов.

Если и было в этом определенное вероломство, то Криди верил, что оригинальная концепция, лежащая в основе каждой его опубликованной работы — его безусловная писательская гениальность, — возрождала и возвышала его рукописи.

Каждый роман был частью более широкой концепции: в законченном виде для читателей и для самого создателя эти работы будут представлять несомненное достижение — не больше и не меньше как великое литературное наследие XX века. Века, который Криди, как автор и шпион, помог сформировать. Со временем, уверял себя Криди, он обретет заслуженное место в Западном Каноне. Он этого *достоин*.

Зазвонил телефон. Криди снял трубку:

— Докладывай.

Молодой агент, с трудом переводя дыхание, сказал:

— Сэр, ни одно подслушивающее устройства в Дозорном доме не работает.

Криди швырнул трубку.

Забавно, но сцена в его новом триллере, над которым он сейчас работал, странным образом совпала с тем, что в данный момент

происходило в Айдахо. Два способных и опытных разведчика пытаются перехитрить друг друга.

События, связанные с Ласситером, всегда были пищей для романов Криди.

Вот только теперь Криди необходимо самому *прожить* эту сцену — выполнить приказ Гувера.

А в последнее время Криди все больше и больше хотелось сидеть в своем кресле и писать.

Криди уставился на машинку, сознавая, что выбора у него нет.

Он грохнул по столу кулаком и пробормотал:

— Гребаный Ласситер...

Просто напиши это на бумаге, а дальше мы посмотрим, что с этим делать.

— Максвелл Перкинс¹

23. Ученица

Мэри протянула Гектору его кофе и сказала:

— Ты правда думаешь, что сейчас нужно ехать в аэропорт, Лассо? Ты же говоришь, что происходят разные... плохие вещи.

Гектор кивнул:

— Правда, но все, похоже, направлено против меня... ну, и слегка против Ханны тоже. Думаю, тебе здесь ничего не грозит. К тому же я скоро вернусь.

Он никак не мог встретиться с Мэри глазами. Все вспоминал, как она хвасталась, что пристрелила Хема. Он уже в это не верил, вернее, думал, что не верит, но сама мысль, что она такое сказала...

Гектор опустил дубликат ключа от комнаты с документами в карман. Другой ключ положил на полочку в кухне, как раз туда, где его нашел Хем в то проклятое утро. У Гектора было ощущение, что он слегка поворачивает нож в ране. Но Мэри никак не прореагировала, даже если и поняла намек на то, что спрятала ключ на самом видном месте. И хранение ключа в таком доступном месте естественно облегчит задачу Криди или Полсона, пожелай те заполучить уже подпорченные рукописи Хемингуэя... и заодно наткнуться на рассказ Ласситера, подделку под Хемингуэя, например.

¹ Максвелл Перкинс (1884–1947) — знаменитый редактор Эрнеста Хемингуэя.

— Очень важно, — заметил Гектор, — чтобы ты никогда больше не позволяла этому ублюдку смешивать твои коктейли, дорогая. Чтобы Ричард уже не смог так тебя отравить, как в прошлый раз.

— Да нет... — Мэри покачала головой.

По наущению Гектора она возмущалась всем происшедшим. Гектор не просветил ее достаточно для того, чтобы как следует разобраться. И все же плохие вещи творились вокруг нее... она не вполне осознавала, что именно, потому что все было странно и скрытно. Она понимала, что ей нужен союзник, она *нуждалась* в помощи Ласситера. Но Мэри ненавидела свою от него зависимость.

Гектор наклонился и поцеловал ее в макушку:

— Ты только меня послушайся, лапочка. Доверься мне, Мэри, — сегодня тот самый день, когда мы сможем все повернуть против этих ублюдков.

Мэри подняла брови:

— Кто эти ублюдки, Лассо?

Он решил рискнуть:

— Они разные, но в основном ФБР.

Гектор придерживал руку Ханна, когда она осторожно, пятясь, садилась в его синюю „белэр“. Они направлялись в аэропорт Кетчума.

Ханна печально сказала:

— Вы не поверите, но всего год назад я была настоящей спортсменкой. — Она еще раз пожалела, что Гектор не мог видеть ее в хорошей форме. Глупо было воображать себя женщиной Гектора, которая участвует в его творчестве в качестве любовницы, но она никак не могла отделаться от этих мыслей. Он был куда лучше, более настоящим, чем Ричард. И в ее теперешнем физическом состоянии? Разве она могла понравиться Гектору?

— Я догадываюсь, — сказал Гектор, — это осталось. Пройдет совсем немного времени, и вы будете прежней.

Шел дождь, и Гектор прибавил скорости дворникам. Они направлялись в Хейли, чтобы встретить друга Ласситера — копа-ирландца в отставке, которого Ласситер встретил в Европе столько лет назад, что и считать не хочется.

— Значит, вы с Мэри много болтали, пока я писал. Какие-нибудь откровения? — спросил Гектор.

— Мэри сомневается в мотивах Ричарда, — сказала Ханна. — *Очень* сомневается.

Гектор быстро взглянул на нее:

— Почему? Что такого сделал Дик, чтобы вызвать подозрения?

— Получается, что Ричард делал вещи, о которых я даже не подозревала — ужасные вещи. — Гектор поднял брови. — Он запросил отчет патологоанатома. Говорил с работниками морга.

Он взглянул в зеркало заднего вида и закусил губу:

— Эти отчеты патологоанатомов... они касались смерти Хема?

Она кивнула.

— А работником морга был человек, который готовил Хема к погребению?

Зачем это было нужно Ричарду?

— Мэри тоже хотела бы это знать, — сказала Ханна.

Он протянул руку через сиденье и сжал ее ладонь, затем вернул ее на руль и снова посмотрел в зеркало заднего вида:

— А что об этом знает Ханна?

Ханна вздохнула. Ричард поставил все, включая их совместную жизнь, какой бы она ни была, на свою патологическую теорию и ее значение для его карьеры. Но она доверяла Гектору, поэтому сказала:

— У Ричарда есть эта безумная теория.

— Насчет смерти Хема? — спросил Гектор.

— Это очень важно для его карьеры, — сказала Ханна. — Я не могу вам рассказать, вдруг...

— Что? Расскажу кому-то еще? *Никогда*. Теперь просветите меня насчет теории Ричарда, Ханна.

Она поколебалась, потом сказала:

— Ричард думает, что Мэри убила Папу.

Милостивый боже. Снова об этом. Один бог ведает, какую окончательную цель преследует Ричард — и Криди, — но ведь эта же теория привела в Айдахо Гектора: подозрение, что, возможно, Хем сам в себя не стрелял. Гектор снова мысленно представил себе Мэри на ступеньках, с безумными глазами и наведенным на него ружьем... и ее крик, что она убила Эрнеста.

Гектор кивнул:

— Я бы соврал, если бы сказал, что такие мысли время от времени не приходили мне в голову. Может быть, дело в том, что я пишу детективы и всегда в определенных обстоятельствах ожидаю от людей худшего. Но я об этом думал, когда было время. Что-то в этой стрельбе, в поведении Мэри и в том, что сразу последовало... ну, мне всегда казалось, что там что-то не так. И частично я здесь сейчас потому, что хочу провести побольше времени с Мэри и сделать собственные выводы. Например, забыть об этих диких мыслях раз и навсегда.

Ханна забеспокоилась, что Гектор сам заинтересовался этим вопросом и может помешать Ричарду выступить с сенсационным заявлением.

— Вы обещали, — напомнила она.

— Да, обещал, — улыбнулся Гектор. — И собираюсь сдержать слово. Но вы должны знать, что сюда меня привело несколько причин. Одна из причин как раз то, что делает Ричард: разнюхать немного о смерти. Мы с Хемом были лучшими друзьями много лет. Если с ним случилось что-то криминальное, то я просто обязан сделать все, чтобы это доказать. Я должен это сделать для его же репутации. Я хочу сказать, что если я смогу доказать, что он не покончил с собой, а был убит, это будет иметь огромное значение для его тяжелой игры.

Она сморщила нос:

— Затяжной игры? Это еще что такое?

— Посмертные ставки. Литературная репутация и наследство. Затяжная игра.

Ханна задумалась. Мысль о том, что писатель может рассматривать свою карьеру с такой точки зрения, не приходила ей в голову, но теперь, когда Гектор об этом упомянул, ей идея очень понравилась.

— По-видимому, — сказала она, — вы считаете, что Мэри способна убить Папу.

— *Возможно*, — сказал Гектор. — Я думаю, что Мэри способна на многое, в том числе на опрометчивые поступки. Но убийство? Не знаю. Я знаю одно — Мэри позвонила мне в то утро, в утро, когда прозвучали выстрелы. Это был странный звонок. Она была в жутком состоянии. Но, даже учитывая обстоятельства, звонок все же был *странным*. И то, что произошло потом. Звонки были еще нескольким людям до того, как позвонить в полицию. Родственники и друзья до некоторой степени подчистили место „преступления“. До этого эксперты там не работали. Один бог ведает, какие следы были ликвидированы. Я хочу сказать следы, говорящие о криминале.

— Вы говорите как Ричард.

Гектор пожал плечами:

— Что же, возможно, насчет этого Дик и прав.

Ханна присмотрелась к нему и сказала:

— Вы постоянно смотрите в зеркало заднего вида.

— За нами едет машина, возможно, это хвост. И не спрашивайте, нет, это не моя тень из ФБР.

Ханну передернуло, и Гектор, неправильно ее поняв, включил печку. Ханна сказала:

— Мне вообще-то жарко. Чем ближе к родам, тем чаще мне бывает жарко.

Гектор кивнул, выключил печку и немного опустил стекло на своей стороне:

— Не думайте о том, кто едет за нами. Мы оторвемся от него, когда убедимся, что это наш хвост. Если так, то мне надо увидеть его номерные знаки и марку машины. Тогда я смогу с ним разобраться. Моей первой мыслью было не тащить его в аэропорт. Но сейчас я думаю, что именно это мне и следует сделать. Полагаю, что ему полезно будет знать, что у меня есть помощники.

— Понятно. — Она явно нервничала.

Гектор решил сменить тему, перестать пугать девушку. Он подмигнул и сказал:

— Я прочитал ваши рассказы, дорогая. Парочка просто замечательные, вполне готовы к печати в том виде, в котором они есть. Я не возвращаюсь в нужных литературных кругах, это очевидно, но я сделаю все, что смогу, чтобы помочь вам с публикацией. Я могу передать рассказы моему агенту, если хотите. Так вы подготовите его к тому моменту, когда предложите ему роман для публикации.

Ханна обрадовалась, но спросила:

— А остальные?

— Мне кажется, что остальные являются частями романа, который вы никак не возьметесь написать. Я расположил их в иной последовательности, чем они были у вас, и обнаружил сюжетную линию. Требуется связующая ткань, один абзац тут, два абзаца там, и вы получите примерно четверть хорошего первого романа. — Он поколебался и спросил: — Какого года урожай?

— Что вы имеете в виду?

— Как давно вы написали то, что дали мне прочитать?

— Последние полгода.

Гектор подумал и сказал:

— Ну, получилось отлично. Чисто и честно. Вы можете писать, детка.

Ханна не могла перестать улыбаться, она была счастлива.

— Мэри, возможно, захочет, чтобы я тоже писала ее биографию, — сказала она. — Она несколько дней назад об этом говорила.

И сегодня утром снова повторила. — Ханна поколебалась и добавила: — Она беспокоится, что Ричард не сумеет все довести до ума.

Гектор внутренне поморщился. *Черт бы побрал эту старую вдову.* Ему претила мысль, что Ханна может отложить свое собственное творчество в сторону ради чего-то сенсационного, но не художественного, что исчезнет с книжных полок магазинов через несколько недель и никогда уже там снова не появится даже в бумажном переплете.

Отказаться от своей чистой и страстной прозы, чтобы стать наемным биографом, практически призраком — эта мысль была отвратительна Гектору, и он полагал, что это неверный путь для Ханны как писательницы.

Он сказал:

— Даже если бы вы уводили эту книгу не у вашего собственного мужа, вы бы никогда не рвались к такого рода работе, так ведь, Ханна? Вы беллетрист, вы только-только обретаєте свой голос. Эта биография будет, в самом лучшем случае, помехой. В худшем — она приведет вас в тупик, откуда вы уже не найдете выхода.

Он оторвал глаза от дороги и посмотрел на ее лицо. Ханна отвела глаза и сказала:

— Конечно нет.

Гектор кивнул:

— Писатели очень легко могут сбиться с пути, солнышко. — Он посмотрел в окно на низкие дома городка, в который они въезжали, и сказал: — Грустное зрелище, не так ли? — Хейли был уменьшенным, более ущербным вариантом Кетчума. — Эзра Паунд здесь родился, — сказал Гектор. — Отсюда до поэзии, до Парижа, до тюрьмы за поддержку Муссолини длинный путь, верно? Но мы ведь все откуда-то вышли. Эзра — еще один писатель, который остутился. Это стоило ему карьеры. Затяжная игра ускользнула от Эзры самым неприятным образом.

— Вы были знакомы с Эзрой Паундом?

— Не так близко, как Хем, но да, мы с ним несколько раз выпивали. Делились мыслями. Он был великим поэтом, но довольно жалким мыслителем... как все авторы, которые лезут в политику. Еще Эзра был ужасным антисемитом.

Ханна сказала:

— Доверяй искусству, не художнику, так, кажется, говорят?

Гектор снова протянул руку, сжал ее ладонь и не убрал руки:

— Да, именно так и говорят. Наверное, придумал эту фразу какой-нибудь презренный, гадкий, творческий тип.

Она улыбнулась:

— Похоже на то.

Гектор убрал руку, переключил передачу и резко свернул налево. Машина, за которой он приглядывал, немного поколебалась, затем решительно продолжила путь в прежнем направлении. Однако за ними последовали еще две машины. *Черт побери!* Ханна заметила:

— Я из-за дождя почти ничего не вижу. Не могу понять, что за машина, и номера не разберу. Ничего не видно.

— Я тоже, — сердито признался Гектор. — Вообще-то я не слишком уверен, что он за нами следил. Но если следил, то бросил это занятие по вполне понятной причине.

— Мне — не понятной, — заметила Ханна.

Гектор похлопал ее по бедру, затем крутанул руль, возвращаясь на дорогу, по которой они до этого ехали, ведущей из Кетчума.

— Отсюда в Сан-Вэлли всего одна дорога, — сказал он. — Он может снова увязаться за нами где-нибудь. Но сейчас его нет, так что мы можем ехать в аэропорт, чтобы забрать оттуда моего друга.

— Расскажите мне о нем, — попросила Ханна. — Кто он такой?

— Его зовут Джеймс Хэнрахан. Полицейский до мозга костей. И если вы не сообразили по имени, еще один кельт.

Джеймс Хэнрахан был примерно шести футов ростом. За время, прошедшее с последней встречи Гектора с отставным детективом

из Кливленда, он набрал несколько фунтов. Уже совсем седой, несколько подуставший с виду, Джимми все еще сохранил своей ирландский выговор, причем налегал он на акцент с особенным старанием в стратегические моменты. Руки его были величиной со свиные окорока. Джимми только что ловил рыбу в Монтане, где купил маленький домик.

Теперь Джимми с трудом влез на заднее сидение „белэр“ и рассказывал Ханне истории о войнах бутлегеров на Великих озерах и об Элиоте Нессе, безумные истории о былых эскападах, в которых они участвовали вместе с Гектором, регулярно вставляя кельтскую фразу, чтобы угодить Ханне.

Прервав свои собственные воспоминания, Джимми сказал:

— Ты заметил, что за нами следуют три машины, Гектор? Могу добавить: вряд ли это команда. Я думаю, что за тобой три *разных* хвоста.

— Ага, — согласился Гектор. — Один — ФБР, молодой парнишка, зовут Лэнгли, — это моя тень. Второй, скорее всего, связан с этим типом Криди, о котором я тебе рассказывал.

Джимми крякнул:

— А третий, в „импале“?

— Таинственный незнакомец. Он возбуждает мой самый острый интерес.

— Так что будем делать?

— Вернемся в Дозорный дом... окопаемся там, я введу тебя в курс последних событий.

— Я за такое денег не беру, Гектор. Я все еще у тебя в долгу за...

Гектор перебил его:

— Джимми, твой гонорар будет выплачен из фонда Хемингуэя, так что пользуйся. Видит бог, Хем всегда так делал.

Хемингуэя обвинили в симпатиях к коммунистам, хотя мы знаем, что он решительно отрицал и продолжает отрицать любые связи с коммунистами или свои к ним симпатии.

— *Агент ФБР Раймонд Ледди, конфиденциальное сообщение Эдгару Гуверу*

Криди Куба, 1947

Криди уже давно удалось пристроить жучок в машину Хемингуэя. Теперь он ехал за ним по скользкой извилистой дороге и вслушивался в каждое слово.

Хосе Луис Херрера, давний врач Хемингуэя на Кубе, сказал:

— Никто из тех, кого мы знаем — а мы все презираем Трухильо, — не хочет никоим образом касаться этой подготовки к восстанию в Доминиканской Республике, Папа.

Хемингуэй ответил:

— *Я знаю.* Черт возьми, я все это знаю.

— *Любая* поддержка не годится, Папа, но самому выписывать чеки, чтобы финансово поддержать эти планы? Настоящее безумие. Когда они доберутся до этих чеков...

Хемингуэй сказал:

— Черт возьми, Хосе, я все знаю. Я ведь отправляюсь в Нью-Йорк, как ты советовал, верно ведь?

— Они задерживают самолет. Тебе обязательно надо успеть, Папа.

Хемингуэй повысил голос:

— Добавь газу, Хуан.

— Через несколько месяцев, — сказал Хосе, — возможно, все уляжется, и ты сможешь вернуться незапятнанным, Папа.

Когда они приехали в аэропорт, Хемингуэй выпрыгнул из машины, схватил чемодан, который на скорую руку собрал ему Рене, и заторопился к самолету, слегка прихрамывая.

Криди снял с головы наушники, вышел из-под командирского навеса и пошел наперерез Хемингуэю.

Стараясь перекричать рев пропеллеров, Хемингуэй сказал:

— Я тороплюсь, агент Криди.

Агент ФБР мерзко ухмыльнулся, продолжая жевать зубочистку:

— Не сомневаюсь. Это была довольно дурацкая идея, Папа, самому выписать чек, чтобы финансировать свержение банановой республики, причем сделать это на берегах еще одной банановой республики. И чего ты добился, проклятый поклонник черномазых? Трухильо прекрасно справлялся, держал этих черножопых в узде.

— Да уж, — заметил Хемингуэй. — Убивал их тысячами. Сам и его отряды смерти с мачете.

— Считаю, лучше позволить им убивать друг друга. Насколько ты был пьян, когда решил выписать этот чек, Папа? Ну ты и вяпался на этот раз!

— Я должен успеть на этот самолет, Криди, — сказал Хемингуэй. — Мы поговорим об этом в другой раз.

— Знаю я, что тебе нужно на самолет, — ухмыльнулся Криди. — Вот почему у тебя вдруг возникли проблемы с паспортом. Может быть, ты успеешь на следующий рейс, когда разрешатся вопросы по поводу твоих документов? Разумеется, если кубинские власти не поспеют сюда первыми. А знаешь, они поспеют.

— Не делай этого, Донован, — сказал Хемингуэй. — Отпусти меня, агент Криди.

— А пошел ты, Папа, — ухмыльнулся Криди. — Заметил, что в последнее время у тебя что-то ничего не выходит из печати? Сколь-

ко времени уже прошло? Десять лет? Моя пятая книга выйдет через месяц.

— Значит, повезло тебе, ублюдок. Слушай, агент, не испытывай моего терпения. Поверь мне, ни одному из нас не поздоровится, если ты переборщишь.

— Это что, угроза, *Пана*?

Хемингуэй пожал плечами:

— Твои слова, агент, не мои.

— Вернись со мной в терминал, Хемингуэй. Нам надо посмотреть на твой паспорт.

Стюард самолета стоял у трапа, махал рукой и показывал на часы, призывая Хемингуэя подняться в самолет.

— Мне действительно нужно сесть в самолет. Тебе лучше уйти с моей дороги.

— Пошел ты на хер. — Агент ФБР схватил Хемингуэя за руку. — Давай пошли.

Хемингуэй закусил губу, затем взял руку агента и отвел ее в сторону:

— Только запомни, Донован, как бы все ни закончилось, это ты заставил меня сделать это признание. Это твоя вина. Уверен, Директор тоже так же решит.

— Что заставил сделать?

— Я знаю, что вы, парни из Бюро, обо мне думаете: что я какой-то беспуглый писатель с левым уклоном, который слишком много времени проводит за рубежом. Но я был журналистом. Во многом, самом важном, я им и остался. У меня есть опыт. Я писал о преступлениях, войнах и революции. Брал интервью у президентов, деспотов и садистов. Если мне что-то требуется, я знаю, как это раздобыть.

— Ты это к чему, *Пана*?

— Много лет назад я рассказал тебе, что у Гувера пропало свидетельство о рождении. И оно неожиданно всплыло, когда Гуверу ис-

полнилось сорок три года. Так вот, я еще кое-что слышал. Я знаю, кто у Гувера были родители. Скажи ему об этом.

— Какая разница? Что такого в его родителях?

Хемингуэй улыбнулся:

— Ты передай Гуверу мои слова, а затем, если под этими полосатыми штанами есть яйца, *ты* задай этот вопрос ему. Спроси у Эдгара Гувера, кем были его родители, Криди. Так как, ты вынудишь меня опоздать на самолет? Если так, то я разболтаю про родословную Гувера международной прессе, которая сразу сбежится, когда кубинская полиция задержит меня за эту другую банановую республику.

Криди, физиономия которого стала пунцовой, отступил в сторону:

— Садись в этот проклятый самолет, Хемингуэй. Но ты прав — ты в самом деле не ведаешь, что ты сейчас сделал.

Хемингуэй прошел мимо него, поднялся по трапу и обернулся.

— Даже не пытайся организовать для меня какой-нибудь несчастный случай, агент, — крикнул Хемингуэй. — Если со мной что-нибудь случится, эта информация попадет к людям, куда более опасным, чем я. Я, пожалуй, уже сейчас могу назвать человека, который будет знать, как ее использовать с наиболее катастрофическими последствиями. — Хемингуэй одарил Криди своей фирменной улыбкой, наслаждаясь выражением лица агента ФБР. — Я всегда буду помнить, как ты только что выглядел, Криди, — сказал Хемингуэй.

— Мистер Гувер этого тоже не забудет, говнюк.

При этих словах улыбка с лица Хемингуэя исчезла.

Ни один художник не выносит реальности.

— Ницше

24. Комната Хема

Ричард воспользовался любовью Мэри к сладкому и принес ей коробку вишни в шоколаде, которой его снабдил тот человек. Конфеты уложили вдову на обе лопатки.

Слава богу. Несмотря на уверения, что Мэри не вспомнит свое признание и игрища с ружьем, Ричард все же ее немного опасался.

И еще другое было важно: он услышал признание Мэри, но поскольку она ничего не помнила — она наверняка будет все отрицать... Так что сенсационная бомба Ричарда была под большим вопросом. Он не мог не понимать, что ему придется вытаскивать это признание из нее без помощи зелья того человека...

И неизвестно что делать с Гектором Ласситером, который тоже слышал это признание Мэри.

Когда Ричард проверял, действительно ли Мэри заснула в своем кресле, он услышал грохот на кухне. Он пошел на шум и обнаружил горничную Мэри, валявшуюся на кафельном полу. Женщина стащила две или три конфеты. У этой глупой храпящей суки весь рот был все еще в шоколаде.

Профессор посадил горничную за кухонный стул, пристроив ее голову на столе. Стер шоколад с губ. С этой целью смочил под крапом тряпку. И неожиданно увидел на полочке над раковиной ключ — на том самом месте, куда старая сука положила ключ, которым, по ее собственным словам, воспользовался Папа, чтобы добраться до ружей.

Ричард схватил ключ, пробрался в кладовку и зажег свет.

Бог мой, сколько же там везде рукописей, писем и просто бумаг.

И на всех легко различимый почерк Папы или его знаменитой пишущей машинки.

Ричард начал копаться в бумагах и обнаружил, что это в основном разные варианты „Праздника, который всегда с тобой“.

Но он также нашел пару писем, содержащих параграфы, по-новому освещавшие отдельные события в жизни Папы, — материал, за обладание которым его коллеги не пожалеют собственных яиц.

Ричард сунул письма под рубашку. Туда же последовали несколько страниц из „Праздника“. Эти страницы повторялись в других вариантах, так что вряд ли их кто-то когда-нибудь хватится.

Там не было ничего, что помогло бы ему в карьере, но это был почерк Хемингуэя.

И вообще, если ему когда-нибудь понадобятся деньги, страницы можно будет продать за приличную сумму богатым коллекционерам через продавцов редких книг в Нью-Йорке или на аукционах.

И тут Ричард увидел его. Его освещал луч солнца из окна кладовки — подобно небесному лучу, появившемуся специально ради него. Ричард с трудом сглотнул. Это был тот самый *момент*. Он это *чувствовал*.

Рядом с машинкой Хема лежал напечатанный на ней рассказ.

Заголовок был не знаком профессору. *Милостивый боже!*

Ричард уселся в стоящее перед машинкой кресло, начисто забыв в этот момент, что Хемингуэй был знаменит тем, что писал и печатал стоя. Он взял стопку листов. Да, никакого сомнения, перед ним неизвестный рассказ Хемингуэя.

В некотором роде это было более крупное открытие, чем признание Мэри.

Он сразу же прочитал рассказ, захваченный ясной, великолепно краткой прозой Хемингуэя. Он наслаждался необычными, проник-

новенными, нежными мазками, которыми была выписана женщина, центральная фигура рассказа, молодая писательница, влюбившаяся в опытного прозаика, много старше ее по возрасту. Этим рассказ немного напомнил Ричарду Генри Джеймса с его „Уроком мастера“. Он дочитал рассказ в полном ошеломлении.

Потрясающий... трогательный... это был ранний Хемингуэй.

Ричард надолго задумался. Он взял рукопись вместе с еще несколькими страницами из „Праздника“ и письмами и сбежал по лестнице, чтобы спрятать все во взятой напрокат машине.

Вернувшись, Ричард запер кладовку и положил ключ на место. Взял коробку с отработавшими конфетами и пошел к реке Вуд. Там швырнул коробку в бурлящую воду.

Затем Ричард снова забрался на холм, решив попробовать разбудить Мэри. Надо будет сказать что-нибудь вроде: „Не позвать ли врача? Мне показалось, что вы потеряли сознание...“

Он думал о ближайших шагах, но мысли продолжали возвращаться к рассказу Хемингуэя. Он с нетерпением ждал, когда останется один. Тогда он сможет перечитать и изучить рассказ.

Гектор и Джимми стояли на густо заросшем соснами холме над Дозорным домом. Солнце стояло высоко над головой, в высокой траве шуршали змеи. Джимми достал очередную сигарету, и Гектор дал ему прикурить, выудив из кармана „Зиппо“.

Гектор терпеть не мог заниматься наблюдением. Если бы он был один, то, по крайней мере, мог бы захватить с собой блокнот и заняться сочинительством, но в присутствии Джимми это было не совсем прилично. Джимми, будучи полицейским в отставке, спокойнее мирился с необходимостью наблюдения за домом. Это и было частью его бывшей работы, но, простояв более часа в лесу на холоде, он заметил:

— Вот об этой части моей работы я никогда не скучаю.

Гектор сказал:

— Я немного беспокоюсь, что Полсон бродит по дому, когда там только Мэри и горничная. Если он ее снова чем-нибудь не опоил, я не представляю себе, как...

Джимми передал Гектору свой бинокль:

— Твой парень снова выходит из дома, на этот раз у него в руках *полно* бумаг.

Да, Ричард все-таки на это купился. И это, по сути, ответ на вопрос: что случилось с Мэри, раз она позволила ему эти бумаги украсть? И куда он со всеми этими бумажками двинулся? Назад к Криди? И все эти бумаги в его руках... Ричард захватил значительно больше, черт побери, чем один подложенный Гектором рассказ. Он никогда не думал, что ученый осмелится на прямое воровство, это ведь как могилу разграбить. Черт, ему придется вернуть все это обратно, прежде чем бумаги попадут в руки Криди... или на рынок коллекционеров...

Гектор сказал:

— Придется пойти и вернуть назад все, что этот урод взял, помимо того, что я сам ему подсунул. Ты возвращайся в дом, Джимми, убедись, что он ничего не сделал с женщинами.

Джимми покачал головой:

— Похоже твоя затея с фальшивым рассказом приносит плоды, возможно, даже с перебором, но *все же*... это не решает другой проблемы. Я имею в виду тот вред, который наносит вдовушка наследию твоего друга своим „редактированием“.

— Всему свое время, — заметил Гектор. — Я еще ничего не придумал толкового насчет Мэри. Пока.

— Эта девица, она знает о твоих подозрениях касательно ее муженька? — спросил Джимми.

— Черт, нет, конечно, — сказал Гектор. — Полагаю, Ханна не в курсе насчет того, что задумал ее муж. Не знает, что он заодно с Бюро.

— Мама родная, — сказал Джимми, пыхтя при спуске с холма к дому и тому месту, где они спрятали машину.

— Точно, тут полная неразбериха, — кивнул Гектор.

Джимми подмигнул и выпустил облако сигаретного дыма:

— Это само собой разумеется, но я есть я, так что все равно скажу, Гектор: если Ханна узнает, что ты от нее скрываешь, а также о твоих активных действиях против ее мужа...

— Ну да, — согласился Гектор, — я знаю. — Он вытащил ключи и позвонел ими. — Я хочу, чтобы ты тут занял оборону, приятель.

Уже четыре часа дня, а Ричард все еще не звонил. Ханна обиделась, узнав, что Ричард с утра пораньше поехал к Мэри, не сообщив ей. И теперь снова рванул в Бойсе, и опять ни звука. Ханна не имела представления, в какую гостиницу позвонить, чтобы спросить о нем, и в такое время никто в университете не снимет трубки.

Некоторое время назад она пообедала вместе с Гектором и отставным копом, Хэнраханом, в ресторане гостиницы „Сан-Вэлли-Лодж“. Вернее, они по-быстрому перекусили перед возвращением в Дозорный дом. На этот раз обошлось без толп ученой публики, занимающейся ерундой и сплетнями.

Не было и красномордого человека с лысиной спереди, который следил за ней, во всяком случае, если он там и был, она его не заметила.

Возможно, вся эта жуткая публика застряла в Бойсе.

И все же Ричард должен был ей по крайней мере позвонить. Хотя на самом деле ее радовало расстояние, она наслаждалась одиночеством и возможностью во всем разобраться. Ей довелось увидеть Гектора Ласситера довольно близко. Он представлял собой своего рода эталон для поколения писателей-джентльменов, которые пытались делать себя по образцу и подобию Хемингуэя и Ласситера... харизматичных мужчин действия, чье бахвальство и самонадеянность скрывали книжные, интеллектуальные качества, которые эти

настоящие мужчины в себе не одобряли. Ханну это очень трогало... и привлекало.

Ричард спрашивал ее, какой из жен Хемингуэя она бы хотела быть. Она все еще отказывалась верить, что могла бы попасться в ловушку, в которую попали другие женщины Хема, привлеченные славой и затем страдавшие от его эгоизма.

Нет, выйти замуж за Папу означало стать чем-то вроде спутника, вращающегося по определенной орбите под действием силы тяжести великого человека и выдающейся знаменитости.

Возможно, с женщинами Ласситера происходило то же самое...

После того как Гектор ушел, высказалась Мэри. Она заявила, что намеревается прервать свои отношения с Ричардом — его пьянство таит слишком большую опасность для их совместной книги. Но, добавила Мэри, если Ханна даст окончательное согласие и подпишет контракт на совместную работу над книгой вместе с Ричардом, тогда Мэри может передумать.

— Самое время женщине написать книгу о ком-нибудь из Хемингуэев, — сказала Мэри.

Несмотря на предупреждение Гектора, Ханна предварительно согласилась.

— Но, — сказала она, — это вам придется убеждать Ричарда, что я должна ему помочь, Мэри. Думаю, он впадет в ярость.

— У Ричарда нет такой роскоши, как выбор. Ведь в конечном итоге речь идет о *моей* жизни, — сказала Мэри. — Следовательно, это *моя* книга. Если он станет кривляться, тогда напишете вы, и это будет *наша* книга, Ханна.

Ханна все еще старалась придумать, как она признается Гектору, что временно изменила художественной литературе. Ведь Гектор едва не зарычал на нее, когда она рассказала ему о предложении Мэри написать ее биографию. Такая бурная реакция Гектора все еще заставляла Ханну раздумывать, не нужно ли ей отказаться от этого предложения.

Действительно ли Гектор прав, утверждая, что решение написать книгу о Мэри большая стратегическая ошибка?

Перед его уходом она снова пыталась заговорить с ним на эту тему, и автор детективов, когда-то не считавший зазорным печататься в журнале „Черная маска“, удивил ее, приведя малоизвестную цитату из Уильяма Блейка: „Если ты, кого Божественное провидение выбрало для духовного общения, отказываешься и закапываешь свой талант в землю, печаль и отчаяние будут преследовать тебя всю жизнь, а после смерти на твою голову падет вечный позор... И назовут тебя презренным Иудой, который предал друга“.

Ханна сдвинула брови и заметила:

— Звучит пугающе.

Гектор только улыбнулся и подмигнул.

— Нет, это всего лишь правильные слова, чтобы беллетрист остался честным.

Теперь Ханна взяла старый роман Гектора в бумажной обложке, но мысли ее метались, и она не могла сосредоточиться.

Джимми сидел внизу с Мэри. Гектор вернулся в гостиницу, чтобы посмотреть, как он сказал, нет ли там кое-кого, кто там остановился. Когда его спросили, кого он ждет, Гектор ответил туманно:

— Да одного человека из прошлого. Показалось, что несколько дней назад я его видел в гостинице. Если он во все это замешан, то тогда получают объяснение многие странные вещи, которые здесь происходят, дорогая.

Она долго лежала, не в состоянии принять такое положение, в котором перестала бы болеть спина.

Ее мысли постоянно возвращались к Гектору Ласситеру. Ханна с трудом села и закусил губу. Решившись, она прокралась в пустую комнату Гектора.

Гектор оставил свою седельную сумку рядом с пишущей машинкой.

Облизав губы, Ханна осторожно достала из кожаной сумки стопку листов рукописи.

Она перевернула несколько первых страниц и начала читать рукопись, которую Гектор назвал „Торос и Торсос“. Она удивилась, поняв, что это рассказ о Гекторе. Гектор писал о себе в третьем лице. Он использовал свое настоящее имя и свои биографические данные. И Хемингуэй был одним из героев книги.

Сначала Ханна подумала, что это мемуары, но, продолжая читать, поняла, что Гектор хотел, чтобы произведение читалось как роман.

Она вспомнила, что говорила Мэри о жизни художника, и подумала, что Гектор является ярким примером. Но смешение таким образом своей жизни с работой изумило Ханну. А проза Гектора? Она переступала все законы жанра. Она подумала, что у Гектора хватило бы таланта и хватки, чтобы стать настоящим литератором, вздумай он этого добиваться.

Ханна почувствовала вину за то, что копалась в бумагах Гектора. Она аккуратно сложила листы и вернула их в сумку. Села за стол с блокнотом и стопкой своих рассказов, подобранных Гектором в определенном порядке, и пронумеровала их. У нее имелось немного времени до того, как ей придется отложить свою творческую работу и заняться биографией Мэри.

Она воспользовалась машинкой Гектора, чтобы написать связующие параграфы по совету Гектора, теперь ее нового учителя (а она уже привыкла так о нем думать), чтобы превратить рассказы в начало романа.

Вы должны помнить, что во время моей недавней беседы с президентом он сказал, что он, президент, получил послание от Хемингуэя через некоего общего друга...

— Дж. Эдгар Гуввер

Криди Африка, 1954

Агент Криди сказал, понизив голос:

— Я у гостиницы, сэр, да, в буше, и хотя местность здесь плоская, вести наблюдение значительно труднее, чем нам представлялось дома.

Донован Криди уже некоторое время вел двойную игру.

Когда об этом в 1951 году узнал Гуввер, он разрешил Криди работать на ЦРУ, одновременно сохраняя статус агента ФБР, только потому, что уникальные и агрессивные расистские цели агента совпадали с его собственными.

А статус агента ФБР делал Криди ценным кадром в глазах его руководителей из ЦРУ.

— Давайте возьмем некоторые из этих оправданий и превратим их в энергичное действие, направленное на реализацию *моих* желаний, агент, — заявил Директор, заходясь от гнева. — Давайте сделаем хоть что-то, что бы соответствовало выполнению моих желаний, агент Криди. Я хочу видеть, что вы снова работаете на меня, как в былые времена.

— Да, сэр, я так и сделаю, сэр, — сказал Криди и подумал: *Гребанный козел.*

— Самолет грохнулся около водопада Марчинсон, — сказал Директор. — Якобы он задел телеграфные провода, повредил пропеллер и упал среди стада слонов. На борту были мистер и миссис Хемингуэй, а также летчик, которого звали Марш. Пилот посылал сигналы бедствия, которые мы вовремя приказали игнорировать всем местным самолетам... разумеется, это было сделано по секретным каналам. Над фонограммой поработали.

— Разумеется, сэр.

— Разбитый самолет заметили с проходящего мимо торгового судна, — продолжил Директор. — Выживших людей они не заметили.

— Понятно, сэр.

— Ничего вам не понятно.

Гомосек ублюдочный. Криди исхитрился пробормотать:

— Ничего мне не понятно, сэр.

— Вот именно. Мир уже почти смирился с возможной смертью Хемингуэя, — сказал Директор. — У нас имеется редкая возможность нейтрализовать его угрозу. Я хочу, чтобы вы *подтвердили*, что он умер. Если он еще не на том свете, то помогите мистеру Хемингуэю туда перебраться. Ясно?

— Ясно.

Черт бы все побрал. У него нет на это времени, он как раз подобрался к заключительной стадии операции по убийству *другого* человека для ЦРУ, того самого, от которого исходила угроза вспышки борьбы африканцев за независимость, которая легко могла обрести большие масштабы, навредить интересам колонизаторов по всему континенту и подорвать установившуюся власть белых.

Криди потратил много месяцев на планирование операции и хотел, нет, ему было *необходимо* быть там и проследить, чтобы все прошло по плану. И он хотел *видеть*, как падет этот черный дьявол.

Директор сказал:

— Вы пошевеливайтесь, агент Криди. Мне тут сказали, что Африка очень большая. И я очень рассержусь, если все не пойдет согласно моему плану. Причем рассержусь так, что перестану закрывать глаза на ваше иное, прямо скажем, затруднительное положение. Я ясно выразился?

— Да, — с трудом выговорил Криди.

— И да пребудет с вами Господь.

Агент легонько придерживался за сиденье и опущенное стекло джипа, который его водитель вел по ухабистой дороге. Вся эта тряска и удары по копчику убедили Криди, что он вылезет из машины на дюйм короче, чем в нее садился.

Все стремительно полетело ко всем чертям: Криди добрался до первого места катастрофы — причем его едва не затоптали слоны — только для того, чтобы выяснить, что Хемингуэй и их пилот получили незначительные травмы и покинули место падения самолета.

После беспокойной ночи среди всех этих слонов жертвы аварии остановили проходивший мимо туристский теплоход — тот самый, который снимался в „Африканской королеве“, — и на нем добрались до Бутиабы. *Только Хемингуэй...*

Криди было решил, что у него не получится помочь Хемингуэю добраться до могилы, но потом передумал. Осмелев, но все еще злясь, что ему помешали выполнить первоочередную задачу и удавить Джомо Кениату¹ в его камере, Криди связался с одним из своих помощников, человеком по имени Стейплтон, и договорился с ним о том, что он вместо механика „починит“ следующий самолет Хемингуэя.

Только Хемингуэй способен перенести два авиакатастрофы подряд и даже ничего не заподозрить. Криди решил, что это все происходит от величия писателя как человека.

¹ Джомо Кениата (1891–1978) — первый президент Кении, возглавлял партизанскую борьбу за независимость Кении от Великобритании.

Когда Криди добрался до Бутиабы, следующий самолет, на котором Хемингуэй пытался добраться до Энтеббе, упал сразу после взлета на землю и загорелся. Точно как было задумано.

Вскоре Криди получил сообщение: Хемингуэй спасся во второй авиакатастрофе за свою жизнь.

И снова Криди повредил кулак, которым в гневе колотил по столу, услышав новости.

Они добрались до Бутиабы, и Криди поспешно выскочил из машины и побежал, поднимая пыль и увертываясь от туземцев. Нищий ребенок протянул руку, коснувшись его рукава. Криди пинком едва не убил тощего, как скелет, малыша.

Криди сунул руку в карман своей полевой куртки и снял лежавший там пистолет с предохранителя. Одновременно он оглядывался по сторонам, разыскивая говорящего по-английски человека, который мог бы направить его в больницу.

Если бы он нашел Хемингуэя в больнице, можно было бы воспользоваться специальными препаратами и шприцами, чтобы помочь ему добраться до могилы, как того желал этот чертов Гувер.

Вне себя от злости, он наконец поймал говорящего по-английски врача и все от него узнал.

Черт бы все побрал!

Он их упустил, снова.

В тот момент Хемингуэй уже летел в *третьем* самолете, так ему сообщили. Травмы писателя значительно серьезнее, чем он сам готов признать, сказал доктор, но смерть Папе не угрожает.

Криди вышел из больницы как в тумане и тут же нашел пивнушку. Заказал бутылку пива „Таскер“ и стал слушать музыку, доносившуюся из-за стойки. Радио работало на коротких волнах, и иногда можно было слышать сообщения на английском.

Он выяснил из передачи, насколько основательно обмишурился с „Делом Хемингуэя“. Папа уже выступал перед мировой прессой,

держа в руках бутылку джина и связку бананов, лыбился и заявлял:

— Это все мое везение, оно меня не бросает.

Менее сентиментальные источники сообщали, что Хемингуэй забился в свой гостиничный номер, где выздоравливает и с удовольствием изучает собственные некрологи.

Криди скрипнул зубами. И услышал:

— Источники сообщают, что явная попытка убийства заключенного в тюрьму лидера движения за африканскую независимость была сегодня утром успешно предотвращена.

Криди впал в такую ярость, что его вышвырнули из бара. Он поднялся с земли и отряхнулся. Затем нашел Стейплтона, самолет и направился в Энтеббе.

Криди решил, что пристрелит Хемингуэя прямо на больничной койке.

Выглядел Хемингуэй плохо. Взгляд мутный. Возможно, сотрясение, подумал Криди. А джин, к бутылке с которым Хемингуэй то и дело прикладывался, вряд ли помогал выздоровлению.

Хемингуэй взглянул на Криди и потряс нечесаной головой.

— Надо же, как, оказывается, верно говорят, — проговорил он хриплым от боли голосом. — Мир тесен. И очень жаль, мать твою.

Криди держал в кармане пистолет 45-го калибра. Рука уже вспотела и дрожала, так что пришлось убрать палец с курка, чтобы по неосторожности не отстрелить себе что-нибудь нужное.

— Однако тебя нелегко прикончить, — заметил Криди. Хемингуэй как-то странно взглянул на него. — Я хочу сказать, две авиакатастрофы. И ты выжил в обеих. Удивительно.

— Мне все еще везет.

Криди криво улыбнулся:

— Тебе надо придумать что-то новое. Это уже было во всех газетах.

Хемингуэй жестом показал на стопку газет у него на кровати:

— Я читал. Говнюки с их некрологами. Господи! Нельзя никого заставлять читать свой собственный некролог, Криди. Чего только эти мудаки не понаписали.

— Ну, им же не с руки было писать о твоём творчестве, верно? Твой последний роман провалился. „За рекой, в тени деревьев“. Кусок дерьма.

Хемингуэй ещё раз приложился к бутылке:

— Плохо, что приходится лежать и слушать, что ты несешь. Убейся отсюда, Криди. Слышишь? Проваливай.

— Ты мне сегодня дорого обошелся, — заметил Криди. — Очень дорого.

Хемингуэй с трудом усмехнулся:

— И в чем же дело, засранец?

— Я... не могу сказать.

Криди хотелось пристрелить негодяя, но ему ни за что не выбраться из здания после этого. Какой мрази тут вокруг только нет! Черномазые прикончат его, причем так, что мало не покажется. Это он знал. Он подумал о Гувере — гребаный Директор. Может быть, ему следует уйти из Бюро. Уйти самому и лишиться Гувера удовольствия его уволить. Он сказал:

— Гувер тобой просто одержим. Все эти выпады, которые ты позволил себе против него за многие годы, его достали. Он человек глупый, его не стоит провоцировать, Хемингуэй. Но тебе все удержу нет. Кстати, я передал ему то, что ты просил. Насчет его свидетельства о рождении. Он мне чуть голову не откусил. Ладно, что ты его все время дразнишь, но я все равно не могу понять, почему он тебя так сильно ненавидит... почему он одержим тобой.

Хемингуэй пожал плечами, разглядывая очередной некролог.

— Может быть, это из-за того, что мне известно.

— Что ты такое мог нарыть, Хемингуэй? С чего ты взял, что ты что-то знаешь насчет Директора и его родителей?

Хемингуэй выпил еще глоток джина и облизнулся:

— Ты помнишь, что еще в двадцатые ходили слухи, что у президента Гардинга в роду были негры? А ты помнишь, что Гувер пришел в Бюро при Гардинге? Яблоко от яблони? Знакомые мне люди нашли доказательства. Похоже, предки Гардинга были рабовладельцами. Всякое происходило на этих плантациях. Я-то не возражаю. Я человек терпимый. Но вот люди там, дома? Это другое дело...

Криди прищурился и закусил губу:

— Нет... Не это...

Хемингуэй продолжал читать свои некрологи. Сказал:

— Так или иначе, а Директор мулат. Ты только себе представь такое, а, Донни? Самый могущественный расист Америки — черный. Это все равно что обнаружить, будто Гитлер был евреем. — Хем поднял глаза и мутным взглядом посмотрел на дверь, давая Криди понять, что пора убираться.

Криди, как в тумане, прошел к двери.

И Хемингуэй сказал ему в спину:

— Я бы на твоём месте на эту тему не распространялся, Донни. Директор угрожал всем своим родственникам, черным и белым, суровым наказанием, если они проболтаются.

Я с сожалением вынужден признать, что мы в Бюро бессильны действовать в случаях орально-генитальной близости, если это не мешает торговле между штатами.

— Дж. Эдгар Гувер

25. Вопрос

Если верить дорожным указателям, они находились примерно в пяти милях от государственного университета в Бойсе. Гектор держался примерно в двух машинах от Ричарда, когда они выехали на улицы с более плотным движением.

Гектор уже готовился сократить это расстояние, чтобы успеть схватить Ричарда, когда он выйдет из взятой напрокат машины, и отнять у него все украденные бумаги Хемингуэя, когда два черных седана обогнали его машину.

Машины Бюро, Гектор в этом не сомневался.

Он резко затормозил. Отстал и затем съехал на обочину, в высокую траву. Осторожно выскользнул из машины с биноклем и принялся наблюдать.

Первый черный седан обогнал машину Ричарда, загородил профессору дорогу и притормозил, чтобы заставить Полсона сбросить скорость. Второй седан ударил машину Ричарда в задний бампер, от чего она крутанулась и соскользнула в канаву, где и осталась лежать на боку.

Удар был достаточно сильным, чтобы покорежить машину Полсона. Гектор прикинул, что, будучи пьяным в стельку, профессор все же имел шанс выжить и отделаться легкими травмами.

Крупный мужчина в черном костюме монтировкой разбил стекло со стороны водителя и вытащил Полсона.

Пока они грузили Ричарда в одну из своих машин, Гектор осторожно выбрался из травы и подобрался к разбитой машине.

На полу перед передним сидением лежал саквояж. Пока парни из Бюро закидывали Ричарда в багажник, Гектор наклонился и схватил саквояж. Он щелкнул замком и убедился, что он набит украденными бумагами Хемингуэя. Гектор откатился в сторону от машины в высокую траву, когда мальчишки из Бюро вернулись к машине Ричарда и начали в ней рыться.

Гектор на четвереньках пополз к своей машине, волоча за собой драгоценный саквояж.

Парни из Бюро вылезли из машины Ричарда, огляделись, затем один отвинтил от чего-то крышку и швырнул это в разбитое окно машины. Гектор зажал уши и открыл рот, ожидая взрыва и пожара взятой напрокат машины.

Черный дым не помешал ему увидеть, как агенты ФБР уезжают. Он дал им немного отъехать и последовал за ними в своем „шевроле“.

Гектору пришлось поехать за мужчинами, которые похитили профессора. Сначала через аккуратные окрестности университетского городка, затем через слабо населенные жилые районы и, наконец, на узкую, двурядную, извилистую, проселочную дорогу, которая шла через обширные пустые территории, а потом заросшие лесом предгорья. Негодяи наверняка знали, куда они направляются, хотя Гектор плохо себе представлял, какую базу может иметь ФБР в столь пустынных местах.

Седаны остановились у бревенчатого дома на окраине города. Вывеска на фасаде гласила: „Международное братство сохатых“.

Гектор кое-что знал об этом заведении. „Клуб львов“ собирал деньги на мероприятия по спасению зрения. „Клуб Сертома“ работал со слабослышащими. „Братство сохатых“ вроде бы занималось

борьбой с весьма сомнительным заболеванием, носящим название „синдром беспокойных ног“.

На фасаде дома висел щит с изображением огромного термометра и словами: КАК МЫ СЕГОДНЯ? Показания термометра застряли на \$6.200.

Похоже, сохатые братья старались собрать деньги для клиники, где бы лечили людей с трясущимися конечностями.

Гектор подумал, *настоящий конец света*, но тут увидел, как Ричарда вытаскивают из первого седана. Теперь на голове ученого появился черный капюшон. Руки в наручниках заведены назад. Люди в черном поташили Полсона куда-то на задний двор. Черт, все выглядело довольно неприятно для этого клятого яйцеголового.

Гектор снял спортивную куртку и вытащил с заднего сиденья черный плащ. Надел его, застегнул молнию и поднял воротник. Вынул пистолет из бардачка и сунул его за ремень брюк сзади. Вылез из машины и последовал за мужчинами, скрывшимися за углом дома.

Донован Криди стоял в главном зале дома, и ему казалось, что он сходит с ума.

Секция братства в Бойсе состояла из бывших федеральных агентов — отставников службы стратегического обслуживания и так далее. Братья были склонны поддерживать Бюро и Управление, поэтому согласились предоставить Криди помещение в задней части дома для „разбора полетов“ с Ричардом Полсоном.

Но Криди желал иметь помещение в своем собственном распоряжении. Он намеревался вытрясти душу из Ричарда, а также из других персонажей, замешанных в темные делишки.

Процедура могла стать... шумной.

Тут как раз и случилась загвоздка. Оказалось, что это была „Оленья ночь“ — попойка, устраиваемая раз в квартал, ради которой члены „братства сохатых“, любившие принять на грудь, практически

и жили. В эту ночь мужики срывались с поводка, напяливали дурацкие костюмы, пили до одури и смотрели затертые порнофильмы.

Они также развлекали президента секции — Великого сохатого — и отказывались двинуться с места, несмотря на настойчивое требование Криди перенести свое мероприятие в другое место.

— Мы это место выбрали, и оно наше, агент, — сказал Честер Коулман, президент самого большого банка в Бойсе и нынешний Великий сохатый. — Я с удовольствием предоставляю вам комнату в задней части здания, но мы не собираемся тесниться и уступать свое место, приятель. Черт побери, да я самолетом привез несколько особых девушек из Лос-Анджелеса (он сделал неправильное ударение в слове Анджелес, от чего Криди снова скрипнул зубами). Я заказал полно деликатесов, которые не подлежат хранению, и бочки с пивом, которое не становится холоднее от того, что я тут стою и болтаю с вами. Значит так, вы идете в свою комнату или убираетесь вон, но в любом случае я не позволю вам изгадить мою вечеринку, приятель.

Президент повернулся к Криди спиной и отошел, чтобы с силой хлопнуть по спине толстяка в феске с фетровыми рогами лося сверху.

Криди, задыхаясь от желания отомстить, сунул руку в карман плаща и достал лежавшую там запасную склянку. *Ладно, мы еще поглядим.*

Злорадно усмехнувшись, он вытащил пробку из склянки и вылил содержимое в чашу пунша со специями.

Теперь этим несговорчивым мерзавцам будет чем заняться, так ведь?

Гектор осторожно прокрался вокруг дома. В него стекались мужчины, одетые в фески с лосиными рогами и волосатые коричневые жилеты. На некоторых были халаты, напоминающие одеяния братства: пунцовые простыни, вышитые золотом. На других были гроте-

сковые маски Марди-Гра. Несколько „братьев сохатых“ прибыли с явными потаскушками.

Гектор решил действовать бесшабашно и рванул к своей машине. Открыл багажник, порылся там и отыскал банку со стартовой жидкостью.

Он намочил в жидкости тряпку и прижал эту тряпку к лицу мужчины, который только что начал выбираться из машины. Тот несколько секунд посопротивлялся, потом обмяк под действием эфира. Гектор позаимствовал у него феску и черную маску домино. Нашел членскую карточку мужчины в его бумажнике и пошел следом за несколькими вновь прибывшими „братьями сохатых“.

Мать Божья, вечеринка стремительно превращалась в оргию. Братья уже еле держались на ногах. Некоторые занимались свальным грехом, другие приступили к кулачным дракам. Один голый мужик в феске с рогами колотил окровавленной головой по уже не белой стене, на которой мелькали кадры фильма про охоту. Гектор поморщился, переступил через совокующуюся пару и вышел в темный коридор.

Слабые крики привели его к закрытой двери. Гектор попробовал дверь соседней комнаты и обнаружил, что она открыта. Между комнатами имелось вентиляционное отверстие, расположенное под потолком. Гектор снял с себя феску с рогами и маску и подтащил стул поближе к отверстию. Через металлическую решетку он разглядел привязанного к стулу Ричарда Полсона, который извивался, когда мужчина в черном костюме колот его шприцем. Вскоре у него пошла изо рта пена... он дико таращил глаза и дергался.

Черт возьми! Что же, если у Гектора и были какие-то сомнения насчет связи Полсона с Криди, то теперь они исчезли. Но тут, похоже, между сообщниками произошла ссора. Ричард выглядел так, будто с ним вот-вот случится приступ.

Гектор не знал, как поступить. Пусть все идет своим чередом? Ворваться и освободить Ричарда из этого жалкого положения, не-

смотря на свою собственную неприязнь к пьянице ученому? Или отсидеться в сторонке и позволить Криди расчистить дорогу для него и Ханны? Может быть, это зелье, каким он накачивает Дика Полсона, сделает Ханну вдовой?

Гектор наклонился поближе к решетке, чтобы лучше видеть. Черт, эти люди там явно из Бюро, натренированные для рукопашного боя и прекрасно владеющие огнестрельным оружием. Силы неравные.

А Полсон? Он сейчас напоминал припадочного безумца, его и из комнаты не выведешь. И, безусловно, он не помощник, если дойдет дело до перестрелки. Кроме того, там, в Дозорном доме, при виде ружья в руках Гектора Ричард явно струсил.

Теперь Ричард раскачивался взад-вперед, изо рта текли слюни. Да уж, и думать не стоит о том, чтобы вызволить Ричарда сейчас: его по меньшей мере придется нести.

Гектор тихо выругался: придется ждать подходящего момента.

Раздался голос. Скорее всего, Криди, догадался Гектор.

— Я ценю, что ты снял отпечаток с ключа от кладовки, Ричард. Я ценю, что ты приехал в Бойсе для этой нашей беседы. Но я многому из того, что ты мне рассказал, не верю, Ричард. Я хочу знать подробности того, что случилось в доме, когда ты с криком выбежал оттуда. Я хочу знать, что там делал Ласситер в тот день, когда Мэри Хемингуэй призналась в убийстве своего мужа. Я хочу знать значительно больше того, что ты мне рассказал, Ричард. Потому что выходит, что ты рассказал мне очень мало. Я хочу знать, что ты украл из комнаты с документами, о чем ты умолчал и где сейчас эти бумаги. Столько бумаг... ты наверняка не смог справиться с искушением, Ричард... Ты *знаешь*, что мы за тобой наблюдали, так ведь?

Последовало недолгое молчание. Затем Криди спросил:

— Что с ним такое? Почему он не реагирует?

Ответил другой голос:

— Он был здорово пьян... да и со здоровьем нелады, особенно с печенью, я не думаю, что он сможет ответить членораздельно. Он

сейчас в улете, сэр. — После напряженной паузы голос добавил: — Боюсь, что у него припадок.

Ричард пробормотал:

— Это правда, я все время пью... Правда. Кувшин сангрии каждый вечер, пока пишу эту книжку про Париж. Мой так называемый шедевр. Дерьмо. Семь вечеров в неделю на вине весь год, чтобы вытащить эту проклятую книгу из себя. — Ричард покачал головой и хихикнул. Хихиканье перешло в рыдание. Затем он сказал: — Пошел ты на хер, *Криди*.

Пораженный Криди наклонился к нему ближе:

— Откуда ты знаешь это имя, Ричард?

Ричард пожал плечами:

— Нашел книжонку в вестибюле гостиницы, *Криди*... „Убить Хрущева“. Открыл ее, и, пожалуйста, там твой портрет. Кто бы мог подумать, что ты умеешь писать. — Ричард снова всхлипнул. — Столько *вытвивки*...

Криди покачал головой:

— Ничего удивительного, что твои гребаные книги читаются как вымоченная в джине чушь собачья. Ни уму ни сердцу. Читаются как импровизация. Сплошной анекдот... — Криди приблизил свое лицо к лицу Ричарда: — *Я пишу трезвым, Ричард*. Беру все из головы. Только так можно написать что-то путное.

Ричард пожал плечами.

— Я читал ваш *триллер*, — сказал профессор. Он произнес слово „триллер“, будто это было что-то липкое и грязное, силком сунутое ему в рот. — Я читал ваш *триллер*, — повторил Ричард. — Затем я нашел еще один... тоже прочитал.

Криди не смог удержаться:

— Какой еще мой роман ты прочитал?

— Ваш *триллер* о Гражданской войне в Испании — „Смерть каждого действует на меня“, — ответил Ричард. — Там у вас герой под Хемингуэя — усрать можно.

Криди довольно улыбнулся:

— Ну, я подразумевал этот образ как сатиру...

Нетерпеливо тряхнув головой и с трудом выговаривая слова, Ричард сказал:

— Я не имел в виду, что это было *смешно, придурок*, я подразумевал, что это кусок дерьма.

Тут Криди ударил Ричарда, причем сильно. Схватил профессора за реденеющие волосы:

— Какие бумаги Хемингуэя ты спер, Ричард?

— Гребаный Папа смотрит на меня и ухмыляется. Почему Хемингуэй ухмыляется?

— Какого черта? — нахмурился Криди.

Ричард сказал:

— Вон он там, сзади, ухмыляется, показывает мне средний палец. И водолазки. Только взгляни на всех этих Пап в водолазках. Кто, мать твою, ходит в водолазках в Ки-Уэсте в августе?

Один из помощников Криди сказал тихо, но твердо:

— Он, как я и сказал, совсем в улете, сэр. У него галлюцинации. Он вот-вот потеряет сознание.

Тихие ругательства, затем снова голос Криди:

— Уберите его отсюда. Приведите другую парочку. Мы тогда займемся *тем* кризисом.

Криди еще поматерился потом сказал:

— Что мы будем делать с Полсоном? Профессор уже никуда не годится во всех отношениях. Может быть, устроить рейд на Кетчум и забрать все имеющиеся там бумаги, до последнего клочка? Можно будет повесить эту кражу на какого-нибудь ученого вроде Полсона или группу сговорившихся продавцов книг.

— Увезите его в университет. Выбросите на передней лужайке. Может, он там и сдохнет. Если нет, то хотя бы еще больше навредит своей репутации. Надеюсь, этот препарат основательно повредит

его мозга. Такое случается постоянно, примерно в трех случаях из шести.

Гектор слез со стула и выскользнул в коридор. В главном зале разгул достиг апогея. „Братья сохатых“ творили такое, от чего бы покраснел сам Калигула. Это напоминало Памплону в былые дни, только все было поднято, или, скорее, опущено в новые глубины плотского разврата.

Гектор прошел через все это безобразие к входной двери, намереваясь последовать за „фордом“ к университету. Мальчики из ФБР волокли Ричарда прямо через главный зал, не обращая внимания на оргию вокруг.

Но что-то нарушало общую картину... был один человек, который нагнулся к одному из „братьев“, но не с сексуальными или насильственными намерениями. Затем что-то щелкнуло в мозгу Гектора: согнувшийся человек был тенью Полсона, тот самый, с лысиной и красной мордой. Он низко склонился над одним из бесчувственных „братьев“ и снимал с него феску с рогами и темные очки.

Он явно хотел проникнуть дальше в дом, как только что сделал Гектор.

Человек увидел Гектора, зарычал, уронил феску, вскочил на ноги и кинулся к двери. Гектор все еще был слишком далеко, чтобы догнать его. Вместо этого он швырнул в него бутылку с пивом, которая попала мужчине в голову, от чего он подался вперед, лбом выбил стекло в двери и упал. Незнакомец поднялся, прижимая руку к кровоточащей ране на лбу, и побежал.

Гектор погнался за ним по парковочной площадке. Мужчина с разбитой головой уже садился в зеленую „импалу“, все еще прижимая окровавленную руку ко лбу. Он завел мотор и направил машину прямо на Гектора, вынудив автора детективов перекатиться через капот „бьюика“, чтобы не попасть под колеса.

Затем Гектор услышал еще визг шин, и его ослепил свет фар. Это был седан, в который сунули Полсона.

Гектор кинулся к своему „белэру“. К этому времени хвостовые огни „импалы“ уже скрылись из виду — слишком далеко, не догнать. Но зато Гектор знал, куда направляется машина, увозящая Полсона. Он чертыхнулся и направился к университету, вдавив педаль газа в пол, чтобы сократить расстояние до черного седана.

Он все никак не мог додуматься, кем бы мог быть этот человек с лысиной. Мужик напоминал наемника... возможно, он дешевый детектив. Гектор велел себе не забыть посмотреть „Желтые страницы“, когда он окажется в Сан-Вэлли... узнать, не работает ли какой частный детектив по эту сторону гор.

Приспешники Криди сделали точь-в-точь, что было велено: подкатили к лекционному залу, вытащили Ричарда и выбросили его на мокрую от росы траву.

Гектор дождался, когда агенты уедут, выбрался из машины, подошел к Полсону и пощупал у него пульс. Ученый был еще жив.

Гектор подтащил профессора к своей машине за ноги и втиснул на пассажирское сиденье. При этом сказал:

— Если ты обмочишься или заблудеешь мою машину, богом клянусь, я удавлю тебя голыми руками, Дик.

Криди в доме „Братства сохатых“ оглядел клубок извивающихся голых тел и сказал:

— Позвоните в местную полицию. Пусть их арестуют. Обвинят в аморальности. Они везут сюда девок из-за пределов штата... это может считаться нарушением закона РИКО¹, если правильно сформулировать. Я подумаю о других обвинениях. — Проследив за одной совокупающейся парой, Криди заметил: — Черт, в этом мерзком штате все еще могут существовать законы против содомии.

¹ Закон о борьбе с организованной преступностью и коррупцией.

Никто и никогда не написал после стакана
выпивки ничего лучшего, чем на трезвую голову.

— Ринголд Ларднер¹

26. Пернатые хищники

— У тебя какие-то проблемы, верно, детка? Все дело в том, что он пьет? — Мэри позвонила, призывая горничную принести очередной коктейль до ленча со своей гостьей. — Дикки любит выпить. — Мэри взглянула на нее и спросила: — Он тебя бьет?

— *Никогда*, — ответила Ханна. — Он злой, когда пьяный, но не дерется. Просто становится еще более критичным в отношении всех в пределах видимости. Я с этим могу справиться.

— Папа ударил меня несколько раз, — сказала Мэри.

— Мне очень больно это слышать. Почему вы не ушли? — Ханна отнеслась к признанию Мэри скептически. Жизнь Папы прошерстили густым гребешком, но Ханна не припоминала, чтобы кто-нибудь упоминал о том, что он бил своих жен. Обижал психологически? Но это же совсем другое дело.

— Я ему подходила, — сказала Мэри.

Ханна заметила:

— В Шотландии есть поговорка: „Господь дает спине форму груза“. Господь не взваливает на человека больше, чем он в состоянии унести.

После захода солнца температура упала на несколько градусов.

¹ Ринголд Ларднер (1885–1933) — американский писатель, фельетонист, спортивный обозреватель.

Но Мэри и Ханна остались сидеть на террасе Дозорного дома, наблюдая за четырьмя грифами с черными крыльями, которые низко летали над соснами, растущими на склоне холма. Они явно наблюдали за чем-то умершим или умирающим, скрытым плотно растущей вечнозеленой растительностью, — возможно, каким-то животным, которое было ранено и не подобрано бездушным охотником, лишено того, что Папа называл „даром смерти“.

Ханна вздрогнула и плотнее завернулась в пестрое мексиканское одеяло, которое было близнецом такого же, накинутого на плечи Мэри. Она откинула голову назад и глубоко вдохнула, почувствовав запах дождя в воздухе.

Они обе обернулись, когда на террасу вышел Джимми Хэнрахан.

Джимми протянул Мэри ее коктейль, затем передал кружку горячего какао Ханне. Сам Джимми пил кофе, приправленный виски.

Ханна сказала:

— Но сегодня, когда Ричард звонил, он поклялся, что придет завтра. — Это было ложью: у нее не было никакого контакта с мужем. — Этот проект с учебным центром в Бойсе продвигается медленнее, чем ожидалось. Вы же знаете, какие эти ученые: каждый хочет оставить свой след, ведь центр будет назван в память о вашем муже, потому так трудно достичь консенсуса.

Мэри хихикнула:

— Милостивый боже, уж я-то знаю, как это бывает. Я всех этих ублюдков знаю как облупленных. Это такая шваль, все эти ученые. Каждый прогнул до основания. Вообще-то, тут есть чему порадоваться. В их распоряжении уже так давно нет живого, двигающегося и работающего человека, на которого можно было нападать, что эти клятые критики и ученые норовят вцепиться в глотки друг другу. Мешают друг другу работать, обгаживают драгоценные изыскания друг друга и их якобы удивительные проникновения в романы

и рассказы Папы. Это как с акулами и крысами: рань одну — и от запаха крови ее сестры и братья впадают в безумие. Они кидаются друг на друга и внезапно превращаются в стадо гребаных каннибалов, готовых рвать на части не только других, но и себя. Так, кстати, этим сволочам и надо. Хуже всего проклятые бабы. К искусству они слепы, а мужчину им подавай. Все они потаскухи, не больше и не меньше... — Мэри подмигнула Ханне: — Зря ты не записала мою маленькую тираду про критиков для нашей будущей книги. Я бы с удовольствием прочла это в своей биографии. Что бы они на это сказали?

Ханна потерла руки:

— Нельзя поносить критиков и ждать от них благородства. Выступить так в прессе — все равно что нырнуть в пруд с пираньями.

— Догадываюсь, — признала Мэри. — Но ты же сама литератор, Ханна, ты знаешь, что я имею в виду.

— Папа славился своими непродуманными нападками на критиков, — сказал Джимми. — Он сеял ветер и пожинал бурю, разве не так, Мэри, дорогая?

— Да. Эрнесту иногда лучше было бы заткнуться, — согласилась Мэри. — Но это трудно, если они на тебя нападают. Спроси Гектора, если мне не веришь. И, Ханна, если хочешь писать, то должна понимать, что это далеко не просто.

Ханна пожала плечами:

— На шестьдесят процентов я согласна. Оставшиеся сорок процентов подсказывают мне, что есть серьезные критики, которые помогают отделить зерна от плевел. И каким бы навязчивым и откровенно глупым ни было иногда их внимание, даже самые худшие из них вносят определенный вклад в сохранение интереса к работам писателя долгие годы после его ухода из жизни. Я их воспринимаю как неизбежное зло. — Это были слова Ричарда, не Ханны. Ханна даже слегка покраснела.

Мэри фыркнула:

— “Серьезные критики“. Какой, твою мать, оксюморон. И пожди, когда они возьмутся за что-нибудь, написанное тобой. Вот тогда мы и поговорим. Увидим, насколько милостивы вы тогда будете к критикам, мисс.

Пернатые хищники все приближались, сужали круг, опуская черные крылья к своей, по-видимому, давно мертвой жертве. Мэри протянула Джимми бинокль, которым она время от времени пользовалась, чтобы проследить за грифами. Джимми посмотрел на птиц, которые уже держали крылья неподвижно, под углом, и было видно, что с внутренней стороны они серебристого цвета. Красные головки грифов были маленькими и лысыми, на них не росли перья, потому что они могли испачкаться и подцепить инфекцию в процессе копания в раздувшихся, отвратительных, вонючих трупах.

— Как ты думаешь, что они ищут? — спросил Джимми.

Какое-то движение на периферии его бинокля привлекло внимание Джимми. Он повернул бинокль влево и вниз. И увидел в поле мужчину, который тоже смотрел в бинокль. Мужчина был высоким, худым, в черном костюме и при галстуке. Джимми всегда безошибочно угадывал агентов ФБР.

Мэри рассмеялась:

— Ну,дохлый кролик или заблудившаяся овца. Может быть, мертворожденный олененок. Папа часто тут сидел и наблюдал за ними часами. Он даже имена им дал: Фентон, Эдмунд, Янг и Карлос. — Мэри начала складывать плед. — Уже очень холодно. — Грифы уже опустились ниже крон деревьев. — Пойдемте в дом, — предложила она. — Мне надо найти свою прислугу, чтобы мы могли поесть...

Вдова неожиданно задержалась в дверях и улыбнулась Ханне:

— Знаешь, чем больше я думаю, тем сильнее мне хочется, чтобы ты написала мою биографию соло. К черту Ричарда. Ты — писательница, а не самодеятельный психолог с контрактом на книгу. И у нас с тобой, дочка, столько общего, да поможет нам бог. У меня пред-

чувствие, что ты сможешь написать книгу так, как не сможет никто другой, особенно мужчина. И может, особенно твой мужчина.

Ханна покачала головой:

— У меня нет ничего, кроме начала романа, который вряд ли удастся опубликовать. Ричард утверждает, что это типичный первый роман — „сплошная помпезность и исповедь“. Он говорит, что там слишком много описаний. И все же я никак не могу вычеркнуть хотя бы слово — хотя, возможно, в этом и есть острая необходимость, — потому что это мои первые настоящие слова.

Ханна почувствовала большую руку Джимми на своем плече.

— Ханна судит себя слишком сурово, — сказал он. — Гектор читал некоторые ее рассказы. Сказал, что они очень даже неплохие. И девушка теперь работает над романом с помощью Гектора. Она не биограф.

Ханна с изумлением взглянула на ирландца. Получается, что Гектор заручился поддержкой Джимми, чтобы отговорить ее от написания биографии Мэри.

Вдова криво улыбнулась:

— Так и я бы с удовольствием почитала ее рассказы. Я уверена, что они лучше, чем она сама думает, раз уж Гектор, этот старый бабник, так полагает.

Джимми закусил губу, услышав, что Мэри назвала Гектора старым бабником. Он достаточно давно знал Гектора, чтобы понимать, что в этой неллицеприятной оценке Мэри есть правда. Джимми всегда осуждающе качал головой, когда Гектор волочился за молоденькими. Да, он еще помнит одну девчущку в 1950-м, в Огайо, которая...

Мэри сказала:

— Кстати, мне и не нужен никакой гребаный биограф. Мне нужен переводчик. Так или иначе, ты должна дать мне что-нибудь свое почитать, например рассказ. Или дай мне взглянуть, что у тебя уже есть для первого романа. Может быть, потом я отправлю его Чарли,

ты ведь его знаешь? Устрою его в старое издательство Папы. Помогу тебе довести его до ума и издать. Ведь сумела же я подчистить Папин „Праздник“, и теперь этот чертов роман — современная классика. Мы неплохо справлялись после этого события летом шестьдесят первого года, верно?

— Совсем неплохо, — согласился Джимми. — Послушай, у меня кончились сигареты, дорогая. Придется съездить в город... я тут же вернусь.

Но, выйдя через главную дверь, Джимми обошел Дозорный дом, прячась за деревьями, осторожно пробрался к тому месту, где он заметил агента ФБР. Но мужчина уже исчез.

Когда Джимми вернулся к входной двери Дозорного дома, он с трудом дышал и сильно вспотел. Все эти игрища были ему уже не по возрасту. Он услышал гудок автомобиля. К дому на своей „белэр“ подъехал Гектор. Он помахал ему рукой, поставил машину в гараж и вылез.

Подойдя, он пожал Джимми руку и сообщил:

— Я только что доставил Полсона в гостиницу. Профессор был в полной отключке. Наверное, мне стоит пойти и сказать его жене, что муж вернулся. И в очень плохом виде.

Мне жаль людей, которые не пьют. Когда они просыпаются утром, они чувствуют себя так, как потом будут чувствовать весь день.

— Фрэнк Синатра

27. Блудный сын

— Я не уверен, что стоит сегодня встречаться с Диком, — сказал Гектор, направляя машину к центру Кетчума. — Он совсем развалился. Не в себе.

Ханна смотрела в ветровое стекло:

— Пьяный, вы имеете в виду.

— В лучшем случае. Но возможно, что-то еще. — Гектор не упомянул наркотики, потому что не знал, как сказать ей об этом, не рассказывая о Доноване Криди и остальных безумствах, которые он пока старался скрыть от Ханна. — Я уложил его в постель. Он без сознания.

— Может быть, я должна позвать врача, — хрипло сказала Ханна.

Гектор кивнул и пожевал губу. Черт, это бы не помешало.

— Он убивает себя алкоголем, — сказала она. — Не думаю, что он способен остановиться. Когда-нибудь.

Гектор глубоко вздохнул:

— Я тоже не думаю, дорогая. Ты должна подумать, как бы уйти от него. Быстро. Мой инстинкт мне это подсказывает. Ричард стремительно катится вниз, милая. Его ждет плохой конец.

— Мэри хочет отказаться от его услуг, — сказала Ханна. Она колебалась, потом добавила: — Мэри снова попросила меня написать ее биографию. Я собираюсь согласиться.

Гектор сердито взглянул на нее:

— Это еще одно несчастье. Ты не должна портить свою карьеру беллетриста ради того, чтобы обелить эту взбалмошную старую сукку. — Черт! Пожалуй, он высказался слишком резко. Он торопливо добавил: — Я имею в виду, что очень опасно так отвлекаться. Ты же не хочешь, чтобы тебя считали биографом.

— Эта биография сделает меня *автором*, — возразила Ханна. — Я стану известной, и это откроет дорогу моему первому роману. Подтолкнет меня, привлечет ко мне внимание. Я.. я уже начинаю думать о своей собственной затяжной игре.

Он протянул руку и сжал ее ладонь:

— Если ты этого хочешь, то самый ошибочный путь — завернуть в нехудожественную литературу.

Ханна смутилась:

— Я не сказала, что *наверняка* соглашусь. В смысле, я ведь еще не подписывала никаких контрактов.

Он печально улыбнулся.

— Тогда запомни, Ханна, я сделаю все от меня зависящее, чтобы помешать тебе писать эту книгу для Мэри. Потому что это будет катастрофа, я это предвижу.

Ханна кивнула, не решаясь встретиться с ним взглядом.

Ханна нашла Ричарда валяющимся голым на кровати. От него несло перегаром и еще чем-то — она не могла определить. Рот у него был открыт, и он храпел.

Гектор глубоко вздохнул и притянул ее к себе.

На ночном столике стоял наполовину полный стакан вина. Рядом расположился большой кувшин божоле, почти пустой, от которого несло уксусом, как будто вино прокисло, поскольку было открыто пару дней назад. Но Ричард все равно его выпил.

Ханна вылила остатки из стакана и превратившееся в уксус красное вино из кувшина в раковину в ванной комнате. Помедлила, склонившись над раковиной, потому что ребенок принялся лягаться. Она еще раз перевела дыхание, стараясь прогнать прочь

приступ тошноты. Подняла сиденье унитаза на случай, если ее вырвет. Унитаз был весь в пятнах крови. Только этого ей и не хватало. Ханну дважды вырвало, после чего она спустила воду. Закусив губу, она вытащила сложенный листок бумаги, на котором Мэри накорябала что-то о ней и Ричарде, и наконец прочитала написанное.

Она была молода и хороша собой, но всегда некстати с ее европейско-католическим воспитанием и шотландской картавостью... дети всегда дразнили ее за акцент и смешное „р“. Когда она выросла и стала хорошенькой и грудастой, мальчики легко забывали про ее акцент. Но к тому времени Ханну больше влекло к их отцам — мужчинам, которые много где побывали и много чего видели. Ханну, которая сама мечтала стать писателем, тянуло к мужчинам, которые жили в своих головах. Ей нужен был эстетический опыт, ее притягивало к ним, как гвоздик к магниту.

Ее профессор был мужчиной, который уже поистратился, когда она стала его студенткой. Но в те первые дни посещения его лекций научная степень и способность жонглировать словами перед аудиторией поклонников Хемингуэя завораживали Ханну, заставляя ее закрывать глаза на его многочисленные недостатки. Ханне нравились работы Ричарда по Хемингуэю, Андерсену и Фицджеральду. Ей нравилось его описание жизни Папы в Париже больше всего, что ей когда-либо приходилось читать, а к тому времени она уже прочитала почти все что можно.

Она приберегла для занятий с Ричардом свой обзор раннего творчества Хемингуэя. Ханна пригласила Ричарда на свидание, едва услышала, что его третья жена ушла от него и он более или менее свободный человек. Потом Ханна забременела, и Ричард предложил ей выйти за него замуж и по-

ехать с ним в Сан-Вэлли, где он собирался работать над книгой о годах, проведенных Мэри с Папой. Тут у них и начались ссоры.

Сердце Ханны бешено колотилось. Все это было так неприятно близко к истине, что ей стало дурно. И, господи, неужели она так прозрачна? Черт, если Мэри сумела уловить это с такой небрежной точностью, значит, так оно и есть. Она почувствовала спасательный круг в Ласситере, но ведь это будет еще одно клише, разве не так? Бросить этого червяка, своего мужа, ради первого попавшегося на пути вроде бы достойного мужчины, вручить свою жизнь первому встречному... полузнаменитости и писателю, который, скорее всего, ею даже не интересуется? Во всяком случае, в ее теперешнем виде, когда в любой момент может появиться ребенок.

Ханна закончила читать и снова почувствовала тошноту. Ее еще два раза вырвало. Она разорвала сочинение Мэри, бросила в унитаз и спустила воду. Почистила зубы, затем включила душ. Сжав кулаки и дрожа, она вышла из ванной комнаты.

— Вставай, Ричард. *Поднимайся.*

Он с трудом открыл глаза:

— В чем дело?

— Стаскивай свое вонючее тело с постели и шагай в ванную комнату. От тебя скверно пахнет — дешевым лосьоном, которым старались скрыть старый пот. Иди в душ, Ричард. Немедленно.

— Устал. — Он нечетко выговаривал слова. — Памашь... такой длинный путь... из Бойсе.

Ханна закрыла нос и рот ладонью. Его дыхание воняло керосином.

— Сто пятьдесят семь миль, Ричард. Я вчера посмотрела в атласе, все думала, на какой из этих миль ты можешь лежать мертвым. Вряд ли ты сам вчера вел машину эти сто пятьдесят семь миль до Бойсе. Пожалуйста, скажи мне, что машину вел кто-то другой.

— Кто-то другой вез меня. Ты нормально себя чувствуешь? Ты вроде...

— Злось? Вполне вероятно, что ты меня раздражаешь. Даже не позвонил. *Полное молчание.* Проходит несколько дней, и ты появляешься здесь пьяный в стельку. Чего ты ждешь? Что я радостно похлопаю тебя по голове и проворкую, как я рада твоему возвращению? — Она сморщила нос и отвернулась от него. — У тебя изо рта отвратительно пахнет.

Ричард Полсон потер покрасневшие, сонные глаза кулаками:

— Ты права. Я виноват. Время просто летело. Я ведь знаю, как чутко ты спишь теперь, когда роды близко. Когда я вернулся в свой номер в Бойсе, было уже поздно и я не хотел беспокоить тебя звонком.

Ханна прижала ладони к животу:

— А еще ты знаешь, что с тех пор, как ты это со мной сотворил, я бегаю в сортир по десять раз за ночь. Так что вряд ли ты мог меня побеспокоить. Кстати, как насчет утра?

— Ты же любишь поспать подольше...

— Любила. И ты мог оставить послание у регистратора. Ты бы мог до этого додуматься, раз уж не хотел меня „беспокоить“. Я, например, звонила регистратору несколько раз из Дозорного дома. Тут происходили всякие неприятности, а ты исчез, когда больше всего был мне нужен. Господи, Ричард... — Она дернула его за руку. — Иди быстрее в душ, а то я не могу больше выносить ни твоего запаха, ни твоего вида. Тебе только не хватает бумажного пакета, и можно просить милостыню в центре Детройта. Ты воняешь как разложившийся труп. Если судить по крови, которую ты оставил в унитазе, твоя печень гибнет. Либо это, либо у тебя рак прямой кишки. Продолжай в том же духе, и ты скоро сыграешь в ящик.

Через полчаса он вышел из ванной комнаты, все еще пьяный, но почище. Пока он был в душе, Ханна вызвала горничную, чтобы

она сменила простыни и принесла чистые полотенца и кофейник с кофе.

Ричард небрежно вытирал полотенцем голову:

— Мэри ничего не сболтнула? Чем бы я мог воспользоваться?

— Она догадывается, зачем ты все это затеял, профессор.

— Не может быть. Эта старая кошелка не в состоянии отличить...

— Заткнись, пожалуйста, Ричард. — Ханна сунула чашку кофе в трясущиеся руки мужа, стараясь не вдыхать резкий аромат напитка. — Это доказывает, каким тонким ты способен быть. Возможно, маленькая вдова еще большая пьяница, чем ты, но она явно лучше тебя умеет пить. Ты возбудил подозрения, разыскивая свидетельства о смерти. Вот до чего ты был деликатен!

— А?

— Подозреваю, что кто-то из архива ее предупредил. Мэри говорит, что ты только выкачиваешь из нее информацию насчет этих последних дней, Ричард.

— Это неправда.

— Такое у нее впечатление. Восприятие есть реальность. Ты, профессор литературы, должен лучше других помнить этот афоризм. Это ведь то, чем вы все занимаетесь, разве не так? Переделываете работы других под ничтожных себя? Видоизменяете каноны писателей каждые десять или двадцать лет, пока не вылупится следующее поколение критиков? Навязываете свои современные штучки на их работы, которым уже десятки лет, и затем похлопываете себя по спине за то, что поддерживаете к ним интерес? Вы все безумно жалкие онанисты.

Ричард ткнул в ее сторону трясущимся пальцем.

— Онанисты? Ты сама начинающий беллетрист — самое одинокое и самодостаточное создание из всех. Все придумывается только для собственного удовольствия. Это ли не мастурбация?

— И невероятно приятная. Но вы, ученые, куда противнее, потому что вы предпочитаете подсматривать и критиковать, тогда как мы знаем, как доставить себе удовольствие.

— Хватит, Ханна. Остынь. Не доводи меня до греха.

— Мэри права. Вы все — компания паразитов. Червяки, которые нападают на художника, когда он умирает и не может стряхнуть их. Ты и тот странный толстяк Берли, и Барбара, и эта ученая Патриция, которая со своими волосами цвета вороньего крыла как будто вышла из эротического сна Чарлза Адамса.

— Что? — Похоже, он искренне изумился. — О чем ты толкуешь, черт побери?

— Мне надоел ты — и вместе с тобой все они. Мне противны все ваши поклонники и падальщики. Вы мне отвратительны.

— Расслабься, Ханна. Пожалуйста. Ты меня прости, дорогая. Это ужасно, что я не позвонил, ты права. Вообще мне не следовало тебя сюда тащить... в твоем теперешнем положении, когда роды так близко... Я тебе обещаю не слишком увлекаться выпивкой.

— Расслабиться? Этого недостаточно. Прекрати. Прекрати немедленно. Или я тебя брошу.

— Ты же знаешь, что ты это несерьезно.

— Я могу потерять тебя сейчас или потерять тебя через год, когда откажет твоя печень или когда ты вмажешься на машине в дерево, Ричард. Ты что, пытаешься от меня избавиться? Только скажи, я тут же исчезну. Если ты уже подыскал пятую миссис Полсон, так и скажи. Я соберу вещи и поздравлю тебя с тем, что ты побил своего бога в этой жалкой игре — завел себе на одну жену больше. Черт, ты даже тут не оригинален. Господи, Ричард, ты такой нелепый мошенник. От подражания своему богу ты не станешь понимать его лучше. Не помогут четыре жены, бесконечное отращивание и сбрасывание бороды, пьянство и издевательства над своей распухшей печенью. И ты все мелочишься, ты крадешь только поверхностное и копируешь ошибки. Ты не ловишь рыбу и не охотишься, у тебя даже нет ружья.

— Ты мелешь ерунду.

— Ничего подобного, а если и так, ладно, потому что ты все равно считаешь, что я с приветом. Я говорю, что какой-то незнакомец ездит за нами по всему Айдахо, а ты уверяешь меня, что я параноик. Я говорю тебе, что Мэри тебя раскусила и теперь видит в тебе угрозу, а ты считаешь, что я говорю ерунду. Я говорю тебе, что ты убиваешь себя, приближая смерть с каждым стаканом, но ты меня игнорируешь. И ничего из того, что я тебе говорю сейчас, не имеет значения, потому что ты, скорее всего, ничего из сказанного мною не вспомнишь, когда протрезвешь. Ты несчастная развалина. Бедный пьянчуга.

— Прекрати, Ханна, слышишь, черт бы тебя побрал!

— Ты что, мне грозишь? В таком состоянии ты действительно можешь меня *ударить*. Ты мерзкий алкоголик. Ты никогда не думал о последствиях. Никогда не заглядывал вперед. Не любил своих женщин по-настоящему.

— Прекрати, Ханна.

Она порадовалась своей догадке — это до него дошло даже сквозь пьяный туман.

— Ты когда-нибудь задумывался, что произойдет с тобой самим и твоими коллегами-червяками, если ты опубликуешь эту ужасную книгу, как собираешься?

У него даже челюсть отвисла.

— Что ты имеешь в виду?

— Вам конец. Вам всем. Хуже всего — Хему.

Ричард потерял равновесие и качнулся. Трясаясь, он ухватился за кресло, повернул его и сел:

— О чем ты теперь болтаешь, мать твою?

Ханна опустила на кровать, поморщившись от боли в животе:

— И вправду не понимаешь? Ладно, давай на минутку решим, что ты попал в точку. Давай допустим, что Мэри застрелила Папу в то июльское утро несколько лет назад. Давай предположим, что ты

объявишь об этом в печати. Если ты это сделаешь, всему придет конец.

— В каком смысле? Что ты имеешь в виду?

— Как может человек, который всю свою карьеру построил на работах другого человека, быть лишенным способности проникнуть в суть?

Ричард оскалился:

— Я тебя не понимаю, Ханна. — Он изумленно поморгал глазами, ему вдруг показалось, что у Ханны голова ящерицы. Господи, он наконец сподобился заработать белую горячку.

Ханна покачала головой:

— Выстрел в холле — кульминация всей легенды. Он был предсказан во многих романах и рассказах Папы. Конеч книги „По ком звонит колокол“ — всего лишь размышление о его неизбежном самоубийстве. Он жил бурной жизнью и занимался кровавыми видами спорта. Он жил с ружьем, так что он неизбежно должен был от него погибнуть. Либо в результате несчастного случая, как Мэри сначала настаивала, либо посредством самоубийства. Смерть Папы в то июльское утро и странности, с ней связанные: отсутствие предсмертной записки, отсутствие свидетелей, отсутствие точного заключения о причинах смерти, — все эти составные вместе представляют собой загадку, которая питает его легенду. Точно таким же образом, как и замерзший труп леопарда, обнаруженный на недостижимой высоте у вершины Килиманджаро питает его „Снега“. Как же ты не понимаешь, Ричард? — Ханна вопросительно смотрела на него расширенными глазами. — Смерть папы, так как она сейчас видится, просто замечательно и удачно двусмысленна, она разделяет и возбуждает тех, кто его критикует и изучает. Тем, что Папа явно сам застрелился, он нарушил свой собственный мужественный код, — и разве это не явилось показателем упадка его художественного видения? Или был этот выстрел до известной степени триумфом — конечный, насильственный поступок мужчины, лишенного сил, который не хотел

смириться с жизнью меньших масштабов? Можно ли было избежать его смерти — и тогда это трагедия? Или было это событие предопределено и является эквивалентом последнего почетного обязательства давно страдающего самурая, как утверждает его брат?

Ричард Полсон сжал пальцы:

— Я не могу ему навредить. Никто и ничто не может. Репутация Папы пережила это самоубийство. Он популярен больше, чем когда-либо. Он является частью Западного Канона. Он бессмертен.

— До того дня пока ты не развяжешь охоту на ведьм, к чему ты так стремишься. Богом клянусь, Ричард, если ты превратишь Папу в жертву сумасшедшей и недостойной жены, ты унизишь его до состояния, из которого уже нет возврата. Ты уничтожишь Папу и можешь распрощаться со своим клятым бизнесом. Этот роскошный мачо, известный всему миру, не переживет превращения в жалкого типа, зависящего от мамочки и супруги, приконченного своей последней курицей-женой. И ничто из этого не изменит направления литературной критики. А тебя вне твоего узкого кружка ученых будут считать свихнувшимся упырем.

— Есть еще кое-что, — сказал Ричард Полсон. — Как насчет правосудия? Старая сука вполне может увильнуть от ответа за убийство. Что ты на это скажешь? — На минуту Ричард даже сам поверил в свои благородные намерения.

— А что говорить? Знаешь, шотландский закон не проводит четкой черты между „виновен“ и „не виновен“. У нас есть третий и более честный вариант — „не доказано“. Если тебе так легче, согласишься с последним вариантом, Ричард.

— Я не хочу больше об этом разговаривать, Ханна.

— Я тоже уже закончила. В субботу я уезжаю. Ты едешь?

— Я еще здесь не закончил.

Ханна опустила голову. Именно в этот момент она приняла решение. Она найдет телефон-автомат, позвонит Мэри Хемингуэй и примет ее предложение написать ее биографию, причем *без* Ричарда.

Эти избитое нитье насчет героев, которые отбиваются от рук, старо, как гусиные перья. Мои герои — галерные рабы.

— Владимир Набоков

28. *Семьдесятый*

Ричард второй раз полез в душ, чтобы разделаться с остатками алкоголя, которые весь день выходили из него с потом.

Ханна начала подбирать вонючую одежду Ричарда, которую, по видимому, небрежно разбросал по полу Гектор.

В кармане его пиджака она обнаружила склянку с прозрачной жидкостью. Никакой этикетки... Ханна испугалась, что Ричард к выпивке добавил наркотики. Она сунула склянку в свою сумку.

Ханна нашла бумажник мужа в другом кармане пиджака, куда он был небрежно засунут. Деньги же он обычно носил в нагрудном кармане. Ее руки болели, пальцы распухли. Ханна подумала об этом, затем сняла все кольца и положила их в бумажник Ричарда. Она уже порвала с ним, это всего лишь дополнительное подтверждение. Она нахмурилась. Хотя он, как правило, не носил денег в бумажнике, теперь он распух от банкнот. Все сто долларовые. Она немного поколебалась, затем отсчитала три банкноты и положила их себе в карман. Ричард был так пьян, что, возможно, решит, что он их потратил.

Из кармана рубашки, которую она начала складывать, выпал листок бумаги. Она взяла листок с кровати, развернула его и прочитала: Донован Криди, комната 36, Кетчум, мотель.

Это имя: Криди.

Ханна вспомнила, что Гектор спрашивал ее о человеке с таким именем. И положила листок в свой нагрудный карман. Затем вышла на маленький балкон, чтобы подышать свежим воздухом и подумать.

Внизу стоял мужчина с биноклем и следил за ней. Незнакомец был высокого роста. Гладкие темные волосы зачесаны назад от большой V-образной лысины. Темные глаза мужчины казались очень большими за бифокальными очками. Лоб был замотан свежим бинтом.

Их тень вернулась.

Ханна громко крикнула:

— Кто вы такой?

Незнакомец кинулся бежать и вскоре исчез в зарослях, окружающих парковочную стоянку.

Ханна долго сидела на постели и обдумывала все с разных сторон. Она чувствовала себя напуганной, растерянной, стоящей на самом краю еще одной пропасти. Ричард снова был в душе — все еще старался протрезветь с помощью попеременно то холодной, то горячей воды. К кофе тоже, очевидно, постоянно прикладывался, если судить по хлюпающим звукам и стуку керамической кружки о крышку туалетного бачка. Ханна нашла в сумке несколько монет и наконец спустилась вниз к телефону-автомату, чтобы позвонить Мэри Хемингуэй и сказать вдове о своем согласии.

Попрощавшись с Мэри, Ханна задумчиво постучала пальцами по трубке. Что же, теперь назад пути нет.

Она достала из кармана три банкноты по сто долларов и посмотрела на них. Откуда взялись эти деньги? Что такое затеял Ричард? Запустил ли он свои когти в Мэри... может быть, он ее или какого-то другого состоятельного человека шантажирует?

Ханна глубоко вздохнула и открыла „Желтые страницы“ на букве „д“. В свое время она вволю читалась детективов, да еще в последнее время читала книги Ласситера... короче, ее озарило вдохновение. Ведь наверняка в реальной жизни имеются частные детективы? А в таком маленьком местечке, как это? И все же Ханне удалось найти единственного имеющегося в городе частного детектива, мужчину по имени Гарри Джордан.

Она проговорила с ним по телефону минут двадцать. Он сказал, что триста долларов купят ей несколько дней его услуг, ей следует только послать чек в его офис или перевести наличные на его банковский счет. Ханна записала номер счета, продиктованный Джорданом. Она почувствовала улыбку в его голосе. Она постаралась убедить себя, что он просто радуется, что нашел клиентку.

Хотя ей было это неприятно, Ханна использовала украденные у Ричарда деньги, чтобы установить за ним слежку на период, пока не кончатся триста долларов. Разве не смешно — использовать его незаконные деньги, чтобы выяснить, откуда они взялись?

Возможно, ей с помощью Гарри Джордана удастся понять, что же *на самом деле* происходит с ее мужем и откуда взялась эта таинственная пачка денег. Может быть, Джордан узнает нечто, что потом сможет пригодиться при разводе, о котором она теперь думала как об очередном кошмаре, ожидающем ее на жизненном пути. Особенно если Ричард и его адвокат попытаются доказать, что у нее не все в порядке с головой.

Прежде чем повесить трубку, Ханна даже неожиданно для себя сказала:

— Есть еще один человек, о котором я хотела бы знать побольше. Его зовут Гектор Ласситер.

Повесив трубку, Ханна с трудом слотнула слюну. Организовать слежку за Ричардом было правильно и справедливо, она была в этом уверена. Но поручить незнакомому человеку пошнырять вокруг Гектора? И тем не менее Ханна это сделала.

Ханна попыталась оправдать себя тем, что ее действительно тянет к пожилому писателю, так что ей не помешало бы знать о нем больше, чтобы убедиться, что на этот раз она выбрала правильного учителя, *правильного* мужчину для себя и своего ребенка.

Гектор попросил, чтобы его соединили с комнатой Полсонов. Трубку сняла Ханна и сказала, что встретится с ним в вестибюле.

Гектор позаботился, чтобы Ханну ждал коктейль „Ширли Темпл“, себе он заказал мохито.

Гектор улыбнулся — Ханна выглядела очаровательно. Но к тому же сердито. Она рассказала ему про Ричарда — ничего неожиданного он не услышал. Ханна была в довольно мрачном настроении. Он видел, что ее сильно расстроило жалкое состояние ее мужа. Но он постарался не слишком вдаваться в эту тему.

Затем Ханна призналась ему, что снова заметила преследователя.

Гектор сказал:

— Этот таинственный парень становится все нахальнее. Мне *действительно* придется прекратить его деятельность. Постараюсь сделать это сегодня. Догадываюсь, кто такой этот джокер. А вы тем временем держитесь поближе к людям. А лучше всего вернитесь в дом Мэри — там Джимми за вами присмотрит. Наверное, вам лучше теперь держаться подальше от Ричарда. По крайней мере, дать Дику протрезветь.

Как будто такое было возможно.

— Он мой муж. — Ханна уставилась на свои пальцы без колец. Самое время проверить, действительно ли Гектор готов ее принять. — Как я могу его избегать? В смысле, почему, по-вашему, я должна это делать? Помимо очевидных причин? — Со временем и в менее напряженном состоянии она, возможно, поставила бы этот вопрос удачнее... более элегантно, что ли. Но, так или иначе, вопрос был задан. *Наконец*. Теперь ход Гектора.

Ханна подняла взгляд от пальцев, всмотрелась в лицо Гектора.

Он медленно кивнул. Гектор понимал: Ханна спрашивала его, готов ли он принять на себя ответственность за нее. Она хотела, чтобы он признался, что хочет ее.

Гектор мгновение поколебался, потом протянул руку и взял ладонь Ханны. Провел указательным пальцем по ее безымянному пальцу без кольца. И сказал:

— Мне ужасно жаль, что вам приходится через все это пройти. Ведь, дорогая, этот период должен быть для вас наполнен счастьем. Вы должны были быть дома, отдыхать и готовиться. — Гектор помолчал, потом спросил: — Вы не хотели бы отправиться домой, Ханна? Вернуться к семье и друзьям и там ждать появления маленького?

Он не ответил на ее вопрос, он это знал, видел по ее лицу. И все же... он бросил ей спасательный канат.

Ханна в ответ сжала его руку:

— Ужасно хочется. Я не могу видеть Ричарда в таком состоянии. И одна мысль о его общении с Мэри, когда он в таком виде...

— *Верно*. Старую даму не стоит недооценивать, даже в подпитии.

Тут Ханна удивила сама себя:

— Знаете, а у Мэри есть на вас планы, Гектор. В смысле, я это *чувствую*.

Гектор поднял брови:

— Да? *Господи!* Ну, это не мой расклад. Мэри совсем не мой тип, даже близко. — Он едва не поморщился — надо же так неудачно выразиться. Ну, это можно понять по-разному...

— Еще она сказала, что вы собираетесь помочь ей переписать „Острова“... даже написать новое окончание романа.

— Такого тоже не произойдет, солнышко. Уродовать работу Хе-ма на таком уровне — об этом даже нечего думать. Особенно с та-

ким соавтором. Я занимаюсь своей собственной беллетристической. Вот и все.

— Слава богу. Я не поверила Мэри, когда она это сказала, но приятно слушать, когда это говорят *вы*.

— Ну а вы подумайте о моем предложении, — сказал Гектор. — Я могу отправить вас домой, а также позаботиться, если вы позволите, чтобы за вами присмотрели. Затем, когда я здесь со всем разберусь, я смогу приехать к вам и малышу, если вы не будете возражать. — Она могла понять это по-разному, это давало им обоим некоторую свободу действий. — Где у нас дом, напомните?

— Анн-Арбор, Мичиган.

По крайней мере, там она жила с Ричардом.

— Вот место, где я никогда не был, что большая редкость. Это следует исправить.

Ханна улыбнулась. Это было далеко не все, чего она хотела от Гектора, но, по крайней мере, это было начало. Похоже, он не исключал возможности совместной жизни с ней и ее ребенком. Ей требуется его подтолкнуть немного дальше, вынудить сказать все прямо и ясно.

Тут она вдруг вспомнила про клочок бумаги и достала его:

— Я нашла это в бумажнике своего мужа... в бумажнике *Ричарда*. Это тот человек, о котором вы меня спрашивали, я думаю. *Криди*.

Резкая реакция Гектора ее поразила — некоторым образом, это оправдывало то, что она посадила частного детектива ему на хвост. По крайней мере, Ханна пыталась себя в этом убедить.

Гектор поднял брови, протянул руку и взял листок у Ханны. Прищурившись, посмотрел на надпись: наконец-то *адрес!*

— Кто он такой, Гектор?

Он поколебался:

— Вы у Ричарда об этом спрашивали?

— Нет.

Ну, *еще бы...*

— Я... не могу вам этого сказать, дорогая. Больше того, я прошу вас не спрашивать об этом вашего мужа. С такими типами, как Криди, серьезные проблемы могут возникнуть, даже если они узнают, что вы о них знаете.

— Не годится. Я заслуживаю большего.

Гектор был вынужден признать, что у этой молодой женщины есть характер и упорство.

— Ладно, дорогуша, несколько слов. Криди — ФБР, причем худший вариант.

Она явно расстроилась:

— Откуда Ричард знает...

— Это серьезный вопрос, Ханна. Но вам действительно не стоит задавать его Ричарду сейчас. Дайте мне немного времени, чтобы кое-что выяснить, дорогая. Я хочу кое-что сначала попробовать. А вы подождите. Можете сделать это для меня?

Гектор импульсивно подвинул свое кресло ближе к ней. Снова взял ее руку, и она потерла своим большим пальцем по его ладони. Его тело начало реагировать. Господи, как же сильно она на него действует. Он поразил себя, прижав ладонь к ее животу. Он почувствовал, как шевелится внутри ее ребенок. Она улыбнулась в ответ на его улыбку. Едва не призналась, что приняла предложение Мэри. Но момент явно был неподходящим. Сначала она должна услышать, что он принадлежит ей. Или что она принадлежит ему... так или иначе.

— Я подумую. — Она поколебалась, затем достала из кармана склянку. — В кармане Ричарда я нашла еще вот это. Вы знаете, что это такое? Похоже на какое-то лекарство. Удивительно только, что нет этикетки.

Гектор открыл склянку и понюхал. Ему припомнилось то зелье, которое Ричард подмешал в коктейль Мэри. Он спросил:

— Ричард не принимает никакого лекарства, о котором бы вы не знали?

— Вообще никакого.

— Тогда я оставляю это у себя, если вы не возражаете.

— Мне оно точно не нужно.

— Я немного поброжу по гостинице, — сказал Гектор. — Я все еще живу в номере Хемингуэя. Я буду поблизости, пока вы не решите, куда поедете, к Мэри или в Мичиган. В ближайшее время вы сможете связаться со мной через регистратора.

Ханна улыбнулась:

— Ладно.

Он почувствовал, как ее нога прижалась к его ноге. Они сидели, глядя в глаза друг другу и все еще держась за руки.

Донован Криди, который явился в гостиницу в поисках Ричарда Полсона, вместо него увидел сидящих за столиком Ханну и Гектора.

Не дожидаясь, когда они его заметят, Криди повернулся к ним спиной и нацепил солнцезащитные очки специальной конструкции со встроенными зеркалами, чтобы можно было наблюдать за людьми, находящимися за вашей спиной.

Криди видел, что они держатся за руки и улыбаются. *Значит, вот какие у них дела*, подумал он.

Похоже, Дику Полсону не везет на всех фронтах.

Наблюдая, как Ханна и Гектор держатся за руки и улыбаются друг другу, Криди начал раздумывать над новым, мрачным планом.

Многим людям слышатся голоса, когда на самом деле никого нет. Некоторых из них зовут безумцами и запирают в комнатах, где они целыми днями смотрят на стены. Других называют писателями, хотя они, по сути, занимаются практически тем же.

— *Мег Читтенден*¹

29. Поворот

Несмотря на предупреждения Гектора, Ханна не могла рисковать и оставлять Ричарда одного надолго. Она вернулась в комнату, чтобы с ним поговорить. Разговор немедленно перерос в очередную ссору.

— Клянусь тебе, Ричард, это тот же самый человек. Разве только ты сам хочешь меня запутать. Скажи, этот таинственный человек пугает меня по твоему поручению? — Ханна не знала точно, почему это сказала — просто вырвалось. Затем она поняла, что после разговора с Гектором стала думать, что Ричард, возможно, хочет как-то ей навредить.

— О, господи! — Ричард покачал головой. — Да я бы никогда... Бог мой, я не сомневаюсь в тебе, радость моя. Если честно, то я и сам видел того типа пару раз в Бойсе. Я думаю, что это еще один ученый. Пытается узнать, что мне удалось разыскать.

Ханна постаралась припомнить. С той поры как Ричард уехал, она преследователя не видела. За ними с Гектором ехала машина, но лица сидевшего в ней человека она не разглядела. Сегодня Ричард вернулся, вернулась и их тень.

¹ Мег Читтенден — современная американская писательница, автор детективов и триллеров.

Так. Она могла согласиться с предположением, что целью слежки был Ричард.

— Ладно, — сказала она. — Я думаю, он *действительно* поехал за тобой туда. Но ради бога, я знаю, что вы, ученые, глотки готовы друг другу перегрызть, но это — преследование? Я ни на секунду этого не допускаю.

Ричард вытряс из бутылочки три таблетки аспирина. Ханна выхватила их у него.

— Нет. Они тебе не помогут, раз у тебя внутреннее кровотечение. Придется мириться с головной болью, больше поводов бросить пить, а?

Ричард слабо кивнул:

— Ты права. Я справлюсь.

Ханна вздохнула. *Да уж, убедительно звучит, ничего не скажешь.* Он встал и неуверенно подошел к окну, мрачно уставился вниз, на землю, потом поднял глаза на деревья:

— Я согласен, наверное, он... что-то другое. Но что именно? Понятия не имею.

Ханна кивнула. Разумеется, теперь она тоже посадила сыщика на хвост Ричарда. И все же тот, *первый*, наблюдатель... возможно, она сможет оказать Ричарду последнюю услугу на этом фронте. Решить эту проблему, пока она еще существует в его жизни.

Ханна подумала о Гекторе, о том, что он может сейчас делать.

— Ты мог бы кое-что сделать, Ричард, чтобы я так сильно не беспокоилась. — Она открыла чемодан и принялась искать камеру, которую они взяли с собой, намереваясь фотографировать Дозорный дом и другие места, связанные с Папой. Они могли бы позже пригодиться Ричарду при написании книги.

Ричард Полсон все стоял у окна спиной к жене.

— Все, что пожелаешь, — сказал он. Но Ханна не расслышала в этих словах убежденности.

Она привинтила длинный объектив к старой, выдавшей виды камере.

— Возьми книгу или блокнот, в зависимости от того, что ты намерен делать, читать или писать. Устрой себе длинную прогулку по территории гостиницы, может быть, дойди до мемориала на Сан-Вэлли-роуд.

Он повернул голову:

— Зачем?

Она вставила пленку в камеру:

— Сафари с камерой.

— Да провались ты к чертовой матери. Кого ты теперь из себя изображаешь — Нэнси Дрю¹?

— Вот тебе полезный совет: делай, как я говорю, или меня потеряешь. — Она долго смотрела ему в спину, затем сказала: — У меня есть варианты, Ричард. И я крепко о них думаю.

Она с удовольствием увидела, как дернулось его лицо... потом почувствовала вину за это удовольствие.

Гектор сидел один в гостиной, глядя на листок бумаги и склянку, которые Ханна нашла среди вещей Ричарда Полсона. Затем снова положил их в карман.

Самое время дернуть за другую ниточку — нанести визит Donovanу Криди.

Он отпил глоток из стакана, потом нахмурился, увидев свое отражение в зеркале за стойкой. С разных сторон его сидело четверо молодых мужчин в черных костюмах. Гектор крутанулся на своем стуле и полез в карман, чтобы достать мелочь.

¹ Девушка-сыщик, героиня целого ряда детективных повестей, написанных разными авторами.

Они набросились на него все сразу. Схватили его и стащили со стула.

Один из мужчин резко сказал:

— Теперь ты пойдешь с нами.

Гектор сразу же вспомнил о похищении Ричарда Полсона бойцами ФБР. В голове промелькнули шприцы профессиональных палачей и дознавателей.

Пока остальные посетители бара смотрели на них с отвисшими челюстями, четверка вывела Гектора из бара. Гектор не мог дотянуться до пистолета, не мог вырваться из рук более молодых и сильных мужчин, поэтому сказал более напряженным голосом, чем бы ему хотелось:

— Кто-нибудь, пожалуйста, позвоните в полицию.

Другие обедающие и идиот-бармен только смотрели с отвисшими челюстями, как его уводят.

Будь простым и заурядным в своей жизни буржуа, чтобы суметь остаться бешеным и оригинальным в своей работе.

— Гюстав Флобер

30. Преследование

Ричард Полсон пошел пешком, потея и пошатываясь, к мемориалу Хемингуэя — маленькомуobelisku у ручья с бюстом Папы. На мемориальной доске панегирик, посвященный Хемингуэем своему покойному другу из Айдахо:

*Больше всего он любил осень
Пожелтевшие листья на тополях
Листья, плывущие в ручьях с форелью
А над холмами
Высокие синие безветренные небеса
Частью которых он теперь будет вечно*

Хорошие слова. Но, по воспоминаниям тех людей, кто хорошо его знал, Хемингуэй ненавидел осень больше всех времен года.

Ханна подождала четверть часа после ухода Ричарда, затем двинулась на парковку, где стояла машина, взятая ими напрокат. Хотя было прохладно, она опустила стекла. Она проехала короткий отрезок пути до Сан-Вэлли-роуд и поставила машину на обочину. Два блестящих черных жеребенка подошли к забору и с интересом оглядывали ее. Они фыркали и трясли гривами, затем опустили головы и продолжили щипать траву.

За Ричардом, примерно на расстоянии семидесяти пяти ярдов, крался человек. По его росту и походке Ханна узнала их тень.

Она снова проверила камеру, убедилась, что дверцы машины заперты, включила передачу и проехала мимо мужчины с довольно резвой скоростью в сорок миль в час.

Убедившись, что ни спереди, ни сзади машин нет, она развернулась на 180 градусов и остановилась на другой стороне, в нескольких футах от мужчины. Ханна сделала два быстрых снимка, затем почти полностью подняла стекло и крикнула через щель:

— А теперь оставьте нас в покое, или я отнесу эти снимки в полицию.

Незнакомец с лысиной нахмурился и сделал быстрый шаг в сторону Ханны. Она нажала на газ и со свистом пронеслась мимо. Проехав с четверть мили, она снова развернулась и промчалась мимо мужчины на большой скорости.

Она затормозила около Ричарда и приказала ему сесть в машину.

— Дело сделано, — с гордостью похвасталась она.

Он покачал головой:

— Теперь тебе легче?

— Он ведь снова за тобой следит, разве ты не видишь, Ричард?

Ричард слегка пожал плечами, потом кивнул:

— Теперь уже глупо было бы отрицать. — Он вдруг вздрогнул и показал на пони, скачущих вдоль забора: — Черт, неужели ты не видишь этих красных мартышек на верблюдах? — Его снова переделнуло. Внезапно у Ханны на плечах оказалась голова дракона.

Ханна многозначительно взглянула на него и спросила:

— Что, черт побери, ты пил?

Люди страдают не от отсутствия хорошей литературы, хорошего искусства, хорошего театра или хорошей музыки, а от того, что мешает этому всему проявиться. Короче, они страдают от молчаливого, позорного заговора... который связывает их вместе, как врагов искусства и художников.

— *Генри Миллер*¹

31. Темные замыслы

Мужчины протащили Гектора через гостиницу. Он сказал:

— Кто вы такие — ФБР? ЦРУ? Вы что, уроды, хотите попытаться меня убить?

Они прошли через узкую дверь и потащили его дальше по узкому коридору.

— Сколько бы Криди вам ни заплатил, я...

Мужчины впихнули его в другую дверь, где его за руку схватил старик.

— Слава богу! — Он провел Гектора еще через одну дверь в большую комнату. Там сидели с десятков ученых, занимающихся Хемингуэем, и таращились на него.

Черт побери! Гребаная речь! Он совсем потерял ощущение времени.

Гектор умудрился улыбнуться, когда еще один ученый, стоящий на кафедре лицом к собравшимся, сказал:

— Ну вот, всего несколько минут опоздания, и он здесь, наш главный оратор, мистер Гектор Мейсон Ласситер!

¹ Генри Миллер (1891–1980) — американский писатель и художник, автор романов о мире после Первой мировой войны и мисте писателя в нем.

Аплодисменты... несколько свистков в два пальца.

Гектор с трудом слотнул. Он так и не успел подготовиться к этому выступлению. Пока ученый читал вступление, он одернул пиджак, поправил манжеты, пристроил на физиономию подходящее выражение. Ему придется импровизировать. Он оглянулся туда, где стояли четыре молодых человека в черных костюмах. Их уж никак нельзя было принять за ученых.

Гектор пробежал взглядом по лицам настоящих ученых, сидящих перед ним. Среди них он разглядел Ребекку Стюарт с ее осиным гнездом на голове и косенькими глазками. Она сидела в первом ряду и улыбалась ему. Гектор ей подмигнул, но тут же нахмурился: рядом с Бекки сидел Донован Криди.

В животе у Гектора все перевернулось. Он присмотрелся к аудитории и обнаружил, что на некоторых мужчинах костюмы были слишком хороши для ученых. Возможно, Криди хотел сбить Гектора с толку. Или, *возможно*, он собирается устроить нечто вроде театральной казни... Может быть, он собирается выстрелить в Гектора, как стреляли в президентов Гарфилда или Тебби Рузвельта, или в мэра Чикаго Джона Кормака в Майами, или же в Кеннеди в Далласе. Правильно: пристрели Гектора перед толпой, а затем повесь это убийство на какого-нибудь пьяного ученого или фанатика, свихнувшегося на идее покончить с „последним человеком из Потерянного поколения“.

Вполне сносный сценарий. Слишком уж сносный, если автором его был Криди.

Гектор пробежал пальцами по волосам, кивком поблагодарил за аплодисменты и подошел к кафедре. На кафедре стояли графин с водой и один стакан. Микрофон был установлен слишком низко, Гектору пришлось с ним повозиться, что дало ему время подумать.

За всю свою жизнь Хем всего один раз всерьез выступал на публике. На митинге в поддержку Гражданской войны в Испании. Тогда Гектор находился в конце зала и смотрел, как мучается Хем,

постоянно заглядывая в заранее подготовленные листочки. Сначала Хем говорил очень громко, а в конце еле слышно бормотал.

Гектор же никогда раньше не выступал на публике. И сейчас ощутил сильное волнение. Рукой, которой явно не доставало твердости, Гектор налил себе стакан воды из графина. Пока он наливал воду, он сказал, стараясь, чтобы его было хорошо слышно:

— Хем однажды сказал, что даже в лучшем случае писательство — это *одинокая* жизнь...

Гектор помолчал, дав аудитории возможность поразмыслить, к чему он ведет.

Глядя, как Криди наблюдает за ним, Гектор поднял стакан к губам. Теперь Криди улыбался.

Гектор заколебался. Да, разумеется, мать твою. Этот засранец наверняка сдобрил воду своим зельем. Он посмотрел на стакан, затем снова на Криди. Что там может быть? АСД? Какая-нибудь более сильная отравка, которая подействует на лобную долю Гектора и превратит его в бормочущего припадочного сумасшедшего, пускающего слюни перед всей так называемой ученой публикой?

Да, именно таким был план, он видел это по лицу Криди. Эти сукины дети намеревались отравить воду для Гектора и превратить его в слюнявого лунатика. А потом начнется допрос? Один Бог ведет, какие вопросы он и эта одетая в черное рать зададут ему, после того как развязывающая язык отравка начнет гулять по его организму. Причем в присутствии этих клятых ученых.

Улыбнувшись Криди, Гектор вылил воду обратно в кувшин.

Стараясь не отвлекаться на людей в черном и ожидание неожиданной пули теперь, когда он вылил воду, Гектор решил привлечь внимание аудитории. Он нашел среди слушателей Патрицию Стилборн и улыбнулся ей. Она потратила какое-то время на свои длинные темные волосы, воспользовалась макияжем и надела платье, подчеркивающее фигуру. Очень неплохо. Он решил, что будет говорить для Патриции. Она станет его амулетом от Криди и компании.

Он печально ей улыбнулся, затем посмотрел на остальных. Слушатели постепенно замолчали, ожидая, когда он соберется с мыслями. Затем Гектор заговорил:

— Что действительно убило моего друга Эрнеста Хемингуэя? Кто в самом деле его убил и лишил нас многих книг, некоторые из них могли бы превзойти его первых два великих романа? — Гектор пожал плечами. — Это было не только напряжение депрессии, которая была наследственной в семье Хема. И не просто его ухудшающееся здоровье и растущая неспособность его тела выносить большие нагрузки, которые так или иначе питали его музу.

Гектор схватился большими руками за края кафедры. Почувствовал, как голос становится твердым. Он небрежно скрестил ноги в лодыжках, обретая спокойствие и уверенность, что он держит в руках аудиторию и знает точно, какие слова должен сказать. Это напоминало сочинительство, если дело идет как по маслу. Сделав паузу для пушущего эффекта, Гектор оглядел лица ученых и сказал:

— Моего друга Хема, по крайней мере в определенном смысле, убила организация. В некотором смысле его убила одержимость одного человека. Говорят, что история творится по ночам. Исторические события и критические моменты, которые связывают нас, людей, очень часто являются проявлением более глубоких, темных махинаций, затеваемых политическими интриганами, чьи цели невозможно постичь. Судьбы строятся или уничтожаются людьми с дикими верованиями и непознаваемыми целями. Эти люди и объединяющие их организации, забыв обо всем том хорошем, что заложено в них природой, убеждают себя, что определенные цели оправдывают самые темные и кровавые средства.

Гектор взглянул на Криди, который смотрел на него ненавидящим взглядом с отвисшей челюстью.

Гектор подмигнул ему, все еще ожидая ожога и, с опозданием, звука пули, уже разорвавшей его сердце или голову.

И тем не менее он продолжал.

— Очень долгое время, — сказал он, обращаясь в основном к Патриции, — велась война против наших величайших писателей, кампания, целью которой было заставить замолчать и унижить литераторов, как мужчин, так и женщин. Вы, ученые, заикленные на работах писателей, понятия не имели об этой войне. Сегодня я собираюсь поднять занавес. Я объясню вам ситуацию, в которой Хем принял это фатальное решение. Я расскажу вам, что делало и продолжает делать ФБР под руководством Джона Эдгара Гувера, чтобы следить за американскими писателями и поэтами. Их телефоны прослушиваются, их почта вскрывается. За ними следят... Люди считали Хема параноиком, потому что он утверждал, что за ним следит ФБР. Беда вся в том, что Хем был абсолютно прав.

Это было гибельное утверждение: он знал, что его жизнь теперь не стоила и цента. ФБР не остановится ни перед чем, чтобы уничтожить Гектора Ласситера.

Но тут Гектору самому пришла в голову сходная мысль.

А как насчет слушателей этой его радикальной речи? Это была сумасшедшая смесь: ученые, которые потратят свои жизни на попытку добавить его комментарий и обвинения в исторический отчет, и люди тайной профессии, которые с таким же упорством будут пытаться уничтожить его комментарий и вычеркнуть даже упоминание о нем отовсюду.

Он будет стоять на своем.

Позднее Криди с красной физиономией подошел к Гектору. Вокруг него толпились ученые, умоляя его сообщить больше подробностей, хлопая его по плечу и предлагая купить ему выпивку.

Сжимая и разжимая кулаки, Криди рявкнул:

— Ты сейчас бросил нам перчатку, Ласситер. Директор постарается превратить твою жизнь в настоящий ад. — Криди зловеще ухмыльнулся. — В смысле, пока ты еще жив.

Гектор соглотнул слюну и с трудом усмехнулся. Он чувствовал, что за его спиной стоит Патриция. Поэтому сказал:

— Валяй старайся, ублюдок. Клянусь Богом, я позабочусь, чтобы ты сдох раньше меня.

— Посмотрим, — сказал Криди.

Гектор вспомнил про листок бумаги, которые дала ему Ханна, и о написанном на нем адресе, который он запомнил. Он протянул руку и взлохматил безукоризненную прическу Криди:

— Ты все правильно понял, приятель.

Была уже вторая половина дня, шел дождь. Криди решил усесться за пишущую машинку пораньше. Кто знает, может быть, ему сегодня удастся написать *лишние* пару тысяч слов. Он чувствовал, что настроение подходящее. После неудачи с Ласситером ему было необходимо заняться любимым делом, своей книгой, где он может сам полностью выстраивать свои персонажи и окружающий их мир, как только пожелает... Это поможет ему выбросить этот ужасный день из головы, затерявшись в словах.

Криди замер, все еще держа руку на ручке двери. На кровати сидел Ласситер, направив пистолет ему в живот.

— Это не самое эффективное оружие для тихого убийства в шумной гостинице, Ласситер.

Гектор пожал плечами:

— Как ты мог догадаться из моей речи, я и тонкость — вещи несовместные, Криди. После всего того, что ты сделал Хему, и того, что ты все еще пытаешься сделать, у меня имеется непреодолимое желание пристрелить тебя прямо сейчас, и плевать на последствия.

Криди облизал губы, не в состоянии отвести взгляда от большого старого кольта.

— И вообще, где ты взял эту пушку?

— Это длинная история. Достаточно сказать — у другого писателя. Я тогда был еще ребенком. Входи, Дон. Сними с меня груз. Я уже налил тебе выпить. У нас есть о чем поговорить.

Агент ФБР сообразил, что Ласситер ждет его довольно давно — в пепельнице было с поджюжины окурков „Пэлл-Мэлл“. Криди смотрел на окурки и прикидывал, не пригодятся ли они ему когда-нибудь.

После того как он запер за собой дверь по указанию Ласситера, Криди сел на угол стола напротив кровати.

— Все кончено, Криди. Я уже рассказал всем этим ученым, как ты и такие же, как ты, измывались над Хемом. Они начнут копать. Найдут подтверждение... сообщат факты о войне ФБР против Хема биографам. И самое главное, я вставил в бумаги Хема мои собственные подделки. Мое творчество оказалось настолько убедительным, что Полсон решил, что это Хем. Я сделал то, чего ты никогда не сможешь сделать: я написал *убедительную* фальшивку под Хемингуэя. Но я также оставил ловушки в других работах — тайные шифры и анаграммы, — то есть то, чем можно доказать их фальшь.

Последнее было явным преувеличением. Гектор намеревался включить зашифрованное послание в свой рассказ, чтобы доказать свое авторство, но для этого требовалось начать каждое предложение с определенной буквы, это требовало времени, а Гектора слишком захватил сам процесс написания рассказа. Ему захотелось написать чертовски гениальный рассказ.

— Я побил тебя на этом фронте, Донни, — сказал Гектор. — Полностью и *навсегда*. Попробуй теперь ловчить с бумагами Хема, и все полетит в морду не только тебе, но и твоему Эдгару. — Гектор протянул Криди стакан с виски. Чокнулся с ним и сказал: — За разгром и воссоединение, даже если последнее нежелательно.

Он смотрел, как Криди пил, а потом облизывал губы.

— Отличное качество, — заметил агент ФБР.

— На некоторых вещах не следует экономить, — сказал Гектор. — Я тут немного порылся в твоей истории, Донован. Я все подумывал, не стоит ли мне сделать тебя своим хобби, примерно как ты сделал Хема своим главным проектом. Хочу, чтобы ты знал, приятель, с сегодняшнего дня я буду за тобой наблюдать. Так что ты

почаще оглядываясь через плечо и старайся держаться от меня подальше, потому что теперь для меня главная личная цель — стереть тебя с лица земли, если ты рискнешь мошенничать с Хемом и его наследством.

Донован отпил еще глоток виски и сказал:

— Понятия не имею, о чем ты таком болтаешь.

— Я хочу получить назад тот чемодан, который ты спер в том далеком двадцать втором году, Донован, — сказал Гектор. — Скажи мне, ты это сделал по приказу Гувера? Неужели эта затея, какой бы она ни была, началась так давно?

— Вряд ли справедливо называть это затеей, Ласситер, — заявил Криди, уставившись в свой стакан и хмурясь. Снова облизал губы. Прижал к губам пальцы, как будто пробовал ощущение на вкус.

Наблюдая за ним, Гектор сменил тактику:

— Тот рассказ Хема, который ты украл, тот скетч насчет меня и Хема в канун Рождества, ты этот кусок насчет Виктории сам туда вставил? Откуда ты знаешь о ней и о том, что с ней произошло?

— Я в самом деле добавил этот отрывок, — сказал Криди. Каза-лось, ему не хочется говорить, но он не может остановиться. Криди сам слышал этот маниакальный надрыв в своем голосе и ненавидел себя за него. — Директор хочет дискредитировать Хемингуэя, подложив материалы в оставшиеся после него бумаги. Вот я и подумал, что могу воспользоваться этой операцией, чтобы местами вставить дополнения и заодно замарать тебя.

— Зачем, черт возьми, это тебе нужно, Донован?

Лицо Криди потемнело.

— Потому что ребенок, избавиться от которого ты ей помог, был моим, Ласситер. Виктория принадлежала мне, пока ты ее у меня не украл. Затем ты помог ей убить *моего* ребенка?

Гектор потерял дар речи.

— И я понятия не имею, зачем я тебе это все рассказал, — добавил Криди.

Агент ФБР поднес стакан к носу, повернул его на свету, затем сказал:

— Ты меня *опоил*.

Гектор, все еще под впечатлением от услышанного, полез в карман, достал теперь уже пустую склянку и показал ее Криди.

— Совершенно верно, — небрежно заметил он, все еще думая о Виктории. — Твоим же собственным зельем, хрен его знает, что это такое. Не знал, какую дозу выбрать, так что ты получил все. Неприятно?

Криди едва не кинулся на Гектора, несмотря на направленный на него кольт. Черт, известны случаи, когда это средство в чрезмерных количествах наносило непоправимый урон мозгу. Странные видения, которые могли возникнуть через месяцы или даже через годы. Вроде бомбы с часовым механизмом в твоей голове. Криди начал поносить Гектора матом и порывался броситься на него, пока тот не прижал дуло пистолета к его мокрому от пота лбу.

Через некоторое время Криди успокоился, и Гектор сказал:

— Что же, вряд ли имеет значение, какой эффект производит это зелье в конечном итоге, потому что я собираюсь уничтожить тебя и Гувера сейчас, чего бы это ни стоило. К тому же ты сам знаешь, что это снадобье развязывало язык Мэри очень медленно, поэтому я решил, что доза побольше подействует быстрее. Похоже, я был прав.

Криди фыркнул. Не в состоянии сдержаться, сказал пьяным голосом:

— Эта твоя сегодняшняя речь — жалкие потути. Ты же разглядел только самую верхушку айсберга. Ты все еще не знаешь почти *ничего*. Я уже уничтожил тебя и твой мир, Ласситер. Начиная с двадцатых годов Бюро проникало в группы писателей. Мы влезали всюду, где только удавалось. За годы наша тактика расширилась и технические средства совершенствовались. Становились более мощными и скрытными. Теперь мы практически в состоянии ру-

ководить творческим человеком как заблагорассудится и в конечном итоге его уничтожить. Хемингуэй и Стейнбек и другие, вроде тебя, главенствовали в первой половине нашего века, но *я буду* руководить во второй. Хемингуэй и Ласситеры завтрашнего дня создаются и меняются мною и такими, как я. Папы и Гекторы завтрашнего дня получают свое художественное видение от ЛСД и мескалина, которые мы готовим в *наших* лабораториях, Ласситер. И их произведения страдают, становятся фрагментарными... разрозненными. Эти появляющиеся писатели даже не знают правды — я их муза.

— Ты и в самом деле безумен, — сказал Гектор. — Даже если так, что ты сам от этого будешь иметь? Зачем тебе все это? Ты ведь и сам некоторым образом писатель.

Криди ответил хрипло:

— В этом-то все и дело. Подумай сам, когда американский роман опустится до постмодернистской белиберды и бесформенных экспериментов с прозой, каким колоссальным успехом у масс будут пользоваться мои романы с их четким сюжетом и ясным языком? Наконец-то будет признан мой талант. Я буду писателем, которого будут читать все. — Он снова ухмыльнулся. — А ты? Тебя скоро совсем перестанут замечать, Ласситер, процесс уже пошел. Твоя манера делать из себя главного героя своих произведений, гнаться за постмодернизмом... Черт, ты позволяешь себе попасть под влияние всех этих обдолбанных молодых уродов, которых я контролирую. Итак, как видишь, я уже победил.

Гектор крепко схватил Криди за волосы:

— Если это то же самое зелье, которым ты опоил Мэри, то ты, скорее всего, не вспомнишь ничего из этого разговора. Но, может быть, что-то и вспомнишь. Поэтому слушай внимательно: если я не убью тебя в ближайшие несколько минут, сукин сын, я сделаю это целью своей жизни, Криди. Я не дам тебе прохода, я буду следить за тобой и добьюсь, что ты окажешься в земле, как произошло с Хемом.

Гектор уже не мог совладать со своей яростью. Он сунул кольт за пояс и достал свою колбаску из монет. Он вытряхнул подушку из наволочки, завернул колбаску в нее и один раз обмотал вокруг кисти. Затем он принялся бить агента ФБР и бил до тех пор, пока все простыни не окрасились кровью.

Криди скулил, пока не потерял сознание. Гектор пытался встряхнуть его, он ведь еще не успел спросить, куда подевались другие „украденные“ рукописи. Где находятся давно потерянные рукописи Хема. Но он сам лишил себя этой возможности. Даже в шестьдесят пять лет Гектор не научился справляться со своим гневом, он часто брал верх над ним. Более того, он, похоже, стал еще вспыльчивее.

Он не мог привести этого сукина сына в чувство. Гектор даже начал опасаться, что убил Криди. Потом решил, что, может быть, и в самом деле стоит его прикончить, причем побыстрее.

Гектор снова приложил кольт ко лбу Криди, затем чертыхнулся, опустил пистолет и сунул его в кобуру. Он никак не мог убить человека, лежащего без сознания. Даже такого человека.

Гектор оставил агента ФБР на кровати в мотеле. Он тяжело дышал, на губах пенилась кровь.

Черт, возможно, он дал Криди слишком большую дозу. Гектор даже понадеялся на это.

Пока он так стоял, его грызло все, что Криди рассказал про долгосрочные безумные планы Гувера уничтожить писателей.

Вспоминая мерзкие планы Криди и его манию величия, Гектор прикрыл дверь в номер и вышел на яркое солнце штата Айдахо.

Куда бы он ни посмотрел, Гектор всюду видел тени. Теперь его задача стала масштабнее, дело касалось не только наследства Хемингуэя, не только поддержания его затяжной игры.

Теперь это была война за свое собственное ремесло, война против противника, которого Гектор пока не мог определить достаточно четко для того, чтобы прицельно в него выстрелить.

Написать книгу — целое приключение; начинается она как забава, затем становится любовью, далее хозяйкой, а под конец тираном.

— Уинстон Черчилль

32. Осада

Ветер лохматил им волосы, когда Ханна вела машину в предгорья, мимо домов, выставленных на продажу по диким ценам, и строящихся особняков.

— Что теперь будет, Ричард?

— Ты о чем?

— Ты — настоящая развалина. Тебе нужна помощь, нужно лечиться от алкоголизма. Иначе нигде ничего не получится, ты ведь это уже понял, так?

Она тайком бросала на Ричарда взгляды, на мгновения отрывая их от извилистой дороги, которая вела то вверх, то вниз.

Ричард Полсон печально улыбнулся и пожал плечами:

— Сейчас почему-то все по-другому, чем раньше. Ты знаешь, как Хемингуэй описывал Скотта Фицджеральда, который начал забывать слова? Он сравнил Скотта с бабочкой, которая начала задумываться о механизме полета и не смогла больше летать. Как сороконожка, которая задумалась, с какой ноги шагать, и потеряла способность ходить. Так оно и бывает. Теоретически я знаю, что писать. Мне это ясно, я могу донести свою мысль. Но резонанс отсутствует. Поэзия потерялась. Даже способность вернуть время от времени удачное предложение. Исчезла. Исчезла.

Ханна глубоко вздохнула. Если судить по тем работам Ричарда, которые ей довелось прочесть, „поэзия“ там никогда не ночевала.

Она спросила:

— И давно исчезла?

— Даже и не знаю. Наверное, много лет назад.

— Тебе нужно писать на трезвую голову.

— Господи, только хуже выходит. Парижская книга, та, которая тебе нравится, которая нравится всем... так я написал ее пьяным. Я только так и могу писать.

— Ты же еще и преподаватель. Занимайся этим.

— Но я писатель, в душе я писатель. Я именно так о себе думаю, Ханна. Я — писатель.

Борода у него уже так сильно поседела. Теперь он выглядел лет на десять старше Гектора. Выглядит старше Гектора Ласситера, который по годам его старше лет на двадцать. Вспомнив Гектора, она вспомнила Криди и склянку. Но ей показалось, что сейчас не время об этом говорить. Она еще не забыла предупреждения Гектора по этому поводу. Поэтому она спросила:

— Чем ты собираешься заняться, Ричард?

Он уставился на свои руки. Теперь они напоминали когтистые зеленые лапы ящерицы.

— Буду продолжать писать.

— Писать ту книгу?

— Черт, да.

Они уже выбрались на окраину Кетчума.

Она протянула руку и сжала ладонь Ричарда. Она вспомнила его метафору насчет неспособности писать.

— Ричард, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, прекрати думать об этом. Перестань брать пример с этих копающихся в себе насекомых. Просто пиши. Пиши и все.

Невозможно изучить тьму, залив ее светом.

— Эдвард Эбби¹

33. *Конец одного начала*

Ханна нашла Гектора в его номере в гостинице.

Гектор приглушил Боба Дилана, певшего по радио „It Ain't Me, Babe“, и взял контейнер с пленкой в правую, поврежденную руку:

— Надеюсь, ты пришла сюда, чтобы выслушать лекцию, потому что именно лекцию я собираюсь тебе прочитывать.

— Да, это было рискованно, верно, — сказала Ханна, изучая разбитую правую руку Гектора. — Но я была так зла и расстроена. И по крайней мере, у нас теперь есть его фотография.

— Тебе не следовало рисковать, — сказал Гектор. — К тому же ты теперь все взбаламутила. Несмотря на то что ты с ним уже почти сталкивалась, до сих пор мы могли хотя бы делать вид, что ничего особенного не происходит. Мы могли бы тянуть время и ждать подходящего момента. Теперь ты подняла ставки. Это была довольно бесшабашная провокация. Трудно представить, как этот сукин сын мог отреагировать.

— А ты как бы поступил? — спросила Ханна. — Могу поспорить, так же.

— Сейчас это чисто теоретический вопрос, — сказал Гектор.

Господи, только не хватало, чтобы это юное создание пыталось жить так, как он. Он снова начал думать, что поощрять свою симпатию к Ханне — или ее к нему — нельзя, это приведет к катастрофе

¹ Эдвард Эбби (1927–1989) — американский писатель, философ, идеолог радикальной природоохраны.

для них обоих. И все же он никак не мог выбросить ее из головы. *Проклятая нерешительность сама по себе предупреждение, не так ли?* Гектор покачал головой. *А может, и нет...*

Он сказал:

— И если честно, то много старых, уже ушедших друзей попадали в крутые передраги или даже теряли жизнь, спрашивая себя: а как бы поступил Гектор? — Он заправил прядь волос за ухо Ханне и положил пленку в карман. — Ну а сейчас я отправлюсь в Кетчум и найду кого-нибудь, кто мог бы проявить эту пленку.

— Тебе компания не требуется? Я бы не возражала.

— А как же Дик? — спросил Гектор. — Где он сейчас? Прячется в темноте и, надеюсь, пьет кофе чашку за чашкой?

— Отправился к Мэри. — Пока она не могла рассказать ему остальные подробности: что Ричард поехал к вдове, не ведая, что она собирается его уволить. Ей не хотелось бы встречаться с Ричардом, когда он вернется. Ей также не хотелось сидеть одной и думать, как Ричард воспримет это увольнение. А с Гектором можно так хорошо отвлекаться.

— Это очень неудачное решение, — сказал Гектор, — особенно в его жалком состоянии.

Гектор сообразил, что, скорее всего, Ричард вернется к своей беременной жене в стельку пьяным. А Мэри... Ричард мог попытаться снова подсунуть ей зелье. Но, слава богу, там Джимми, он не позволит ничему подобному случиться.

— Тебе наверняка безопаснее со мной, чем здесь одной, после твоих фокусов с камерой, — сказал он.

Гектор взял с кровати спортивную куртку, взял кобуру из мягкой кожи и надел лямки на плечи. Уложил в кобуру свой старый пистолет с длинным дулом — Ханне показалось, что она видела такие в вестернах.

— Это обязательно? — спросила она.

— Думается, что теперь обязательно. Лучше проявить осторожность. — Гектор надел объемную свободную спортивную куртку.

— Ты часто ходишь с пистолетом? — спросила Ханна.

— Всегда держу его поблизости, по крайней мере.

— Он все еще работает? Выглядит антикварным.

Гектор кивнул:

— Но тем не менее смертоносным. Теперь поедem в центр города и взглянем на этого типа, которого ты сфотографировала.

Гектор сунул хозяину фотомагазина лишнюю десятку за скорость проявки. Но все равно до получения фотографий приходилось ждать пару часов. Поэтому Гектор пригласил Ханну на ленч в „Христиане“.

— Этому городу не помешало бы еще несколько ресторанов, — заметила она.

— Этому городу еще многое бы не помешало, — согласился Гектор. — И все это будет. Я уже заметил печальные признаки. Пройдет лет двадцать, и городишко превратится в шумный туристский центр. Все, что когда-то завлекло сюда Хема, будет снесено или застроено. Я видел это на Флорида-Кис, а также в Париже и на побережье Тихого океана.

— А сейчас ты живешь в Нью-Мексико, верно?

— Местечко называется Рио-Гранде, это почти в Мексике.

— Много туристов?

— Не-а... Думаю, я, наконец, отыскал место, где смогу прожить все, что мне осталось, и мой теперешний дом не станет приманкой для туристов, я этого не допущу.

— Наверное, там хорошо пишется.

— Там тихо, если ты об этом. Одиноко. Я не думаю, что у меня так уж много фанатов, но и мой дом достаточно далеко, поэтому не вдохновляет моих поклонников там меня разыскивать. Иногда приезжают за интервью. Зато почти не бывает начинающих писателей.

Ханна съела несколько ложек супа и спросила:

— Значит, ты не берешь студентов?

— Больше одного за раз мне не осилить, — сказал Гектор. Он решил ее немного поддразнить. — В настоящее время я работаю с прелестной девушкой-шотландкой.

Ханна улыбнулась и сказала:

— Я послушалась вашего совета, маэстро. Я собираю все рассказы и фрагменты в единое повествование, как вы предлагали.

— С нетерпением жду результатов. Уверен, получится замечательно. И пожалуйста, не называй меня маэстро. Гектор мне больше нравится.

Она поколебалась и сказала:

— Ты был первым, кто сказал, что моя писанина чего-то стоит.

— Так оно и есть. Кто еще читал твои рассказы?

— Ричард.

— И все?

— Последние мои вещи читал только он. Я еще кое-что писала в школе, для занятий.

— Для тебя последние рассказы особенно важны, — сказал Гектор. — Я чувствую в них страсть.

— Именно так я и хотела бы писать.

— И родилась для этого.

— Вот бы Ричард слышал, — заметила она. — Он сказал, что они все одинаковые — излишне исповедальные.

— Мы все основываемся на себе и своем жизненном опыте, Ханна. Да ведь оправдать наши ошибки можно, только используя их в нашем творчестве. Знаешь, как Папа говорил: „Используй свои страдания“. Ты так и делай, Ханна. Не позволяй никому из ученых, в том числе и мужу, разуверить тебя. Это твой основной материал. Поэтому защищай его. Никогда от него не отказывайся. Все твое, что я читал, было написано после того, как ты забеременела, верно?

— Да.

— Любопытно.

— Почему?

Гектор не хотел обсуждать с Ханной свою теорию насчет влияния лекарств на качество рассказов. Но он не возражал бы, если бы она сама пришла к этому выводу. Он сказал:

— Потому. Все в свое время.

Ханна нахмурилась:

— Я должна признаться, что позавчера прочитала несколько страниц из твоего романа.

— Ну и что? — небрежно ответил Гектор. — Мнение изменилось? Если честно, я бы на твоём месте поступил так же.

— Ты не просто используешь свой опыт. В твоих романах, Гектор, ты сам — главный персонаж.

— Меня все всегда в этом обвиняли. Вот я и решил в этом романе так и поступить, пусть радуются. Они все болтают о постмодернизме. Я им устрою постмодернизм. И черт побери, Хемингуэй вроде как обошел меня со своими „Зелеными холмами Африки“ — у него там нет четкой грани между художественным романом и нехудожественной прозой, между личностью и писателем. И он развивает эту концепцию дальше в тех его вещах, которые не были напечатаны.

— Значит „Торос и Торсос“ в основном художественное произведение?

Гектор пожал плечами:

— Это мое мнение, а другие пусть сами думают. Может быть, я с ними слегка поиграю: у меня есть своя собственная затяжная игра. Может быть, я оставляю что-нибудь впрок. Организую дело так, что выйдет это лет через сорок и, возможно, под другим именем. — Он сжал руку Ханной. — На кельтский манер..

Ел он неохотно — не было аппетита. Выпил немного вина и сказал:

— Ты подумала, не стоит ли воспользоваться моим предложением и обратиться отсюда? И не только из-за всей этой чехарды, но прежде всего потому, что, я считаю, Ричард погорит, причем в самое ближайшее время, и я не думаю, что ты сможешь помешать ему

вмазаться в эту последнюю стену. Иногда настоящим алкоголикам нужно достичь дна, крепко удариться, прежде чем вернуться на истинный путь. Я думаю, что Ричард, самое малое, движется к катастрофе. Но полагаю, в твоём теперешнем состоянии слишком рискованно ждать и пытаться собрать осколки.

И естественно, была в этой путанице ещё одна шальная карта — проклятый Криди. У Гектора снова забрезжила заманчивая мысль: жить в Европе вместе с Ханной, писать и воспитывать этого ребёнка. Это могла быть славная жизнь вдали от Америки и даже достаточно далеко от Дж. Эдгара Гувера.

— Я все ещё об этом думаю.

Ханна не могла смотреть на Гектора: она злилась на него за грубую и безжалостную оценку скорбного положения Ричарда и ждущей его судьбы. Ещё её злило, что Гектор снова ясно сформулировал то, с чем она не могла определиться, — во всяком случае, не с его уверенностью.

— Что у нас сегодня в программе? — спросил Гектор.

— Ужин с кем-то из ученых, если Ричард сможет держаться на ногах.

— Берли может оказаться сегодня среди приглашенных? — спросил Гектор.

Она внимательно вгляделась в него:

— Возможно. — Хотя сама в это не верила, разумеется.

— Тогда пригласи меня от своего имени. Ты можешь это сделать, Ханна?

— Могу, но неужели ты действительно хочешь сидеть в такой компании, Гектор?

— Думается, мне лучше там быть.

— Они могут быть такими наглыми... и, ну...

Гектор улыбнулся:

— Я закончу за тебя твоё предложение. „А ты бульварный сочинитель, Гектор...“

— Я *этого* не собиралась говорить. И про тебя так нельзя сказать. Господи, никоим образом...

— Но мы оба поняли, что ты имеешь в виду.

— Ну, каким бы автором ты ни был, они все равно наглые и самоуверенные, — сказала Ханна. — И грубые, злоязычные. И их будет много, а ты один.

— У меня есть ты, — сказал Гектор, — товарищ по перу, который прикроет мне спину. И вот как я обо всем этом думаю: не я буду за одним столом с этими учеными. Они будут за одним столом со мной.

Все случилось так быстро, что он не сумел среагировать. Ханна импульсивно наклонилась к нему. Ее губы нашли его губы. Он почувствовал, как ее язык прижимается к его зубам. Гектор обнял ее за плечи одной рукой, вторая двинулась между ее молочного-белых грудей. Его большой палец массажировал распухший сосок через тонкий хлопчатобумажный свитер.

Он отодвинулся и оглянулся, чтобы убедиться, что никто не смотрит.

— Мне не нужно было это делать, — сказал он.

— Я это сделала, — сказала Ханна. — Я этого хотела. Я хочу, чтобы ты стал частью моей жизни.

— Ты же замужем.

— Но несчастлива.

— Но замужем.

Ханна только покачала головой. С браком можно легко покончить, наверняка Гектор это прекрасно знал. Черт, о скольких женах Гектора она читала? Трех, четырех? А она уже предпринимает шаги...

Внезапно она заявила:

— Я... сказала Мэри, что возьмусь написать о ней книгу. Это не повредит моей беллетристике... клянусь... только слегка ее отложит.

Ханна вздрогнула, заметив выражение лица Гектора.

— Ох, лапочка, *нет!* Это худшее, что могло прийти тебе в голову. Хуже этого ты ничего не могла придумать. Сейчас не время изображать из себя...

Она закатила ему сильную пощечину. Гектор принял ее стойко. Прижал палец к губам, посмотрел на кровь на нем.

— Дорогая, — сказал он, — пожалуйста, не делай этой ошибки, не порти свою карьеру. Это тебя уничтожит... все спутает. Мэри не тот человек, с которым стоит связываться.

— Я это сделаю, Гектор. Я *знаю*, что поступаю правильно. Это будет книга о человеке, носящем фамилию Хемингуэй, и это будет моим стартом в художественной прозе. Я это сделаю. Лучше я, чем Ричард! Я могу заняться тем, что делаешь ты, — защищать Папу... помочь сбересть его наследие и затяжную игру, написав эту книгу.

— Это ужасная ошибка, — повторил Гектор. Щека все еще ныла.

Подбородок Ханны дрожал. Она всмотрелась в лицо Гектора, затем швырнула салфетку на свою тарелку и ушла, оставив его сидеть там и смотреть на других посетителей.

Криди прижал трубку плотнее к лицу и закрыл ее ладонью, чтобы человек в соседней будке не мог расслышать, что он говорит. Он помнил, что Ласситер говорил ему о фальшивых рукописях и ловушках в бумагах Хемингуэя. Еще он помнил, что Ласситер протянул ему выпивку.

Дальше все было как в *тумане*. Пустота. Но Ласситер в насмешку оставил пустую склянку на столике рядом с кроватью. Это поведало Криди обо *всем*. Ласситер подмешал Криди его же собственный препарат. При мысли об этом Криди снова передернуло. Один бог ведает, что Ласситер выудил из него, пока у него по венам гуляла эта дрянь. И бог ведает, чем это может для него закончиться — мозговая травма... разрастающаяся паранойя. Это зелье никогда не покидает организм до конца. *Никогда*.

Так что у него теперь нет другого пути — Криди вынужден будет доложить Директору, что операция „Хемингуэй“, по крайней мере на данный момент, пошла наперекосяк.

Криди сказал:

— Да, я проверил все подслушки на телефонах Хемингуэя до того, как жучки были сняты. Однако нет никаких сомнений, что этот Ласситер в курсе нашей операции. Он старается определить происхождение обработанных документов, которые были подложены в бумаги Хемингуэя, обнаруженные в подвале гостиницы „Ритц“ в тысяча девятьсот пятьдесят шестом году.

Гувер немного помолчал, потом проговорил:

— Я сейчас работаю с делом Гектора Ласситера. Оно на удивление толстое. Это Ласситер иногда бывал нам полезен. Он хитрый, упорный, и, хуже всего, он взбалмошный идеалист. Одним словом: он непредсказуем. Только вспомни, что он отчебучил в Нашвилле в пятьдесят восьмом! Уму непостижимо. Я все еще не могу это забыть. Подготовь убойную команду, агент Криди. Я не говорю, что мы будем его убирать, но такая необходимость *может* возникнуть...

После паузы он спросил:

— Есть ли какие-нибудь признаки того, что Ласситер получил другую информацию, которую Хемингуэй от нас скрывал? Возможно, он нашел письма, рукопись о... ну, обо мне, например?

Криди подумал: *О том, что ты цветной. Вот что тебя больше всего интересует.*

— Нет, сэр. Пока ничего. — *Самонадеянный черножопый*, подумал Криди.

Директор заключил:

— Тогда, возможно, идея покончить с Ласситером представляется более привлекательной. Пожалуй, я еще немного об этом подумаю. А этот профессор, которого ты используешь? Этот дегенерат-алкоголик? Думается, слишком опасно продолжать с ним возиться.

— А его жена?

— Она знает, что происходит?

— Сейчас нет. То есть я не думаю, что знает.

— Пока миссис Полсон находится в счастливом неведении, ее можно пощадить, мистер Криди.

Куда бы я ни пошла, меня везде спрашивают, действительно ли университеты душат писателей. Если хотите знать мое мнение, так они их душат недостаточно. Слишком еще много выходит бестселлеров, появлению которых мог бы воспрепятствовать хороший учитель.

— *Фланнери О'Коннор*¹

34. Премахи

Растянувшись на кровати Хемингуэя и уставившись в стену, Гектор выкурил сигарету. Патриция обернулась вокруг него, теплая, голая и уже спящая.

После ссоры с Ханной Гектор вернулся в гостиницу.

Потрясенный ее реакцией, Гектор, однако, не стал ее догонять. Он не пытался до нее дозвониться и вовсе не собирался идти в номер Полсонов и разговаривать с ней. Им обоим требовалось остыть, причем в разных смыслах этого слова.

Ханна глубоко разочаровала Гектора. Он очень огорчился, что она взялась за этот незаконнорожденный проект вместе с Мэри Хемингуэй.

Ханна явно рассердилась на него не только за то, что он усомнился в правильности ее решения сотрудничать с Мэри в написании ее биографии, но также за уклонения от ее заигрываний.

Гектор, однако, был уверен, что в этом смысле принял верное решение.

¹ Фланнери О'Коннор (1925–1964) — американская писательница ирландского происхождения.

Признание Ханной, что она собирается отложить беллетристику, даже „временно“, ради сенсационного, но нехудожественного произведения, произвело на него самое неприятное впечатление.

Человек, который проживает то, что пишет, и пишет то, что проживает.

Милостивый боже, как же он *ненавидел* это клише, описывающее его и его ремесло.

Его третья жена, Дафф, когда-то давно сказала:

— Знаешь, Гек, в один прекрасный день тебе придется выбирать, по какую ты сторону в этом уравнении. На самом ли деле твоя жизнь снабжает твое творчество, или все происходит наоборот?

Тогда он просто улыбнулся и небрежно отмахнулся. Такова уж была эта милая Дафф, постоянно задавала ему подобные загадки. Принцесса головоломки и дилемм.

Но, сидя в ресторане с Ханной, Гектор уговаривал себя, что воспринимает искусство серьезнее, чем свою жизнь. Он негодовал теперь, что искусство руководило его жизнью, и так было всегда.

А раз уж так, то он вскоре проклял бы все, если бы взял на себя ответственность за красивую, молодую уроженку Шотландии, даже если бы его страсть оказалась очень сильной. Ему не нужен роман с Ханной, по крайней мере до тех пор, пока какая-то часть его флиртовала с идеей написать книгу об их взаимоотношениях.

Итак, он сидел в холле гостиницы „Сан-Вэлли-Лодж“, все еще раздумывал о необходимости расстаться с Ханной, даже дулся слегка, и тут возникла Патриция.

Тиш, как он теперь ее называл, была все еще одета так же, как когда она слушала его выступление. И он мог точно сказать, что одевалась она для него. Тиш оказалась очень мила и очень кстати.

Гектора даже не раздражало, что она говорила с ним в манере героинь его романов, строила из себя созданную Гектором Ласситером женщину-вамп.

Черт, с этой все будет проще. Сексуальные заигрывания Патриции позволяли Гектору относиться к ней как к одноразовому приключению, причем он чувствовал: и она понимает, что этим их отношения ограничатся.

Легкий флирт, ничего больше.

И откровенно говоря, Патриция была в не меньшем восторге от возможности залезть голой в эту знаменитую постель, чем от перспективы переспать с Гектором. Еще она сознавала, что его это не слишком задевает. Они использовали друг друга и получили от этого удовольствие. Так что же тут плохого?

Но, занимаясь любовью с Тиш, Гектор заметил, что представляет себе, что с ним рядом не она, а Ханна. Он едва не произнес имя Ханны вслух, когда кончил.

Это все ему испортило во многих смыслах.

К тому же он испытывал вину, что барахтается в постели с этой похотливой книжной красоткой, когда должен был бы разрабатывать планы против Донована Криди. Криди, который наверняка сейчас кипит от ненависти и жажды мести.

Гектору нужно было шевелиться. И побыстрее.

Гектор загасил сигарету и выскользнул из-под длинного обнаженного тела Патриции. Она даже не пошевелилась, когда он слез с постели. Он прикрыл ее одеялом, оделся и вышел максимально тихо. Оставил записку: „Вернусь к ужину“.

Ричард снова вернулся от Мэри пьяным. Старая сука его уволила, забрала у него книгу, хотя у него было против нее такое оружие, как ее признание в убийстве Хема. Когда он об этом сказал, Мэри фыркнула и заявила:

— Какого хера ты несешь? Как раз подобный бред и привел нас к такой ситуации, Дикки. Вот почему книгу будет писать Ханна. Она час назад в гостинице подписала контракт.

Это привело его в бешенство, он до сих пор не мог поверить. Неужели Ханна в самом деле могла украсть у него его книгу? Черт, надо ее немедленно посадить вновь на лекарства.

Он вырвался из дома Мэри и кинулся в гостиницу искать Ханну.

Они начали ругаться в номере, поливая друг друга горькими обвинениями.

Ханна понимала, что спорить с Ричардом в его теперешнем состоянии по меньшей мере глупо. К собственному удивлению, она не могла остановиться... ее подстегивал приятный баритон с техасским акцентом, звучащий в ее голове: *Но ты замужем...*

Будь он проклят, этот Гектор Ласситер! Все еще злясь на Гектора, Ханна направила свою ярость на Ричарда. Но затем, снова подумав о Гекторе, она сказала:

— Почему бы нам не обсудить это в баре, Ричард?

Для того, что она собиралась сделать, ей нужны были свидетели. Пусть Ричард видит теперь, когда это имеет значение, что она способна играть с ним так же, как он играл с ней сначала, соблазняя ее, подсаживая на лекарства... пытаясь превратить ее всего лишь в свой придаток.

Разумеется, против похода в бар Ричард возражать не стал. Он подмигнул и схватил пальто: — Тогда пошли.

Он выпьет немного, укрепит себя и покончит с этой ерундой на счет книги.

Теперь они сидели за столиком друг напротив друга и ругались шепотом. Кругом ужинали ученые и туристы.

Ханна подтвердила, что да, это она будет писать биографию Мэри Хемингуэй. Ричард презрительно усмехнулся:

— Перышко тебе в зад и попутного ветра, Ханна. — Она догадалась, что он ей не поверил. Он как-то странно посмотрел на нее, затем добавил: — У тебя паучья голова... и глаза паучьи.

Такой он ее сейчас видел: волосатая коричневая голова, покрытая блестящими черными глазами. Стены бара вращались, и он слышал

собачий лай, доносившийся из вестибюля. Господи, пожалуй, так основательно он не напивался еще никогда в жизни.

Ханна нахмурилась — уж больно странно он на нее смотрел. Но все же выложила свою козырную карту.

— А кто такой для тебя Криди, Ричард? — спросила она. — Гектор сказал, что он из ФБР и мошенник...

Ричард замахнулся, прежде чем успел сообразить.

Да, *вот* что нужно: разбить морду этого чудовищного паука, чтобы вмятина осталась!

Послышался звук звонкого удара, и Ханна отлетела назад, упав со стула на пол и почувствовав вкус крови во рту. Все ужинавшие ахнули. Несколько человек — туристы, не ученые — схватили Ричарда за руки. Пожилой мужчина помог Ханне подняться с пола.

Ханна снова села на стул. Губы горели и казались влажными. Она поднесла к ним руку и увидела на пальцах кровь. Она невольно вспомнила Гектора, который смотрел на свою окровавленную руку, после того как она разбила губу пожилому писателю.

— *Убирайся отсюда*, — прорычала она. — Убирайся, чтоб я тебя больше не видела, иначе я подам на тебя в суд.

Подбородок у Ричарда дрожал, глаза расширились.

— Дорогая, прости меня, — сказал он умоляюще.

У существа за столом напротив него снова было лицо Ханны. Его бедной, прелестной Ханны. На лице кровь. Губа распухла. Она плакала. Он хотел встать, чтобы прижать ее к себе. Но мужчины все еще держали его за руки. Один из них сказал:

— Я бы с удовольствием вывел тебя отсюда и как следует измордовал, сукин ты сын.

— Убирайся немедленно, Ричард, — сказала Ханна. — Между нами все кончено.

Ричард поколебался, потом сказал:

— Я уйду и поищу лед, чтобы ты могла приложить к губе. Прости меня, Ханна. Я не хотел. Позволь мне тебе помочь.

Она промолвила сквозь сжатые окровавленные зубы:

— *Ричард... убирайся... немедленно.*

Ричард неуверенно вырвался из рук державших его мужчин и вышел из зала. Костяшки его пальцев горели от удара. Он боялся, что сломал ей челюсть. Черт, он вполне мог сломать себе руку.

Он видел, что вокруг Ханны суетились люди, кто-то приложил к ее лицу завернутый в салфетку лед. Ричард, шатаясь, пошел к выходу, слыша за спиной рыдания Ханны.

Ханна прижала ко рту мокрое полотенце и рассматривала свое изуродованное лицо в зеркало в ванной комнате их гостиничного номера. На челюсти уже начал образовываться синяк. Зубы были целы, но челюсть болела.

Она попыталась позвонить Гектору, но он не ответил. Затем она позвонила Мэри — еще одному знакомому человеку в Кетчуме, к которому она могла обратиться, — и рассказала ей все.

— Приезжай сюда, немедленно, — распорядилась Мэри. — Я велю приготовить для тебя комнату. Если у этого стервеца хватит извилин, чтобы сообразить, куда ты могла подеваться, и он решит здесь появиться, мы познакомим его с „Гиббсом“. Этот кого хочешь остановит. Да... а может, этот приятель Гектора, который устроился там, на задах, о нем позаботится?

Мэри и ее горничная встретили Ханну у дверей. Таксист внес чемоданы Ханны, и Мэри дала ему щедрые чаевые. Мэри уже отправила Джимми на гостевую территорию, чтобы они с Ханной могли посочувствовать друг другу и поговорить „о своем, о девичьем“, то бишь, побаловаться шоколадом и поплакать.

Джимми, который был счастлив, что его от всего этого избавили, с удовольствием отправился в ссылку.

Но теперь разговор принял другой оборот. Мэри заметила, что на Ханне нет ее колец. Ханна призналась, что решила развестись с Ричардом. Мэри интуитивно почувствовала: перспектива, возможно,

ожидающего поблизости Гектора могла побудить Ханну поскорее избавиться от Ричарда.

Мэри протянула Ханне кофе с теплым молоком.

— Все в порядке, — предупредила Мэри, — кофе без кофеина.

— Так мило, что вы меня приняли. Не знаю, как вас и благодарить.

Мэри улыбнулась:

— Ерунда. Мне тоже через подобное пришлось пройти, только давно. Сначала Ноель, потом Эрнест, когда ему уже стало совсем плохо. Я прошла через все раунды, прежде чем услышала гонг. Когда-нибудь ты сделаешь то же самое для другой женщины. Вообще это обязанность одной женщины перед другой. Марлин уговорила меня снова броситься в объятия Папы еще до того, как мы поженились, и, возможно, это не стоит считать одолжением. Поверь мне, я постараюсь помочь тебе не возвращаться в постель Ричарда.

— Вы вовсе не обязаны мне помогать. — Ханна поколебалась, потом сказала: — До всех этих событий Гектор предложил отвезти меня Анн-Арбор. Гектор знал, что такое может произойти.

Вдова фыркнула:

— Уж точно предложил, можно не сомневаться. — Мэри подмигнула. — Ты мне нравишься, Ханна. И я вполне серьезно говорила о помощи тебе в твоём творчестве. И в опубликовании работ. Я также вполне серьезно хочу, чтобы ты написала мою биографию. Если есть нужда в книге обо мне, кроме написанной мною, пусть это будет твоя книга. Мы с тобой прошли один и тот же тернистый путь. Мы выжили в общении с мужчинами, которых терзали одни и те же демоны..

Мэри помолчала.

— Сначала Ричард, теперь Гектор. Я хочу сказать, у вас с Гектором уже намечается роман, верно? Но этот старый автор детективов любит лапать сладеньких молодых девушек вроде тебя. — Мэри покачала головой. — Я ведь такое не раз видела, ясно? В смысле, ис-

писавшегося автора и его музу со свежим личиком. Милостивый боже...

Ханна похолодела. Какого черта? И откуда Мэри знает про нее и Гектора?

— Если сестра согласится прислать мне деньги на автобусный билет, — сказала Ханна, — то, возможно, я вернусь домой в Анн-Харбор и там подам на развод. Разумеется, будут сложности, связанные с ребенком. — Ханна слегка улыбнулась и подняла руку, останавливая Мэри, которая собралась заговорить. — Я знаю, что вы собираетесь сказать. Что, скорее всего, никаких сложностей по вопросам опеки не будет. Разве что насчет алиментов с Ричарда.

— Я бы выразила то же самое короче, — сказала Мэри, — но да, именно об этом я и хотела сказать. С опекой проблем не будет: этому уроду ребенок не нужен. И Дикки придется платить. Я имею в виду не только алименты на тебя и ребенка. Если ты бросишь Ричарда одного, для него наступит настоящий ад. Это все равно что убить его. Мужчины вроде него — и моего мужа — не могут оставаться одни, даже на минуту. Они не в состоянии удерживать равновесие. Им это не по силам. Одиночество съедает их живьем. В пятьдесят девятом, после неприятностей в Испании, я попыталась немного отдалиться от Папы, чтобы спасти себя. Папа заявил, что я это делала, чтобы довести его до самоубийства. Он не выносил жизнь без женщины. Подозреваю, Дикки такой же. — Мэри фыркнула и подняла свой стакан. — А Гектор? Вот он *по-настоящему* опасен. — Мэри улыбнулась, как будто эта мысль только что пришла ей в голову. — Я сама куплю тебе этот билет в Мичиган, лапочка, только чтобы убрать тебя подальше от них обоих. Сегодня же. Сейчас же.

Ханна отпила глоток кофе.

— Гектор не опасен. — Она взглянула на свою покалеченную руку и представила себе, как выглядит сейчас губа Гектора.

Мэри мрачно на нее взглянула:

— Разве ты не слышала эти слухи про Гектора и смерть его последней жены?

Мэри изучала лицо Ханны поверх своего стакана.

— Иногда я забываю, что ты еще так молода. Ты ведь в людях совсем не разбираешься. Не знаешь, как все в этом мире происходит, Ханна. Гектора многие до сих пор подозревают в том, что он отравил свою жену: дал ей слишком большую дозу лекарства. То есть убил свою жену.

У Ханны голова пошла кругом. Под ней разверзлась бездна — она слышала, как бьется ее сердце.

Мэри закусил губу и почти посочувствовала Ханне; пожалела, что стала виной того ужасного выражения, которое возникло на лице Ханны после этого откровения. Что же, по крайней мере, дело сделано. Благодаря ей этот роман закончился, не начавшись. И это хорошо.

Вдова подвинулась к молодой женщине, чтобы ее утешить, потому что подбородок у Ханны начал дрожать, а плечи опустились. Уткнувшись Мэри в плечо, она зарыдала.

Мэри гладила спину Ханны и приговаривала:

— Мы посадим тебя на этот автобус, ты поедешь домой к своей семье сегодня же, лапочка. Обещаю это тебе, дочка. Затем, когда через несколько недель все утихнет, когда Гектор и Ричард останутся в прошлом, мы с тобой сможем приступить к написанию моей биографии. Пошел он, этот Ричард Полсон. И Гектор Ласситер тоже, разве я не права, дочка?

Ханна все еще раздумывала, стоит ли ей удирать из Айдахо на автобусе „Грейхаунд“. То, что Мэри рассказала о Гекторе, никак *не может* быть правдой. Ханна подумала об этом, затем позвонила Гарри Джордану, своему частному детективу. Он снял трубку после третьего звонка. Заявил, что пока не узнал ничего интересного о Ричарде, но у него есть весьма пикантные сведения о Гекторе Ласситере.

Пока он посвящал ее в свои находки, у Ханны возникло ощущение, что он раздобыл эти сведения в местной библиотеке в тех же журналах, которые и она читала. Она почувствовала, что ее обманывают.

И ни слова о подозрении, что Гектор убил свою четвертую жену.

Но тут частный детектив сообщил ей не менее неприятные новости:

— В данный момент этот Ласситер укрылся в своем номере с женщиной, которую зовут Патриция Стиллборн. Брюнетка... симпатичная. Вроде из ученых. По пути в его комнату она висла на нем. Тут все ясно. Вообще, говорят, что Ласситер известный бабник...

Расстроенная Ханна повесила трубку. Как в тумане прошла в гостиную. Мэри сидела там в кресле и листала „Париж Ревю“. Ханна сказала:

— Я была бы очень признательна за билет домой, Мэри.

Даже сомнительные обвинения оставляют след.

— Томас Фуллер¹

35. Подстава

Гектор открыл ключом дверь в свой номер. Там было темно, жалюзи все еще опущены. Простыни на постели смяты, но никого не видно.

Он нахмурился, включил свет и поднял жалюзи, прищурившись от яркого света. Странная одежда Патриции — платье и сексуальное белье — все еще висела на спинке стула.

Дверь в ванную комнату закрыта, но душ не работает. Гектор легонько постучал в дверь и спросил:

— Тиш, милочка? Ты в порядке?

Усмехнувшись, он потрогал ручку. Она повернулась. В ванной было темно. Он открыл дверь пошире и зажег верхний свет.

Патриция голая лежала в ванне, глаза пустые, широко открыты. Одна рука свесилась. На ней следы от укусов. Шприц и склянка лежали рядом на крышке унитаза. Ванна была заполнена водой. В ней плавали почти растаявшие кубики льда.

Гектор отпрянул, в глазах зарябило.

Затем этот рык за его спиной:

— Руки вверх, поворачивайся медленно, Ласситер.

Несколько полицейских Кетчума втиснулись в ванную комнату. Все они держали пистолеты, направленные на Гектора.

¹ Томас Фуллер (1608–1661) — английский богослов, историк и биограф.

Тот, который постарше и потолще, сказал:

— Мы тебя арестовываем.

Гектор уже все понял, но все равно спросил:

— В чем вы меня обвиняете, вашу мать?

Главный коп ответил:

— В убийстве этой несчастной суки. В чем же еще?

КНИГА ПЯТАЯ
По ком звонит колокол

Забудь свою личную трагедию. Нам всем
изначально вмазали.

— Эрнест Хемингуэй

36. Пока смерть...

Ричард стоял на берегу реки у мемориала Хемингуэя и смотрел на бюст Хема, чтобы не встречаться со злобным взглядом Криди.

Когда Ричард добрался до своей комнаты в гостинице, его телефон разрывался. Это звонил Криди, призывая его на свидание. Чтобы потянуть время, Ричард соврал, что у машины, которую он взял напрокат, проблемы с двигателем.

— Тогда иди пешком, Ричард, — рявкнул Криди. — Но чтобы твоя задница оказалась здесь немедленно.

Ричард действительно пошел к мемориалу пешком... Он шел по обочине, опустив голову и сунув руки в карманы, размышляя о жалкой развалине, в которую превратила его жизнь за последние несколько дней.

Ричард вздохнул и положил руку на бронзовую голову Хемингуэя. Криди потряс головой:

— Настоящая трагедия, что так все повернулось, Ричард. Но ты меня подвел, и, что еще хуже, ты рассказал обо мне очень опасному человеку. Скомкал все мои планы. Так что теперь мне от тебя абсолютно никакой пользы.

Ричард глубоко вздохнул и облизал губы. Он не понял, что на самом деле имел в виду Криди. Улыбнулся и спросил:

— Тогда я могу уйти? — Господи, неужели этот пьяный гул в голове никогда не стихнет? Теперь у Криди была голова волка. Может быть, Ханна была права, надо полечиться...

— Тебе придется уйти, — сказал Криди. — Уйти в такое место, откуда нет возврата. — Криди хлопнул в ладоши: — Парни!

Из-за деревьев показались трое одетых в черное мужчин, кажущихся в поздних сумерках живыми тенями. Ричард, выпучив глаза, начал пятиться к ручью (больше ему отступать было некуда), пока не уперся спиной в памятник Хемингуэю.

— Это уже не смешно, Донован, — сказал Ричард.

— Да уж, смешного тут маловато, — согласился Криди. — Ты трепло и безнадежная пьянь, Ричард. Поэтому для тебя конец может быть только один. Не сопротивляйся, и все будет легко и быстро. — Криди гадко улыбнулся. — Просто закрой глазки, Ричард, и думай о Папе.

— Ты не можешь так поступить, — сказал Ричард. Подбородок у него дрожал. Он почувствовал, как по ноге что-то течет, и сообразил, что на этот раз он действительно обмочился. *Господи*. — Тебя поймают, Криди. Пожалуйста, выслушай меня. *Пожалуйста!* — Тут Ричард, вспомнив кое-что, решил, что у него есть небольшой шанс. — Моя жена знает про вас, Криди! Она знает, потому что автор детективов, за которым она бежит, этот Ласситер, тоже знает! Если знают *они*, знают и другие. Убив меня, вы ничего не добьетесь.

Криди качнул головой, скорчил гримасу:

— Ну ты и дерьмо, профессор! Теперь мне придется убить твою жену и ребенка. Какая же ты дрянь, Ричард. Будь ты проклят за то, что вынуждаешь меня так поступить с ними. — Он махнул одному из мужчин: — Давай, Майк. Только теперь пусть ему будет *больно*.

Ричард закричал и рванулся бежать через ручей, но тут же получил удар ногой в лицо. Четвертый человек в черном оказался у него за спиной. Он схватил Ричарда за шею и ударил по ногам, под коленями, свалив на землю. Затем ударил его лицом о скользкий камень.

Хрустнула кость, Ричард завизжал, закрыв руками окровавленное лицо. Он почувствовал странную, неестественную вмятину во лбу над правым глазом и начал скулить. Затем его вырвало.

Человек в черном сунул его голову в быстрый ручей и держал ее под водой, поставив ногу на шею ученому, пока его ноги не перестали дергаться.

Криди кинул наполовину пустую флягу с дешевым вином человеку, который удерживал Ричарда под водой, и сказал:

— Надень ему на плечо. Сценарий: он был пьян. Упал. Утонул. Конец.

Не дожидаясь ответа, Криди пошел по тропинке к машине, спрятанной в кустах на противоположной стороне дороги.

Черт, теперь придется убивать беременную женщину.

Пожалуй, это самое худшее, что жизнь подбрасывает ему в этом грязном деле. Что еще от нее ждать, от жизни?

Но... На все это можно посмотреть с другой стороны. Гектор Ласситер и Ханна были любовниками или на подступах к тому, чтобы ими стать.

Криди улыбнулся и подумал: переверни все с ног на голову — как говорится, измени ракурс. Эта необходимость убить Ханну Полсон и ее ребенка — не самое худшее, это симметрия. Правда, ужасная. Гектор Ласситер украл у тебя Викторрию и ее ребенка. Теперь ты отнимешь у Гектора Ханну Полсон и ее ребенка. Мсть. Да, именно так и следует на все это смотреть. Потому что так оно и есть.

Теперь Криди, возможно, даже получит удовольствие от убийства Ханны и ее ребенка.

Это даже поможет стереть другие воспоминания, которые омрачали его настроение, — убийство Патриции Стиллборн, например.

Патриция с ее точеными чертами и волосами цвета вороньего крыла сильно напомнила Криди его возлюбленную Викторрию.

Когда его человек держал Патрицию в ванной комнате номера Хемингуэя и зажимал ей рот, пока Криди делал ей смертельный укол героина, умоляющие глаза девушки слишком живо напомнили Криди о Викторрии и ужасе на ее лице столько лет назад...

Патологоанатом найдет чернила в моих
венах и кровь на клавишах моей машинки.

— С. Астрид Вебер

37. Дыры в сценарии

Гектор взглянул на Джимми. Отставной ирландский полицейский слушал его как профессиональный коп. Ему разрешили сделать один звонок. Вместо того чтобы играть в рулетку, разыскивая какого-нибудь местного адвоката, Гектор позвонил Хэнрахану.

Кетчумский полицейский — лет пятьдесят, короткая стрижка и большое пузо — сказал:

— Вас видели в баре гостиницы, где вы пили с этой женщиной, причем дважды. Теперь она лежит мертвая в вашей ванне. Похоже, есть следы борьбы. Кто-то с ней покончил. Вколол ей огромную дозу. АСД, может быть, героин. А может, и то и другое.

Гектор кипел от злости: позволить Криди так его подставить. Это в его стиле — сочинить убийство именно такого рода. *Господи!*

Несколько лет назад четвертая жена Гектора погибла от передозировки через несколько дней после того, как Долорес, их маленькая дочка, умерла от врожденных дефектов, вызванных пагубным пристрастием ее матери. Которое она тщательно скрывала.

Долгие годы конспираторы всех мастей распускали сплетни о Гекторе, обвиняя его в том, что он сам вколол жене смертельный укол и положил ее в ванну со льдом, чтобы спутать время смерти и обеспечить себе алиби.

Очевидно, Криди или скорее его подельники верили этим слухам и решили на них сыграть.

Полицейский подтвердил подозрения Гектора:

— Похоже, ваша последняя жена...

— Вот тут остановитесь... — Джимми погрозил толстым пальцем копу из Айдахо. — Моему другу никогда даже не предъявляли обвинений по этому поводу, не говоря уж об аресте. Теперь, как мы уже говорили, мы некоторое время находились в доме Хемингуэя. Там была еще молоденькая девушка, на сносях, чей муж, ученый и литератор, к тому же алкоголик. Он пропал где-то в Бойсе. Гек ездил туда вчера днем, чтобы его найти и привез его, этого Ричарда Полсона, назад. Он оставил его сегодня утром в гостинице, чтобы он протрезвел. Полагаю, вы легко найдете свидетелей, которые видели, как мой друг тащил этого забуддыгу в гостиницу. Изображал из себя доброго самаритянина. Гек не убийца.

— А вы кто такой, черт возьми?

— Детектив в отставке, Джеймс Батлер Хэнрахан. Вы можете получить все сведения обо мне в полицейском управлении Кливленда...

Полицейский из Кетчума выпятил подбородок:

— Ну, у нас тут мертвая женщина на руках. В нашей местности явных убийств бывает немного.

По крайней мере, после июля 1961 года, подумал Гектор.

Джимми наклонился ближе к уху Гектора и прошептал:

— Ты эту мертвую женщину знаешь, Гек? Я имею в виду, знаешь ее в библейском смысле?

Гектор многозначительно взглянул на Джимми, который сказал:

— Это же я, Гектор. Я тебя знаю. Ты и юбки...

— Она была жива, когда я оставил ее в постели, — прошептал Гектор. — И Патриция не была наркоманкой.

— Боже мой, — тихо пробормотал Джимми. — Если бы ты хоть раз попрिдержал петушка в штанах... Ну, я постараюсь сделать все, что смогу, с этими мальчиками. Попробую их направить и не спутать все улики, сколько бы их ни было. — Джимми хлопнул старшего

полицейского по плечу и предложил: — Давайте поедем и взглянем еще раз на ту бедную девушку. Посмотрим, не упустили ли вы чего.

Оставшись один, Гектор не мог найти себе места от беспокойства. Ему доводилось бороться с подстроенными обвинениями в убийстве в прошлом. Обычно он просто оказывался не в том месте не в то время, и его арестовывали. Иногда он оказывался рядом с чем-то гадким, и таким образом на короткое время попадал под подозрение.

В прошлом всегда находилась какая-нибудь хорошенькая и молоденькая кошечка, которая лгала ради него — заявляла, что в определенное время Гектор был с ней в постели. И Гектор поклялся себе, что он скорее сядет в тюрьму, чем соврет и заявит, что он спал с Мэри Хемингуэй.

Он сжал зубы. На этот раз он здорово вяпался.

А невезучая Патриция? Она теперь будет еще одной *из тех*, из-за кого Гектор будет мучиться все оставшиеся ему годы.

Прошло два часа. Затем старший коп распахнул дверь камеры:

— Вас скоро освободят, Ласситер.

Гектор кивнул:

— Глупо было бы возражать, но что изменилось?

— Похоже, погибшая женщина сделала заказ на обслуживание в номере значительно позже того, как вы ушли, — сказал коп. — Она заказала абрикосовую шипучку, что бы это ни означало. Коридорный запомнил ее, потому что она открыла дверь, завернувшись в простыню. Бармен в „Покателло“ тоже хорошо вас запомнил, так как вы орала на него за то, что он не долил вам виски. Мы сравнили это время с тем, когда, по словам доктора, умерла эта женщина, и — даже со всем этим льдом — вы никак не могли ее убить, если, конечно, у вас нет близнеца. Извините, что доставили вам столько неудобств.

Гектор еще раз напоследок оглядел маленькую камеру. Напротив в камерах два пьяных мужика громко храпели и ругались во сне. *Господи, ну и яма...*

Он встал и потер шею. Спасибо Господу, что Патриция оказалась пьянчужкой. И спасибо его собственной вспыльчивости, благодаря которой он почти устроил скандал в том занюханном баре. Ведь Гектор просто ехал в своей „белэр“ и заметил этот „покателло“...

Это были повороты, которых Криди *не мог* предусмотреть, когда поспешно придумывал свой дерьмовый сценарий. Прокальвиваешься всегда на маленьких деталях.

В дверях снова появился полицейский:

— Ваш ирландский приятель ждет вас, Ласситер. Кстати, тут вами некоторые агенты ФБР интересовались.

Гектор задержался в дверях:

— Агенты ФБР? Не этот сукин сын по имени Криди?

— Не-а... Эндрю Лэнгли.

Ну что же. Это было неизбежно после событий в Рэме. Гектор только надеялся, что его не переведут из камеры в полицейском участке Айдахо в федеральную тюрьму за нападение на агента ФБР.

Гектор вышел в сумерки, стрекотали цикады, Джимми стоял, разместив свой широкий зад на капоте машины Ласситера. За „белэр“ был припаркован черный седан. К нему прислонился Энди Лэнгли со скрещенными на груди руками. Фингал у него был просто великолепный. Гектор кивнул Джимми, показал ему указательный палец и подошел к Лэнгли.

— Малыш, — сказал он, — ты уж меня прости. Но один из твоих соратников пристроил у дверей парочку убийц, которые должны были прикончить меня и ту молодую женщину. А у меня даже пистолета с собой не было...

— Вы могли бы что-то сказать, — заметил Лэнгли. — Я бы...

— Насколько мне известно, ты заодно с этим сукиным сыном, вашим агентом, — возразил Гектор. — Положение было сложное. Я действовал по наитию. — Он поколебался, затем спросил: — Ты обо мне доложил наверх?

Лэнгли возмущенно закатил глаза:

— Что, доложить об этом и о том, что прошляпил свое служебное оружие? Вы что, рехнулись? Верните мне пистолет, Ласситер.

— Конечно, Энди, — сказал Гектор.

Он прошел к своему „шевроле“, открыл боковую дверцу. Вынул платок, который для парада носил в нагрудном кармане куртки, и сунул руку под сиденье.

— Вот он, в целости и сохранности, сынок. Еще раз не обижайся. — Повернувшись спиной к Гектору и Джимми, Лэнгли сунул пистолет в кобуру.

Гектор сказал:

— Ты даже не поинтересовался, кто был тот агент, который хотел меня убить.

Лэнгли наполовину обернулся:

— Я решил, что это был Донован Криди. Я докладывал ему о ваших передвижениях еще два дня назад. Затем увидел его в гостинице и понял, почему мне велели перестать докладывать.

Джимми сказал:

— Ты это так сказал, что можно было подумать, будто вы с Криди не самые близкие друзья.

— Он мне не друг; подозреваю, что у него вообще друзей нет, — сказал Лэнгли. И, глядя Гектору в глаза, добавил: — Кое-кто в Бюро считает, что он оборзел. Возможно, ловит рыбку в двух прудах сразу.

Голубые глаза Гектора сузились.

— И Гувер это терпит?

Агент ФБР пожал плечами:

— Директор ни у кого совета не спрашивает. И, как я думаю, у него есть связи, против которых даже мистер Гувер пасует. — И Энди снова повернулся к ним спиной.

Джимми передал Гектору ключи от „белэр“:

— Что дальше, Гектор?

— Ну... — Он нахмурился. Увидел телефонную будку рядом с полицейским участком.

Платный телефон внутри будки трезвонил. Гектор и Джимми обменялись заинтересованными взглядами. У Гектора появилось неприятное ощущение. Он вздохнул и вошел в будку. Закрыл за собой дверцу. Снял трубку и сказал:

— Алло!

Звонил Криди, что совсем не удивило Гектора. Но голос его был неожиданно маниакальным.

— Я убью ее, Ласситер, — сказал Донован Криди. — Убью твою дорогую Ханну, и ты не сможешь мне помешать. Ну как это тебе? — прорычал Криди. Он бросил трубку, не дождавшись ответа Гектора.

Гектор повесил трубку и побежал к машине. Крикнул Джимми:

— Где *сейчас* Ханна, Джим? Это сверхсрочно.

Джимми сказал:

— Девица, Гектор, отбыла в неизвестном направлении. Казалась расстроенной, так Мэри сказала. Что-то насчет того, что ты сказал... и того, что этот козел, ее муж, сказал ей. Да, и этот мудака профессор ее ударил, — с возмущением прибавил он. — Я собираюсь показать этому типу, где раки зимуют, в следующий раз, как его увижу.

— Куда, черт побери, могла Ханна уехать?

Джимми мрачно пожал плечами:

— Я пытался узнать, Гектор, но Мэри не сказала.

У любви взгляд острый, у ненависти острее, но самый острый взгляд у ревности, потому что ревность — это любовь и ненависть одновременно.

— *Арабская пословица*

38. Прощака вдовы

Гектор отказался от рюмочки на сон грядущий точно так же, как он только что отказался сесть.

— Куда, черт возьми, она подевалась?

Мэри Хемингуэй пила свой коктейль и ухмылялась. Поплотнее закуталась в плед: по открытой веранде гулял резкий ветер.

— Ты ведь пришел не по поручению Дикки, верно, Лассо?

— Этого козла? Нет, меньше всего по поручению этого мудака. Я здесь потому, что кто-то начал следить за Ханной. И за мной. Я узнал кое-что обо всем этом, Мэри. Но ты ведь не хочешь, чтобы я на эту тему распространялся, верно? Только скажу, что один тип угрожает убить Ханну. Где она, черт побери?

Глядя на него, Мэри возмутилась:

— Почему я должна знать?

— Потому что этот чертов Кетчум не так уж богат таксистами, — пояснил Гектор. — Гамильтон помог мне узнать, что такси увезло Ханну от твоих дверей примерно через сорок пять минут после того, как она покинула гостиницу. Для этого больших детективных усилий не понадобилось.

Мэри сунула в рот сигарету и стала ждать, когда Гектор даст ей прикурить.

— Гамильтон? Какого хера ты бормочешь, Лассо? — Она наклонилась к огоньку его старой зажигалки „Зиппо“.

Зажигалка с щелчком закрылась.

— Гамильтон — это десятидолларовая купюра. Теперь говори, где Ханна? Она отправилась домой в Анн-Харбор, Мэри?

— Какая тебе разница? Если за ней следят здесь... И я должна заметить, Гектор, только не обижайся, ты мне немного напоминаешь Папу в его последние дни. В смысле, как будто у тебя паранойя. Так вот, на данный момент Ханны здесь нет. Значит, проблема решена, так?

— Нет. На кону больше, чем *ты* затеяла, Мэри.

— О чем ты говоришь, мать твою? — оскалилась Мэри.

— Я говорю об этом занюханном частном детективе, которого ты наняла, чтобы он следил за мной и Полсонами. Мне сразу показалось, что этот тип, который таскался за Ричардом, частный детектив. У него и вид соответствующий. Я поработал пальцами: все обзвонил. В этом забытом Богом городке всего один частный сыщик. Я проезжал мимо его офиса сегодня утром... видел, как он уезжает. Гарри Джордан — тень Ричарда Полсона. Без сомнений. Ты наняла Джордана, потому что хотела убедиться, что все являются теми, за кого себя выдают. Ты велела своему наемнику искать скрытые мотивы. Именно этот план я имел в виду, когда говорил о том, что ты затеяла. Этот лысый таскался за мной и Ханной. Это у тебя голову снесло, Мэри. Ведешь себя как параноик, прямо по учебнику.

Вдова отвела руку, приготовившись закатить ему пощечину. Гектор поднял палец:

— Не вздумай, лапочка. Ты не сумеешь ударить так, чтобы было больно, но это закроет дверь между нами. Я тебя поймал. Смирись. Начнем отсюда.

Подбородок Мэри задрожал. Она глубоко вздохнула:

— Ты только взгляни на себя, Лассо. Зачем тебе эта девочка? К тому же замужем, ребенок вот-вот родится. Папа всегда говорил, что ты вел себя по-дурацки с молодыми девушками, и я теперь вижу, что он был прав. Разумеется, когда он мне сказал об этом в первый

раз, ты был на двадцать лет моложе. Теперь девушки становятся все моложе и моложе. И мертвее. Как та девица в гостинице.

Гектор поморщился.

— Хем был прав насчет меня и правильных женщин, — сказал он. — И под правильными я имею в виду тех, к кому меня тянет.

— Девушек, ты хочешь сказать, — ехидно поправила Мэри. — Всегда очень молодые женщины. Такое впечатление, что тебе кажется, будто ты можешь у них чем-то поживиться или что-то у них украсть.

Гектор покачал головой:

— Ханна в реальной опасности. Я могу сейчас поехать а Анн-Арбор и не найти ее там, Мэри. И я чувствую, вне зависимости от моих предполагаемых страстей, что ты в самом деле симпатизируешь Ханне. Поэтому я говорю тебе ясно и прямо: Ханна в *страшной* опасности. За Полсонами таскался не только твой частный детектив. Те же люди угрожают тебе и мне. Это мне подсказывает инстинкт, а с ним спорить не стоит. Поэтому, пожалуйста, не заставляй меня зря тратить время и скажи, где Ханна.

— Дома, — сказала Мэри. — Она отправилась домой, в свой сраный Мичиган, как ты и предполагал. Но ведь мы с тобой договорились, Лассо? Насчет рукописей. И у нас предельный срок.

— У меня нет предельного срока, — сказал Гектор. — И подумай получше. Речь ведь идет о посмертных изданиях Хема. Пока Хем мертв, у нас есть сколько угодно времени.

— Но этот агент ФБР...

Гектор покачал головой:

— Этот гамбит с Полсоном сильно навредил Криди.

— Но он же из ФБР, — возразила Мэри. — Они могут сделать все, что захотят.

— Есть предел даже власти Гувера, — сказал Гектор. — И я намереваюсь обозначить этот предел. Когда я уеду, тебе надо начать с того, чтобы заставить Джимми сменить все замки на комнате с до-

кументами. И спрячь новые ключи понадежнее. И, Мэри, отныне сама смешивай свои напитки — на тот случай, если они доберутся и до твоей горничной. — Он немного помолчал, потом продолжил: — Чего нам действительно не хватает, так это какого-нибудь джокера. Чего-то такого, что освободило бы нас от них *навсегда*. Ясно, что они до сих пор видят в Хеме угрозу. Если бы мы только знали почему. Что бы это ни было, это может помочь нам загнать их в тупик.

— Эрнест постоянно распускал язык, — тихо сказала Мэри, — писал разные сенсационные вещи в письмах. Думаю, возможно, Гувер слышал о проекте, которым Папа давно грозил...

Гектор резко поднял голову:

— Ты это о чем? *Каком* проекте?

— Хем говорил об этом несколько раз, начиная с сороковых годов. Что-то вроде той книги о тебе, о которой он постоянно говорил, но которую так и не написал. У него была задумка насчет романа про Гувера.

— Ты это серьезно?

— Папа болтал об этом на протяжении нескольких лет. Утверждал, что якобы проводил всякие расследования и те данные, что он собрал, сделают эту книгу блокбастером. Конечно, если кто-нибудь рискнет ее напечатать. Напечатать? Черт, не мешало бы ее сначала написать.

Гектор облизал губы:

— Одной только *идеи* Хема написать книгу о Гувере более чем достаточно, чтобы напугать Джона Эдгара до усрачки, узнай он об этом...

Мэри кивнула:

— Особенно, если учесть ее основной тезис о том, что в Джоне Гувере есть негритянская кровь.

Милостивый боже. Нет ничего удивительного, что Гувер пошел вразнос.

— Ты уверена, что Хем так и не начал писать эту книгу?

— Одна болтовня, — сказала Мэри. — Он дошел уже до такого состояния, когда вся его работа заключалась в трепе.

Гектор сделал вид, что пропустил это замечание мимо ушей. Улыбнулся, достал блокнот и ручку и начал что-то быстро писать.

Лучше не придумай: благодаря своей болтливости Хем обеспечил себе пожизненное преследование ФБР. Теперь, годы спустя после его смерти, от той же самой мифической книги можно получить дивиденды...

Благодаря идее, возникшей у Гектора, само понятие затяжной игры может принять совсем другой характер.

Мэри удивилась:

— Что ты делаешь? Ты пишешь? *Сейчас?*

— Ты когда-нибудь играла, Мэри? Очень на это надеюсь, потому что я пишу для тебя сценарий.

— В смысле?

— Ты еще раз расскажешь мне об этом романе про Гувера, но с учетом того, что я тут тебе напишу. Мы повторим этот разговор, только теперь следуя сценарию, который я пишу. Хем написал книгу, рукопись Хема у меня и была у меня уже некоторое время. И наш разговор состоится в моей машине.

— И что это даст, Лассо?

— Вместо тебя они сосредоточатся на мне, оставят тебя на время в покое, и мы сможем спрятать бумаги более надежно. — Гектор закончил писать и протянул Мэри свой „сценарий“. Спросил: — Ты хорошо разбираешь мой почерк?

— Нормально.

— Теперь мы отправимся в мою машину и все это проделаем.

— Почему в машине?

Гектор подмигнул.

— Потому что пока я разбираюсь с местными копами, Криди установил в машине подслушку. Эта проклятая машина просто напичкана жучками.

Через час Гектор отыскал поганенький бар в центре Кетчума и зашел в телефонную будку на задах. Он раскрыл свою записную книжку и нашел там номер телефона агента Тилли, одного из ребят Гувера, с которым Гектор имел дело в былые годы, когда иногда оказывал Бюро некоторые услуги. До того как познакомился с темной стороной Гувера в конце пятидесятых.

Эдмонд Тилли сказал:

— Давненько ничего от тебя не слышал, Гектор.

— Слишком давно. Мне нужна некоторая информация, причем срочно. Все, что сможешь раздобыть о парне, который все еще служит в Бюро, примерно моего возраста, зовут Донован Криди, он олицетворяет все, что ты ненавидишь. Чем грязнее добытая грязь, тем полезнее для дела, приятель.

— Как я с тобой свяжусь, Гек?

— Сам позвоню, — сказал Гектор. — У меня сейчас дел по горло, и все *срочные*.

Гектор повесил трубку и отправился к машине. Включил фары, давил педаль газа в пол и помчался в сторону Мичигана.

Есть ощущение конечности, мрачное предчувствие надвигающегося уничтожения в такой большой части деконструктивной деятельности в самых разных обликах, что это уже не постмодернизм, а скорее предвестие апокалипсиса.

— Дэвид Леман¹

39. Благ, дарованное в муках

В автобусе было невыносимо душно.

Ханна сошла с автобуса с сильными резами в животе и напрямик ринулась к туалету автобусной станции Анн-Арбор; почки невыносимо болели.

Она заметила в унитазе кровь, но немного, недостаточно, чтобы начать беспокоиться, уверила она себя. Не так, как после Ричарда. Она вызовет врача, когда доберется до квартиры. Она уже представляла себе, какую нотацию он ей прочтет.

Ханна вышла из туалета бледная, прижав руку к животу. Тут она увидела человека в черном костюме, черные, зализанные назад волосы и нос с горбинкой.

Она вспомнила, что видела его раз или два в гостинице. Она повернулась и побежала, насколько она могла это сделать в ее состоянии. В зеркало она увидела, что человек бежит за ней.

В мансарде было душно и пыльно, ведь она была заперта шесть недель. Ханна несколько раз чихнула и с трудом открыла два старых, покорежившихся окна. Затем включила потолочные вентиляторы и снова расчихалась от поднятой ими пыли. Она смотрела, как пыль

¹ Дэвид Леман (р. 1948) — американский поэт, критик, редактор.

крутится в лучах позднего солнца, и подумала, что надо бы прибраться, но тут же выбросила эту мысль из головы.

Никогда не принимай движение за действие, учил Папа неоднократно ту или другую молодую женщину в своей жизни. Зачем оставлять Ричарду чистую квартиру? Лучше собрать вещи к переезду.

Сестра Ханны, которая никогда не одобряла Ричарда, несколько раз предлагала ей снять у нее верхнюю квартиру, которую они сдавали в аренду на Саут-Стейт-стрит, в центре студенческого городка Мичиганского университета. Возможно, это предложение еще действительно. Ханне также предлагали должность помощника преподавателя по вводному курсу литературы, так что будут какие-то деньги плюс к тому, что ей удастся получить от Ричарда... если удастся. Иными словами, Ханне с ребенком не придется влачить нищенское существование.

Тут она увидела мужчину в черном, который был на автобусной станции. Он стоял, прислонившись к телефонной будке, курил сигарету и смотрел на нее в окне.

Донован Криди — а это был он — улыбнулся и крикнул:

— Почему бы вам не пригласить меня зайти, мы бы могли поговорить, Ханна? Я хотел бы с вами поговорить о миссис Хемингуэй. И о писателе, с которым вы общались, о Ласситере.

Он подождал, облизал губы. Миссис Полсон оказалась везучей. У такси, в котором ехал Криди, спустило колесо. Он потерял драгоценные десять минут, пока ловил другое такси, чтобы продолжить преследовать Ханну.

Глядя на него во все глаза, Ханна отрицательно покачала головой. — Я звоню в полицию, — крикнула она вниз Криди.

Тут ее пронзила дикая боль... как удар по обеим почкам.

Вскрикнув, Ханна упала на колени, обхватив руками живот. Она хватала ртом воздух, но никак не могла начать дышать нормально.

Едва боль утихла, как приступ начался снова, на этот раз значительно сильнее.

Мгновение отдыха.

Затем снова резкая боль.

И снова.

Ее дважды вырвало. Она с трудом приподнялась, чтобы взглянуть через подоконник. Мужчина все еще стоял там, смотрел на нее и ухмылялся.

— Пожалуйста, мне нужна помощь. Вызовите „скорую помощь“, пожалуйста.

Человек у телефонной будки пожевал губу, затем покачал головой:

— Сначала впустите меня.

— Пожалуйста, — взмолилась Ханна. — Мой ребенок... Мне кажется... боюсь, что-то не так! Пожалуйста, помогите мне!

Криди задумался. Оглядел улицу — кругом тихо, никаких прохожих. У нее какие-то неприятности с беременностью. Ну, это ведь очень удобный поворот событий, разве не так?

Криди в последний раз улыбнулся Ханне, потом повернулся, сунул руки в карманы пальто и пошел прочь, надеясь встретить хороший книжный магазин, где можно будет покопаться в книгах.

Ханна, задыхаясь, смотрела вслед Криди, пытаясь позвать его, когда позволяло дыхание. Тут она опять закричала и свернулась в клубок на полу, проклиная себя и желая Ричарду сгореть в аду. О чем она только думала? Ведь она так заботилась о своей форме и здоровье своего тела. Многие месяцы не пила алкоголя и кофеина, чтобы не навредить ребенку. Месяцами сидела на строгой диете. Относились к себе самым бережным образом.

Почти год она рисковала (опасность развития психического заболевания сохранялась), не пила лекарств, чтобы выносить ребенка.

И все пошло насмарку за какие-то шесть беспечных недель, в течение которых она ни разу не была у своего врача, который уже наверняка решил, что она умерла или совсем слетела с катушек, раз так долго отсутствует. Шесть долгих недель она таскалась за Ричар-

дом по излюбленным местам Папы, перед тем как появиться в Сан-Вэлли: Пигготт, Арканзас; Канзас-Сити и Биллингс, Монтана. Шесть долгих недель, во время которых что-то внутри нее могло пойти не так, и, судя по всему, так и случилось.

Она смогла дотянуться до телефонного шнура. Потянула за него, и аппарат соскользнул со стола и свалился Ханне на голову.

Тяжело дыша, она притянула аппарат к себе и набрала номер.

Никаких гудков.

Ханна сразу же пришла к печальному заключению: Ричард, зная, что их некоторое время не будет, не стал платить по счету телефонной компании. Судя по всему, он рассчитывал, что Ханна родит в Айдахо. Ричард только притворялся, когда соглашался с желанием жены родить в Мичигане, где за ней присматривали бы ее знакомые врачи и где рядом были бы ее сестра и брат. И все же телефонная компания должна была, прежде чем отключить связь, прислать повторный счет и письменное предупреждение.

И где он сейчас, этот Ричард, в тот единственный момент, когда он ей действительно нужен? Скорее всего, обедает и пьет в каком-нибудь кафе, пока его жена терзается в предродовых муках.

Что же, она ведь дала Ричарду пинка. Она теперь сознавала, что настояла на том, чтобы они перешли в бар, потому что собиралась загнать Ричарда в угол и доставать его, пока он не сорвется — в буквальном смысле и при свидетелях. Хороший материал, который адвокат сможет использовать против него при разводе. Вместе со всем тем, что нароет этот частный детектив из Айдахо.

Ханна несколько раз нажала на кнопку телефона трясущейся рукой.

Ничего.

Ханна принялась стучать телефонной трубкой по стене, чтобы услышали соседи, затем вспомнила, что они — двое студентов из Алабамы — уехали, как и многие другие, на каникулы между семестрами.

Вонь от рвоты на одежде снова вызвала тошноту. Сухие позывы и едкая желчь. Она с трудом встала на колени и попыталась выпрямиться. Снова дикая боль. Она опять согнулась, дыхание перехватило. Ханна попробовала позвать на помощь между болевыми приступами, понимая, что слишком поздно и в это время по городку уже никто не ходит.

Боль уменьшилась. Она подумала о человеке, который отказался ей помочь. Кто он такой? Почему он не вызвал ей „скорую помощь“?

Она попыталась встать, и все началось с начала. Ханна тяжело упала, сердце бешено колотилось, сухие рвотные позывы не давали дышать. Она чувствовала, как с каждым приступом тошноты лопаются сосуды в глазах. Ей казалось, что жизнь ее утекает.

Она почувствовала, что теряет сознание.

Взглянув на стенные часы, она обнаружила, что пролежала на полу около двух часов. Наверное, она несколько раз теряла сознание.

Я поползу, подумала она. *Я сползу по ступенькам и на улицу*. Она попыталась перевернуться, чтобы можно было встать на четвереньки, и ей показалось, будто кто-то вонзил нож ей в живот. Она снова перекатилась на спину, закричав от боли.

Еще несколько раз позвала на помощь.

Через открытые окна в комнату теперь задувал слишком холодный ветер. Ханна могла слышать, как внизу проезжают машины. Она полусидела, прислонившись спиной к старому комоду и книжному шкафу Ричарда, набитому бумагами, содержавшими его критическое исследование работ Папы, а также потрепанными, с загнутыми уголками, романами Папы. Ханна начала снимать книги и швырять их через плечо в ближайшее открытое окно. От окна до дороги расстояние было совсем небольшое. Если повезет, она сможет попасть книгой в ветровое стекло проезжающей машины, разозлит водителя, и он позвонит в полицию.

Боль снова усилилась, стала практически постоянной. Ханна снова позвала на помощь, время от времени, между схватками, швыряя книги в окно.

Боль тоже изменилась. Она теперь понимала, что роды в самом деле начались, и уже нет времени надеяться на чудесное избавление, на то, что ее кто-нибудь найдет.

Ханна понимала, что ей следует подготовиться.

Взвизгивая от боли, которая сопровождала каждое движение, Ханна с трудом вытащила ящик комода и высыпала оттуда аккуратно сложенные простыни и одеяла. Трясушимися руками она растелила одеяло в ящике и подложила под себя простыню. Затем вытащила шнурки из своих ботинок и положила их рядом с собой.

Тяжело дыша, Ханна кинула еще несколько книг в окно, продолжая звать на помощь. Она чувствовала, что ее голос слабеет и становится хриплым. Но никто не откликнулся.

Она высыпала из пластмассовой корзины обрывки неудачных опусов Ричарда, чтобы иметь контейнер для последа, затем стянула с себя шорты и белье, свернула в комок и отбросила в сторону, чтобы не попасть на простыню под ней. Она на ощупь пошарила над головой и нашла на комодe ножницы. Она коротко остригла ногти, поскольку у нее не было ни перчаток, ни воды, чтобы вымыть руки. Она также не могла прокипятить ножницы, чтобы их стерилизовать. Вместо этого она подержала лезвия над огнем зажигалки „Зиппо“, которую нашла рядом с ножницами.

Зажигалка натолкнула ее на новую идею. Где-то там, внизу, была небольшая травянистая лужайка, но от весенней засухи трава высохла и могла легко загореться. Возможно, она спалит весь квартал, но, по крайней мере, привлечет внимание службы чрезвычайных ситуаций. Ханна нашла самую толстую книгу — экземпляр единственной изданной книги Ричарда в бумажном переплете — и подожгла первые тридцать страниц. Она выкинула ее в окно, вслед полетели горящие экземпляры книг других ученых и несколько томов „Ревю“.

Первое издание книги в жестком переплете о парижских годах Папы, творение Ричарда — теперь уже до известной степени коллекционная редкость, — полетела вслед.

Ханна почувствовала, что ребенок торопится, и ее тело уступает, дает ему пройти. Теперь она впервые с уверенностью поняла, что ее ожидает. Ноги начали трястись, когда она осознала, с чем ей придется столкнуться в одиночестве.

Нет, она не должна сдаваться.

Она должна сделать все для себя и своего ребенка.

В борьбе одно важно, сказал Папа, если ты борешься, ты обязан победить. Все остальное — дерьмо.

Трясаясь, она прислонилась спиной к стене (ее испачканная блевотиной одежда и простыни стали ее импровизированной подстилкой) и поставила ноги крепко на пол, широко раздвинув колени.

Ей внезапно пришло в голову что-то еще, что, по словам многих, говорил Папа. Его спросили, какой самый короткий рассказ он написал, и Папа процитировал насмешливую рекламу: *Продается пара детских туфель. Не ношенных.*

Ханна изо всех сил старалась контролировать дыхание и не обращать внимания на боль в животе, которая была значительно сильнее, чем должна была быть, как она инстинктивно чувствовала.

Она посмотрела себе между ног. Все ее тело тряслось и было покрыто потом. Иногда, когда вспоминала, она через силу звала на помощь, бросая еще одну или две книги в окно, и ждала появления головки ребенка.

Много раз за десять или двадцать минут она боялась, что потеряет сознание от боли. Она уже не может больше ее выносить. Она мельком пожалела, что у нее нет пистолета.

Нет, отругала она себя. Это то, чего я никогда не сделаю.

Никогда.

Не важно, как плохо мне станет.

Не важно, как плохо мне станет. Этого я никогда не сделаю.

Но тут, когда она поняла, что больше вынести не в состоянии, боль изменилась, хотя и оставалась ужасной, как будто началось что-то новое, что-то, что — она вдруг поняла — имело конец и, следовательно, было терпимым.

Тут она увидела, что между ее ног появилось нечто окровавленное. Она натужилась, чтобы помочь, даже слегка сползла по деревянному полу, который был мокрым от простыни, промокнувшей от ее пота и отошедших вод, а также ее крови. Она охватила бедра уставшими руками, инстинктивно подтягиваясь, чтобы сократить родовой канал.

Внезапно она это увидела: между ее дрожащих, потных, окровавленных бедер лежал ее ребенок, весь красный и сморщенный.

Но что-то было явно не так. То, что появилось из нее, было не маленькой головкой, а вымазанной кровью попкой.

Она закричала.

Находиться здесь, пытаться родить ребенка без посторонней помощи было само по себе кошмаром. Ее муж должен был бы сейчас ходить семь раз вокруг дома по часовой стрелке или собирать рябиновые ягоды, чтобы облегчить ее страдания. Она не должна была оставаться одна, выносить все это в одиночестве.

Но она была одна — и видела, что ребенок не может родиться, он практически обречен погибнуть, его положение — верная смерть для него самого и матери.

Теперь еще это, подумала она и выругала себя. Что со мной такое, черт поberi?

Ханна расвирепела, теперь все пошло насмарку — все время считала, что у нее все хорошо, а оказалось, что она обречена.

Хватая ртом воздух, Ханна попыталась вспомнить, что нужно делать, если у плода ягодичное предлежание, как дать им обоим шанс на выживание.

Ханна знала, что даже в присутствии врача роды при ягодичном предлежании крайне опасны. Чаще всего делают кесарево сечение —

операцию, которую Ханна при всем желании не могла сама себе сделать, даже если бы имела соответствующую подготовку.

Был еще один вариант. Она могла дать ребенку больше простора, разрезав себя от влагалища до заднего прохода. Даже будь у нее нож, Ханна сомневалась, что смогла бы себя разрезать. А теперь там уже застрял ребенок.

Было бы хоть немного легче, если бы этот ребенок был у нее не первым.

Но это не имело значения, поскольку это был первый ребенок, она была одна, ребенок лежал в ней попкой вперед. Скорее всего, и она, и ребенок умрут медленной смертью. Если бы только ребенок повернулся вниз головой, Ханна была почти уверена, что справилась бы сама, точно так же, как делали другие женщины столетия до нее.

Но ее ребенок лежал неправильно.

Крошечные ножки младенца были прижаты к его маленькому сплюсненному личику. Возможно, даже вероятно, что пуповина тоже располагалась неправильно, что она обмоталась вокруг тоненькой шейки ребенка.

Шейки ее уже мертвого ребенка.

Мертвого.

Смерть.

Ненайденная страна, которую Папа пытался найти едва ли не с рождения. Ханна относилась к этому вопросу иначе: наверняка лучше жить в надежде, чем прибыть в пункт назначения. Папа флиртовал со смертью с немногословной пылкостью. Ханна этой пылкости не разделяла. Она была в ужасе, что может умереть в одиночестве, рядом со своим крошечным мертвым ребенком, находившимся наполовину снаружи, наполовину внутри матери.

Пресвятая Богородица, до чего же больно.

Может быть, ребенок уже умер, причем некоторое время назад.

Конечно. Разумеется, ребенок мертв.

К этому привело все, что я делала до этого момента. Все, что только возможно, я делала неправильно, и все указывало на то, что ребенок мертв, готовило меня к этому.

Вообще-то, это все стечение обстоятельств и дикое невезение, уверила себя Ханна. Все зависит от величины головки и достаточно широкой тазобедренной кости — значительно более широкой, чем у подружки Кэтрин Баркли¹ или у той индианки из рассказа Папы, чей трусливый муж перерезал себе горло, потому что не мог слышать жуткие крики жены при родах.

Ханна думала об этих неприятных вещах, одновременно читая обрывки молитв и вспоминая подзабытую инструкцию, которую она когда-то просматривала.

Она все еще хрипло звала на помощь, но голос уже стал еле слышным, не громче шепота.

Она продолжала напоминать себе, что следует дышать и тужиться, тужиться сильнее, чтобы помочь ее крошечному ребенку пробиться через родовой канал неправильной стороной вперед. *Помоги ребенку выбраться, начать дышать и жить.* Потуги должны совпадать с высшими точками боли, которая наступала неизбежно, с математической точностью.

Тут инстинктивно Ханна сунула ладонь внутрь себя. Она почувствовала, как рвется кожа, которую она некоторое время назад хотела разрезать, и мельком подумала, во что ей обойдется потом эта невольная, но Богом посланная спасительная эпизиотомия.

Ханна подсунула ладонь под ягодицы ребенка, обхватила узенькие бедра и протащила его через свою изуродованную и пульсирующую вагину и дальше, вон из своего тела.

Вот так.

Вот так.

¹ Кэтрин Баркли — героиня романа Хемингуэя „Прощай, оружие!“.

Вот так.

Ханна не могла сказать, как долго это продолжалось: ее крики без голоса, но одновременно мягкое выталкивание хрупкого ребенка из тела его измученной матери.

Теперь осталось только достать головку, скорее всего, мертвого ребенка — наиболее опасный маневр во всей этой безнадежной эпопее.

Мэри Хемингуэй, по крайней мере, была дарована благодать быть без сознания во время мучений в Вайоминге.

Ханна вынуждена встречать свою смерть одна, с открытыми глазами, и она холодела от ужаса такой перспективы.

Теперь должен был наступить короткий момент, в которой ей дано будет узнать, пройдет ли головка ребенка через ее тазовый пояс.

Если этого не случится, Ханне придется сделать последний кровавый шаг и попытаться спасти себя: она может сунуть руку глубже во влагалище, сломать основание черепа ребенка и вытащить его из себя.

Такой поступок может либо спасти Ханну, либо приблизить ее конец из-за обильного кровотечения.

Пожалуйста, милый, милый Боженька, не заставляй делать этот выбор. Добрый Боженька, не вынуждай меня выбирать, потому что я не смогу этого сделать, и мы оба обязательно умрем.

Пожалуйста, Отец Небесный.

Пожалуйста, пожалуйста.

Пусть все будет хорошо.

Пожалуйста, я уже не могу терпеть боль и не хочу, чтобы было больно ребенку.

И тут внезапно все произошло.

Снова зовя на помощь, Ханна отодвинула в сторону пуповину и сняла слизистую пленку с лица ее ребенка — с лица ее дочери, — для

этого немного приподняв ножки, чтобы легче было избавиться от пленки. Девочка задергала крошечными ножками, и тут Ханна услышала хриплый, сердитый крик. Она вытерла лицо и тело ребенка простыней и осторожно положила свою дочь на одеяло в ящик комода.

Осталось совсем немного, утешала себя Ханна, гордясь тем, что сумела зайти так далеко, но все еще ужасаясь при мысли, что ее не найдут вовремя. Возможно, она будет лежать здесь много дней рядом с замерзшим от холодного ветра из окна ребенком, мать которого будет разлагаться, лежа рядом (у Ханны открылось сильное кровотечение).

Ханна снова застонала, пытаясь позвать на помощь, выбросив последнюю окровавленную и обгоревшую книгу в окно. Ей показалось, что в отдалении она слышит вой сирен. Она бросила на подоконник окровавленные простыни, которые теперь наполовину свешивались вниз.

И тут она вспомнила важную вещь, о которой совсем забыла.

То, что могло убить ее маленькую девочку, которую Ханна уже начала мысленно называть Бриджит, если она не поторопится.

Окровавленными трясущимися руками Ханна перевязала шнурком от ботинок бледную, похожую на резинку пуповину в нескольких дюймах от живота Бриджит. Вторым шнурком Ханна перевязала пуповину ближе к себе. Сжав зубы и боясь, что что-нибудь не получится, она обрезала пуповину между собой и орущей девочкой.

Она это сделала, но Бриджит продолжала слабо мяукать.

Ханна откинулась назад, готовясь к последней кровавой части родов — удалению последа из уставшего, измученного тела.

Ханна Полсон лежала, чувствуя, как в такт биению сердца толчками выходит из нее кровь. Она сильно потела, хотя ветер из окна был холодным и в воздухе пахло дымом и гарью. Она завернула девочку в одеяло и разгладила его трясущейся окровавленной рукой.

Кровь на руке напомнила ей, что она быстро истекает кровью. Ханна посмотрела себе между ног. Она сразу же поняла, что смотреть не надо было: крови было слишком много, и поток усилился вслед за ускорившимся сердцебиением. В глазах мелькали черные пятна.

Кровь стучала в ушах.

Хлынул новый поток крови вместе с какими-то кусками, которые остались лежать в луже между ногами. Стук крови оглушал, но до ее ушей теперь доносились и другие звуки: вой сирен, — как будто весь мир в огне, красные и синие сполохи, как безумные, метались по стенам комнаты, в которой она умирала.

И еще раздался стук, теперь очень громкий, этот неизбежный стук в ее ушах, между грудями и окровавленными бедрами.

Вдовы делятся на два класса — впавшие в тоску и почувствовавшие облегчение.

— Виктор Робинсон¹

40. После родов

Ханна несколько раз моргнула и посмотрела вокруг сонными глазами.

Она догадалась, что находится в больнице.

Посмотрела направо и увидела, что в кресле около кровати спит мужчина. Гектор Ласситер. Лицо покрыто седой щетиной. Он явно несколько дней не брился. К карману его спортивной куртки приколота табличка, на которой хвастливо написано: Я ТЕПЕРЬ ПАПА!

Несмотря на свои обиды, Ханна улыбнулась его подлизыванию.

Очнувшись, Ханна первым делом подумала о своей маленькой дочери, в порядке ли она, затем в голову пришла более прозаичная мысль — что конкретно помогло их спасению? Она пошарила в темноте чисто вымытой правой рукой, которая была свободной и к ней не тянулись бесконечные трубки, и нажала кнопку, вызывая сестру. Пока ждала, она окликнула:

— Гектор? Гектор? Проснись, пожалуйста.

Он протер голубые глаза, встал, наклонился над кроватью и крепко ее обнял.

— Слава богу, — прошептал он ей на ухо.

— Моя девочка?

— Красавица. И чувствует себя лучше некуда.

Кроме легкой желтухи и небольшого недостатка веса, ее дочка, как ей сказали, была просто идеальной, так что Гектор не соврал. А что до их спасения, этому посодействовал звонок раздраженного

¹ Виктор Робинсон (1886–1947) — врач-терапевт, журналист.

коммивояжера, чей дорогой парик подпалаила книга Рурка Эванса, посвященная психологическому портрету Папы.

Еще загорелся синий навес газетного киоска прямо под окнами Полсонов, а также привлекла внимание длинная развевающаяся окровавленная простыня, свисающая с подоконника.

Гектор уверил ее, что полиция не собирается накладывать на нее никаких штрафов.

— Откровенно говоря, они до смерти рады той популярности, которую приобрели, поучаствовав в спасении такой фотогеничной красотки, как ты, — сказал Гектор. — Особенно после того, как эта красотка самостоятельно осуществила роды с ягодичным предложением. Это тот еще подвиг. Хем бы был от тебя в восторге, Ханна. Ты молодец. Я побывал в твоей квартире, чтобы взять кое-что для тебя. Я видел всю эту кровь. Мне так жаль, что я не сумел приехать быстрее. Что тебе пришлось вынести...

Ханна сжала ему руку:

— Ты сейчас здесь, и это очень много для меня значит. Но... — Она поведала ему все, что ей рассказала Мэри про его четвертую жену, Марию.

— Сплетни... большая фантазия, — сказал Гектор, глядя ей в глаза. — И еще. Можно сказать, что Мария убила нашего ребенка. Я *возненавидел* ее, когда узнал.

Ханна проглотила комок в горле. Затем представила себе картинку. Ричард везет их девочку покататься. Будучи пьяным, врезается в дерево... Ричард отделяется царапинами, ребенок же погибает.

Она представила себе, как убивает Ричарда за то, что он убил их ребенка. Да. Она вполне может себе это представить, очень даже живо.

Если Гектор и сделал что-то со своей женой, она способна это понять. Она вспомнила про женщину, с которой он переспал, Патрицию. Ну и что в этом такого? Они тогда не были любовниками, а Гектор всегда считался отъявленным бабником. Она вздохнула и сказала:

— Ты прости, что я тебя ударила.

— Черт, да я заслужил.

— Не совсем. — Она облизала губы, затем дала Гектору руку, чтобы он ее подержал. Другой рукой она провела по его щеке: — Ты ведь собираешься побриться, верно?

Гектор слегка улыбнулся:

— При первой же возможности.

Через два дня Ханна через Гектора отказалась от интервью местному телевидению и печатным органам.

К ней также поступило предложение от инициативного мужа одной из медсестер начать переговоры с обувной компанией, чтобы рекламировать полезность их шнурков при родах в тяжелых условиях. Ханна отнеслась к этому предложению скептически, но Гектор сказал:

— Это деньги, лапочка. Розовая возможность. Лучше соглашайся. Для нас, беллетристов, любая реклама — хорошая реклама. Во всяком случае, я так думаю. Хем был того же мнения.

Посетитель-пожарный, один из тех, кто нашел Ханну, сказал ей, что в квартире Полсонов была проведена инспекция, которая обнаружила, что Ханна пыталась дозвониться до помощи, но не смогла этого сделать, поскольку телефонная связь была нарушена, скорее всего, ударом молнии, случившимся после отъезда хозяев, во время последней грозы, которая захватила юго-восточный Мичиган как раз перед наступлением засухи. Внутренние части телефона расплавились.

Ханна мрачно кивнула. Значит, зря она валила все на будущего отца, который якобы не заплатил вовремя по счетам телефонной компании.

Через двое суток после ее поступления в больницу прибыл огромный букет, но прислан он был вовсе не Ричардом, от которого она все еще ничего не слышала, несмотря на усилия ее брата и сестры

до него дозвониться. Однако, похоже, трудностей с контактом с некой вдовой в Айдахо у них не было. Карточка Мэри Хемингуэй, сопровождавшая букет, была короткой, с избытком восклицательных знаков. Ханна так и слышала, как Мэри приказывает продавцу цветов вставить все эти восклицания.

Милая Ханна!

Ты настоящая героиня! Папа бы тобой гордился! Пожалуйста, позвони мне, как только ты сможешь это сделать (разумеется, я оплачу звонок). Всего наилучшего тебе и Бриджит (мне очень нравится имя!). Люблю, обнимаю, целую.

*Твоя старушка
Мэри.*

Были и другие новости.

При рождении в полевых условиях маленькая Бриджит столько натворила внутри своей матери, что врачи не были уверены, что она еще когда-нибудь сможет иметь детей. Если даже ей и удастся забеременеть, то вряд ли она сможет выносить ребенка.

Ханна приняла эти новости спокойно. Зачатие Бриджит стало результатом небрежности Ханны, обычно ей не свойственной. Она никогда не представляла себя матерью, никогда не стремилась завести детей. Но, когда оказалось, что она беременна, решила сделать все возможное. Больше чем с одним ребенком ей не справиться, сказала она себе. Это все, что она сейчас может себе позволить. Но вечером, позднее, она уже думала по-другому.

Гектор, который сидел у ее кровати, сказал:

— Я был единственным ребенком. В жизни бывают вещи и похуже.

— Я не хочу, чтобы она была одинокой.

— Так ведь всегда можно взять приемного ребенка, — сказал Гектор, гладя волосы Ханны.

Растущее волнение Ханны по поводу денег в конечном итоге заставило ее продать свою историю и дать одно интервью национальному газетному синдикату.

Она также была на грани заключения контракта с обувной компанией насчет шнурков. Кроме денег, которые мог принести этот контракт, Ханна надеялась, что реклама даст толчок ее карьере начинающей писательницы.

Ханна нажала кнопку вызова сестры. Она хотела попросить принести Бриджит к ней в палату. Просто чтобы ею полюбоваться. Прошел всего час с того времени, как она кормила дочь грудью. Она уже продельвала это несколько раз в присутствии Гектора, ничуть не стесняясь.

Медсестра рассказала ей, что, когда Гектор не сидит около нее, он часто заходит в детскую, садится в кресло-качалку и нянчит Бриджит.

Шли дни. Ханна набиралась сил. Она уже могла, держась за руку Гектора, ходить по коридорам и даже спускаться вниз в кафе, чтобы поесть. Ребенок тоже становился крепче.

Гектор пообещал заехать за ними и отвезти их домой. Гектор настоял, что будет спать там же, на диване, поскольку все еще не хочет оставлять их без присмотра. Легонько глядя щечку Бриджит, он приговаривал:

— И я не могу сейчас поехать домой. Гувер потерял меня из виду. И мне хочется пожить тихо и спокойно.

В последний раз телефон у кровати зазвонил за час до ее выписки из больницы.

Она увидела, как в комнату вошел Гектор. Она сказала в трубку:

— Мой друг здесь. Вы можете сказать ему то, что вы сказали мне? Я... я не могу сейчас думать.

Как в тумане, Ханна протянула трубку Гектору, который поднял бровь, поднося ее к уху.

— Ричард мертв, — сказала она.

Писательство — уединенное занятие. Семья, друзья, общество — естественные враги писателя. Он должен быть один, ему нельзя мешать, он должен весь уйти в свою работу.

— Джессамин Уэст¹

41. Наедине

Смерть Ричарда в результате „несчастливого случая“ избавила Ханну от необходимости разводиться с ним в суде, но она все равно предприняла некоторые шаги, чтобы вернуть себе девичье имя и записать дочку под фамилией Макартур.

Детективы в Айдахо потребовали предъявить копии фотографий того человека, который, как считала Ханна, а затем и Ричард, преследовал их в Айдахо. Ханна сказала Гектору:

— Я отдала тебе пленку, теперь ее требует полиция.

Гектор, который все еще никак не мог решиться рассказать Ханне все, что он знал, ответил:

— Я пошлю им снимки, если ты настаиваешь. Но я и так знаю, кто этот тип.

— Кто?

— Частный детектив. Во всяком случае, он за такового себя выдает в Айдахо. Он питается падалью. Как *все* частные детективы. Забудь все, что ты видела в кино или читала в книгах. Они — наемные подонки.

— Кто их нанимает?

Гектор пожал плечами, он не готов был сказать, что это была Мэри.

¹ Джессамин Уэст (1902–1984) — американская писательница.

— Этого я еще не выяснил, хотя и старался. — Вместо доказательства, он показал ей руку, все еще в болячках после избиения Криди. — Этого козла зовут Гарри Джордан.

Наверное, давление у Ханны сразу подскочило, в ушах раздался звон, перед глазами замелькали пятна. Господи, *что же я наделала?* Может быть, Гектор уже знает, что она нанимала этого Джордана проследить за ним и молчит по доброте сердечной? Если так, тогда все кончено... впереди одиночество. Разве он сможет когда-нибудь ее простить?

Гектор обеспокоенно присмотрелся к ней:

— Эй, детка, ты в порядке? Может быть, позвать доктора?

Ханна отрицательно покачала головой. У нее даже заболел живот от мыслей, насколько ее идиотский поступок навредил ее отношениям с этим мужчиной.

— Ничего, слегка голова закружилась. Пройдет, — сказала она.

Она так прикусила язык, что стало больно. Господи, какая же она *идиотка!* Ведь Джордан был единственным частным детективом, упомянутым в „Желтых страницах“. А она взяла и наняла урода, которого уже кто-то нанял, чтобы следить за ней и Ричардом. Сделку они заключали по телефону, и платила она через почту.

Блеск да и только.

Если бы она с ним встретилась...

Джордан наверняка вдоволь над ней посмеялся. Что же, она оборвет эти отношения немедленно. Никогда не будет звонить Джордану, никаких контактов. Может быть, позднее, если есть какое-нибудь законодательство, регулирующее действия частных детективов, она подаст иск и пожалуется на отсутствие у Джордана этики.

Она скроет то, что натворила, от Гектора. Есть шанс, что он не узнает, что она тоже нанимала Джордана. Если же узнает, а потом выяснит, что она поручила ему следить и за ним тоже, не только за Ричардом? Тогда катастрофа.

Полиция также требовала разъяснений насчет „имущества“ Полсона.

Первая жена покойного мистера Полсона умерла, а вторая и третья миссис Полсон снова вышли замуж. Получалось, что наследство должно было быть поделено, если окажется, что есть что делить, между Ханной и Бриджит и сыном Ричарда от одного из браков.

Разумеется, если Ричард не лишил своего тезку наследства в каком-нибудь завещании, которое еще предстояло найти, если оно вообще существовало.

Поначалу перспективы были весьма туманными: Ричард не оставил никаких распоряжений насчет своих похорон, не покупал участок для захоронения, а его другие, бывшие жены не проявили никакого интереса к тому, что Ханна собирается делать с телом Ричарда Полсона.

В течение следующих двух недель Ханна дважды разговаривала по телефону с Мэри. В первом случае пожилая вдова позвонила, чтобы выразить свое соболезнование Ханне; во второй раз она предложила Ханне два билета на самолет и спальню в Кетчуме, где Ханна сможет работать над авторизованной биографией Мэри.

Гектор снова попытался отговорить ее от написания этой книги, но Ханна уперлась рогом. Тогда Гектор сказал:

— Если ты собираешься впутаться в этот чертов проект, тебе понадобится человек, который мог бы присмотреть за тобой. В смысле, пока все остальные темные пятна не будут ликвидированы.

Тринадцать дней спустя Ханна заканчивала необходимую бумажную волокиту, связанную со смертью Ричарда Полсона. Она договорилась о покупке участка на кладбище в Кетчуме, причем заплатила значительно дороже, чем такой участок стоил в 1961 году, — двадцать пять долларов. Ричарда должны были кремировать и похоронить на маленьком участке в нескольких десятках ярдов от того места, где покоится Папа.

Поскольку захоронить пришлось только урну, похороны обошлись дешево. Могила для профессора выкопали рабочие, копавшие ямы под столбы.

Ханну удивляла ее привязанность к дочери, с которой она без конца возилась и неохотно выпускала из рук; только когда Бриджит спала, она могла поработать над своими рассказами и снова потихоньку начать заниматься спортивными упражнениями, что регулярно делала до беременности.

Ханна иногда настолько физически выматывалась, что спала крепко и изредка видела во сне Ричарда и какой-то водоем. Она сильно похудела: прощай распухшие пальцы и отекавшие лодыжки, тошнота по утрам, боль в спине, перегруженные почки, безобразные платья, эластичные пояса и некрасивые бюстгалтеры.

И она все никак не могла отделаться от мысли о Папе и его смерти, о возможности внести свою лепту в легенду о нем и его литературное наследство, написав книгу, которая позволила бы миру поинтересоваться Хемингуэем.

Она вспоминала, что говорил Ричард, когда пытался выступить против Мэри, а также вещи, которые выуживала у Гектора, когда он забывал следить за собой.

Постепенно она мысленно воссоздала картину преступления.

Прихожая, усыпанная мозгами, зубами, осколками костей в пороховой гари и залитая кровью величайшего писателя Америки.

Но практически никакого расследования.

Закрытые отчеты патологоанатома.

Никаких парафиновых тестов на старых пальцах Мэри.

Мэри одна в дома во время выстрела.

Останки, помимо самого тела, были поспешно убраны друзьями и сожжены. Ликвидация всех улик, связанных со смертью, была настолько быстрой, что сестра Папы, Санни, удивлялась, что не осталось абсолютно никаких следов кровавой сцены в фойе, которая произошла всего за несколько часов до ее приезда.

Ружье было уничтожено, так и не став трагическим экспонатом.

Эта женщина и этот безумный старик наедине в бетонном бункере.

Когда ливень перешел в морозящий дождь, Ханна позвонила Мэри.

Пожилая женщина спросила:

— И когда же ты собираешься приехать?

— Скоро, — ответила Ханна. — Я выезжаю завтра.

(Хемингуэй) серьезно болен, как физически, так и психически, и врачи даже подумывали применить электрошоковую терапию.

— *Конфиденциальный доклад*
Дж. Эдгару Гуверу

Криди
Нью-Йорк, 1960

Антидепрессанты не подействовали. Пришлось надеть на Хемингуэя смирительную рубашку. Он пытался освободиться, кричал на Мэри:

— Увези меня отсюда. Пожалуйста, пожалуйста. Ты должна забрать меня отсюда! Не позволяй им делать это со мной!

Доктор сказал:

— Наверное, вам будет лучше выйти, миссис Хемингуэй.

— Нет, — прорычал Хемингуэй. — Это *мое* решение. *Моя жизнь*. Мэри, не позволяй им делать это со мной. Это меня уничтожит! — Хемингуэй переводил дикий взгляд с доктора на жену. — *Пикл*, пожалуйста, заberi меня отсюда.

Криди знал, что одного из сыновей Хемингуэя лечили электрошоком. Поэтому Хемингуэй прекрасно понимал, что он творит с мозгами. И если учесть все сотрясения мозга, которые пережил Эрнест, для него это могло быть катастрофой.

Тут, поверх плеча доктора, Хемингуэй увидел его в белом халате и прорычал:

— Криди! Ублюдок! Это ты все затеял. — Он повернулся к Мэри: — Этот человек! Он из этого блядского ФБР! Его зовут Донован

Криди, я же рассказывал тебе о нем раньше, Мэри, вспомни! Он один из гребанных солдат Гувера!

Криди немного поехался — от удовольствия: как приятно, что Хемингуэй узнал его здесь и сейчас. Великолепно, что Хемингуэй теперь знает, кто привел его сюда, к неизбежному уничтожению.

— Вы видите, как далеко зашла паранойя, миссис Хемингуэй? Теперь, будьте добры, подпишите вот здесь...

— Криди, пожалуйста, нет! — кричал Хемингуэй снова и снова.

Он почувствовал, как в рот ему вложили резину, чтобы он не повредил зубов.

Затем это сверкание... и боль.

Откуда-то издалека, возможно, как ему показалось, во сне, он услышал, как Криди сказал:

— И еще раз. И еще раз после этого.

Раздался треск и белая вспышка. Старик почувствовал, как его мозг взорвался.

Только об одном браке я сожалею. Я помню, как, получив свидетельство о том браке, перешел на другую сторону улицы и зашел в бар, чтобы выпить. Бармен спросил: „Что будете пить, сэр?“ — и я ответил: „Порцию яда“.

— Эрнест Хемингуэй

42. Настоящий джентльмен

Маршрут Ханна и Гектора по пересеченной местности, изображенный красными чернилами, напоминал либо горизонтальную молнию, либо электрокардиограмму больного-сердечника с летальной аритмией.

Гектор сам называл себя шофером Ханна. Он купил детскую кроватку с алюминиевыми крючками, которыми прикрепил ее к заднему сиденью своей сине-голубой „белэр“.

Ханна и Гектор ехали зигзагами то на юг, то на север. Тем не менее они продвигались ближе к западу, к Мэри, осторожно спрашивая людей, чьи имена встречались в многочисленных биографиях и мемуарах на протяжении слишком многих бурных, кровавых десятилетий.

Вопросы и интервью по пути в Айдахо.

Ханна расстегнула блузку, чтобы покормить Бриджит, а старуха закурила очередную сигарету. Девочка, широко открыв рот, крутила головенкой, пока Ханне не удалось пристроить ее к правой груди. Уже почти весь исписанный блокнот Ханна лежал рядом с магнитофоном.

Гектор сидел в другом конце комнаты, курил и наблюдал за Ханной и Бриджит, прекрасно сознавая, что постоянно глупо улыбается.

— Это никогда не было пристрастием к смерти, — сказала старуха. — Ничего подобного. Они оба были чертовски больны. Всякие разные болезни. Папа страдал диабетом, страшными головными болями. У него давление было повышенное. Бедный, бедный Эрнест...

Сестра великого человека медленно покачала головой.

— Я как-то прочитала книгу, в которой были перечислены все травмы, которые он получил за свою жизнь. Список был набран мелким шрифтом, мне пришлось надеть очки, так вот, это перечисление заняло три страницы. Только представьте себе — три страницы. — Пожилая женщина покачала головой. — Жизнь превратилась для него в настоящий ад, и он умер так, как хотел. Пожалуйста, дорогая, пусть так все и останется.

Ханна сделала международный звонок, пока Гектор вытирал ее дочку после ванны. Трубку она прижала подбородком к плечу и делала заметки.

Гектор положил девочку на кровать и принялся одевать ее.

Кубинский врач Хема подытожил разговор:

— Все чаще и чаще после авиакатастроф и многочисленных хворей Папа быстро уставал, и ему это совсем не нравилось. Я был его врачом все это время на Кубе, и я поражен — вы слышите, поражен, — что он дотянул до шестидесятих годов. Кто-нибудь из его так называемых биографов должен обязательно отдать ему должное за этот подвиг силы воли, которая потребовалась ему, чтобы жить после середины пятидесятих. Вы понимаете, что я хочу сказать? Я, например? Я бы не протянул так долго. И возможно, вы тоже. Но Папа смог.

Ханна поблагодарила старого кубинского врача, наблюдая за Гектором, который играл с Бриджит, в ожидании, когда врач повесит трубку. Раздался щелчок, потом пауза, затем еще щелчок, свидетельствующий о прервавшейся связи.

Ханне показалось, что ей за шиворот вылили ушат холодной воды. Она положила трубку и сказала:

— Гектор, я думаю, наш телефон прослушивается.

Гектор нахмурился и передал ребенка Ханне. Он сел рядом с телефоном, позвонил в свою справочную и что-то записал.

Ханна взглянула на записи и увидела, кто звонил автору детективов. Мэри Хемингуэй, много раз... Алфред Хичкок... Сэм Форд... Бад Фиске, какой-то человек по имени Тилли...

— Спасибо, Сузи, — сказал Гектор и отключился, но оставил трубку у уха. И тоже услышал второй клик. Гектор нахмурился. Повесил трубку. — Точно, кто-то установил подслушку. Думаю, ФБР. Только оно или кто-то этого уровня может так быстро развернуться... — Он печально улыбнулся: — По-видимому, это цена, которую тебе приходится платить за общение со мной. — И мрачно добавил: — Похоже, я стал для Гувера новым хобби. — Снова улыбка. — Это ничего, потому что и он — мое хобби.

В эту ночь Ханна спала беспокойно. Ей снились беспорядочные сны — лихорадочные картинки, напоминающие плохой, неотредактированный фильм, иногда немой, прерываемый какими-то странными образами.

Хуже всего, что эти картинки были связаны с воспоминаниями.

Отец Ханны, Малькольм Макартур, крупный, грубый, мускулистый мужчина с редеющими седыми волосами и пышной бородой, нависал над маленькой светловолосой дочерью. Он срывал с нее байковую рубашку. От него несло мятным виски, которое он высосал из бутылки, оставленной им потом на столике рядом с кроватью дочери.

Она пыталась вырваться из его рук, но Малькольм схватил ее за плечи и толкнул назад, на кровать. Потом стал просовывать свой язык между ее губ, придерживая одной рукой, а второй сражаясь с сувенирной нацистской пряжкой ремня.

Ханна закрыла глаза, чтобы в них не попали осколки от бутылки из-под виски, которую она разбила об лоб отца. Пожалевав о своем поступке, она неуклюже пыталась стереть кровь, которая шла из ужасной раны на лбу над левым глазом отца. Взревев, он попятился от кровати. Рубашка Ханны и рука были покрыты липкой кровью отца.

Она смотрела на эту кровь, наверное, довольно долго, потому что отец уже ушел, а она вдруг оказалась сидящей на диване рядом с добрым пожилым констеблем.

Этот милый старик пришел, чтобы сказать ей, что ее отца, который выбежал из дома пьяный и в крови, видел один автомобилист, когда тот лихо ехал на своем грузовике в снежную бурю вокруг Лохленсайда. Другой водитель стал свидетелем того, как ее отец слетел с дороги в обрыв, не сумев вписаться в крутой поворот, и разбился где-то у Каоласнакаона. Хотя видимость была относительно хорошей, по следам грузовика не было видно, что его занесло или что водитель пытался тормозить.

Все данные свидетельствовали о самоубийстве, как осторожно сообщил ей констебль. Все говорит за то, что Малькольм Макартур намеренно сбросил свой грузовик со скалы.

Старый констебль сжал руку Ханны и поднял брови:

— Твой папа был сильно расстроен, когда уходил? У него были неприятности? Девочка, не можешь ли ты сказать, была ли у отца хоть какая-нибудь причина желать себе смерти?

Ханна пожала плечами:

— Нет, сэр, ничего такого.

Ханна почувствовала, что кто-то ее легонько трясет. Она сообщила, что находится в постели, в мотеле, и вся в поту. Гектор обнял ее за плечи и гладил ее влажные белокурые волосы, заводя из за уши своими большими, сильными пальцами.

Ханна несколько раз моргнула, привыкая к темноте. Увидела, что дверь между комнатами мотеля открыта.

— Ты кричала, дорогая... во сне, — пояснил Гектор. — Наверное, тебе приснился очень плохой сон. — Гектор сидел на краю кровати и обнимал ее. Кроме трусов на нем ничего не было.

Ханна тоже обняла его, почувствовав ладонями шрамы на голой спине.

Он очень остро ощутил ее скользкие от пота пальцы на своей коже и спросил:

— Тебе часто снятся такие кошмары, лапочка?

— Довольно часто. — Ее все еще трясло, но она прижималась к нему и гладила его спину.

— Мне тоже, — признался Гектор, тоже поглаживая ее спину. — Помогает, если немного поработать, перед тем как лечь спать. Подсознание получает свежую пищу, на которую можно наброситься ночью.

— Надо будет попробовать, — сказала Ханна. — Но все же я не разбудила Бриджит. Прости, что разбудила *тебя*. Думаю, когда перестану кормить Бриджит, начну снова принимать лекарства.

— Черта с два! — Гектор кивком показал на портативную пишущую машинку: — Вон твоё лекарство. Это твой психотерапевт.

Ханна выбралась из его объятий. Он погладил ее по влажной щеке.

— Видно, очень уж тяжелый сон приснился, — заметил он. — Ты мокрая, как мышь.

Она кивнула. Гектор чувствовал, что она смотрит на него... и вдруг сообразил, что он практически голый.

— Пойду возьму халат, — сказал он.

Ханна положила руку на его голое плечо, погладила:

— Не надо, все в порядке.

— Ну, тебе все равно пора спать дальше, дорогая. Час ночи. Еще можно успеть отдохнуть до утра.

Ее рука все еще лежала на его плече... пальцы поползли вниз, запутались в седеющих волосах на его груди.

— Гектор, — сказала Ханна, — я смотрела, как ты обращаешься с Бриджит. Я много думала о нас. Ты очень хороший человек.

— А ты прекрасная вруша, — сказал Гектор. — Скорее всего, это будет ошибкой. И, черт возьми, я же всего-навсего старик. Я даже уже не покупаю зеленые бананы.

— Для меня ты не старик. Я думаю, что ты, наверное, самый славный и живой человек, какого я только встречала. — Ханна притянула его к себе. Сопротивление Гектора было чисто символическим.

Она снова посмотрела на него и улыбнулась. Он был все еще в очень хорошей форме, все еще подтянутый. Когда ее пальцы коснулись его рта, она заметила:

— Я всегда ужасно ведусь на ямочки.

— Это ошибка, — повторил он.

— Ошибка, которую мы сделаем вместе, так? В этом случае потом некого будет винить. — Ханна поцеловала его, проявив инициативу. — Понравилось, Гектор?

Она стянула влажную ночную рубашку через голову и бросила ее на пол. Чувствовала, как его пальцы гладят ноющие соски распухших от молока грудей. Затем туда опустились его губы. Пальцы Ханны обвили вокруг его шеи и спины, притягивая его вниз, на влажные простыни.

Клика помешанных на знаменитостях поклонников следует за Хемингуэем, куда бы он ни подался. Для них Хемингуэй гений, помнить о котором будут наравне с Толстым.

— *Конфиденциальный доклад*
Дж. Эдгару Гуверу

Криди *Нью-Йорк, 1961*

Он снова находился в больнице — и в руках Криди. Еще один курс электрошока, который лишил старика возможности сосредоточиться, контролировать себя, вспоминать... который украл у него слова.

Но старик все же сумел осилить кусочек прозы — корявую надпись на табличке, которую по его настоянию прикрепили к двери: „Бывший писатель“. Криди слышал, как Мэри говорила врачу, что эта табличка разрывает ей сердце.

Хемингуэй лежал в постели и плакал. Криди в белом лабораторном халате наклонился над постелью. Его молодой напарник стоял спиной к двери, охраняя ее.

Криди сказал:

— Я говорил тебе много лет назад, что ты закончишь свои дни в Штатах и будешь в моем полном распоряжении.

Хемингуэй попробовал внимательнее присмотреться:

— Криди?

— Точно, *Папа*. Вон тот молодой человек у двери — Джордж Эббот, мой друг. Он из Бюро. Я уже больше там не числюсь. Еще одно, что ты некоторым образом у меня забрал. Это откровение, которым

ты поделился со мной в Африке. Что же, это испортило мои отношения с Бюро. Как тебе это понравилось, Хемингуэй? Потерять все? После фиаско в Бухте свиней ты знал, что тебе никогда нельзя будет вернуться на Кубу. Твой дом, твоя лодка, твои рукописи... все твои книги и имущество теперь принадлежат Кастро. Но я отнял у тебя не только это. Это я позаботился, чтобы к тебе применили электрошок. Украла у тебя слова. Повредили твой мозг. Я только хотел, чтобы ты это знал: я тот, кто смеется последним, *Pana!*.. — Криди наклонился еще ниже и ехидно улыбнулся: — А когда весь мир узнает, что у тебя крыша поехала, что же, тогда все эти твои „великие романы“ не будут стоить и ломаного гроша. Со мной все будет иначе. Они будут читать мои романы еще долго после того, как с тобой справятся черви.

Я мало что знаю о творческих писательских программах. Но они не говорят правды, если не учат, что, первое, писательство — тяжелый труд и, второе, ты вынужден поступиться большой частью своей жизни, своей личной жизни, чтобы стать писателем.

— Дорис Лессинг

43. Дорожные работы

Гектор поднял глаза, когда на лист блокнота, в котором он писал, упала тощая тень.

Донован Криди.

— Прощай покой и тишина, — сказал Гектор.

Он все прикидывал, как долго Криди еще не решится выйти прямо на него.

Гектор откинулся на спинку стула, улыбнулся и подмигнул:

— Давай, колись, Криди.

Он отодвинул чашку с кофе, и взял блокнот и ручку. Надел на ручку колпачок и сунул ее в карман спортивной куртки. Блокнот положил на стул рядом.

— Я еще немного познакомился с твоими *триллерами* после нашего последнего разговора, Криди. Если честно, осилил только два или три, на большее терпения не хватило. Настоящее дерьмо. И со всей этой политикой, которую ты туда загрузил, это еще хуже, чем Дос Пассос. Люди, которые потребляют такую муру, не любят, когда им читают лекции. Зачем ты пришел? Тебе требуется новый проект, после того как ты упрятал Хема в землю? Неужели на этот раз повезло мне?

— Директор беспокоится, что некоторые документы, которые могли иметься у Хемингуэя, могли быть переданы вам. Я здесь по указанию мистера Гувера, чтобы дать вам шанс вернуть эти материалы, если они у вас, и тогда он свернет слежку. В эти последние

дни вы сами видели, как далеко это может зайти. Я даю вам шанс положить этому конец. Разумеется, сам бы я поступил иначе.

— Настоящий *белый* поступок со стороны Эдгара, — заметил Гектор и улыбнулся, когда увидел, как Криди прореагировал на это невинное замечание.

— Если честно, — сказал Гектор, — меня все это раздражает. После всего, что я сделал для Бюро в смысле важной информации за все эти годы, это уже элементарное свинство. Я к тому же хотел бы с тобой за многое рассчитаться, Криди. За Патрицию. Думаю, это тебя Ханна видела из окна как раз перед тем, как едва не умерла вместе с ребенком. Полагаю, ты пришел туда, чтобы ее убить, как ты и поклялся. И ты на самом деле помог убить Хема, причем самыми разными путями. Я много думал еще и над твоим планом выдать все это дерьмо за работу Хема, чему я помешал. Думал, как можно было бы с тобой расплатиться той же монетой. Признайся — этот прокастровский кусок дерьма ты сам туда засунул? Это наверняка твоя работа, верно? Одна фальшь любовных сцен уже достаточное свидетельство.

— Что стало с той рукописью, Ласситер? — спросил Криди.

Гектор подмигнул:

— Уничтожена. Только сделай еще одну попытку, и клянусь, я прищучу тебя и твоего босса с помощью другой рукописи Хемингуэя. — Он покачал головой. — Поверить не могу, что старик Эдгар может вот так напасть на меня после всех этих заварушек, из которых я вытаскивал его жирную задницу.

Криди ухмыльнулся:

— Все то, что ты сделал для Бюро, перечеркнуто твоими действиями в Нашвилле в пятьдесят восьмом. Директор все еще в ярости из-за этого. Я тоже. Ты и твой убогий долг белого человека, заставивший тебя все это сделать... Господи! Хуже Хемингуэя.

— Ты о чем?

— О Хемингуэе и его приключениях во время того восстания в Доминиканской Республике в сорок седьмом году. И затем его по-

следняя поездка в Африку. Время, которое я потратил на погоню за ним в буше в пятьдесят четвертом, стоило мне крупного успеха в более важном деле. Я был так близок к возможности прикончить Джомо Кениату в тюрьме. Я бы один, своими собственными руками, изменил историю. Но я утратил этот шанс, гоняясь за Хемингуэем. Теперь Кениата — президент Кении, и белые, скорее всего, потеряли почти всю Восточную Африку. Хуже того, восстания там подстегивают цветных *здесь*, а я мог бы все это остановить, предупредить.

Гектор покачал головой:

— Тебе самое место в дурдоме. Скажи мне — куда подевался чемодан Хема? Где мои другие рукописи?

— Все надежно спрятано. Как и та рукопись, которую хочет заполучить мистер Гувер.

— Не все так уж надежно спрятано. Ты, наверное, попытался продать кое-что из моих вещей некому торговцу книгами. И это одна из причин, почему я хочу тебя достать, мудила.

Сукин сын. Криди действительно попытался это сделать — продать несколько подписанных вещей Ласситера. Сделал он это в голодное время, до того как Гувер вернул его в объятия ФБР. Если только Гувер узнает, что он пытался заработать на старой прозе Ласситера и именно это побудило его выйти на тропу войны... Но Криди не мог остановиться. Он сказал:

— Я еще уничтожу Хемингуэя своими рукописями. Попомни мои слова.

И Гектор подумал, что он достаточно безумен, чтобы попытаться сделать это вне зависимости от Гувера.

— Предлагаю сделку, — сказал Криди. — Чемодан со всем содержимым в обмен на рукопись Хемингуэя, которую ты прячешь. — Он надеялся, что Ласситер откажется. Криди выступил с этим предложением только потому, что ему приказал Гувер.

— Нет, никогда. — Гектор пожевал губу. — Все-таки было бы здорово поехать куда-нибудь без какого-нибудь обормота в черном седа-

не у меня на хвосте. Еще лучше закончить телефонный разговор и не услышать второго щелчка. Получить по почте конверт, чтобы он не выглядел сначала распечатанным с помощью пара, а потом запечатанным снова. Я все-таки сделаю кое-что для тебя, агент. Подожди здесь несколько минут. Я поднимусь к себе в номер и возьму там кое-что.

Найти машину Криди было проще простого: стандартный вариант Бюро. После этого он вернулся в столовую и снова сел напротив Донована Криди.

Гектор бросил пустой мешок на стол между ними, рассыпав по нему оставшиеся белые гранулы.

Криди нахмурился и взял пустой мешок из-под сахара:

— Что это?

— Что осталось, — ответил Гектор. — Содержимое этого мешка уже в бензобаке твоего скакуна.

Агент обалдело посмотрел на него:

— Ты высыпал сахар в мой бензобак?

— Все полностью. И немного птичьего корма. Знаю, это детские шалости. Но весьма эффективно. Чтобы помешать тебе последовать за мной, когда мы через несколько минут разойдемся, — сказал Гектор. Все дело было в необходимости купить время — чтобы успеть добраться до Айдахо и Мэри... сделать следующий шаг по сохранению литературного наследства Хема... и продолжить игру с Криди. Вслух он сказал: — И еще с той же целью...

Это был старый, но надежный прием. Гектор с силой наступил каблуком на ногу агента, Криди взвыл и ударился коленом о внутреннюю поверхность стола. Гектор схватил Криди за шею и ударил его лицом об стол.

Улыбкой извинившись перед посеревшим от страха хозяином, Гектор швырнул десять долларов на стол и сказал:

— Извините за беспокойство, приятель. Когда он придет в себя, ему наверняка понадобится лед для остатков его носа.

КНИГА ШЕСТАЯ

Как все было

Я такая, как есть,
А не такая, как хочет Папа.
Разве это моя вина,
Что я такая?

— *Песенка Мэри Хемингуэй*

44. *Соавторы*

Когда Ханна снова увидела Мэри, ей пришло в голову, что жена Папы вполне могла бы его перепить, если бы он дожил до этих дней.

Ханна просидела с пожилой вдовой менее часа, но она уже пила свой четвертый коктейль.

Этим утром бледно-лимонные волосы Мэри были зачесаны назад, и такая прическа демонстрировала ее большие, почти комические уши. Она явно не отошла еще после вчерашнего, казалась худее, чем когда Ханна видела ее в последний раз, глаза сильно ввалились, а выпирающие скулы и торчащий вперед подбородок ее не украшали. Глубокие морщины от ввалившихся глаз до больших ушей теперь присутствовали постоянно, а не только когда она улыбалась с закрытым ртом для камеры.

Вдовы прибыли в Кетчум с разницей в один час. Полагая, что Мэри устала после длинной дороги из пентхауса в Нью-Йорке до Кетчума, Ханна предложила отдохнуть перед интервью.

— Может быть, нам повезет и, когда вы проснетесь, Бриджит опять будет спать, как сейчас. — Ребенок спал в своей походной кровати в соседней комнате.

Старая вдова улыбнулась:

— Бог мой, как же она на тебя похожа. Абсолютно ничего от Дикки. И нам не надо ждать, можно сразу начинать. Я недостаточ-

но устала, чтобы спать, и мне хочется скорее взяться за дело. Вот выпью, и можно приступать. Пожалуйста, скажи мне, что теперь и ты что-нибудь выпьешь

Ханна закусила губу. Перед отъездом она сцедила молоко, чтобы не делать этого при Мэри. Она боялась, что, если начнет кормить девочку грудью при вдове, это может напомнить ей о ее попытке родить ребенка, которая едва не закончилась трагедией. Так что в холодильнике Мэри стояли три бутылочки с грудным молоком. Ханна решила, что к тому времени, как Бриджит потребует наполнения „источника“, ничего из выпитого уже не останется в организме.

— Ох, — сказала Ханна, поднимая бровь, — разве что самую малость.

— Вот и умница. Какой яд предпочитаешь, душечка?

— Как насчет стакана вина? Лучше бы красного.

Мэри с сияющим видом потянулась за пачкой сигарет „Кент“:

— Чудесно. Я, пожалуй, тоже выпью. Полагаю, нам лучше взять это дивное „Бароло“. Папа его тоже очень любил.

Постоянно присутствующая горничная поспешила открыть бутылку, не дожидаясь указания.

— Я собиралась разместить тебя здесь, но мы снова открываем дом, и кое-где надо покрасить, — сказала Мэри. — Я заказала тебе номер в гостинице „Бест Уэстерн“. Годится?

— Конечно.

— Ты уверена?

— Да.

— Гектор с тобой?

— Да. Он называет себя моим водителем.

— Я и ему закажу номер. Он ведь тоже на меня работает, верно?

Ханна улыбнулась:

— Полагаю, Гектор сам решит, где ему остановиться.

— Разумеется. — Ханна не сумела прочесть ее улыбку, но она явно была недоброй.

Горничная подала Ханне ее стакан вина.

— Ваше здоровье, — сказала Ханна, поднимая стакан.

Мэри проигнорировала ее и сказала:

— Мори сказал, что ты заезжала.

— Да, — ответила Ханна, язык которой пощипывало после первого глотка вина за долгие месяцы. Крепкий напиток — с дубовым привкусом, дымком и корицей. — Давненько не приходилось пить. Ух!

Мэри вытряхнула из пачки сигарету:

— Как он? Я имею в виду, Мори? У него все хорошо?

— Вроде бы да. Говорит, что работает над своими собственными мемуарами.

— Он говорил Папе то же самое в пятьдесят третьем году.

— Надеюсь, он их допишет. Знакомство с подобной жизнью, безусловно, нечто, чего есть смысл желать, и не важно, сколько времени уйдет на то, чтобы закончить и сделать это правильно.

— Ну конечно. У меня мои мемуары занимают значительно больше времени, чем я рассчитывала.

Ханна улыбнулась:

— Откровенно говоря, я хочу, чтобы ты поторопилась. Ведь выходят уже две неофициальные биографии Папы — одна написана человеком, о котором я уже могу сказать точно, что он меня ненавидит. И еще выходит эта книга про корриду и отредактированный „Сад“... Я вполне могу потеряться среди всего этого шума, который поднимется вокруг Папы. Мне действительно необходимо выдвинуться на передние позиции. Поскорее.

— Конечно, — сказала Ханна.

— У тебя есть рукопись Дикки — сколько он там успел написать?

— Ага, — сказала Ханна. — Здешние власти уложили все в коробки и отправили в Мичиган вместе с другими вещами.

— Кстати, хочу сказать, что мне очень жаль, что все так случилось. Я никак не хотела, чтобы он умер. Из-за тебя и маленькой девочки. Дочкам нужны папы. Я уверена, что ты найдешь мужчину для этой должности. Какого-нибудь молодого красавчика. — Ханна улыбнулась. Мэри улыбнулась в ответ: — Ты как себя чувствуешь? Постепенно привыкаешь?

Ханна знала, что ей не стоит говорить Мэри, что саморазрушительная смерть мужа стала для нее желанным избавлением — благодеянием в страшной упаковке. Ханна пожалала плечами:

— У меня все хорошо. Я знаю, что Ричард сам покончил с собой. Такое случается. Что еще можно сказать по этому поводу?

Мэри выпустила тоненькую струйку дыма:

— Верно. — Странная улыбка — и редкая, с демонстрацией зубов. — Ты по-испански хоть немножко говоришь, дочка?

— Только по-французски. И довольно неплохо на кельтском.

— *Sic transit hijo de puta*¹.

Ханна нахмурилась:

— Что это значит?

— О нем будут помнить, — сказала Мэри, криво улыбаясь. — Есть еще одна хорошая фраза: *Dame acit, cono que a los mios los mato yo!*

Ханна снова нахмурилась:

— А это как переводится?

— Дай это мне, черт возьми, и я убью своего!

Ханна опустила глаза на руки.

— Вот как, — сказала она, внезапно немного испугавшись.

Мэри пожалала плечами и затянулась сигаретой:

— Прежде чем мы оставим эту скорбную тему, скажи, есть там что-нибудь, что ты могла бы использовать? В рукописи Дикки, я хочу сказать.

¹ Таков конец сукина сына.

Ханну передернуло, как от озноба.

— Может быть. Там примерно двести рукописных страниц. В первом черновике почти вся ваша ранняя биография. Большая часть сороковых годов, затем тот период, когда вы встретились с Папой и вышли за него замуж. Пятидесятые годы только в отдельных заметках. Довольно понятно, как он хотел построить книгу. Вот только его и мой стиль прозы сильно отличается. Мне придется многое переписывать.

— Душечка, так оно всегда и бывает, — посочувствовала Мэри. — Господи, сколько же мне пришлось переписывать в последних работах Папы — уму непостижимо.

Ханну снова передернуло.

Мэри застонала:

— Боже, что мне пришлось сделать, чтобы подготовить к печати „Праздник, который всегда с тобой“! Даже вспоминать не хочется.

— Тяжело пришлось, не так ли? — Ханна почувствовала, как напрягаются ее челюсти, и испугалась, что Мэри заметит.

— Вынуждена была изменить последовательность глав, чтобы все получилось так, как мне хотелось. Соответственно возникли проблемы неразрывности, с которыми мне пришлось сражаться. И его заголовки в книге... — Мэри закатила глаза. — Ты не представляешь, какими они были ужасными. Он вообще хотел назвать эту вещь „Глаз и ухо“. Можешь представить себе такое название вместо „Праздник, который всегда с тобой“? Можешь?

— Нет. — Ханна действительно не могла.

— И все это пустяки в сравнении с тем, что понадобилось для того, чтобы закончить „Острова в океане“. — Вдова вздохнула. — Что-нибудь еще? Что-нибудь, говорящее о том, что у него было все что нужно, чтобы закончить книгу? — Ханна встретилась взглядом с Мэри. Старуха вглядывалась в нее, пытаясь определить, не врет ли она. — Я спрашиваю, — продолжила Мэри, — потому что Ричард довольно ясно дал понять той ночью накануне, ну, ты знаешь, о чем

я, что мы закончили. Он заявил, что у него имеется великолепный конец. Я все пытаюсь вспомнить, что такое я могла сказать в нашем последнем интервью, что дало бы ему эту уверенность.

Эти ищущие пьяные глаза... Ханна отпила глоток вина:

— У Ричарда, скорее всего, не было возможности все это записать. Его первый набросок весьма неубедителен, кончается где-то в середине пятидесятых.

Мэри тяжело вздохнула. Затем тихо засмеялась себе под нос:

— Это... это плохо. — Она покачала головой и снова зубасто улыбнулась: — Ладно, к черту. Наверное, мне надо постараться вспомнить, что было сказано в тот последний вечер. Знаешь, у меня ведь довольно хорошая память. Выше средней.

Ханна поощрительно улыбнулась:

— Не сомневаюсь.

Мэри добавила:

— Но не как у Папы, у него память была фотографическая. Ну, по крайней мере до того, как они ударили по нему током.

Каждую минуту рождается простофиля —
и двое, которые им воспользуются.

— Уилсон Мизнер¹

45. „Мира в скорлупки“

Криди стоял на холме над Дозорным домом и в бинокль наблюдал за событиями, развертывающимися внизу. Первый грузовик ушел, нагруженный коробками, в которых, как он полагал, были рукописи Хемингуэя: накануне он подслушал телефонный разговор между Мэри и Гектором, которые обсуждали перевозку. Слышал он их через эти новые наушники, которые проникали даже сквозь бетонные стены.

Это был большой грузовик, так что бригада преследователей, которую послал Криди, легко нашла его на дороге, ведущей из Кетчума. Затем, примерно через пять минут, к Дозорному дому подъехал еще один грузовик на восемнадцати колесах. Снова погрузка — слишком большие грузовики для не слишком значительного груза. Хемингуэй никак не мог испортить столько бумаги.

И все же...

Он должен был установить слежку и за этим грузовиком, не так ли?

Теперь Криди наблюдал, как шла погрузка в седьмой грузовик, а у него кончились все помощники.

Матерясь, Криди кинулся к своей машине и саданул кулаком по приборной доске. Выбора не было, он вынужден поехать за *этим* грузовиком сам.

¹ Уилсон Мизнер (1876–1933) — американский драматург.

Разумеется, это была игра, в которую играл с ним Ласситер, однако Криди ничего не оставалось, как следовать установленным им правилам. Но, чтобы попытаться добраться до коробок и подложить порочащие Гувера материалы, Криди нужно первым делом найти правильный грузовик.

Гектор, спрятавшийся среди деревьев, тоже наблюдал в бинокль за Криди и видел, как он рванул в погоню за седьмым подставным грузовиком. Каждый из грузовиков, оплаченный Мэри, направлялся по своему собственному пути и вез пустые коробки в неизвестность.

Убедившись, что наблюдение снято, Гектор достал рацию.

У него и его приятеля, молодого поэта, ушло всего пять минут, чтобы погрузить все рукописи Хема в черный кабриолет „понтιαк“ 1965 года выпуска.

Гектор протянул Эскину Фиске большой термос и хлопнул его по плечу:

— Счастливого тебе пути. Я знаю, Бад, до Кливленда далеко. Но там, у Джимми, все это будет в целости и сохранности спрятано в Западном заповеднике, пока Мэри не выберет библиотеку, которая составит надежный и постоянный каталог всех документов и будет их хранить. Передавай большой привет Хэнрахану.

— Когда я туда приеду, я смогу это прочитать? — спросил Бад. — Ведь подумать только, что я везу...

Гектор еще раз хлопнул юношу по плечу:

— Поезжай в город, Бад. Найдешь там стоящие вещи.

Во всем этом была своеобразная ирония. Теперь, когда у Гектора имеются фотокопии всех документов, а сами рукописи направляются в какую-то шикарную библиотеку, те, кто преследовал Хема всю жизнь, эти критики и ученые, превратились в его своеобразную броню. Если они получат доступ ко всему, что осталось у Мэри, они

могут вмешаться и погрозить ей пальцем, когда она вздумает внести свою лепту, — они довольно надежно свяжут эти шаловливые ручонки. Гектор был доволен.

Директор сказал:

— Похоже, вы стали малоэффективны и мягки, когда дело касается этого Ласситера, агент Криди. Эта история с семьей грузовиками... она почти забавна. *Почти.*

— Разрешите мне покончить с Ласситером. *Без промедления.* Я готов заплатить за эту привилегию, сэр.

— Нет. Я решил пока этого не делать. Материалы обо мне, которые собрал Хемингуэй, и, соответственно, о Бюро, потому что я и есть Бюро, скорее всего, находятся в руках Ласситера, но мы не знаем, где он их прячет. Ласситер неожиданно оказался серьезным противником, он позволяет себе мне не подчиняться. Нам нужно подождать более благоприятной возможности получить информацию от Ласситера путем одновременно элегантным и не оставляющим следа. Мы терпели слишком долго. Нам следует подождать, когда события повернутся в пользу Бюро, вернее, в мою пользу, что неизбежно.

Любой, кто представляет себе писательство в виде удобного способа вести жизнь среднего класса, никогда не напишет ничего, кроме дерьма.

— Дерек Реймонд¹

46. Писательское проклятие

Ханна уложила Бриджит в ее постель на заднем сиденье „белэр“, затем сама села на переднее сиденье рядом с Гектором.

— Почему ты не зашел? — спросила она.

— Было другое дело, которым следовало заняться, — ответил Гектор.

Ханна оглянулась на спящую дочь:

— Ты прости, что она спать не дает. Похоже, в два и в пять ей обязательно надо поесть.

— Мне тебя жаль, это ведь тебе приходится вставать в это безумное время...

Гектор смутно помнил, как Ханна поднималась с их постели около двух, чтобы отозваться на голодные вопли дочери. Что касается пяти часов, то это время вполне Гектора устраивало, потому что в шесть он имел привычку подниматься, чтобы писать. Только теперь он тратил этот дополнительный час, чтобы покормить девочку из бутылочки и дождаться, когда она заснет.

Он платил еще за один номер, чтобы работать там по утрам. Ханна, по привычкам сова, любила писать вечерами и занимала этот номер, пока Гектор и Бриджит спали.

¹ Дерек Реймонд, настоящее имя Роберт Уильям Артур Кук (1931–1994) — английский писатель, основатель жанра „нуар“.

Он свернул на гостиничный участок, который Мэри нашла для Ханны. Там было чисто, но ничего примечательного. Гектор подумывал о том, чтобы вернуться в „Сан-Вэлли-Лодж“, забрав Ханну и Бриджит с собой.

Он оглядел парковку, но нигде не увидел зеленой „импалы“. Он отнес спящую Бриджит наверх и подождал, пока Ханна устроит ее походную кровать на другой постели в номере. Она закрепила кровать с двух сторон подушками, чтобы она не скатилась на пол. Гектор уложил девочку, а Ханна сбросила туфли и задернула шторы:

— Она проспит час или дольше... времени навалом.

Гектор держал трубку, разыскивая очередной жучок, и не сразу среагировал.

— Времени для чего, дорогая? — спросил он и улыбнулся, увидев, как блузка Ханны падает на пол.

Гектор, все еще стараясь отдышаться, сказал:

— Когда ты придешь в себя и захочешь покончить с этим новым поворотом в наших отношениях, дорогая, я хочу, чтобы ты знала, что ты можешь это сделать, не боясь меня обидеть.

Ханна облизала губы и усмехнулась. Она сама с трудом дышала.

— Ради всего святого, с чего бы это мне захотеть с этим покончить? Я знаю, ты все еще думаешь, что мы ведем себя неправильно. Но разве тебе не в удовольствие быть со мной?

— Господи, удовольствие совсем не то слово. — Он покачал головой. — Детка, ты вообще-то знаешь, сколько мне лет?

— Это не имеет значения, — ответила Ханна. — Давай не будем об этом говорить. И о том, как долго это будет продолжаться и будет ли продолжаться вообще. Разве нельзя просто радоваться моменту?

Гектор улыбнулся:

— Я привык радоваться своей жизни в ретроспективе. Никогда не довольствовался одномоментной радостью. Зато позже, сравнивая

скверный „подарок“ какого-то более позднего момента, осознавал, как здорово было раньше, и радовался тому, что было.

— Ужасно так жить, — заметила Ханна. — Это беспокоит и... грустно.

— Ты не первая, кто это говорит. Полагаю, это писатель во мне. Писательское проклятие.

— Я пишу, и я так не живу.

— Наверное, Бог был к тебе милостивее.

Ханна покачала головой:

— Так почему не попробовать жить этим моментом, а?

Он улыбнулся:

— Ага. — Его пальцы пробежали по ее длинной спине, задержавшись на копчике. — Я не заслуживаю тебя, Ханна, в этом нет сомнений.

— А я не хочу об этом говорить.

— Тогда о чем ты бы хотела поговорить?

— Нью-Мексико. Расскажи мне о том месте, где ты теперь живешь, Гектор. Я никогда не видела пустыни. Наверное, там так одиноко. Могли бы мы тебя навестить... я и Бриджит?

Гектор еще раз поцеловал ее долгим поцелуем.

— Только навестить? — спросил он.

Писательство — тяжелая работа, вредная для здоровья.

— Элвин Брукс Уайт¹

47. Поюня

Мэри позвонила и попросила отменить назначенное на утро интервью. Сказала, что к середине дня может почувствовать себя лучше. Мэри говорила невнятно, путала слова. Дважды назвала Ханну Скруби. Ханна подумала, что Мэри, скорее всего, пьяна, потому что она должна была знать, что днем у нее назначена встреча с Гектором.

Все утро Ханна перечитывала „Праздник, который всегда с тобой“. Она полюбила эту книгу еще после первого прочтения. Книга сразу же попала в число тех, что подогрели желание Ханны стать писательницей.

Книга запомнилась ей романтической. Любовная история бедной, но любящей пары американцев, впервые открывающей для себя древний запоминающийся европейский город, полный интересных людей, достопримечательностей, великолепного искусства, славящийся своей изысканной кухней; город, где можно было встретить практически каждого хоть немного значимого писателя и художника начала двадцатого века.

На этот раз, рядом с ребенком, который тихо посапывал, Ханна прочитала книгу так, как хотелось бы Хемингуэю, основываясь на воспоминаниях Гектора, который читал эту книгу на Кубе в 1959 году. Она читала главы в той последовательности, в которой их поста-

¹ Элвин Брукс Уайт (1899–1985) — американский писатель, автор книг для детей и взрослых.

вил Хем, и отбросила заключительную главу, которую Мэри восстановила для публикации через два года после смерти автора. Книга читалась совсем иначе, и теперь, будучи более подробно знакома с биографическими деталями жизни Папы, Ханна воспринимала романтические детали его первого брака или как печальный самообман, или как холодную иронию.

Воспоминания казались более мрачными и сардоническими, чем она помнила, и заканчивалось все неубедительно: довольно ядовитой и совсем не забавной критикой Скотта Фицджеральда.

Ханна подумала над заголовком, который Папа придумал для романа, и решила, что ей на самом деле больше нравится вариант Мэри — „Праздник, который всегда с тобой“. Ханна даже чувствовала себя за это виноватой. Но возможно, Гектор ошибался насчет Мэри. Может быть, когда дело касалось затяжной игры, Мэри действительно знала лучше...

Ханна дорожила своим романтическим впечатлением от книги, поэтому пожалела, что перечитала ее и все испортила.

Мэри отменила и дневное интервью тоже.

Ханна решила оставить Бриджит с Ренатой, одной из горничных Мэри, у которой тоже был трехмесячный ребенок и которая предложила присмотреть за девочкой, чтобы Ханна могла уделять все свое внимание рукописи и Мэри.

Она отвезла девочку в дом горничной и вернулась на такси в центр города, решив взять напрокат велосипед в магазине спортивных товаров.

Пока хозяин ходил за сдачей, Ханна разглядывала двуствольное ружье, которое хозяин чистил и оставил на прилавке.

Она подумала, что стоит наклониться и взять в рот дуло, чтобы почувствовать, что при этом происходит, но у Ханны было достаточно богатое воображение, чтобы представить это себе без подобных экспериментов. Дула стволов выглядели страшнее, тверже и толще и были куда хуже всего, что ей когда-либо приходилось брать в рот.

Вернулся улыбающийся хозяин, отдал Ханне сдачу и маленькую ламинированную карту, на которой начертил наиболее короткий и живописный маршрут. В соседнем магазине деликатесов она купила бутерброды и бутылку негазированной воды и сложила все это в маленький рюкзачок вместе со своим блокнотом и ручкой.

Ханна остановилась, чтобы перекусить под деревьями в нескольких сотнях ярдов от парковки Сан-Вэлли. Ноги уже ныли, и она в очередной раз выругала себя за то, что позволила себе потерять форму.

Она добросовестно попыталась написать первую главу о Мэри ее же собственными словами, но поняла, что ничего не выходит. Ричард планировал книгу в хронологическом порядке. Ханна полагала, что лучше начать с трагических событий второго июля, какими бы они ни были, и пятиться оттуда.

Рядом сел большой ворон, наклонив голову и переводя взгляд с лица Ханны на ее бутерброд, при этом непрерывно каркая. Ханна оторвала угол бутерброда с ветчиной и кинула его ворону. Ворон подцепил кусок черным клювом и откинул голову назад. Его блестящее черное горло пошло волнами, когда он проглотил белый хлеб.

Затем ворон занялся мясом и помидором. Он затряс головой, когда попала горчица. Когда ворон стал более требовательным, Ханна отложила в сторону блокнот и ручку и принялась скармливать птице хлеб и чипсы. Она сделала маленький пакетик из воощенной бумаги, в которую были завернуты бутерброды, налила туда воды и пристроила недалеко от своих ног. Большая черная птица осторожно припрыгала ближе и быстро напилась, не отводя от Ханны одного круглого глаза. При каждом глотке черный клюв открывался и закрывался.

Когда родственники этой птицы налетели, чтобы разделить с ней добычу, первая птица сердито каркнула и взъерошила черные перья. Ханна назвала ворона Уилсон. Тут птица поднялась и улетела.

Хитрая bestия.

Ханна села на велосипед.

Хотя Ханна все никак не могла заставить себя посетить могилу своего покойного мужа, она по непонятной причине чувствовала себя обязанной увидеть то место, где он умер.

Ханна ехала дальше вверх по покатой Сан-Вэлли-роуд, когда заметила в отдалении следующие за ней еще два велосипеда. Она проехала мимо гостиницы и дальше по узкой, ведущей вверх дорожке, бегущей через заросли к ручью и мемориалу Хемингуэя — простому бронзовому бюсту, установленному на камне в середине ручья.

Ханна, у которой внезапно перехватило дыхание и задрожали руки, увидела следы крови на влажных камнях по обе стороны мемориала. Небольшое дерево упало поперек ручья и предоставляло ненадежный доступ к мемориалу; Ханна решила, что Ричард, скорее всего пьяный, попробовал по нему перебраться и потерял равновесие. Разумеется, никаких следов несчастного случая не осталось — ведь нельзя же очертить мелом дно ручья. И столько времени прошло.

Испуганная Ханна снова выбралась из ручья, вытерла мокрые ладони о джинсы и взобралась на велосипед. Она радовалась, что дорога к гостинице идет под гору, что в лицо дует резкий ветерок, охлаждающий ее разгоряченное лицо и помогая ей вернуться в город.

Она оглянулась через плечо, чтобы посмотреть на садящееся солнце, и увидела мужчину.

За ней на велосипеде ехал человек, который постоянно преследовал Ричарда, — высокий, тощий. Никакой спортивной куртки — ветровка, шорты хаки и теннисные туфли. Его тощие ноги сильно загорели. Равно как и щеки. Та же остроконечная лысина... те же очки, но на этот раз прикрытые солнцезащитными очками. Гарри Джордан — двуличный частный детектив.

Ханна вдруг неожиданно для самой себя нажала на тормоз, скользнув в сторону и едва не слетев с велосипеда.

Джордан едва с ней не столкнулся, вильнул в сторону, наклонился, опустил лицо и поднажал на педали. Ханна снова села на велосипед и пустилась в погоню. Костлявые ноги мужчины быстро мелькали. Ханна видела, как он пригнулся, стараясь уменьшить сопротивление ветра. Она последовала его примеру, пригнулась почти к рулю, и изо всех сил крутила педали, не обращая внимания на боль в мышцах бедер. Они промчались мимо гостиницы и рванули дальше вниз, мимо пасущихся лошадей, в центр города, по перекресткам, где появлялось все больше встречных машин.

И прямо на них несся грузовик.

Частный детектив отчаянно нажал на педали и проскочил на волосок от бампера грузовика, клаксон которого надрывался, а восемнадцать шин визжали.

Ханна вильнула, нажала на тормоз и выскочила на тротуар. Почувствовала, как сдвинулся центр тяжести, потому что задняя часть ее велосипеда поднялась.

На ней не было ни шлема, ни наколенников, ни налокотников.

Ханна бросила тело вправо, стараясь положить велосипед, прежде чем перелетит через руль, и покатила по дороге, велосипед за ней. Кто-то из пешеходов наклонился, чтобы задержать ее, прежде чем она ударится о стену паба.

Шишки. Садины.

Кровь и боль в костях.

Доктор сказал, что локоть у нее не сломан, но все же „вызывает беспокойство“. Ханна пообещала свято следовать его советам.

Мечь с таким же успехом глушит эмоции,
как соленая вода утоляет жажду.

— Уолтер Веклер

48. Ярость

— Я думал, что ты все еще у Мэри. — Его нельзя было сбить с толку. — Позвонила горничная Мэри и сказала, что ты пострадала... — Он посмотрел на ее бинты: — И это все после падения с велосипеда? Не верю. Что, в самом деле, произошло, Ханна?

— Я совсем искалечила велосипед. — Ханна кормила Бриджит. Поворачивая девочку, Ханна поморщилась. Поскольку она кормила, ей нельзя было пить никаких таблеток, чтобы заглушить боль от ушибов и ссадин.

— Расскажи мне все, — потребовал Гектор.

Она послушалась, наблюдая, как закипает в Гекторе ярость, которая пугала ее своей внутренней силой. У Гектора не покраснело лицо, но голубые глаза сузились... голос стал холодным. Ей не доводилось видеть еще такой концентрированной ненависти. Он только сказал:

— Гарри Джордан. Ну, ладно... Ты какое-то время будешь здесь в безопасности. Я же пойду и положу этому *конец*.

Ханна спросила:

— Куда ты собрался?

— Тебе лучше не знать. Пожалуйста, доверься мне.

— Давай позвоним в полицию. Я подам заявление.

— Они ничего не сделают, уж тут ты мне поверь. Поверь мне и в остальном. Отдохни, а потом я приглашу вас, девочек, на ужин.

Он быстро вышел. Она услышала, как он подергал дверь снаружи, чтобы убедиться, что она заперта. Затем услышала голос сквозь дверь:

— Когда в следующий раз встанешь, Ханна, закрой цепочку на двери.

Они сидели на веранде Дозорного дома. Над головами летали грифы. К реке на водопой пришли олени.

Мэри сказала:

— Я не хочу, чтобы ты читал мне лекции, Лассо.

— Это вовсе не лекция, Мэри, — отозвался Гектор. — Это строгое предупреждение, пока я не взялся за прекращение этого безобразия на моих собственных условиях. Поверить не могу, что после нашего последнего разговора ты все еще платишь этому сукину сыну за то, что он таскается за нами по городу. Господи, Мэри, ты ничуть не лучше Эдгара Гувера. Я-то думал, что мы союзники.

— А ты жалок и совсем запутался, Лассо. Только посмотри на себя. В твоём возрасте спишь с молодой девушкой. Ты по возрасту годишься в прадедушки ее дочери. И она тебя отвлекает от нашей кампании против Гувера.

— Ты едва не оставила эту маленькую девочку сиротой, когда твой частный детектив гонялся за ней по дороге на велосипеде.

— Все вышло из-под контроля. Я никогда не хотела как-то навредить Ханне. Я только хотела, чтобы все были... честными. Хотела быть уверенной, что никто не подпалит меня из каких-то скрытых соображений. Такого я больше не допущу. Этот кретин Гарри просто потерял контроль. Зашел слишком далеко.

— Ох, ради бога, — сказал Гектор. — Пожалуйста. Я предупреждаю тебя, Мэри, отсюда я поеду к Гарри Джордану, твоему частному детективу. Так или иначе, но твои деловые отношения с этим сукиным сыном закончились, начиная с данного момента. Если ты

наймешь еще кого-нибудь вместо него, я восприму это очень болезненно и очень лично. Вернусь сюда и потребую удовлетворения.

— Да ты никак, мать твою, угрожаешь мне, Гектор? *Никто* не смеет угрожать мне. С этим покончено.

— Угрозы — дешевка, Мэри. Я не трачу время на угрозы. Я действую.

Мэри поджала губы и выпятила подбородок:

— Ладно, хватит, черт бы все побрал. Проехали. Теперь забудь про этого дерьмового детектива, сделай себе крепкий и вкусный коктейль, пристрой свою задницу на диване и давай займемся моей книгой.

— Не хочу твоей выпивки, и я прежде всего должен выполнить обещание.

— Забудь про Гарри.

— Это не в моем характере.

Гектор прикинул, не позвонила ли Мэри Гарри Джордану и не предупредила ли его.

Гарри не открыл двери, несмотря на то что его зеленая „импала“ была все еще припаркована напротив его номера в мотеле. Гектор снова постучал и крикнул:

— Гарри, открой эту проклятую дверь. Так и для тебя будет проще.

Гектор еще раз постучал и одновременно огляделся. Он увидел два нечетких кровавых следа на дорожке рядом с его ногами.

Гектор осторожно переступил, нахмурился и, приложив ладони к глазам, чтобы лучше видеть, посмотрел в окно.

На полу лежало тело. Лицо превращено в кашу — убийство в ярости. Рядом с телом валялась бейсбольная бита. У мертвого человека была остроконечная лысина... на нем была ветровка из окровавленного нейлона, знакомая Гектору. Это явно было то, что осталось от Джордана.

Гектор внезапно пожалел, что выступал перед Ханной и Мэри с угрозами против этого человека и обещаниями применить насилие.

Сзади раздался знакомый властный голос:

— Медленно повернитесь, мистер Ласситер. Вы арестованы.

— Что, *снова*?

Гектор сделал все, как было приказано: три местных копа целились в него из пистолетов. Гектор спросил:

— В чем дело, ребята?

Ответил знакомый старший коп:

— Вы арестованы по подозрению в убийстве того человека внутри.

Гектор тихо выругался. Чертов Криди: до чего же он однообразен и как писатель, и как заклятый враг. Вслух он сказал:

— Ради бога, только не снова...

Некоторые люди гуляют под дождем, другие просто мокнут.

— Роджер Миллер¹

49. Ваше здоровье

Гектор сидел напротив шефа полиции. Начальник протянул ему его „Пэлл-Мэлл“ и зажигалку „Зиппо“. Полицейский достал свою пачку „Лаки Страйк“, затем протянул Гектору покрытую инеем бутылку кока-колы. Гектор посмотрел на бутылку и спросил:

— А виски?

— Не для этой беседы, — ответил шеф Рэнди Пол.

Криди стоял за односторонним зеркалом, мысленно приказывая Гектору сделать хотя бы глоток из этой бутылки, на которой он настоял вместо кофе или воды.

— Давайте пройдем еще раз, — сказал шеф Пол.

— Я только что туда приехал, — сказал Гектор. — Снимите пальцы с дверных ручек, с обеих... Я к ним даже не прикасался. Черт, я даже думаю, что не касался стекла, когда посмотрел в комнату и увидел тело. Шеф, взгляните на мою одежду. Разве я похож на человека, который забил другого бейсбольной битой? Я бы был весь забрызган кровью. У меня же нет крови даже на каблуках ботинок.

Да, тут Криди вынужден был признать, что Гектор прав. Сам Криди принес с собой сменную одежду и принял душ, прежде чем покинуть место преступления. Он был весь в крови Джордана.

¹ Роджер Дин Миллер (1936–1992) — американский певец, композитор и музыкант.

К аресту Ласситера на месте преступления привела безумная цепь обстоятельств.

Дешевый частный детектив, нанятый Мэри Хемингуэй, следовал за Ричардом Полсоном и своими глазами видел убийство ученого. Не соображая, с какими силами ему пришлось столкнуться, Гарри сделал глупость и начал следить за Донованом Криди, чтобы шантажировать его убийством, свидетелем которого стал.

Криди знал, что у Гектора руки чешутся добраться до Джордана. Поэтому решил разделаться с Джорданом и обставить это как убийство в ярости. И разбросал на месте преступления бережно хранимые окурки „Пэлл-Мэлл“.

Ему ужасно повезло, что Ласситер появился у комнаты Джордана всего несколькими минутами после того, как Криди оттуда смылся и позвонил в полицию... совпадение того свойства, которое сделало бы тебя объектом ядовитых насмешек, вставь ты это в свой триллер.

Уставившись на отравленный напиток, Криди шептал:

— Пей эту гребаную колу, Ласситер...

Если Ласситер это сделает, то признается в убийства ребенка Линдбергов¹, если его об этом спросят. Гектор загасил свою сигарету и принялся вертеть в руках бутылку. Криди наклонился вперед и перекрестил пальцы. Гектор было поднес бутылку ко рту, но потом покачал головой и ответил на какой-то вопрос:

— Это *наглая* ложь. Я никогда не бывал в этой проклятой комнате. Я не мог этого сделать. Опять же, говорю вам, позвоните Мэри Хемингуэй, она вам подтвердит мои слова.

Дверь в кабинет дознания открылась. Какой-то коп наклонился к уху своего начальника. Шеф объявил перерыв на десять минут.

¹ Чарлз Линдберг — знаменитый американский летчик; его младший сын был похищен и убит в 1932 году, за это преступление осужден Бруно Хауптманн.

Гектор попытался поболтать с присутствующим полицейским, объяснить, что он ни в чем не виноват, какому-то коротко стриженному парнишке с бляхой. Криди решил, что Ласситер действительно волнуется, раз уж обращается к молодому идиоту за поддержкой.

Покачав головой, Гектор снова взял бутылку и поднес ко рту. Криди облизал губы.

Гектор заколебался, когда дверь снова открылась.

— Ладно, Ласситер, мы получили новую информацию.

Автор детективов отставил так и не тронутую бутылку колы. Шеф принялся вытряхивать еще одну „Лаки Страйк“ из пачки и случайно толкнул бутылку тыльной стороной ладони, разлив колу по столу. Отодвинув стул, чтобы жидкость не попала на брюки, Гектор спросил:

— Какого черта?

— Какой же я неуклюжий, — сказал коп. — Извините.

— Черт! — выругался Криди.

Шеф сказал:

— Ваши необоснованные аресты входят у нас в привычку, Ласситер. Прощу прощения.

Гектор кивнул:

— До привычки дело не дойдет, братишка. Я намереваюсь смотреть из этого города навсегда, и чем скорее, тем лучше.

Шеф Пол протянул Гектору его бумажник и ключи от машины:

— Мэри Хемингуэй четко сказала, что вы были с ней, когда этого бедолагу избивали, точно как вы предполагали. И получалось, что времени убить и привести себя в порядок не оставалось. Однако есть тут нечто странное. Или забавное? Мэри спросила меня насчет агента ФБР по имени Донован Криди. Хотела знать, присутствовал ли он на месте преступления.

Гектор медленно кивнул. Слава богу, Мэри даже под кайфом не потеряла рассудка.

— А он здесь был? Может быть, с другой стороны этого зеркала?

Коп пожал плечами:

— Миссис Хемингуэй предупредила, что, если этот Криди где-нибудь поблизости, я ни в коем случае не должен разрешать вам что-нибудь пить.

Гектор сухо улыбнулся. Снова Мэри его удивила. Он сказал:

— Ясненько. Теперь за мной выпивка, приятель.

Криди ткнул двумя пальцами в грудь шефа полиции:

— Гребаный идиот! Он же был в твоих руках! Все эти окурки. Ты же видел эти разбросанные по месту преступления окурки. Это одно...

Коп схватил пальцы Криди и согнул их назад, пока Криди не скорчил гримасу и не попросил:

— Прекратите... Пожалуйста.

Старый коп, улыбаясь, заметил:

— Ты слишком часто смотришь телевизор, агент. Примерно треть мужиков в городе курят „Пэлл-Мэл“. Остальные две трети курят „Кэмел“ или мои любимые „Лаки Страйк“. Теперь сваливай отсюда, мерзкий сукин сын, пока я не занялся работой, как следовало бы. Я нутром чувствую, что должен арестовать *тебя* за убийство этого человека, потому что, клянусь богом, ты по всем статьям подходишь. И возможно, еще за убийство той девушки в ванне Ласситера некоторое время назад.

Литература — роскошь, художественная
литература — необходимость.

— Д. К. Честертон

50. Подготовка

Гектор вошел в их комнату. Ханна встала из-за машинки:

— Я беспокоилась.

Он крепко поцеловал ее.

Ханна улыбнулась:

— А это за что?

— Просто радуюсь, что тебя вижу.

— Что случилось? Уже поздно.

Гектор решил соврать:

— Кое-какие дела. Детка спит?

— Наверное, еще час будет спать.

Он улыбнулся, расстегивая верхнюю пуговицу на ее блузке:

— Урвешь несколько минут от своего творчества?

— Ага. — Она посмотрела на свои бинты. Затем улыбнулась: —

Правда, я пока немного ограничена в движениях. Может быть, тебе придется помочь мне раздеться.

— С огромным удовольствием, — сказал он.

Бриджит все еще спала, Ханна нежилась в постели с Гектором. Раздался телефонный звонок. Звонила Мэри, чтобы договориться об интервью на завтра.

— Пора возвращаться к работе, верно, Ханна? Кстати, как ты себя чувствуешь? Травмы после падения заживают?

— Чувствую себя значительно лучше, — сказала Ханна.

Мэри снова сменила тему:

— У меня есть идея насчет суперобложки для нашей книги. Коллаж из моих старых фотографий, но раскрашенных. Только надо будет найти подходящего художника.

Концепция обложки показалась Ханне глупой, но, похоже, Мэри получала истинное удовольствие от придумывания суперобложек.

Следующий звонок раздался через пять минут. Попросили Гектора. Он выскользнул из ее объятий и принялся одеваться.

— Моя посылка наконец пришла, — сказал он. — Пойду и возьму ее.

— Посылка? — удивилась Ханна. — А что в ней?

— Кое-что для твоего завтрашнего интервью, — сказал Гектор. — Старый сувенир от Хема... или, вернее, от Паулины Хемингуэй, его второй жены. То, что я хранил долгое время для специального случая. Может развязать языки. Пойду и заберу. Я быстро. — Это не было дьявольским зельем в стиле Криди, но Гектор надеялся, что эффект будет примерно таким же.

В ту ночь Ханна снова лежала в постели с Гектором (и отчасти на Гекторе) и ждала, когда их сердца утихомирятся.

— Я сегодня читала про тебя в библиотеке, — сказала она. — Статью того журналиста, Бада Фиске.

— Точна наполовину, — сказал Гектор. — Обычное дело. Люди, даже такие верные друзья, как Бад, слишком часто путают меня с моими персонажами. Случается сплошь и рядом. — Он махнул рукой, как бы отмахиваясь от всего.

Ханна медленно кивнула и поцеловала ему грудь:

— Тот роман, который ты пишешь, тут никак не поможет.

— Слишком поздно меня переделывать, Ханна. Поздно во всех отношениях. Ты должен танцевать с музыкой, которая сделала тебя. То есть когда она поставила на тебе свое тавро.

Тут он кое-что вспомнил и поднялся с кровати. Сунул колыт под подушку и снова лег рядом с Ханной.

— Ты это серьезно или нет? — спросила она.

— Я так сплю постоянно. Во всяком случае, до последних нескольких недель. Из уважения к тебе и из доверия к тебе я перестал. Со всеми этими событиями решил возобновить привычку...

Ханна слегка улыбнулась и все еще скептически взглянула на него:

— Ты *в самом деле* всегда спишь с пистолетом под подушкой?

— В самом деле. Всегда.

— Что говорили на этот счет другие женщины?

— Некоторые из моих других женщин и вынудили меня так поступать.

Убийство рождается из любви, и любовь приобретает наибольшую силу в убийстве.

— *Октав Мирбо*¹

51. Смерть поутру

Приехав в Дозорный дом, Ханна обнаружила Мэри со стаканом в руке, от которого несло алкоголем. Было десять часов утра.

— Раненько вы начали, — заметила Ханна.

— Так ведь где-то уже полдень. — Мэри нахмурилась, затем улыбнулась своей привычной улыбкой — с закрытым ртом. — Скажем, в Нью-Йорке. По-моему, моя печень все еще придерживается восточного времени.

— Ну да. — Ханна пожала плечами и осторожно сняла пальто.

Старуха подняла свой стакан, ловя им луч утреннего солнца.

— Моя последняя отрада, — сказала она. — Одна унция можжевелового джина, одна унция бренди, одна четверть лимонного сока и половина яичного белка — подавать в замороженном стакане для коктейлей. Вот попробуй — вкуснотища.

Ханна осторожно приложила к другой стороне стакана, напротив того места, где отпечатались губы Мэри, отпила малюсенький глоток, только чтобы уловить вкус. Ей ужасно не понравилось, она даже поморщилась:

— Тьфу. Как называется?

— “Поцелуй мальчиков на прощание”. Хочешь?

— Простите. Я ведь все еще кормлю.

¹ Октав Мирбо (1848–1917) — французский писатель, драматург, публицист.

Бриджит ворковала у все еще пышной груди Ханны. Вошла горничная и унесла ребенка.

Тут появился Гектор со своим таинственным пакетом. Наклонился и расцеловал Мэри в щеки.

— Спасибо за вчерашний день, — сказал он. — И кончай с коктейлями, Пикл. У меня для тебя большой сюрприз. Кое-что из былых грешных дней.

Мэри хитро улыбнулась. Гектор поднял пакет, затем достал из кармана перочинный нож и разрезал бечевку. Снял обертку из коричневой бумаги, открыл коробку и достал еще упаковочный пеноматериал:

— Моя экономка, Кармелита, перестаралась с упаковкой. — Наконец он достал из коробки бутылку.

— Что это? — нахмурилась Ханна.

— Думаю, я знаю, — улыбаясь сказала Мэри. — Ну ты и хитрец, Лассо.

— Что это? — повторила Ханна.

— Абсент, — ответил Гектор. Он достал пакет поменьше. — Здесь мерные ложки и бокалы, — сказал он. — Полагаю, у тебя найдется кусковой сахар, Мэри?

Еще одна хитрая улыбка.

— Правильно полагаешь, Лассо.

— Я думала, абсент запрещен, — заметила Ханна.

— Очень даже, — подтвердил Гектор. — И очень давно. Еще в тысяча девятьсот тридцать пятом году, на Флорида-Кис, старый художник принес три бутылки абсента на вечеринку к Хему. Эта — последняя из них. После того как мы с Хемом в тридцать седьмом году разошлись, Паулина принесла последнюю бутылку мне. Сказала, чтобы я ее сохранил до того момента, когда она помиритесь с Папой, уведет его от Марты — и мы сможем распить ее втроем. В конечном итоге мы с Хемом помирились, но так, как она планировала, не сложилось.

Ханна сморщила нос:

— Думаешь, его еще можно пить?

Гектор пожал плечами:

— Трудно представить, что он может принести больший вред, чем в свои лучшие годы. — Он подмигнул Мэри: — *In vino veritas*, так? Греет брюхо и развязывает язык? Ты как, Пикл?

Мэри подмигнула в ответ:

— Валяй действуй, Лассо.

Гектор улыбнулся и принялся готовить абсент.

— Я пас, — заявила Ханна.

— Разумеется, — согласился Гектор. — Бриджит пока слишком мала, чтобы делать из нее любительницу абсента.

Ханна слегка сомневалась в необходимости напоить Мэри абсентом: вдовушка уже пребывала в алкогольном тумане. Мэри ей пьяно улыбнулась:

— Так с чего мы начнем, дочка?

— С конца, — улыбаясь, ответила Ханна. — Я же говорила, остальное уже есть у Ричарда.

— Но тебе может прийти в голову спросить о чем-нибудь, о чем он спросить не догадался. — Мэри приняла свой первый стакан абсента. Гектор соорудил себе такой же.

— Я читала черновик ваших мемуаров, — сказала Ханна. Как же *это* было тяжело. — Не представляю, о чем можно еще спросить по поводу шестьдесят первого.

Мэри приложилась к абсенту:

— Валяй спрашивай. — Она сделала еще глоток. — Знаешь, я пью это в первый раз. Вполне могу на него подсесть. Господи, он бодрит.

— Как лягающийся мул, — отозвался Гектор. — Зато нет похмелья.

Ханна спросила:

— Что вы имели в виду, когда говорили, что нельзя лишать человека возможности добраться до своей собственности? В смысле,

когда вы заперли все ружья Папы, а потом оставили ключи к этой кладовке на видном месте. О чем вы тогда думали?

Мэри чмокнула губами и выпила еще глоток запрещенного напитка:

— Знаю я, что ты имеешь в виду. Господи, дочка! Зачем тебе это? *Господи!*

— Что вы имели в виду? Я про ключи.

— Я имела в виду то, что сказала, и я сказала то, что имела в виду.

Ханна покачала головой:

— Я считаю, что это самое важное, что нам осталось обсудить, Мэри. — Она подвинулась поближе, глядя в глаза старухе и печально качая головой. — Вы знаете не хуже меня, что вас поносили за это заявление все, кто любил вашего мужа. Все те, кто считал, что вы каким-то образом подвели Папу...

Теперь на лице вдовы появилась откровенная злоба.

— Эрнест подвел *меня*. И самого себя, этот большой слабый мудака. — Лицо Мэри стало красным.

Но Ханна твердо стояла на своем. Она глубоко вздохнула.

— Мэри, я не говорю вам ничего такого, чего бы вы не слышали или не читали о себе раньше, — сказала она. — Те, кто верит в Папу, не расположены к вам.

Гектор протянул руку и игриво коснулся колена Мэри:

— Изобразить тебя привлекательной фигурой — задача не для слабонервного. Ты должна это признать, Мэри. Это так — по крайней мере, когда дело касается его страстных почитателей и ученых. Тебе, скорее всего, придется пережить самое суровое нападение на себя в будущем году, когда этот профессор из Калифорнии опубликует свою биографию Папы. Я слышал, что тебя он в своей книге не пощадил. Это твой шанс заткнуть рот твоим критикам. Ты сможешь нейтрализовать их красиво, так я думаю. Расскажи им, почему ты заперла ружья и оставила ключ в доступном месте. Будь откровенной и не изворачивайся.

Вдова вроде бы задумалась. Покусала губу. Гектор наблюдал за ней. Он знал все эти фокусы: продумывание ходов, взвешивание слов.

Ханна присела на корточки и сжала руки Мэри:

— Речь ведь идет о вашем наследстве, вашей затяжной игре. Вы должны бороться и победить. Остальное, — добавила Ханна, глядя Мэри по волосам забинтованной рукой, — остальное не имеет никакого значения.

Мэри была в ярости. Ее и без того узкий рот превратился в кроваво-красную рану. Она оттолкнула руку Ханны:

— Сколько еще мне придется выслушивать этот идиотский проклятый вопрос? Ты ничуть не лучше своего бесполезного гребаного пьянчуги мужа, долбишь одно и то же. Как ты смеешь? Не забывай, ты ведь на меня работаешь, мисси. — Мэри подняла пустой стакан. — У меня пусто, Лассо.

Гектор протянул ей свой едва тронутый стакан и принялся за приготовления двух новых.

Ханна старалась говорить ровно:

— Это ведь единственный вопрос, ответ на который имеет значение, Мэри. Он стоит между вами и историческим презрением или уважением. И вы наверняка это понимаете. И на этот самый важный вопрос вы ни разу не дали удовлетворительного ответа. Это вопрос, который будут задавать критики уже после того, как мы все превратимся в прах. Не оставляйте его без ответа, не давайте критикам и ученым возможность строить догадки и играть в игры. Если только вы цените свою репутацию. Если вас хоть сколько-нибудь беспокоит суд истории. Это затяжная игра, и теперь мы с вами должны в ней победить. Сегодня утром руки истории лежат на наших плечах.

Ханна остро чувствовала, что Гектор наблюдает за ней... оценивает ее стратегию и тактику. Она ощущала, что он смотрит на нее другими глазами. Все-таки во многом он человек старого мира.

Мэри разозлилась:

— Я-то думала, что ты на моей стороне, дочка.

Ханна подмигнула:

— Так и есть. Я делаю свою работу, ту, для которой вы меня наняли. Делаю то, что Папа или Марта или, что еще важнее, что вы, как профессиональная журналистка, сделали бы: я пытаюсь узнать, что же случилось *на самом деле*. Весь в конечном итоге только это и важно для таких писателей, как мы, верно? И плевать на последствия и пускание пыли в глаза. Расскажите нам, как все было, как вы пишете в своих мемуарах. Только теперь вы должны пойти дальше, значительно дальше, чем раньше, как делал Папа в его лучшие годы. Но вы должны пойти еще дальше, чем посмел Эрнест. Ваша собственная книга не рассказывает всей истории. Вы еще не были готовы ею поделиться, когда писали первый вариант. Весь проклятый мир не был готов, когда это случилось. Но я думаю, что теперь вы готовы. Вы доказали это тысячу раз, и никто не сможет бросить в вас камень. Вам не за что просить прощения.

Абсент уже достал Мэри — Гектор видел такое же в глазах других людей в разное время. Он подмигнул Ханне — они договорились, что это будет для нее сигналом поднажать.

Ханна подвинулась поближе, положила руки на колени Мэри, заглянула ей в глаза, поощряя заговорить.

— Вы держались Папы, и за это он устраивал ад из вашей жизни. Вы были с ним во время запоев, депрессии, его эгоистичной жестокости и болезней... и оставались с ним во время его упадка и безумия. Вы держались Папы до самого его горького, кровавого конца, а когда его не стало, вы берегли его репутацию, вытащив ее из пропасти самоуничтожения. Вы восстановили его величие своей версией „Праздника, который всегда с тобой“. Разве вы не догадываетесь, Мэри, что уже никто не имеет права бросить в вас камень? Поэтому

не убегайте от ответа, Мэри, скажите мне — почему? Почему вы оставили ключи там, где Папа мог легко их найти? — Ханна выдержала несколько секунд. Сильнее налегла на костлявые колени Мэри. — Почему вы оставили ключи там, где вы точно знали, что Папа их найдет?

Мэри осушила свой стакан и вытерла плотно сжатые губы рукавом. Глаза ее покраснели.

— Его время пришло — давно пришло. Я была у него в долгу.

Ханна тихо спросила:

— Что вы хотите этим сказать, Мэри?

— Я подвела Эрнеста много месяцев назад, в апреле, когда застала его сидящим с ружьем и патронами. Мне не следовало ему мешать. Было бы лучше для него, если бы я позволила ему сделать это тогда. Но я начала его отговаривать. Утешать и убеждать. А он все бормотал: „Сегодня пятница“. Я говорила и говорила, отвлекала его до того момента, пока Джордж — доктор Савьерс — не приехал. Тут мы с ним справились, и я отправила его к психиатрам — к этим гребаным уродам. Я согласилась на все эти идиотские методы лечения и этот ужасный электрошок. Было бы куда милосерднее с моей стороны, если бы я оставила Папу в покое в то страшное апрельское утро. Позволить Папе сделать все самому и относительно безболезненно тогда, когда он еще был способен это сделать сам. — Мэри вздрогнула и подняла глаза, когда Гектор положил свою большую руку ей на плечо и сжал. И протянул ей еще стакан с абсентом.

Ханна почувствовала, как покалывает кожу. *Тогда, когда он еще был способен это сделать сам.* Ханна села прямо:

— Папа бы в самом деле застрелился в то утро, вы так думаете? Еще до лечения в Мэйо и шоковой терапии?

— Да, — ответила Мэри, глаза которой увлажнились. — О да. Он был готов. Это было его время. Я помешала ему и лишила его возможности избавления, обрекла на несколько ужасных месяцев, ко-

торые уничтожили то небольшое, что еще от него осталось. У него были все основания ненавидеть меня перед смертью. А я вела с ним войну в письмах и записках, полных ультиматумов и обвинений, как когда-то поступала его мать. Эти письма не принесли пользы никому из нас.

Мэри внимательно взгляделась в лицо Ханны. Глаза вдовы наполнились слезами, что-то в них изменилось. Она снова приложила в абсенту... взгляд становился все более отстраненным.

И тут Мэри тихо запела:

*Soy como soy,
Y no como Papa quiere
Qui culpa tengo yo
Do ser asi?*¹

Ханна не отступала:

— Что случилось с Папой?

Казалось, что теперь Мэри очутилась где-то далеко, унеслась в какие-то дурные воспоминания.

— Говорю тебе, дочка, Папа был совсем болен к тому апрельскому утру. Болен и очень страдал. Он был таким уже несколько лет. Все эти ужасные травмы при авиакатастрофах накапливались и постепенно разрушали его. Внутренние травмы и ужасные головные боли. Один бог ведает, сколько сотрясений перенесла эта бедная старая голова. После падения второго самолета у него была дыра в черепе прямо до мозгов, и эти глупые шарлатаны лили в дыру джин и давали пить ему, пока с ним возились. У Папы много дней с мочой выходила кровь и ошметки почек... После этого он так и не оправил-

¹ Я такая, как есть,
А не такая, как хочет Папа.
Разве это моя вина,
Что я такая? (*исп.*)

ся, — продолжала Мэри, качая головой. — Ему снились кошмарные сны, он просыпался от собственного крика, и я не могла убедить его, что он со мной и в полной безопасности. Папа говорил, что он уже не может отличить сны от действительности, а я сказала: „Это только сны, дорогой, и не надо обращать на них внимание“. Он усмехнулся и заявил, что я круглая дура. — Теперь Мэри заговорила голосом своего покойного мужа, вспоминая его старую тираду, и пересказывала ее, как какой-то магнитофон. — Сны, когда ты живешь в них, реальны в той же степени, в какой реально все, что с тобой случается, сказал он. От снов тебя бросает в пот, ты задыхаешься, как будто все переживаешь реально. Во сне люди изнуряют себя, получают инфаркт и обычно умирают из-за этого. Ты напрягаешь мускулы во сне и просыпаешься от судороги. Черт, если видишь сон про любовь, ты снова становишься молодым, и даже некоторые старики, которым повезет, иногда кончают... Или это поллюция? Большая часть моих маленьких смертей происходила во сне. Сны, хорошие и плохие, так же реальны, как и самая реальная вещь, случившаяся с тобой, когда ты был жив и двигался. И кстати, я вижу вовсе не сны, а самые настоящие кошмары...

Ханна вспомнила плохое лето своих собственных переживаний, когда она была в таком же ужасном состоянии: ее одолевали сны настолько реальные, подробные и приземленные, сны, которые слишком точно подражали мрачному, приземленному ритму ее каждодневного существования. Ханна потеряла способность отличать часы, когда она бодрствовала, от тех часов, когда спала. Даже теперь в ее жизни случались события, насчет которых она была не уверена, реальность это или игра воображения.

Мэри вздохнула:

— Способность Эрнеста отличать реальное вокруг него становилась все слабее. Дошло до того, что даже такая простая вещь, как телевизор, творила странные шутки с его травмированным рассу-

ком. Как-то я с удовольствием смотрела „Макбета“ и вдруг внезапно заметила, что Папа вовсе не поглощен постановкой, а скорее сильно напуган. Папа был вполне безумен, но не сумасшедший, и это самый худший вариант. — Мэри сжала руку в кулачок. — Я начинаю сама такое же переживать.

Тогда, когда он еще был способен это сделать сам.

Ханна никак не могла выкинуть из головы этих слов последней жены Папы. Рассказ Мэри о более ранней, неудачной попытке самоубийства Папы все звучал в ее голове.

Ханна сказала:

— Второе июля шестьдесят первого года. Когда вы спустились вниз по ступенькам, Папа еще не был мертв, как вы всем много раз говорили, да, Мэри? — Задавая вопрос, Ханна протянула руку и затаила дыхание.

Мэри, дрожа, схватила ее руку и сжала. Гектор курил сигарету и наблюдал за Ханной, сощуривая голубые глаза.

— Нет. — Старая женщина зарыдала. — Нет, да простит меня Господь. Он не был. Он еще не был мертвым.

— Что делал Папа, когда вы нашли его внизу, Мэри?

— Он сидел в холле со своим ружьем — он прижимал к себе незаряженное ружье и раскачивался взад-вперед. Он плакал, его руки тряслись так сильно, что он не мог зарядить ружье. Он уже был не в состоянии зарядить собственное проклятое ружье — так тряслись у него руки. Он все время ронял патроны. Он не мог вставить их в магазин, как ни старался.

Гектор глубоко вздохнул:

— И что сделала ты?

Мэри сильнее сжала руку Ханны:

— Я заговорила с ним как последняя дура. Говорила, говорила, говорила. Говорила *ни о чем*. Болтала о Париже, куда снова можно поехать. И Африке. И Испании. Говорила о новых местах, которые

ни один из нас не видел, но стоит попытаться. Аляску или Австралию, Шотландию или Уэльс.

Ханна поморщилась при упоминании ее родины:

— И что сказал Папа?

— Он печально улыбнулся, вытер глаза распухшими пальцами, затем полез в карман и протянул записку, которую написал мне. Я дважды ее перечитала, все время сжимая его руку. Он все написал, говорить было уже не о чем. Я понимала, насколько он несчастен. Я знала, что для него все кончено, и было бы жестоко заставлять его жить только ради того, чтобы он был жив.

Мэри пригладила волосы Ханны, и Ханна положила голову на колени старухи.

— Мне так вас жаль, — сказала она. — Нести такой груз.

Мэри улыбнулась и погладила Ханну по светлым волосам:

— Господь посылает только такой груз, какой ты сможешь нести. Оно и должно было так произойти, ты ведь понимаешь? Что было жестоко отказывать Папе в том, чего он жаждал? Ты теперь видишь, как все случилось?

Ханна поколебалась, потом сказала:

— Вижу.

— Мы оба знали, что все кончено, — продолжила Мэри. — Но Папа не мог убить себя *сам*. Значит, тут нет моей вины, разве не понятно? Ты же понимаешь, что я не виновата, дочка? Пожалуйста... ты должна понять, что не моя вина, что Папа умер. Он меня попросил. На самом деле он сделал все сам, если взглянуть на это под определенным углом. Ты ведь понимаешь, верно? — Она перевела взгляд с Ханны на Гектора: — Это не была *моя* вина.

Ханна услышала, как сорвался ее голос.

— Значит, вы... помогли Папе? Так?

Мэри уже рыдала, ее худенькие плечи вздымались, дыхание стало прерывистым. Она склонилась вперед, все еще держась за Ханну. Ханна чувствовала, как слезы Мэри каплют ей на шею.

— Вы помогли Папе, Мэри?

— Да, да. Помогла.

— Пожалуйста, расскажите как именно.

— Но ты меня не винишь?

— Клянусь вам, я вас не виню. Вы не виноваты. Никто не виноват, кроме самого Папы. Может быть, даже и он не виноват. Вы правильно сделали, что помогли ему. — Ханна почувствовала, что ее начала бить нервная дрожь. — Только... мне нужно знать, как это произошло, чтобы мы никогда больше об этом не говорили.

Вдова кивнула:

— Он... он стал умолять меня помочь. Я пыталась спорить, а он продолжал молить, не сводя с меня своих печальных, пустых карих глаз. И я вложила патроны в магазин и вернула ему ружье. Он обнял меня, поцеловал и попытался выстрелить в себя, но руки у него так дрожали, что он с трудом удерживал ружье. Казалось, что они так ослабели, что он мог его уронить. Тогда он поставил приклад на пол и прижал свой бедный лоб к дулу. Но он не мог дотянуться до курка своими дрожащими пальцами. Тогда он попробовал нажать на курок ногой. Но с трудом удержал равновесие и едва не упал. Наконец, трясясь и рыдая, он протянул ружье мне и прижался к стене. Хрипло прошептал: „Ты должна помочь мне, котенок. Пожалуйста? Пожалуйста, дорогая? Поможешь?“

Мэри снова зарыдала, и Ханна почувствовала, как впиваются ей в плечо ногти старой вдовы.

— Господи, я не хотела.

— Все нормально. *В самом деле*, Мэри. Вас нельзя винить. Так или иначе, вы бы все равно его потеряли.

Мэри кивнула и пригладила волосы Ханны.

— Что случилось потом, Мэри?

Мэри опустила голову:

— Он отдал мне ружье. Эрнест перекрестился и начал громко молиться: „Пресвятая Богородица, Всемилостивейшая...“, — и я приложила дуло к его лбу. Все еще продолжая молиться, он улыбнулся. Его карие глаза скосились, когда он посмотрел на дуло между его бровей, и он сказал: „Пресвятая Мэри... в час моей смерти я прошу прощения, любовь моя, но теперь, теперь, мой благословенный котенок...“ — Мэри передернуло. Прижавшись к плечу Ханны, старая женщина невнятно договорила: — И я убила его.

Ханна прижала ее к себе. Подняла глаза на Гектора, он отвернулся, не в состоянии смотреть на нее, не желая, чтобы она видела выражение его лица. Повернувшись к ней спиной, Гектор только покачал головой.

Вдова несколько раз всхлипнула.

— Была такая слепящая белая вспышка, которая стала розовой, на дубовой панели красные потеки. Безголовое тело Папы завалилось назад, из жуткого месива, в которое превратилась его голова, фонтаном текла кровь, заливая все вокруг — стены, кафель. Красный халат Папы пропитался его кровью, так же как и мой, и я уронила ружье, закричала и попыталась удержать его тело от падения. Боялась, что ему все еще больно, а кровь так ужасно текла из его шеи и из того, что осталось от его подбородка, а я держала его за халат, не давая упасть. Я кричала, кричала, кричала, кричала, но Папа был мертв, я его убила.

Бессмысленное предложение, которое почему-то нравилось Папе после Второй мировой войны, неожиданно вспомнилось Гектору.

И как вам теперь это нравится, джентльмены?

Мэри улыбнулась и вытерла глаза.

Ханна отодвинулась, тоже вытирая слезы. Она видела это все так ясно — кровь и брызнувший в стороны мозг.

— Что ты собираешься со всем этим делать? — спросила Ханну Мэри.

— Не знаю.

— Я так устала нести все это в одиночку.

— Этому уже пришел конец, Мэри.

— Если... если ты решишь рассказать эту историю, дочка, ты, пожалуйста, подожди, пока... — Старая женщина с надеждой улыбнулась Ханне. — Да?

Ханна кивнула:

— Да.

Мэри подняла глаза на Гектора:

— А ты, Лассо?

Гектор покачал головой. Ханна поискала слово, чтобы описать выражение его лица... писательница в ней остановилась на „невыразимое“.

— Хем был моим *другом*, — сказал Гектор. — Не мне об этом рассказывать. Я вообще сомневаюсь, что когда-нибудь об этом следует рассказать. Один старый друг как-то сказал: „Когда легенда становится фактом, напечатай легенду“. — Он поколебался. — Ты сказала, что Хем написал тебе записку, Мэри... настоящую прощальную записку. Что с ней стало? Что Хем написал?

— Сейчас я уже плохо помню, — сказала Мэри. — После всего, что случилось в то утро... — Она помолчала, затем голос у нее стал странным. — Но было еще одно. Я побежала к телефону, чтобы позвать на помощь, чтобы снять окровавленную одежду. Я оставила письмо на столе. Когда я вернулась, его не было. Я его так и не нашла.

Гектор прищурился:

— Потерялось? Куда, черт побери, оно могло деться?

Голос Мэри стал совсем странным.

— Когда я вернулась, то увидела рядом с телом Папы следы, и входная дверь была открыта.

— Следы? — Гектор внимательно взгляделся в Мэри, чтобы понять, не лжет ли она.

— Да... кровавые следы... от мужского ботинка, так я думаю.

Гектор сказал:

— Ты хочешь нам внушить, что в то утро здесь с тобой был кто-то еще? И возможно, все видел?

— Или только последствия, — сказала Мэри. — Я ничего не собираюсь внушать. Это святая правда. И после этого я постоянно живу в страхе.

Когда они возвращались к машине, Ханна взяла Гектора за руку:

— Тебе наверняка было ужасно тяжело все это слушать.

Гектор глубоко вдохнул и медленно выдохнул, уставившись на черный „бьюик“, стоящий через дорогу. Внутри сидел мужчина и курил сигарету. Профиль теперь изменился, благодаря сломанному носу, но Гектор не сомневался, что в машине сидит Донован Криди.

Гектор, наслаждаясь запахом горного дождя и радуясь, что вырвался из этого безумного бетонного сооружения, сказал:

— Я не уверен, что Мэри сказала правду. Насчет того, что застрелила Хема. Я пишу романы уже очень давно, Ханна. Я узнаю книжную задумку, когда слышу. Думаю, Мэри решила кое-что на нас опробовать. Скрайбнер не пришел в восторг от того, что они уже видели из ее мемуаров. Но если бы она смогла воткнуть туда это безумное повествование — о том, что она „из жалости“ сама застрелила Хема, — и обратилась бы, скажем, в издательство Кнопфа или „Симон & Шустер“?

— Ты считаешь, что это все вранье?

— Или сильное преувеличение. Может быть, все так и случилось, как она рассказала. А может, и нет. Беда в том, что мы никогда не будем знать наверняка.

Он завел мотор и поехал в гостинице.

— Я тебя там высажу. У меня есть еще неоконченные дела. Мне нужно время, чтобы подумать, дорогая. Пора действовать.

Ханна неуверенно улыбнулась, глядя на него:

— Придумать рассказ?

Гектор кивнул:

— Вроде того.

Если бы могли прочесть скрытую историю врагов наших, мы обнаружили бы в жизни каждого человека достаточно печали и страданий, чтобы разоружить любого врага.

— Генри Уодсворт Лонгфелло

52. Последние действия, 1966

Гектор стоял у окна и смотрел на пешеходов, спешащих под дождем по Бродвею. Мэри и ее издатель болтали, пожав друг другу руки в знак заключения контракта.

— Идешь, Лассо? — спросила Мэри вставая.

— Я догоню тебя через несколько минут, — сказал Гектор. — Нам нужно еще кое-что обсудить насчет *моего* нового романа.

Мэри кивнула и улыбнулась своей обычной улыбкой — не раскрывая рта. Немножко окосев от выпитого виски, она взяла сумочку и вышла из двери, за которой собиралась подождать Гектора.

Издатель предложил Гектору виски. Самого лучшего сорта теперь, когда вдова Хемингуэя удалилась.

— Должен еще раз поблагодарить вас, Гектор. Для нас это большая удача. Только представьте себе, что будет, когда книга выйдет. Удивляюсь, как это Скрайбнер упустил такой заказ. Вот только если бы я мог сохранить все в тайне, пока книга не появится на прилавках...

Гектор отпил немного виски и сказал:

— Думается, ваша самая большая проблема — получить окончание, на которое вы рассчитываете, в этих мемуарах Мэри. Мой вам совет: внимательно составляйте контракт. В противном случае окончание может оказаться совсем другим.

— Что вы хотите сказать? С какой стати Мэри пойдет на попятный, Гектор?

— Потому что у нее есть для этого все основания, — сказал Гектор. — Вы же знаете, в случае убийства закон об исковой давности не применяется.

Криди шел по продуваемым ветром улицам Гринвич-Виллидж, опустив голову, чтобы хоть немного защититься от ледяного ветра, от которого слезились глаза и горели уши. Сегодня с утра ему позвонил Маркус Шон, его издатель в „Серебряном медальоне“, который сказал, что после нескольких лет ухаживания за этим человеком ему удалось уговорить легендарную персону в издательском деле, в порядке исключения, отредактировать несколько книг, намечаемых к выпуску осенью. Маркус заметил, что для книг, выходящих в мягком переплете, это огромное достижение.

А самое главное заключалось в том, что этот неназванный знаменитый редактор выбрал последний роман Криди „Девушка из ада“ как наиболее подходящий для этой дебютной серии в сентябре.

Криди был вне себя от радости. После стольких одиноких лет за пишущей машинкой ему наконец подфартило.

Он двигался по Гринвич-Виллидж едва ли не бегом в направлении офисов издательства и размышлял, кем же может оказаться этот легендарный редактор. Может быть, эта следующая книга выдвинет его в разряд писателей, издаваемых в твердой обложке. Может быть, со временем он и его редактор обретут легендарный статус величайшего издательского дуэта. Как, например... да, как, например, Хемингуэй и Максвелл Перкинс.

Когда он добрался до офиса „Медальона“ в здании из бурого песчаника, Маркус энергично потряс руку Криди:

— Я в таком восторге, Донсо. Надеюсь, ты тоже рад?

Криди ухмыльнулся и спросил:

— Еще как! А кто этот редактор?

— У меня для тебя сюрприз. Он сейчас как раз вон за той дверью.

Сердце Криди колотилось. Он осторожно постучал и затем открыл дверь в офис своего редактора. Свет в офисе не горел, единственное освещение — окно, через которое врвался столб зимнего солнечного света. Мужчина стоял у окна спиной к Криди. Криди видел только высокий, стройный силуэт.

Не зная, с чего начать, Криди представился:

— Это я... Донован Криди.

Густой, слегка знакомый баритон ответил:

— В вашем романе есть зерно, Донован. Я вижу в нем некоторые возможности. Но это как вырубить статую из камня. Не стану вас обманывать — работа предстоит тяжелая. Невероятно тяжелая работа для нас обоих. Но, если вы пойдете мне навстречу, я полагаю, что мы сможем сделать из этого настоящий роман.

— Да... конечно, — сказал Криди, стараясь быть вежливым... не возражать против редактирования. — Но не может быть, чтобы было *так* много работы.

Черт, подумал Криди, это же его последний роман, он почти идеальный... сложный... захватывающий.

— Требуется практически переписать все заново, — сказал мужчина, качая головой. — То, что там сейчас есть, нарочито, глупо и банально. От сексуальных сцен тошнит. Но все это можно исправить тяжелыми усилиями и творческим подходом.

Мужчина отошел от окна и, улыбаясь, сел на угол письменного стола.

— Так как, Криди? — спросил Гектор Ласситер. — Ты способен написать настоящую книгу под моим редакторским руководством?

Криди зарычал и выскочил из офиса, хлопнув за собой дверь. Гектор мог слышать через дверь, как он поливал матом Маркуса Шона.

Улыбаясь, Гектор прикурил сигарету от своей старенькой „Зип-по“ и вышел вслед за Криди в приемную. Криди, все еще матерясь, рванул по коридору.

Шон покачал головой и удивленно сказал:

— Черт, что-то пошло наперекосяк. В чем дело, Гектор?

Гектор улыбнулся и пристроил свой зад на угол конторки. Подмигнул грудастой рыжей девице, листающей свою записную книжку.

— О, Дон придет в себя, Маркус, не волнуйся. Он всего лишь изображает из себя художника. Подозреваю, что ему никогда не доводилось встречаться с редактором, которому не наплевать на его книгу. Сам знаешь, для пользы дела иногда надо быть жестким.

Он нашел адрес Криди и снял страничку с хромированных колечек. Снова подмигнул секретарше и сказал:

— Вы очень милы, я *обещаю* вернуть вам это.

Донован Криди заперся в своей квартире в Джорджтауне. Шел дождь, было холодно, и предсказывали ледяной шторм для района Колумбия... и возможные перерывы в энергоснабжении из-за упавших деревьев и порванных линий.

Раздумывая над своими возможностями после вмешательства Ласситера, Криди решил побыстрее закончить давно начатый роман для нового перспективного издателя. Задумывался роман как большое произведение Криди — исторический триллер о событиях в Бухте свиней, причем один Криди мог об этом рассказать. Только теперь он почувствовал, что сможет закончить задуманную книгу. Он разведет большой огонь, усядется в кожаное кресло, в котором всегда сидел, когда писал, с трубкой, хорошим бурбоном и блокнотом, и придумает, как улучшить конец книги. Он поставит Вагнера на стерео и...

Он помедлил, остановившись в гостиной.

Понюхал — странно устроены мозги, он *в самом деле* чувствовал запах дыма.

Криди кинулся в кабинет и зажег свет. В его любимом кресле сидел мужчина, пил виски Донована и трудился. В камине уже потрескивал огонь...

Гектор отбросил в сторону страницы рукописи и схватил с колен пистолет с длинным дулом. И направил кольт в правый глаз Криди.

— Я знал, что у тебя не хватит пороху отдаться настоящему редактору, — сказал Гектор. — Увы! Такними груз с плеч, агент Криди. Я пришел, чтобы потребовать вернуть некую собственность.

Криди испугался... пытался догадаться, каким образом Ласситер проник в квартиру... причем проник в *целости и сохранности*.

— Какую собственность? — пробормотал он.

— Для начала — предсмертную записку Хема. Ты же в те дни не спускал с него глаз. Всегда ошивался рядом. Ты был в то утро в Айдахо, так ведь? Готов поспорить, что ты следовал за ним по пути из Мэйо в Кетчум. Когда Мэри убежала от тела, ты проник в этот сумасшедший дом... украл последнюю записку Хема. Я пришел за ней... И даже не пытайся мне врать. Даже ты не посмел бы уничтожить такой документ.

Тут Криди удивил его:

— Ты прав... *я не смог*. Когда я ее прочитал, случилась странная вещь. В конечном итоге я даже немного полюбил этого сукина сына. — Он криво улыбнулся. — Хем в самом деле был потрясающим мужиком.

— Да, — согласился Гектор. — Лучшим. Письмо — я хочу получить его немедленно. В противном случае я начну с твоих пальцев. — Он поднял пистолет. — Я принес много пуль, а эти старые стены очень толстые.

Криди прошел к своему столу. Теперь он заметил, что в камине не только дрова — многочисленные катушки пленок. Гектор пояснил:

— Твоя коллекция по Дозорному дому... — Гектор тоже подошел к столу. — Если ты вытащишь пистолет, Криди...

Агент швырнул Гектору пожелтевший листок бумаги. Он уже поистерся на сгибах... как будто письмо много раз перечитывали. Гектор развернул его только на мгновение, чтобы убедиться, что текст написан корявым, спускающимся вниз, но легко узнаваемым почерком Хема. Он положил листок в карман своей спортивной куртки:

— За это спасибо, Криди. Теперь еще два вещи. Чемодан Хема. Тащи его сюда, или я прострелю тебе коленные чашечки.

Криди посмотрел на большой кольт и предпочел послушаться. Это всего лишь перестановка в сюжете, ничего больше. Удачный шахматный ход, решил Криди, но не весь матч.

Стоя в дверях с давно потерянным чемоданом Хема в руках, Гектор сказал:

— Теперь последнее: утро второго июля шестьдесят первого года. Что ты видел? Мэри действительно застрелила Хема?

Криди пожал плечами:

— Стекло было мутным, мокрым, солнце поднималось и било прямо в окно. Честно? Я больше видел собственное отражение, чем то, что произошло внутри этого проклятого дома. Я просто не знаю.

Гектор решил, что Криди говорит правду... и действительно ли в душе он, Гектор, хотел знать, что там случилось? Если Хем застрелился сам, это мало отличалось от того, что его застрелила Мэри по его же просьбе. Он сказал:

— Ты можешь сказать мне еще одну вещь. Виктория... она действительно покончила с собой?

Криди встретился со взглядом голубых глаз Гектора. У писателя был решительный вид. Он решил, что если скажет правду, то Гектор его пристрелит.

Он явился к Виктории в такой ярости, что плохо соображал, только хотел отомстить. Они поругались, и он задушил Викторию. Он хотел только припугнуть ее. Но убил, прежде чем сообразил, что делает.

Он сунул ее голову в духовку, открыл газ и понадеялся, что смерть девушки сойдет за самоубийство.

Все еще глядя в глаза Гектора, Криди сказал:

— Думаю, она покончила с собой из-за всего того, что пошло наперекосяк в ее жизни. Думаю, ты в этом виноват.

Гектор подумал... потом подошел и поднес дуло пистолета к виску Криди.

Гектор сидел один в кабинке итальянского ресторана. По окнам бил ледяной дождь, и деревья вдоль улиц Джорджтауна напоминали ледяные скульптуры. Он отпил еще глоток красного вина и вытащил письмо Хема из кармана. Прочитал его в пятый раз.

Бедная милая Пикл!

В этом нет ничего удивительного.

Прости за всю эту грязь.

Тело уже умирало некоторое время (пожалуй, с того момента, как в Бутиабе упал второй самолет), а остальное успешно догоняло эти последние месяцы. Все теперь окончательно распалось на части, и я совершенно разбит и уверен в невозможности выздоровления.

Теперь все кончено, ты же можешь продолжать жить дальше.

Я проводил все утра после последней войны в работе над четырьмя книгами, которые уже не смогу закончить. И эти последние, пустые годы я провел, копаясь в остатках своей памяти в поисках материала, а будил только старые призраки и чувство вины. Горькое сожаление, которое не могут смягчить те бутылки виски, в котором мне теперь отказано, и последние остатки любви ко мне, которые ты в состоянии изобразить.

Писатель, который больше не может писать, не может больше жить.

Те книги, которые я не могу довести до ума, только подчеркивают печальный факт, который нам с тобой давно известен. Я не могу выбраться из этого состояния просто за счет терпения и выносливости, как я столько раз делал это в прошлом. Я уже смирился с тем, что я не из тех, кого ждет belle époque.

Все сейчас так плохо, дорогая, как не было плохо никогда. Я могу подождать и потерять время в надежде на улучшение, но надежда — это такой соблазнительный, проклятый праздник, который всегда с тобой, что я, скорее всего, превращусь в полную развалину и уже не смогу действовать, когда наконец уверю, что никаких перемен не будет.

Я часами лежал в то темное время, в которое, как ты знаешь, мне хуже всего, и думал обо всем, взвешивая проклятые, никуда не годные варианты. Бодрствовал я или спал (а с этими таблетками и разрушенной памятью после шоковой терапии все труднее было различать) — я все равно понимал, что это тот ужасный кошмар, от которого нельзя избавиться, проснувшись. Все ведет к усталости, и человек не может справиться с ней (удовлетворительно), если он лишен своего дела.

Поэтому так: самоприговор и самопрезрение, раскаяние и освобождение, которое принесет нажатый курок.

Пожалуйста, убеди мальчиков, что так оно и должно было быть.

Еще раз, прости меня, дорогая, за всю эту чехарду.

С любовью,

Эрнест.

Р. С. Котенок, уничтожь эту записку, прежде чем позволишь кому-нибудь.

Гектор перечитал письмо еще раз. Он решил выполнить пожелание Хема — последнее, что он мог сделать для своего старого друга.

Он подвинул пепельницу и достал „Зиппо“, зажигалку, которую Хем подарил ему столько десятилетий назад.

Он щелкнул зажигалкой и поднес огонек к углу письма Хема.

Скоро письмо превратилось в кучку пепла. Гектор посмотрел на чемодан... подумал, не прочитать ли что-нибудь из Хема или что-то свое, но ресторан в этот день закрывался рано из-за ледяной бури.

Вздохнув, Гектор надел пальто и шарф, застегнул пуговицы и выскользнул в ледяной шторм. Он прошел примерно ярдов двадцать, когда перед ним возник крутой парень и сунул ему в грудь пистолет.

— Бумажник, — потребовал мальчишка. — И чемодан.

— Ух ты, послушай, сынок, ты ведь...

Сзади появился еще один парень, который ударил его чем-то тяжелым по голове. От удара Гектор растянулся на тротуаре.

Он пришел в себя минут через десять. Приподнявшись, осмотрел ледяную пустынную улицу. Бумажник валялся у ног, только денег там уже не было.

Чемодан Хема исчез. Гектор выругался и встал.

Донован Криди ехал через Силвер Спрингс, стараясь опередить шторм, время от времени поглядывая на драгоценный старый чемодан, стоящий на пассажирском сиденье рядом с ним.

Лекарство от преступления не электрический стул, а стул наверху.

— Дж. Эдгар Гувер

Криди
Лос-Анджелес, 1969

Когда это произошло в первый раз, Криди организовывал наблюдение за штабом писательской мастерской Уоттса. Мастерская представляла собой писательскую группу для молодых черных писателей, которых отыскивал сценарист Бадд Шульберг после катастрофы бунтов Уоттса. Еще один провал: Криди и иже с ним довели расовое напряжение до предела. Они надеялись, что бунты продолжатся... потребуют дополнительного военного и гражданского вмешательства. В случае везения всю компашку можно было бы ликвидировать. Шульберг был первым кандидатом в концентрационный лагерь. Мудак.

Криди наблюдал, как актер Япет Котто покидает мастерскую, и дивился, как это актер может быть одновременно негром и евреем. Криди видел, как некоторые члены мастерской Уоттса шутили по этому поводу.

Бюро глубоко проникло в мастерскую, приписывая группе такие призывы, как „Бей белых!“, что давало повод раздавить ее каблуком КОИНТЕЛПРО.

Чуть позднее Криди расплачивался со своим доносчиком, Дартхардом Перри, который работал в магазине пластинок Уоттса. Криди считал Перри своим лучшим кандидатом на уничтожение ма-

стерской. Криди только успел закончить с Перри, как увидел в окне улыбающегося ему Гектора Ласситера.

Криди нервно повернулся, но на него смотрели только черные лица. В тот раз он отмахнулся, решил, что показалось. Ведь все знали, что Гектор Ласситер уже два года, как мертв: его застрелил пьяный журналист, который явился, чтобы взять интервью у умирающего автора детективов, в его дом в Нью-Мексико.

Но затем Криди показалось, что он видел Ласситера в Джорджтауне... потом снова в Нью-Йорке при подписании в печать последнего триллера Криди.

В тот последний раз, когда он подписывал книги покупателям, Ласситер несколько минут стоял в конце очереди и насмешливо ему улыбался.

После этого эпизода Криди почти начал верить в призраков.

Затем, через месяц, он получил письмо, от которого у него по спине побежали мурашки.

Итак, Криди, ты по рождению русский, и я слышал, что ты поддерживаешь отношения со своей красной родиной через Кубу. И еще не помешает вспомнить романчик твоей матушки с евреем из Одессы, в результате чего родился ты. Говорят, сын становится таким же мужчиной, как и его отец. Только я бы здесь слово „мужчина“ заменил на „чудовище“. Будь уверен, я сообщу всю эту информацию твоему начальству в тот самый момент, когда она сможет причинить тебе самый большой вред. Так что жди, мудила.

На Криди эта записка произвела такое впечатление, что он отправился напрямик к Гуверу... и даже уговорил Директора распорядиться об эксгумации тела Гектора Ласситера, чтобы подтвердить факт его смерти.

Однако то, что осталось от тела — вместе с останками дочери Ласситера, — было поспешно перезахоронено в другую, безымянную, могилу, прежде чем Криди или Гувер смогли вмешаться.

Реакция Гувера на все эти события была предсказуемо эгоистичной.

— Ничего удивительного, что „Скал энд Бонз“ так быстро подсуетились, мистер Криди. Они тесно связаны с ЦРУ, и когда эти мерзавцы услышали, что я заинтересован в эксгумации Ласситера, они просто не могли не сделать что-то в этом духе. Лучше всего забыть об этом, агент Криди.

Но Донован Криди не мог просто забыть. Он продолжал испытывать эти страхи...

Криди видел Ласситера всюду, куда бы он ни посмотрел.

Гувер заметил:

— Возможно, вам стоит взять отпуск, мистер Криди. Вдруг это зелье, которое подлил вам Ласситер много лет назад, оказывает остаточное воздействие.

Эта мысль привела Криди в ужас. Он не мог даже представить, что потеряет собственные способности.

— Я в полном порядке, черт побери, — прорычал он Гуверу.

КНИГА СЕДЬМАЯ

Победитель не получает ничего

Справедливость в правосудии вещь случайная.

— Дж. Эдгар Гувер

53. Финал

Вашингтон, май 2, 1972

Эндрю Лэнгли поднял голову от своего омара и едва не подавился. Он закашлялся, вытер подбородок салфеткой, затем исхитрился выговорить:

— Считается, что вы умерли.

— А я и умер, — не стал спорить мужчина. — Ты продолжай так обо мне думать. Но я тебе кое-что принес. — Он бросил на стол, рядом с тарелкой Лэнгли, папку. — Я с интересом наблюдал за твоей карьерой, Энди. Ты делаешь успехи в мире Гувера. Думаю, содержимое этой папки может вывести тебя на самый верх. У вас есть старый агент в Бюро, зовут его Донован Криди. Я знаю, что ты его знаешь, но ты не знаешь следующего: с двадцатых годов он был у Гувера на длинном поводке — участвовал во всяких безумных делишках, направленных против писателей и художников. Он может стать для Бюро проблемой, если раскроет рот. В папке есть все. Из Криди получится отличный козел отпущения, если общественность когда-нибудь пронюхает про все эти дела. У него есть также весьма неприятные связи с Фиделем... Полагаю, Гувер о них не знает..

Мужчина прикурил сигарету от старой „Зиппо“. Улыбнулся сквозь облако дыма и сказал агенту ФБР:

— Вы в Бюро все еще казните предателей, не так ли, Энди?

Агент ФБР покачал головой:

— Боюсь, что нет. Больше не казним.

Мужчина кивнул и задумался. Затем подмигнул и хитро улыбнулся:

— Знаешь, у меня есть для тебя вариант *получше*.

Эдгар Гувер сидел в кабинке, мял белую льняную салфетку и оглядывал ресторан. Посетители поглядывали на него — все знали его в лицо. И не только в этом городе — *повсюду*.

Руки у него вспотели. Он редко выходил куда-нибудь без охраны, но, прекрасно зная, чего можно добиться с помощью жучков, микрофонов и людей, читающих по губам. Директор вынужден был прийти сюда один, как настаивал человек, который пригласил его на эту встречу.

Директор смотрел на купол Капитолия в отдалении, солнце освещало его поверхность цвета слоновой кости — настолько светлую, что резало глаза.

Он пришел такой длинный путь, начав с нуля.

Теперь этот человек, будь он проклят, угрожает всему, как тот, другой, Хемингуэй, делал до него.

Тут на него упала длинная тень.

В кабинку вошел хорошо одетый, улыбающийся человек.

Гувер посмотрел в голубые глаза и сказал:

— Вы прекрасно выглядите для покойника. Поздравляю вас с удачной хитростью. Вы даже *меня* провели.

— Провести вас и таких, как вы, и было главной целью, — сказал мужчина. — Вы превратили шестьдесят шестой и шестьдесят седьмой годы в настоящий ад для меня, причем преднамеренно. Мне необходимо было отдышаться. Получить время, чтобы насладиться тем, что осталось от жизни. И время *копнуть глубже*. Хем обожал читать свои некрологи, я получил удовольствие, когда писал собственный.

— Как вы собираетесь закончить эту патовую ситуацию? — проворчал Гувер.

— Потребовать вашей отставки, — сказал мужчина. — Все газеты пишут, что Никсон тоже этого требует. Вам давно надо было собрать вещички. Уже сорок восемь лет, как вы руководите Бюро. Слишком долго для того, чтобы один человек, даже хороший, каковым вы точно *не являетесь*, обладал такой большой властью, *hombre*¹. Видит бог, вы страшно ею злоупотребили... — Мужчина бросил на стол пакет. — Получайте, Директор. Все эти документы я разыскал за последние годы. Кое-что осталось от Хема. Все вместе это неопровержимо. Вы, конечно, обратите внимание, что здесь только копии.

— Мы иначе договаривались, — сказал Гувер. Его лицо медленно краснело. — Где оригиналы, мать твою?

— Я читал местные газеты. И оценил работу этих двух молодых предприимчивых репортеров. Я был просто заворожен их успехами с Уотергейтом. Поэтому оригиналы я отдал им. Думаю, вы читаете утренний выпуск „Пост“. Там куча откровений. Особенно впечатляет то, что касается действий Бюро, связанных с ку-клукс-кланом... и писательскими мастерскими Уоттса. — Мужчина встал, одернул рукава.

Директор смотрел на него, на подбородке блестела слюна.

— Что? И никаких денег, чтобы все это прекратить? Зачем тебе это нужно?

Мужчина улыбнулся и пожал плечами:

— Полагаю, я получил удовлетворение. В смысле, видеть вашу рожу в таком виде после стольких лет общения с вашими подручными, Ну, это радует мое сердце. Да, еще я надеюсь получить назад кое-что для старого друга, которого вы и ваши ублюдки спрятали под землю.

Он оставил Директора ФБР сидеть за столиком в одиночестве и брызгать слюной.

¹ Зд.: старина (*исп.*).

* * *

Мужчина сел в древний „шевроле“. Его одноглазый водитель сказал:

— Я опустил верх — похоже, шторм собирается.

— И серьезный, — улыбнулся мужчина. — Похоже, будет по-сильнее остальных.

Когда они ехали мимо памятника Вашингтону, водитель спросил:

— Он купился?

— Еще как.

— Что вы в самом деле собираетесь делать с этими документами?

— Держать их у себя. Буду ждать и наблюдать, как Гуввер будет прыгать. Мне некуда торопиться.

— Наверное, это был безумный ход...

Мужчина отмахнулся и вытряхнул из пачки „Пэлл-Мэлл“ сигарету:

— Время покажет. Давай будем терпеливыми. — Годы наконец немного научили мужчину терпению.

Молодой поэт спросил:

— Куда теперь?

Щелчок зажигалки.

— Не уверен пока, Бад. Давай немного покатаемся.

От Ассошиэйтед Пресс, Май 3, 1972

Д. ЭДГАР ГУВВЕР СКОНЧАЛСЯ

Легендарный начальник Бюро

скончался от обширного инфаркта.

Эндрю Лэнгли наблюдал в маленькое окошечко за Криди, который был заперт в обитой мягким войлоком комнате.

Это было идеальное решение, чтобы заставить других хозяев Криди заволноваться. Мертвый Криди даст возможность успокоиться. С другой стороны, чего можно ждать от Криди, у которого крыша поехала? Донована Криди, превратившегося в слюнявого недоумка, лишённого самоконтроля или силы воли? Это может вогнать его покровителей в ЦРУ и иже с ними в холодный пот.

Они как раз засовывали в рот Криди резину, готовя его к электрошоку.

Молодой доктор не чувствовал себя уверенно. Он оказался в сложном положении: организация, членом которой он был в колледже, была... скорее розовой.

Но этот урод из ФБР сказал ему, что его сомнительные связи в колледже могут изменить цвет на красный... и тогда его попрут из больницы. Отнимут у него медицинскую лицензию.

Он должен попытаться. Он сказал тому человеку, Лэнгли:

— Семь последовательных сеансов электрошоковой терапии на таком уровне? Это полностью нарушит мозговую деятельность мистера Криди.

Лэнгли скорбно улыбнулся и похлопал молодого врача по плечу:

— Но все же стоит рискнуть.

КНИГА ВОСЬМАЯ

В наше время

Я знаю, что эти призраки бродили по земле.
Будь со мной всегда — в любом виде — своди
меня с ума!
Только не оставляй меня с этой пропастью,
В которой я не могу отыскать тебя.

— Эмили Бронте

54. Мир праху твоему

Ханна и Бриджит покинули Кетчум и вернулись вместе с Гектором в его дом в Нью-Мексико. Ханна Макартур-Ласситер ночами, когда не ладилось со своим творчеством, в течение года писала биографию Мэри.

Обычно это случалось, когда не было молока и болела грудь. Волнение из-за отсутствия молока и отсутствия слов еще усложняло ситуацию.

Однако постепенно рукопись принимала форму, а Бриджит отняли от груди.

Ханна закончила свою рукопись и заперла ее в нескольких банковских ячейках.

Годы спустя, когда она снова жила одна, Ханна прочитала произведения Хемингуэя, вышедшие после его смерти. Они все продолжали появляться. Сборник статей Папы торонтовского периода, „Опасное лето“ и отредактированный, изуродованный „Райский сад“ ... Последняя книга, хоть и пострадавшая от посторонних рук, вызвала у Ханны гордость — Папа пытался сделать что-то новое и свежее, уходящее значительно дальше всего, что кто-либо делал или хотя бы пытался. Ханну вдохновлял пример учителя.

В течение многих лет она продолжала переписываться с Мэри... хотя переписка эта постепенно иссякла и ограничивалась теперь

телефонными звонками и поздравлениями с днями рождения и праздниками.

Ханна взвешивала предложение преподавательской работы в Глазго. Все в ней говорило: *Соглашайся.*

В ноябре 1986 года, за шесть недель до отъезда в Шотландию, Ханна сидела в вестибюле Государственного университета Огайо со своим помощником Крисом Лайоном. Он был ее бывший студент, всего на несколько лет старше дочери Ханна. Когда Крис был аспирантом и работал под руководством Ханна, как-то раз после поздней ночи в баре студенческого городка, где они пили и говорили о Хемингуэе и Гекторе Ласситере, Ханна, которая так и не научилась пить, пустила Криса в свою постель, после чего он от случая к случаю был ее любовником. Крис хотел писать детективы, а не романы, на которых настаивала Ханна. Из-за этой его склонности и трепетного отношения к работам Ласситера Ханна привлекла его к работе над сборником неизданных коротких рассказов Гектора.

Ханна и Крис сидели в вестибюле, пили кофе и спорили по поводу последовательности рассказов, когда кто-то сказал, что Мэри Хемингуэй „наконец отдала Богу душу“.

— Вот теперь начнутся игры, — заметил профессор английской литературы с усмешкой.

Ханна только печально покачала головой.

Если ты открываешь свои тайны миру, не надо винить ветер за то, что он поведал их деревьям.

— Халиль Джебран¹

55. Тяжкий груз

Они похоронили старую женщину на участке в нескольких футах от правой руки ее знаменитого мужа, между вечнозеленых деревьев.

Мэри Уэлш, средней руки журналистка из Миннесоты, сама выбрала себе надгробный памятник, который был двойником того, что украшал могилу ее мужа, лауреата Нобелевской премии. Мэри единственная из жен Папы была похоронена рядом с ним и под его фамилией.

У их ног — могила пастуха-баска, вокруг — могилы простых местных жителей, их мертвых приятелей.

Показывая пальцем на большой надгробный камень, Бриджит спросила:

— А где отец? У него такая же могила?

— Нет, не такая. — Ханна взяла дочь за руку.

В углу кладбища в Кетчуме, куда редко заходил кто-нибудь, кроме кладбищенского сторожа, Ханна отыскала маленький заброшенный участок, где земля уже частично осыпалась, а из углубления росло какое-то странное растение. Ханна вырвала его, надеясь, что оно не ядовитое.

¹ Халиль Джебран (1883–1931) — ливанский и американский философ, художник, поэт, писатель.

Из ямки криво торчала маленькая табличка, на которой, помимо прочего, было написано:

*Здесь лежит Ричард Полсон
“В многом знании много печали...”*

Впервые увидев надпись на камне, Ханна пожалела, что заказала такую презрительную эпитафию для покойного профессора. Тут она вспомнила, какую эпитафию предложила сначала, полушутя, — продавец надгробий даже едва не бросил трубку: „Он пил все, что нельзя было съесть, и вот теперь он мертв, как Флеб“¹.

Когда они вернулись в гостиницу, Бриджит уселась на кровать и начала листать рукопись матери, которую Ханна сентиментально взяла с собой в свою последнюю поездку в Кетчум.

Бриджит снова аккуратно сложила страницы в стопку, которая показалась ей такой тяжелой. Закусила губу:

— Здесь все правда, мама?

— Здесь все, как мне было рассказано, до последнего слова.

— Мам, а какого черта ты собираешься со всем этим делать?

Если честно, то Ханна продолжала относиться к этому так, как когда-то сказала Ричарду: если станет известно, что Хема пристрелила жена, пострадает миф. Величие Папы пострадает от воплей таблоидов, которые начнутся после обнародования признания Мэри, что она убила своего всемирно любимого мужа.

Но откровение, сделать которое публичным было во власти Ханны, было чем-то иным.

Как будет мир относиться к Хемингуэю, если узнает, что он явился жертвой убийства из милосердия? Как это Гектор сказал давным-давно? *Напечатай легенду?*

Угрожает ли эвтаназия от рук жены месту Папы в Каноне? Разумеется, она навредит Папе в глазах критиков и ученых, которые

¹ Персонаж поэмы Т. С. Элиота „Бесплодная земля“ (глава „Смерть от воды“).

все еще придерживались стандартной интерпретации работ Хема. Эвтаназия никак не сочеталась с образами сильных, немногословных мужчин, уничтожить которых можно, но победить нельзя. Эти Папины последователи почти наверняка посчитают поведение Папы, умолявшего жену снести ему голову с плеч, трусливым. Может быть, даже более трусливым, чем если бы он вышиб себе мозги самостоятельно.

Когда они остались одни после признания Мэри, она попросила Гектора высказать свое мнение по этому поводу, и он сказал:

— Возможно, пусть лучше люди тешатся мифом, Ханна. Я голосую за это. Сделала это Мэри или нет, но Хем в любом случае рано или поздно покончил бы с собой. Он нашел путь. И имел право умереть.

Иногда Ханна думала, что Мэри надула ее и Гектора. Какую более удачную месть может придумать презируемая вдова, чем взять на себя ответственность за последнее, самое знаменитое деяние своего мужа? Претензии Мэри на убийство Хема, по сути, крали у Папы последнее, что ему действительно принадлежало.

Вообразила ли Мэри или, еще хуже, подстроила убийство Хемингуэя? Было ли безумное признание Мэри результатом переизбытка абсента?

Ханна очень надеялась на это. В любом случае это была чертовски впечатляющая история — сомнительного качества откровение, на основе которого можно сделать неплохую карьеру в таблоидах.

Но что делать потом?

Может быть, намекнуть, что пьяный, безумный Скотт Фицджеральд имитировал собственную смерть и сжег больницу „Хайленд“, загубив при этом девять жизней?

Или поведать завораживающую историю о смерти Вирджинии Вульф, которую утопил ее собственный кузен (он был под подозрением как Джек Потрошитель), Джеймс Кеннет Стефенс?

Или что-нибудь *похуже*. Высказать предположение, что вовсе не Папа погиб июльским утром в холле под спальней Мэри? Что Папа

имитировал свою смерть и сам жив-здоров? Неплохо добавить о случаях, когда его якобы видели.

Черт, Ханна знала другого писателя такого склада, который именно так бы и поступил, будь он проклят.

Это была бы грязная, хотя и *доходная*, карьера.

Через закрытые жалюзи сверкнула молния. Сильный ветер бил по стеклам потоками дождя. Над ней висело вечное сомнение: печатать или уничтожить?

— Я никогда не смогу решить, Бриджит, — сказала Ханна. — Оставляю решение тебе. Ты об этом позаботишься. Храни рукопись. Уничтожь ее... или опубликуй. Тебе решать.

Бриджит кивнула. Потом произнесла:

— Ты закончила роман, который начала вместе с Гектором?

Ханна снова покачала головой, не глядя дочери в глаза.

Мы танцуем вокруг и гадаем,
А тайна сидит посредине и все знает.

— Роберт Фрост

56. Ночной поезд март, 2010

В ту ночь после похорон матери Бриджит Макартур вспоминала Папу.

Носильщик в красной куртке сложил в купе большие чемоданы Бриджит и маленький саквояж с рукописью матери, содержащей рассказ Мэри о том, что на самом деле случилось в то утро второго июля 1961 года.

Купе Бриджит было небольшим, но достаточным, чтобы вытянуть ноги во время длинного путешествия из Парижа в Швейцарию.

Бриджит в последний раз взглянула на маленький саквояж, потом посмотрела на часы. До отправления поезда еще полчаса.

Она вышла погулять под стеклянной крышей Лионского вокзала, сквозь которую можно было видеть быстро бегущие тучи, которые были почти не видны в сгущающихся сумерках. Время от времени она посматривала на мужчин и женщин, которые садились с пустыми руками в экспресс Париж — Лозанна.

Бродя между киосками печати и закусочными тележками, Бриджит купила пару журналов и бутылку „Эвиан“. Потягивая воду, она посмотрела в окно на шикарно одетую публику, обедающую в вагоне-ресторане. Голуби, которые летали под стеклянным сводом, опускались у ее ног в поисках пищи. Она отломил кусок хлеба от бутерброда и крошила его для птиц.

Бриджит рассматривала обедающих в вагоне-ресторане и дивилась, откуда взялись деньги на это у двоих из них.

Услышав последний звонок, она побежала к вагону. Носильщик отошел в сторону, чтобы пропустить ее, когда она вскочила в вагон. Бриджит с трудом пробралась по узкому проходу мимо других пассажиров, продвигаясь к своему купе.

Она закрыла глаза, когда вошла в свое отдельное купе, и подняла голову до уровня, где, по ее представлениям, находилась полка, на которую носильщик поставил саквояж с рукописью.

Бриджит открыла глаза и увидела, что саквояж исчез.

Она удовлетворенно вздохнула...

Села, подобрав под себя ноги и уставившись на пустое место, где оставила саквояж с рукописью.

Бриджит улыбнулась, обхватила себя руками и представила себе, как обрадуется Папа, когда утром встретит ее поезд и узнает, что она сделала.

Ты полагаешь, что можешь попросить мальчиков Эдгара перестать наступать мне на пятки? Они думают, что я враждебно настроенный инопланетянин. Это начинает надоедать.

— Джон Стейнбек, из письма министру юстиции Фрэнсису Биддлу, 1942

Выражение признательности

„Напечатай легенду“ — художественное произведение, но, как и „Главные игры“ и „Горос и Торсос“, оно построено на противоречивых исторических фактах и трезвых рассуждениях, которые практически полностью основаны на официальных документах и архивных данных.

Во время сочинения этого романа автор обращался к десяткам документальных сочинений, но чаще всего к многотомной биографии Хемингуэя Майкла Рейнольдса, включая „Молодой Хемингуэй“, „Хемингуэй: парижские годы“, „Хемингуэй и возвращение домой, в Америку“, „Хемингуэй: 1930-е годы“ и „Хемингуэй, последние годы“.

Хотите действительно узнать Хема? Прочитайте книги Рейнольдса, они исчерпывающие.

Я глубоко обязан своей жене Дебби и моим дочерям Маделин и Итс за их любовь и поддержку и за то, что дали мне достаточно простора для творчества. Без них я бы не справился.

Большая благодарность моему редактору Джону Шонфелдеру за его веру в меня, усердие и вдохновение.

Бесконечная благодарность Светлане Пиронко и Майклу О’Брайну, которые подсказали мне идею.

Спасибо Мадейре Джеймс за ее огромную работу на моем веб-сайте и Тому Стецшулте из „Рекорд Букс“ за „голос“ Гектора Ласситера.

Я также в большом долгу перед всеми независимыми книжными магазинами и продавцами книг, специализирующимися на детективной

литературе, которые приняли близко к сердцу серию о Гекторе Ласситере и советовали романы своим покупателям, а также библиотекарям, которые, в свою очередь, рекомендовали эти романы своим читателям.

Наконец, я очень благодарен Валери Хемингуэй и особенно покойному Джорджу Плимптону за то, что они поделились со мной своими личными воспоминаниями о Хемингуэе.

Когда увидел свет изуродованный правкой роман „Райский сад“, судьба забросила в мой родной город в Огайо нескольких знаменитостей. Большинство репортеров крутились около модельера Олега Кассини и игрока в бильярд Стива Мизерака. Меня же больше всех интересовал Плимптон, в обществе которого я провел много времени, обсуждая „Райский сад“, его связь с коротким рассказом Хемингуэя „После шторма“, искусство брать интервью, а также делясь многочисленными, связанными с Хемингуэем анекдотами.

Только в ретроспективе мы можем увидеть, какие моменты были для нас наиболее важными. Для меня таким моментом было следующее. Я брал интервью у Валери Хемингуэй по поводу выхода в свет ее собственных мемуаров „Бегом от быков. Мои годы с Хемингуэями“ (издательство „Бэллантайн Букс“, 2004), и она поделилась со мной воспоминаниями и своим мнением о Мэри Хемингуэй, за что я ей глубоко благодарен.

Те, кто недоверчиво относится к этому рассказу о преследовании писателей и поэтов в эру Гувера, могут легко найти в „Гугле“ тонны информации об этой безумной и презренной кампании, направленной на удушение американских писателей, поэтов и художников двадцатых годов прошлого века. Более подробную информацию можно также найти в книге Герберта Митганга: „Опасные досье, обличающие тайную войну против величайших американских писателей“ (Дональд Л. Файн, Инк., 1988).

Те, кто окружал Хема в те годы, считали его параноиком или сумасшедшим, когда он настаивал, что находится под постоянным наблюдением ФБР. Теперь мы знаем, что агенты ФБР не только следили за каждым его шагом, но и проникли вслед за ним в клинику Мэйо и беседовали с врачами, лечившими Эрнеста Хемингуэя.

Как заметил один из главных биографов Хемингуэя, „даже параноики имеют реальных врагов“.

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ. Иметь и не иметь (<i>Айдахо, 1965</i>).....	15
КНИГА ВТОРАЯ. Праздник, который всегда с тобой (<i>Утерянная глава</i>).....	89
КНИГА ТРЕТЬЯ. Смерть после полудня	105
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. Война мужчин	151
КНИГА ПЯТАЯ. По ком звонит колокол	315
КНИГА ШЕСТАЯ. Как все было.....	369
КНИГА СЕДЬМАЯ. Победитель не получает ничего	427
КНИГА ВОСЬМАЯ. В наше время.....	435
Выражение признательности	445